

Серия

2013

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Выпуск 1 (13)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Professional Education «Perm State National Research University»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия
(ПИ № ФС77-39902
от 19 мая 2010 г.)

Территория распространения —
Российская Федерация

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология» в Объединенном каталоге «Пресса России» на 2013 год — 41011

© ФГБОУ ВПО «ПГНИУ», 2013

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (профессор, докт. филос. наук)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Николаевич Железняк (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *Владимир Вячеславович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Виктор Дмитриевич Балин (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Асия Гарафоновна Исмаилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *Александр Октябринович Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула)

СОЦИОЛОГИЯ

Анатолий Григорьевич Антипов (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *Евгения Анатольевна Козай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Галина Ивановна Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва)

Международный редакционный совет

Джорджо Де Маркус (профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен МакДауэлл* (профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Рьюз* (профессор философского факультета, Университет штата Флорида, США), *Дьёрдь Сарвару* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия), *Александр Строканов* (профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, Вермонт, США), *Дмитрий Широканов* (профессор, докт. филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия), *Жига Кнап* (профессор, докт. философии, Люблянский университет, Словения), *Исаак Эберштейн* (профессор социологии, заведующий кафедрой социологии, университет штата Флорида, США)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru, fsf-vestnik@yandex.ru.
Web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Социокультурные вызовы на излете эпохи модерна <i>К.И. Кийченко</i>	5	Social and cultural challenges at the turn of the modern era <i>Kirill I. Keychenko</i>
Философские проблемы глобализации в современной науке <i>Н.Н. Мальцева</i>	10	Philosophical problems of globalization in modern science <i>Natalia N. Maltseva</i>
Формирование представлений о глобальных проблемах современности в информационном обществе и источники спекуляций на этой теме <i>Е.В. Чащин</i>	18	The formation of representations about global problems of modernity in the information society and the sources of speculation on this topic <i>Elisey V. Chashchin</i>
О новом варианте онтологии бессознательного <i>И.В. Данилевский</i>	27	About new version of the Unconscious ontology <i>Igor V. Danilevsky</i>
Донаучное и паранаучное знание: философский анализ <i>А.А. Андреев</i>	39	Protoscience and parascience knowledge: the philosophical analysis <i>Artyom A. Andreev</i>
Толерантность: «за» и «против» <i>А.В. Логинов</i>	44	Toleration: pro et contra <i>Alexey V. Loginov</i>
Диалогичность религиозного сознания как путь к толерантности светского общества <i>Т.В. Излученко</i>	50	Dialogism of religious consciousness as a way to tolerance of secular society <i>Tatyana V. Izluchenko</i>
Этические кодексы: проблемы создания и применения <i>К.Б. Сафонов</i>	54	Ethical codes: problems of creation and application <i>Kirill B. Safonov</i>
Демократия и образование: глобальный исследовательский проект <i>О.В. Кожевникова, Д. Зингер</i>	58	Democracy and education: global research project <i>Oksana.V. Kozhevnikova, David Zyngier</i>
Философская картина мира в эпонимических интернационализмах <i>Е.М. Какзанова</i>	62	Philosophical view of the world in eponym internationalizms <i>Evgeniya M. Kakzanova</i>
Метафизика сокровенного в жилом пространстве <i>А.Б. Костерина, Е.Ж. Шуплецова</i>	66	Innermost's metaphysic in living space <i>Alla B. Kosterina, Elena Zh. Shupletsova</i>
Этнокультурная модернизация: проблемы реализации <i>А.Г. Пудов</i>	73	Ethnocultural modernization: problem of realization <i>Alexey G. Pudov</i>

Александрийская и антиохийская школы богословия и древнегреческая философия <i>П.С. Ревко-Линардато</i>	79	Catechetical School of Alexandria and Catechetical School of Antioch and Ancient Greek philosophy <i>Pavel S. Revko-Linardato</i>
--	----	--

ПСИХОЛОГИЯ

Сравнительный анализ интеллектуальной готовности дошкольников к школьному обучению в полных и неполных семьях <i>А.А. Никитин, М.В. Макарова</i>	84	Comparative analysis of intellectual readiness of preschool children to school in complete and incomplete families <i>Alexandr A. Nikitin, Marina V. Makarova</i>
Психолого-педагогический проект медиативного сопровождения педагогического взаимодействия субъектов образовательного процесса: оценка эффективности <i>Е.С. Игнатова</i>	89	Psychology-pedagogical project mediative supports the maintenance of pedagogical interaction between subjects of educational process: efficiency assessment <i>Ekaterina S. Ignatova</i>
Уровни вербализации эмоционального опыта <i>Д.Г. Трунов</i>	102	The levels of verbalization of emotional experience <i>Dmitry G. Trunov</i>
Особенности проявления перфекционизма у лиц с различными соматическими заболеваниями <i>А.Г. Федулеева</i>	108	Features of perfectionism at persons with various somatic diseases <i>Anastasiya G. Feduleeva</i>
Жизненные перспективы личности, оказавшейся в кризисной ситуации безработицы: постановка проблемы <i>А.С. Калугина</i>	117	Person's life prospects in crisis situation of unemployment: statement of a problem <i>Anna S. Kalugina</i>
Связь качества сна человека и мотивации, организующей деятельность <i>А.А. Баталин</i>	124	Interaction between sleep quality and organizing activity motivation <i>Arseny A. Batalin</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Состояние воспитательного потенциала современной российской семьи <i>Л.А. Хачатрян, Н.С. Кабанова</i>	131	Modern russian family: educative potential <i>Ludmila A. Hachatryan, Natalia S. Kabanova</i>
Влияние семьи на формирование девиантности подростка <i>П.В. Пинаев, Д.Ю. Некрасов</i>	142	Family influence on the teenager deviance formation <i>Pavel V. Pinaev, Dmitry Y. Nekrasov</i>
Демографические процессы в контексте виталистской социологии <i>А.В. Яйтакова</i>	150	Demographic processes in the context of vitalist sociology <i>Aruna V. Yaitakova</i>

Современный взгляд на теории модернизации <i>Е.А. Бalezина</i>	156	Modern view at the modernization theories <i>Ekaterina A. Balezina</i>
Социальное качество развития территорий: проблемы измерения <i>В.В. Самсонов</i>	162	Social quality of territories development: measurement problems <i>Vsevolod V. Samsonov</i>
Отношение номинантов конкурса профессионального мастерства среди работников социальных служб Пермского края к процедуре участия в публичном интернет-голосовании <i>С.Е. Гасумова</i>	169	The relation of Perm region competition in professional skill among social service's nominees to the procedure of participation in public Internet vote <i>Svetlana E. Gasumova</i>
Востребованность рабочих профессий на рынке труда Пермского края в условиях современной социальной реальности <i>М.И. Григорьева</i>	180	Demand for working professions in Perm region in the conditions of modern social reality <i>Milana I. Grigoryeva</i>
Проблемы и перспективы институционализации музея в российском обществе на современном этапе <i>А.А. Чернега</i>	190	Problems and perspectives of a museum institutionalization in modern Russian society <i>Artem A. Chernega</i>
Информация для авторов		Instructions for English speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 304.2

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ НА ИЗЛЕТЕ ЭПОХИ МОДЕРНА***К.И. Кийченко***

Осмысляются важнейшие социокультурные трансформации современного западного общества, связанные с иссяканием творческих импульсов эпохи модерна. Рассматривается проблема неэквивалентности информационного обмена между различными социальными группами в условиях глобализации.

Ключевые слова: эпоха модерна; информационный обмен; межкультурная коммуникация; мультикультурализм; социокультурные аспекты глобализации.

Характеризуя специфику исторической ситуации рубежа XX–XXI вв., выдающийся философ и политолог А.С. Панарин писал: «На повестку дня поставлена грандиозная программа внутреннего преобразования всей технической цивилизации, управления технической средой с точки зрения новых экологических, духовных, культурных приоритетов» [5, с. 90]. С точки зрения Панарина, человек выступает в роли субъекта, формирующего текст культуры, он «со-участник» и «со-творец» Истории. Но История не раскрывает будущего, не дает относительно него никаких гарантий: современный человек оказывается, по выражению мыслителя, в ситуации «стратегической нестабильности», предопределенной ходом предшествующей истории и совершившимися в прошлом «роковыми событиями».

Прошлое со всеми достижениями людей в области науки, техники, искусств, философии предстает перед современным человеком как «классика». По Панарину, «методологическое кредо классики состояло в том, чтобы последовательно вскрывать за субъективным объективное, за капризом различных волей — непреложные законы и тенденции» [4, с. 11], т.е. человек не интерпретировался как тотально свободный субъект исторического действия. Вступив в постклассическую эпоху, мы распрощались с этим кредо.

Кредо новой эпохи еще предстоит выработать, но общее осмысление современной куль-

турной ситуации состоит в том, что конец XX и начало XXI в. ознаменованы небывалым реваншем «низкого», реваншем самых примитивных человеческих инстинктов и потребностей. Этот реванш предопределен в свою очередь небывалой свободой современного человека и его беспрецедентной технологической оснащенностью. Вся предыдущая история культуры, пожалуй, не знала подобной драмы. Трудно допустить, что современная массовая культура является такой же существенной духовной альтернативной культуре XIX — первой половины XX в., какой, например, средневековая теология явилась по отношению к упадку позднего эллинизма. Очевидно, мы имеем дело с ситуаций духовного регресса, предопределенно иссяканием творческих импульсов модерна.

Мы сталкиваемся с очевидным парадоксом: небывалый научно-технический взлет в эпоху модерна, предопределивший коренные изменения в повседневной жизни человека, не только не привел современность к морально-нравственному прогрессу, но, вопреки чаяниям многих сциентистов, предопределил духовной регресс современной эпохи. Аналогично, можно утверждать, что рост комфортности жизненных условий большинства людей не привел их к более комфортным душевным состояниям. Проблематизация будущего, обеспокоенность судьбами личного и общественного капитала, новейшими «глобальными» проблемами обнаруживают под собой извечную мятущуюся че-

ловеческую природу. Быть может, «дух, плененный материей» еще более уязвим перед тяготами и испытаниями, чем аскетически лишенный дух предшествующей эпохи. Как заметил Альберт Швейцер: «Мы сошли со столбовой дороги развития культуры, так как нам не свойственно задумываться над судьбами того, что принято называть культурой» [8, с. 33].

Каковы судьбы культуры? Гипотеза заключается в том, что «низкое» в современной культуре доминирует по причине более легкой его переводимости на язык любой этнической или социальной группы, что облегчает трансляцию и усвоение инокультурного («чужого») опыта. Усвоение же образцов, моделей и ценностей «высокой» культуры требует слишком широких оснований, обширного бэкграунда, которого чаще всего нет и не может быть у человека иного культурного ареала. Поэтому в современную эпоху глобальных культурных связей мы особо остро почувствовали контраст между легкостью и скоростью распространения разнообразных повседневных и бытовых практик, произведений массового искусства и замкнутостью, локальностью, непрозрачностью «высокой» культуры.

С чем это связано? Морис Мерло-Понти указывает: «Объективное и научное сознание прошлого и других цивилизаций было бы невозможно, если бы я через посредничество моего социума, моего культурного мира и их горизонтов не сообщался с ними хотя бы теоретически» [2, с. 461–462]. Культурные горизонты, механизмы приятия и отвержения инокультурного опыта, наши познавательные возможности задаются и опосредуются языком, на котором мы говорим. Более того, очевидно, что любое общение, взаимопроникновение культур совершается на уровне межъязыкового взаимодействия. Следовательно, ответ на поставленный вопрос надо искать в соотношении языка и культуры.

Придерживаясь методологии, подсказанной трудами Эдварда Сепира, Бенджамена Ли Уорфа, Михаила Гаспарова, мы должны признать изоморфизм языка и культуры. Следовательно, процессы межкультурных взаимодействий во многом протекают по тем же законам, что и процессы межъязыковые. Логика построения речи по принципу сшивания коммуникативных фрагментов подсказывает нам то, каким обра-

зом фрагменты культурного опыта и знаний различных социальных и этноконфессиональных групп могут объединяться в целостную картину мира.

В соответствии с положениями лингвистики языкового существования, выдвинутыми М. Гаспаровым, языковой шов через внедренное понятие-связку (ценность-связку) позволяет сшивать даже противоположные по смыслу, взаимоисключающие коммуникативные фрагменты в одно высказывание. По аналогии, в соответствии с постулатом об изоморфизме языка и культуры, мы можем утверждать, что «сшивание» фрагментов различных культур происходит либо на основе общих для них ценностей, скрыто присутствующих в сознании носителей культуры и восходящих то ли к мифологической эпохе, то ли к «человеческой природе», либо на основе искусственно внедренных путем индоктринации понятий. В любом случае, речь идет об обращении к фрагментам культурной памяти, когда новообразованные смыслы воспринимаются как анемнезис — припоминание. На самом деле мы, скорее всего, имеем дело с «припоминанием» того, чего никогда не было ни в нашем опыте, ни в нашей культурно-исторической памяти. Таким образом язык реализуется в своей главнейшей — смыслопорождающей — функции.

Кстати говоря, именно здесь, возможно, кроется источник для разного рода политических манипуляций массовым сознанием. Благодаря открытию возможности сращивания в нашем сознании фрагментов различных культур стали столь популярны разнообразные теории и версии мультикультурализма и плюрализма ценностей. В эпоху глобализации вавилонское смешение языков на деле грозит обернуться кризисом идентификации и самоидентификации, разрушением устойчивых понятий и смыслов, укорененных в национальном самосознании, т.е. всем тем, что принято называть «кризисом смысла».

С процессом глобализации связан еще один культурный парадокс, на который указал Зигмунд Бауман в своей работе «Глобализация. Последствия для человека и общества». Он пишет: «...аннулирование пространственно-временных расстояний под влиянием техники не способствует единообразию условий жизни человека, а, напротив, ведет к их резкой поля-

ризации. Оно освобождает некоторых людей от территориальных ограничений и придает экстерриториальный характер некоторым формирующим общество идеям — одновременно лишая территорию, к которой по-прежнему привязаны другие люди, ее значения и способности наделять их особой идентичностью» [1, с. 31].

Указанное Бауманом положение вещей приводит к феномену информационного неравенства в современном мире и неэквивалентности информационного обмена. Можно условно выделить два канала неэквивалентного информационного обмена. Первый — между культурами-донорами и культурами-реципиентами, второй — между референтными и фактически социальными группами. Неэквивалентность информационного обмена в современном глобализирующемся обществе непосредственно связана с проблемой экспроприации символической власти носителями власти экономической и политической. Об этом свидетельствует А.С. Панарин: «Трагедии и срывы — скорее результат авантюры тех, кто пресыщен и избалован, кого одолевает гордыня и связанные с нею нетерпение и нетерпимость... наиболее азартно играют, как правило, те, кто уже сорвал куш и, вопреки благоразумию, тут же пытается судьбу, претендуя на еще большее» [5, с. 7].

Если обратиться к специфике обмена между западной культурой-гегемоном и не-Западными культурами, то становится очевидно: неэквивалентность обмена выражается в том, что в настоящее время западная культура формирует и навязывает свои ценности остальному миру. В этой ситуации «культура-реципиент, лишившаяся способности ставить общие цели, не может привлечь, интегрировать социальные группы, обладающие наибольшим творческим потенциалом» [6, с. 326]. Таким образом, группы, имеющие достаточный культурный престиж и необходимый «мандат на формулировку долгосрочных целей» [6, с. 326], не располагают реальными средствами и ресурсами для их реализации, и наоборот, те, кто имеют достаточное количество средств для реализации символической власти, не имеют достаточного культурного престижа, чтобы самостоятельно формировать цели. Однако в последнее время все усилия западной политической и культурной элиты направлены именно на приобретение такого рода значимости для

обывателя. За этими усилиями цель просматривается вполне определенная — концентрация в руках одной могущественной группы триединой власти: экономической, политической и символической.

Смысл метаморфозы новой глобализированной элиты заключен в том, что она превратилась в референтную группу для рядовых граждан, т.е. группу желаемой, но вряд ли достижимой принадлежности. Здесь можно говорить об огромном числе факторов: от влияния протестантской этики (М. Вебер) до решающей роли современных коммуникационных технологий и средств массовой информации (П. Бурдьё, З. Бауман, Ж. Лакан). Итог состоит в том, что к восьмидесятым годам двадцатого века на Западе была прочно привита идея о «немодности» и «непристижности» бедности. Фактически западная элита стала «фабрикой грез» для обывателя не только Западного, но и не-Западного мира, экспортируя во многом идеализированные сказочные образы своего «богемного» существования, играя на вполне понятном и характерном для большинства людей стремлении к комфорту и благополучию.

Сопутствующим явлением стало стремление современного человека к увеличению своего личного досуга, а это возможно лишь в том случае, если он отдает целый ряд гражданских функций на откуп «добродетельному и заботливому государственному мужу». Кроме того, трансформировался и сам досуг: с развитием индустрии развлечений и масс-медиа человек все больше и больше становится потребителем поставляемых ему «мифов», сам же все более устраняется от активного участия в культурной жизни, что значительно облегчает «глобальной» элите поставленную задачу узурпации символической власти.

Очевидно, что речь идет об искусственном редуцировании духовной сущности человека, не отвечающей реальным потребностям индивида, зато полностью согласующейся со стремлением носителей символической власти к тоталитаризму. «Стремление властвовать над умами себе подобных — одна из самых сильных страстей человеческих» [3, с. 96]. Именно эта страсть и есть мощнейший движитель происходящих в современном культурном обмене процессов.

На глобальном уровне эти тенденции нашли свое выражение в пропагандируемой Западом концепции «открытого общества». Ее суть в призыве всесторонне открыться идеологическому, культурному, политическому и экономическому влиянию Запада. Обосновывается эта химера ссылками на историческую неизбежность и необходимость интеграционных процессов в мире, пропагандируемыми преимуществами глобализма над «устаревшей архаикой» вроде национального суверенитета, самобытной культуры, национальных интересов и т.п. Очевидно, что в ходе реализации такого рода установок глобальный мир обретает свое бытие, становится реальностью, но вовсе не такой, какая пропагандируется концепцией «открытого общества». Это мир без альтернатив, мир доминирования лишь одной культуры и ее специфического набора ценностей.

А.С. Панарин свидетельствует: «Западническая концепция глобализма в целом строится на принципе неэквивалентного обмена. Вместо взаимного культурного обмена здесь предполагается одностороннее культуртрегерство Запада, просвещающего других, но отказывающегося в свою очередь просвещаться с их помощью. Парадоксальным следствием такого гегемонизма является провинциализация Запада. Запад, выступающий в самодостаточной роли, готовый лишь влиять, но не поддаваться другим культурным влияниям, теряет способность к самообучению через мимезис (подражание). Он все хуже знает других, подменяя трудный опыт культурного диалога априорными догматическими схемами. Он все реже задается вопросом о том, как думают и ведут себя другие, подменяя его менторским — как они (другие) должны думать и вести себя в соответствии с его, Запада, представлениями» [7, с. 86].

В настоящее время не-Запад во многом культурно богаче и сложнее Запада. Попытка Запада установить свою гегемонию приняла «характер вызова, требующего неизбежного ответа» [7, с. 87]. Представляется, что даже если Западу удастся установить на время культурную гегемонию и удерживать ее некоторое время с помощью развитых манипулятивных технологий, нам все равно не избежать фазы ответа. Очевидно, что в настоящее время Запад ослабляет себя своей же близорукостью по отношению к другим культурам, преждевременно

списывая их со счетов. Очевидной кажется и невозможность какого бы то ни было «конца истории». Установление гегемонии западной культуры будет иметь тяжелые последствия и для развития мировых культур, ибо резко упадет онтологический статус иного в мире, которое должно выступать источником альтернативного знания, открывая новые горизонты развития.

Возможно, одна из действительных причин указанного положения кроется в «технологической эпопее» XX в. и связанной с ней навязываемой всему миру модернизацией. Тем самым создается однопорядковый, унылый и унифицированный мир: «...от Запада сегодня нельзя ожидать столь насущных реформационных инициатив, направленных на обуздание демона техники. Произошло фактическое самоотождествление Запада с техническим миром: Запад идентифицирует себя как техническая цивилизация и в своем противостоянии не-Западу уповаает только на техническое могущество <...> Однако технологическая альтернатива по большому счету не состоялась: оказалось, что техническая эпопея похитила у нас космическую гармонию, не дав взамен чего-то сопоставимого. И тогда, чтобы избавиться от критики, техническая цивилизация вознамерилась лишить нас самой способности критического суждения, основанного на культурной памяти и тоске по идеалу. Эта отшибленная культурная память и забвение высших духовных ориентиров и измерений являются типичными результатами модернизации» [7, с. 90–91].

Тенденции неэквивалентного информационного обмена в современном мире достигли своего апогея, приобрели характер социокультурного вызова. Долгосрочные последствия вызванных ими глобальных трансформаций еще предстоит осмысливать культурологам, политологам, философам.

Список литературы

1. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Логос, 2004.
2. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Наука, 1999.
3. *Наполеон Бонапарт.* Максимумы и мысли узника Святой Елены. СПб.: Азбука, 2000.
4. *Панарин А.С.* Искушение Глобализмом. М.: РНФ, 2000.

5. <i>Панарин А.С.</i> Стратегическая нестабильность в XXI в. М.: Алгоритм, 2003.	7. <i>Философия истории</i> / под ред. проф. А.С. Панарина. М.: Гардарики, 1999.
6. <i>Панарин А.С.</i> Философия политики. М.: Новая школа, 1996.	8. <i>Швейцер А.</i> Культура и этика. М.: Прогресс, 1973.
-

SOCIAL AND CULTURAL CHALLENGES AT THE TURN OF THE MODERN ERA

Kirill I. Keychenko

Lomonosov Moscow State University; 27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia

This article conceptualizes important sociocultural transformation of Western society because of the depletion of creative impulses of modernity. It focuses on the problem of non-equivalence of information exchange between the different social groups in the context of globalization.

Key words: the era of modernity; information exchange; intercultural communication; multiculturalism; social and cultural aspects of globalization.

УДК 168.52

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Н.Н. Мальцева

Рассматриваются вопросы, связанные с влиянием глобализации на развитие науки. Показано, что данные тенденции направлены на то, чтобы выработать единый методологический базис и для естественных, и для гуманитарных наук. Вместе с тем описание всех явлений природы на основе единых законов часто приводит либо к редукционизму, либо к потере строгой научности.

Ключевые слова: естественные науки; гуманитарные науки; редукционизм; глобализация.

В конце XX в. в современную культуру все в большей и большей степени проникают процессы глобализации, под которой понимается тенденция к универсализации культурного развития и к росту многообразия его видов, а также процесс универсализации жизни людей, отдельных государств и народов и всего человечества, что в конечном итоге приведет к повышению степеней человеческой свободы и увеличению многообразия человеческого бытия. Как отмечает в диссертационном исследовании С.С. Чистякова, «глобализация культуры в современном мире бросает вызов центральному положению национальных культур, национальных идентичностей и их институтов. Этот вызов в основном исходит от массовой культуры и культуры консьюмеризма и материализма. Но пока рано говорить о том, что процесс глобализации постепенно стирает национально-государственные и культурно-антропологические идентичности. При таком подходе *глобализация как универсализация* отвергает всяческую унификацию, господство целого над частью или части над целым и предполагает единство в многообразии и гармонию части и целого» [20, с. 10]. Автор рассматривает вопросы влияния глобализирующих процессов на развитие цивилизации в целом в социокультурном контексте.

Поскольку наука является одним из главных компонентов духовной культуры, этот процесс не мог обойти и ее. Если проследить историю становления естествознания, такие пе-

риоды происходили неоднократно. В античности научные знания были органически вплетены в философию, и не выделялись как самостоятельный компонент духовной культуры. Мир описывался как целостная система, функционирующая по единым закономерностям. Человек был органически вплетен в мироздание — «микрокосм равен макрокосму». Это в полной мере коррелирует с выводами С.С. Чистяковой: «Глобализация не является абсолютно новым явлением, свойственным именно современной эпохе, так как ни один исторический этап развития человечества не может не нести на себе реликтовые следы родственных признаков предшествующего историко-культурного опыта» [20, с. 10].

С развитием механической картины мира возникла попытка описывать все явления природы с точки зрения законов механики. Особенно ярко эта тенденция проявилась в концепции социального физикализма. Суть указанной концепции заключается в том, что на основе строгого механистического (или лапласовского) детерминизма ученые пытались рассматривать сложные формы движения, начиная от простейших живых организмов и заканчивая социальными процессами.

В настоящее время наука в очередной раз переживает эпоху глобализации. Ученые пытаются построить единую теорию всего. На этой почве появляется много исследований, которые претендуют на статус «объять необъятное». К сожалению, такие попытки достаточно

часто оказываются некорректными, а порой и просто ошибочными. Приведем несколько подобных примеров.

В работе С.П. Ситько живая материя рассматривается как «четвертый (после ядерного, атомного и молекулярного) уровень квантовой организации природы, когда самосогласованный потенциал, обеспечивающий существование эффективных дальнедействующих сил, функционирует по типу лазерного потенциала в миллиметровом диапазоне электромагнитных волн» [23, с. 12]. Другими словами, биологическую форму движения материи описывают на основе законов квантовой физики. Тот же самый физикализм.

Конечно, в живой материи законы физики выполняются, но в ней есть особенности, которые выводят ее за пределы физических законов.

И.С. Добронравова в своих исследованиях приводит доводы за единство современной науки, основанной на понятии времени: «Время, — пишет она, — становится исходной точкой новой парадигмы». [9, с. 344]. Однако современная наука до сих пор не может дать обоснование физической природы времени, его рассматривают как некую философскую категорию, описываемую определенными свойствами, а постичь его природу по сей день не удается. Как же можно строить картину мира, положив в основу такое понятие?

Существует довольно много исследований, которые абсолютизируют эволюционные представления и на их основе пытаются описать практически все явления в мире с единых методологических позиций.

Так, Э. Ласло строит единую трансдисциплинарную теорию, краеугольным камнем которой является идея эволюции. В основе его рассуждений лежит следующее утверждение: «Наиболее плодотворный подход к трансдисциплинарной унификации наук может заключаться в принятии эволюции в качестве основного понятия» [13, с. 326]. Однако он не дает обоснования причины эволюции, этот факт принимается априори. Возникает вопрос: как можно строить единую теорию, основываясь на процессе, который не находит строгого теоретического объяснения?

Еще одно высказывание Э. Ласло: «Если общие понятия и теории применимы к определенному кругу дисциплин, то специализиро-

ванное исследование эволюции различных явлений отнюдь не обязательно должно быть препятствием на пути к созданию трансдисциплинарной единой теории». И далее: «Совершенно необязательно и даже неразумно, чтобы процессы физической, биологической и даже социальной эволюции подчинялись принципиально различным законам» [13, с. 330]. Однако каких-то общих законов эволюции автор не приводит.

Достаточно часто наблюдается следующий методологический прием. Если открывается какой-то новый подход к описанию конкретного явления, его тут же переносят на все мироздание в целом, и строят теории, пытающиеся «объять необъятное». Как правило, подобные «глобальные» теории возникают на основе экстраполяции основных идей новой модели или нового математического аппарата на более широкий круг явлений без должного теоретического анализа и экспериментальной проверки.

К таким подходам можно отнести фрактальную и голографическую модели Вселенной. Остановимся на этом более подробно.

Фрактал, в определении Б. Мандельброта, это структура, состоящая из частей, которые, в каком-то смысле, подобны целому [22]. Разрабатывая геометрию фракталов, автор даже не подозревал о том, какие фантастические выводы можно сделать из его теории. Во фрактальной модели Вселенной ни много ни мало делается попытка на основе изучения структуры протона постичь всю Вселенную. Так, А.А. Корнеев, ссылаясь на работы Я.Б. Зельдовича, В.С. Барашенкова, А.М. Мостепаненко и В.М. Мостепаненко, утверждает следующее:

1. При исследовании структуры протона найдена новая фрактальная структура, которая отражает внутреннее строение и динамику структурогенеза этой частицы.

2. Поскольку протон является основой всех вещественных образований, то закономерности формирования его внутренней структуры должны иметь свое продолжение и в более сложных природных конструкциях.

3. Получены свидетельства того, что протон может претендовать на роль носителя генетического кода строения материи.

4. По этой же причине фрактал протона должен проявлять себя на макроуровне и, оче-

видно, может выступать базовой конструкцией для построения различных структур во Вселенной.

5. Если это так, то в протоне могут быть скрыты все основные секреты устройства нашего мира [12].

Если первое утверждение в принципе поддается экспериментальной проверке, то последующие четыре являются нефальсифицируемыми, что выводит их за пределы науки.

Голографическая модель Вселенной основана на представлении о том, что все мироздание представляет собой единую информационную голограмму. Однако в качестве «доказательства» приводятся следующие доводы: «К тому же голографическая модель получила в некоторых ее аспектах весьма впечатляющую экспериментальную поддержку. В области нейробиологии проведены многочисленные исследования, подтверждающие догадки... о голографической природе памяти и восприятия. В 1982 году исследовательским коллективом под руководством физика Алена Аспекта из Института теоретической и прикладной оптики (Париж) был проведен решающий эксперимент, продемонстрировавший очевидные “голографические” свойства паутины элементарных частиц, из которой состоит наша вселенная — то есть сама ткань реальности» [17, с. 7].

Опять же наблюдается необоснованная экстраполяция, проводимая априори, что делает высказанную модель по строгим канонам ненаучной. Можно привести еще не один десяток примеров подобного рода. В эпоху глобализации общества это приняло особо сильный размах. Подобная тенденция может оказаться опасной и настолько «оторвать» науку от реальности, что она вообще не сможет описывать окружающую действительность.

Таким образом, тенденция к глобализации в естествознании привела к появлению множества различных гипотез, претендующих на описание «всего», при этом, как правило, авторы ограничиваются общими фразами и не заботятся о научности и строгости изложения.

В гуманитарных науках процесс глобализации также оказал свое существенное влияние. Как утверждает А.Г. Бермус, современная эпоха «представляет собой новые вызовы для гуманитарного знания и познания, в числе которых — возможная утрата человеком своей ин-

дивидуальности в условиях глобальной информационной цивилизации, означающей качественную реконструкцию гуманитарных реалий предыдущего периода» [6, с. 10–11]. И далее: «В онтологическом плане этот переход означает переход от идеологического единства (монизма) к плюрализму, понимаемому как бесконечное и все возрастающее многообразие представлений, идей, концепций во всех сферах» [6, с. 17–18].

По мнению С. Гринблата, в настоящее время процесс возникновения, развития и разрушения научных парадигм представляет драму, в которой индивидуальные человеческие потребности, замыслы, интересы сложным образом взаимодействуют с общественной и научной практикой, общественными и политическими тенденциями, традициями и опытом научной деятельности [8].

По А.Г. Бермусу, сегодня можно выделить семь общих черт современного гуманитарного знания [6]:

1. Ценностно-смысловая основа. Если в естественных науках мы не можем говорить о ценности того или иного закона, то в человеческом бытии любая гипотеза или теория всегда носит ценностно-смысловую окраску. Особо хочется подчеркнуть неповторимость гуманитарных ситуаций, их уникальность и своеобразие. Каждая конкретная ситуация требует своего осмысления. «Смысл — это всякий раз также и конкретный смысл конкретной ситуации. Это всегда “требование момента”, которое, однако, всегда адресовано конкретному человеку. И как неповторима каждая отдельная ситуация, так же уникален и каждый отдельный человек. Каждый день и каждый час предлагают новый смысл, и каждого человека ожидает другой смысл. Смысл есть для каждого, и для каждого существует свой особый смысл» [19, с. 39].

То же самое касается и ценностных ориентиров. «Ценность жизни, состоящая в интересе, увлеченности, удовлетворенности и новом поиске, и есть продукт определенного способа жизни, индивидуальной стратегии жизни, когда они определяются самим человеком» [1, с. 8]. Как отмечает Е.А. Антонов, «гносеологического субъекта» сменил «субъект заинтересованный», безразличный к истине как таковой. «Главным становится удовлетворение потреб-

ности в успешном действии» [3, с. 177]. И кроме того, «метод определяется через цель познания и практическую деятельность» [4, с. 48]. Вместе с тем осуществляются и поиски чего-то объективного, не зависящего от человека. Е.Н. Трубецкой отмечает: «Спрашивать о смысле — значит задаваться вопросом о безусловном значении чего-либо, т.е. о таком мысленном значении, которое не зависит от чьего-либо субъективного усмотрения, от произвола какой-либо индивидуальной мысли. — Спрашиваем ли мы о смысле какого-либо непонятого нам слова, о смысле какого-либо нашего переживания или целой нашей жизни, вопрос всегда ставится о всеобщем и *безусловном значении* чего-либо: речь идет не о том, что значит данное слово или переживание для меня или для кого-либо другого, а о том, что оно *должно* значить для всех... Поэтому всякая логическая мысль стремится утвердиться в чем-то безусловном и всеобщем, что носит название истины или смысла. Мысль же только субъективная, которая не достигает цели этого стремления, мысль, не способная стать общезначимой, отбрасывается всяким логически мыслящим как *бессмысленная*. Иначе говоря, “смысл” есть общезначимое мысленное содержание, или, что то же, *общезначимая мысль*, которая составляет обязательное для всякой мысли искомое» (курсив Е.Н. Трубецкого. — *Н.М.*) [18].

Таким образом, ценностно-смысловая основа гуманитарного знания носит двойной характер: с одной стороны, она индивидуальна для каждого, в данной конкретной ситуации, с другой — должна существовать некая ценностно-смысловая основа, значимая для всех. Это уже претензия на объективность, присущая естественным наукам.

2. Текстуальность и дискурсивность. Гуманитарное знание должно быть представлено в текстах и в речи. Данная черта напрямую связана с первой. Речь идет о том, что исследователь, изучая гуманитарный текст, переосмысливает его, по своему интерпретирует, вкладывает в него свой смысл, ведет диалог с автором текста, вступает с ним в своеобразный дискурс. Как считает М.М. Бахтин, такой дискурс может быть не всегда научным, но он дает определенное понимание, служащее в дальнейшем для построения более адекватных реальности моделей. «Интерпретация смыслов не может быть

научной, но она глубоко познавательна. Она может непосредственно послужить практике, имеющей дело с вещами» [5, с. 383].

Достаточно глубоко возможности построения дискурсивной модели показаны в диссертационном исследовании Е.В. Переверзева. По его мнению, методология построения дискурсивной модели должна строиться на основе соединения методологии теории дискурс-анализа, лингвистики и той дисциплины, в которой этот дискурс-анализ предполагается. «В социально-гуманитарных науках теории дискурса были порождены преимущественно путем “наложения” философских и лингвистических теорий дискурса на предметное поле той или иной дисциплины» [14, с. 14].

3. Диалогичность и структурность. Эта черта также связана с предыдущей. Как считает М.М. Бахтин, «текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу. Подчеркиваем, что этот контакт есть диалогический контакт между текстами (высказываниями), а не механический контакт “оппозиций”, возможный только в пределах одного текста (но не текста и контекстов) между абстрактными элементами (знаками внутри текста) и необходимый только на первом этапе понимания (понимания значения, а не смысла)» [5, с. 384].

В этом аспекте также возможен диалог естествознания с гуманитарными науками. По мнению О.Г. Эксле, этот диалог необходимо возобновить, причем на совершенно иных основаниях: «Если этот диалог следует начать заново, тогда нужно, как я полагаю, соблюдать два условия: Первое: ведущиеся сейчас дебаты являются слишком репрезентативными, демонстративно-поверхностными. Их недостаток в том, что они не имеют ни исторической, ни диалогической резкости. И второе: историческому доказательству, получению диахронической глубины резкости следовало бы быть сфокусированными на основных вопросах: что такое научное познание? Может ли познание осмыслить эту действительность? И, наконец, каково различие между повседневным и научным знанием и какова его природа. А также — как наши представления о “повседневной жизни” и

“познания в повседневной жизни” влияют на науку и на научное познание» [21, с. 7].

4. Реконструктивность. При гуманитарных исследованиях неизбежно преобразование реальности, мы всегда пропускаем изучаемое явление через себя. «Гуманитарное знание никогда не является изображением, но всегда — преобразованием реальности, в связи с чем любое обращение к гуманитарному знанию — есть момент его изменения. В конечном счете, абсолютным условием гуманитарности является представление о соразмерности пишущего и читающего, говорящего и слушающего, возможность взаимной трансформации их ролей и функций» [6, с. 11].

5. Субъектность и рефлексивность. Данная черта связана с тем, что даже в естественных науках роль субъективного фактора с повышением сложности системы играет все большую роль. В первую очередь, это связано и интерпретацией экспериментальных данных. В гуманитарных исследованиях это еще более очевидно.

6. Соразмерность гуманитарного знания человеку. Эта черта, на первый взгляд, присуща только гуманитарным наукам. Однако отдельные аспекты человека изучают и естественные науки. По всей видимости, построить целостную теорию описания человека можно только на основе синтеза естественнонаучных и гуманитарных представлений.

7. Бесконечность гуманитарного знания. Эта черта присуща науке вообще: мы можем бесконечно близко приближаться к абсолютной истине на основе все более адекватных относительных истин, но достичь абсолютной истины невозможно (внешняя бесконечность). Следует только отметить, что в гуманитарной сфере кроме внешней есть еще и «внутренняя бесконечность — существующее знание может быть ре-интерпретировано, рассмотрено в другом значении и смысле» [6, с. 12].

Таким образом, основные черты современной гуманитарной науки могут служить основой диалога между естественными и гуманитарными науками.

Теперь рассмотрим основные современные методологические парадигмы в гуманитарных науках, которые были порождены в условиях глобализирующегося общества.

В работе В.В. Ильина выделяется шестнадцать таких парадигм. Для упрощения рассмотрения их можно разбить на четыре группы: парадигмы, ставящие на первое место индивидуальность, личность, человека (антропологизм, психологизм, феноменологизм); парадигмы, ориентированные на изучение общественных явлений (историзм, неомарксизм); парадигмы, в той или иной мере рассматривающие возможность редукционизма (механицизм, натурализм, органицизм, психоанализ, формализм, позитивизм, сциентизм), и парадигмы, рассматривающие мир с точки зрения развивающегося единого целого (холизм, структурализм, функционализм, эволюционизм) [10]. Проанализируем каждую из этих групп.

Первая группа парадигм рассматривает личность как движущую силу социального. В антропологизме человек представлен как социально-историческое, культуросозидающее существо, поддерживающее «собственную жизнеспособность переработкой вещества природы в социокультурное вещество» [10, с. 73]. При этом считается, что человек действует целенаправленно и предсказуемо, что сближает такой подход с естествознанием. В психологизме человек рассматривается как самодостаточное духовное существо, причем движущим фактором социальной эволюции выступает психика человека. Феноменологизм основную задачу видит в «восстановлении смыслоопределенности социального» [10, с. 77]. Основное отличие человека в этой парадигме в том, что он способен порождать смыслы, реконструировать социальную действительность.

Вторая группа парадигм может быть отнесена в обществоведческом — в их основе лежит исследование общественных и социальных явлений. В историзме социосфера рассматривается как генетически развивающаяся. Такой подход считается единственно объективным и доказательным. Социосфера в этой парадигме рассматривается в контексте генетического подхода. Неомарксизм представляет собой идейную программу, разработанную «на основе сочетания элементов марксизма, фрейдизма, феноменологии, экзистенциализма предпринимающая мощную концептуализацию вопросов отчуждения, рациональности, акционизма». [10, с. 74–75].

Третья группа парадигм представляет собой методологии редукционизма, в которых в той или иной мере наблюдаются попытки свести гуманитарные явления к более простым, описываемым на основе естественных законов. Суть механицизма состоит в том, что сложные социальные явления он пытается редуцировать на уровень физических законов. Натурализм описывает социальные явления с точки зрения природосообразности, игнорируя гуманитарную составляющую человека. В психоанализе происходит редукция бессознательного в человеке на общественные явления, при этом остается непроясненным статус самого бессознательного: его сводят либо к физиологическим, либо к культурологическим факторам. Органицизм, по словам В.В. Ильина, представляет собой вариант редукционизма, предполагающий «перенесение на явления общественной жизни лобовых биологических традукций. В противоположность механицизму дискредитируются аддитивность, элементаризм, комплементарность; утрируются динамизм, адаптивность, целостность как сущностнообразующие признаки социальных систем» [10, с. 75]. Позитивизм пытается перенести методологические приемы из естественных наук в гуманитарные. Можно сказать, что речь идет о редукции методов. Формализм разворачивает социологические теории на выявление «чистых» инвариантов общественных явлений (взаимодействия, нормы, отношения), подпадающих под строгие аксиоматические фиксации. Тоже своего рода редукция на уровень формального описания с исключением собственно гуманитарного в социосфере. Сциентизм рассматривается как «течение в социальных науках, ставящее задачей уподобление социальных наук естественным как по методам, так и по функции в обществе» [16].

Четвертая группа парадигм рассматривает социальные явления в контексте целостности и развития. Холизм — методологический подход, которой представляет целое как онтологически или логически первичное и имеет приоритет над своими частями. Исходит из несводимости целого к частям, системы к элементам, при изучении социальных явлений особое внимание обращает на их целостность. В более широком смысле под холизмом понимают: «все философские теории, использующие понятия “живое

целое”, “жизненная сила”, “жизненная субстанция” (органистические теории, витализм, гештальтпсихология)» [15, с. 1014]. Структурализм представляет собой «общее название методов гуманитарных наук, связанных с обнаружением и описанием структур в разных областях культуры» [11, с. 871]. Структурализм нацелен «на выявление устойчивых связей, обеспечивающих целостность, организованность, упорядоченность, самоидентичность социальных явлений, инвариантных относительно фиксированных преобразований» [10, с. 76]. В этой парадигме также видны явные связи с естественными науками. Функционализм пытается рассматривать целостные системы на основе описания и исследования функций отдельных ее частей, что в некоторой степени противопоставляет его методологии холизма. «Интерес аналитика с этих позиций, — отмечает В.В. Ильин, — озабочивается разложением целого на составляющие с установлением зависимостей между частями и их с целым с прояснением оснований адаптированности, жизнеспособности целого. Издержками императивов этого, безусловно перспективного направления в их фактической реализации выступают абстрактность, статизм рассмотрения, искусственность допущений равновесности, интегрированности, неконфликтности общества, невнимание к индивидуальному» [10, с. 77]. Основная идея эволюционизма состоит в том, что законы эволюции едины для любой формы движения материи, хотя, конечно же, имеется определенное своеобразие для каждого конкретного случая. Тем не менее, согласно А.Н. Аверьянову, «принцип существования систем живой и неживой природы един, как едины и наиболее общие законы их формирования и развития» [2, с. 109]. В парадигме глобального эволюционизма «Вселенная представляется в качестве развивающегося во времени природного целого. Вся история Вселенной от “Большого взрыва” до возникновения человечества рассматривается как единый процесс, в котором космический, химический, биологический и социальный типы эволюции имеют генетическую и структурную преемственность» [7, с. 3]. Эволюционизм также позволяет осуществить синтез «наук о природе» и «наук о духе».

На основе вышесказанного, можно утверждать, что в настоящее время в гуманитарных науках не существует единой методологической парадигмы. Однако вместе с тем появляется все больше и больше тенденций, направленных на создание целостного подхода, объединяющего как естественнонаучные, так и гуманитарные аспекты исследования.

Идет формирование принципиально иной гуманитарной парадигмы. Другими словами, в гуманитарных науках идут попытки создания некой «глобальной теории», что наблюдается и в рамках естествознания, однако здесь это проявляется более широко: идут поиски не только единой «гуманитарной методологии», но и методологии науки в целом, что должно объединить естественные и гуманитарные науки в нечто целостное.

Итак, можно выделить следующие философские проблемы в современной науке, связанные с процессом глобализации:

– попытки описывать все явления природы на основе единых законов, что приводит либо к редукционизму, либо к потере строгой научности, когда выводы делаются на основе общих рассуждений без должного методологического анализа;

– появление глобальных теорий на основе неправомерной экстраполяции оригинальных моделей, описывающих конкретные процессы на Вселенную в целом;

– создание различных подходов к описанию одних и тех же явлений, особенно в гуманитарных науках;

– проявление плюрализма мнений и возникновение альтернативных методологических концепций для описания одних и тех же явлений;

– попытки создания единого подхода, объединяющего естествознание и гуманитарные науки.

Список литературы

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. *Аверьянов А.Н.* Системное познание мира. М.: Политиздат, 1985.
3. *Антонов Е.А.* История философии. Курс лекций. Белгород: ОНИРИО БЮИ МВД России, 2000.

4. *Антонов Е.А.* Философский метод познания в контексте современной культуры (Опыт рефлексивного осмысления): монография / отв. ред. В.Н. Шилов. Белгород: Изд-во БедГУ, 2006.
5. *Бахтин М.М.* К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е. М., 1986. С. 381–393.
6. *Бермус А.Г.* Введение в гуманитарную методологию: монография. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007.
7. *Глобальный эволюционизм: (Философский анализ) / РАН. Институт философии; отв. ред. Л.В. Фесенкова.* М., 1994.
8. *Гринблат С.* Формирование «Я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/35/grinblat.html> (дата обращения: 22.02.2013).
9. *Добронравова И.С.* На каких основаниях осуществимо единство современной науки? // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 343–352.
10. *Ильин В.В.* Методология социально-гуманитарных наук // Философия социальных и гуманитарных наук / под общ. ред. проф. С.А. Лебедева. М.: Академ. проект, 2006. С. 69–151.
11. *Керимов Т.Х.* Структурализм // Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: ПАНПРИНТ, 1998. С. 871–875.
12. *Корнеев А.А.* Численавтика и фрактальный код Вселенной. URL: <http://www.anamalia.ru/nomer/n8/n8.php> (дата обращения: 24.01.2013).
13. *Ласло Э.* Основания трансдисциплинарной единой теории // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 326–333.
14. *Переверзев Е.В.* Социокультурная специфика политического дискурса современной КНР: дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2008.
15. *Пивоваров Д.В.* Часть и целое // Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: ПАНПРИНТ, 1998. С. 1012–1015.
16. *Социологический словарь.* URL: http://vslovare.ru/slovo/sotziologic_heskij-slovar/stzientizm. (дата обращения: 24.01.2013).
17. *Талбот М.* Голографическая Вселенная. М.: София, 2004.

18. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. URL: <http://hpsy.ru/public/x3054.htm> (дата обращения: 24.01.2013).
 19. Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л.Я. Газмана и Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.
 20. Чистякова С.С. Глобализация культуры: генезис, типология, современные смыслы: дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2007.
 21. Эске О.Г. Натурализм, историзм и сегодняшнее состояние вопроса о единстве наук // Теоретические проблемы исторических исследований. М.: МГУ, 2002. С. 3–40.
 22. Mandelbrot B. The Fractal Geometry of Nature. Hardcover, 1983.
 23. Sitko S.P. Physics of Alive — the New Trend of Fundamental Natural Sienses // Physics of Alive. 2000. Vol.8, № 2. P.5–13.
-

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF GLOBALIZATION IN MODERN SCIENCE

Natalia N. Maltseva

Belgorod State National Research University; 85, Pobedy str., Belgorod, 308015, Russia

The questions connected with the influence of globalization on the development of science are analyzed in the article. It is indicated that these tendencies are directed to work out the common methodological basis both natural sciences and the humanities. At the same time the description of all natural phenomenon on the basis of the common laws often leads either to the reductionism, or to loss of the strict scientific work.

Key words: natural sciences; humanities; reductionism; globalization.

УДК 101.3:316.3+165

ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ И ИСТОЧНИКИ СПЕКУЛЯЦИЙ НА ЭТОЙ ТЕМЕ

Е.В. Чащин

Статья посвящена проблеме адекватной оценки обществом глобальных рисков, стоящих перед ним в современную эпоху. Важной стороной данной проблемы является разного рода спекуляции и искажение объективной ситуации, выгодные некоторым социальным группам. Рассматривается также роль СМИ в данном процессе.

Ключевые слова: глобальные проблемы; мировоззренческие установки; алармизм; мышление; информация; социум; СМИ; элиты.

Проблематика данной работы может быть представлена, отражена и включена в общий контекст концептуального поля такого направления современной науки и научной философии, как философия глобальных проблем. Актуальность вопросов философии глобальных проблем была и остается значительной, несмотря на сравнительно небольшую исследованность некоторых из ее аспектов, связанных с формами идеального, экстраполируемых так называемым «средним уровнем философии» на общебытийную и социально-политическую сферы. Это обстоятельство находит свое отражение в современной философской и психологической литературе. Исследования, проводимые в данном направлении, важны главным образом потому, что содержание основных вопросов философии глобальных проблем имеет прикладной характер — в их решении отражены интересы всего мирового сообщества, существующего на сегодняшний день в рамках разнонаправленного процесса интеграции и дезинтеграции. Последний проявляется, в частности, как кризис в определении неопределенного в условиях глобального многоаспектного междивизиационного конфликта, а значит, затрагивает собой все формы существования общественного бытия и общественного и личностного сознания: несет угрозу для социума в целом, национальных, профессиональных, экономических или иных сообществ, социальных групп

всех уровней. Это касается каждого субъекта общества, каждой личности как таковой, испытывающей актуальность значительного психологического давления иной, более сложной, комплексной (внутренней, внешней и опосредованной) природы, чем в первобытном или средневековом обществе. Данное воздействие имеет пока менее очевидную (в плане научной доказанности) связь с объективными источниками.

Предполагая, что любая значительная трансформация объективных условий общественной жизни оставляет отпечаток в социальном мышлении, рассмотрим роль глобальных проблем в изменении сознания на различных уровнях его актуализации. Возникновение того или иного кризисного феномена, во-первых, оказывает влияние на восприятие социальными общностями объективной исторической ситуации, провоцируя возникновение специфических фобий. Во-вторых, опосредованно способствует формированию представлений о рисках, основывающихся на данных фобиях и постепенно включаемых в субкультуру данной социальной общности в качестве ее особых сторон, приобретающих для ее представителей атрибутивное значение. Изменение в восприятии объективной общественно-исторической ситуации способствует возникновению острого психологического состояния у членов того или иного общественного образования, при котором тре-

возможность, связанная с неопределенностью будущего, усиливается лавинообразно. В конечном счете это приводит к многоаспектной трансформации компонентов мышления социума в целом и каждой личности в отдельности, отображаясь в ее практико-преобразовательной деятельности. В соответствии с этим изменяется понятийная система социума. Для сохранения объективности нашего исследования требуется более подробно отразить в его контексте аспекты данной проблемы. Основная задача будет заключаться в том, чтобы определить, каким образом конкретный тип катастрофических явлений оказывает влияние на восприятие социальными общностями объективной исторической ситуации.

На сегодняшний день существует несколько вариантов классификации проблем и оценки степени их значимости или масштаба. Стоит сразу определить то, что под глобальностью проблем следует понимать именно значимость их последствий для человечества, а не масштаб действия того или иного фактора на природу, конечно, при условии отсутствия прямой связи последствий с угрозой для существования социума. Значимость опасного фактора для человека, воспринимающего его критически, оценочно, субъективно, с одной стороны, и значимость катаклизма для природы — с другой, стоит развести как два разных понятия, взяв за основу для данного исследования изучение только первого из них. Можно предположить, что фактор, воспринимаемый человечеством как негативный, в рамках общепланетарного процесса развития может проявляться как объективно необходимое условие для полноценного осуществления этого процесса. Эффективным подходом в исследовании этого сложного процесса будет системный подход. Применяя системный подход для оценки уровня социальной значимости той или иной проблемы, следует выделить количественную и качественную ее стороны. Для количественной стороны в качестве критерия для определения глобальности проблемы может выступить так называемый «количественный фактор». В соответствии с этим критерием проблему, которая, оставаясь не решенной, вызовет последствия, приносящие значительное ухудшение жизни людей, можно назвать глобальной, если она способна быть распространенной на всю планету в це-

лом, т.е. прямо или опосредованно затрагивать интересы всего мирового сообщества. «Количественный фактор» характеризует собой объем и широту влияния негативных для оптимального функционирования социума сил как природного, так и антропогенного происхождения, выступающих в виде аспектов общепланетарного взаимодействия. В соответствии с условиями производимой ревизии, анализа проблем необходимо осуществить их классификацию, выделив геолого-природные (изменение климата, колебание оси вращения Земли и магнитного полюса, истощение почвы, пресной воды), космо-природные (катастрофическое воздействие астероида, кометы, погасание Солнца), биологические (угроза пандемий и истощения биоресурсов), общественные (войны, перенаселенность планеты, старение населения, голод). После этого требуется произвести их комплексную экспертизу с целью нахождения и выделения среди них глобальных. С большой долей вероятности после проведения этих операций будет практически установлено наличие у множества проблем единого основания, центральной причины. В противном случае, если не удастся доказать наличие квазиоснования, подобная деятельность, тем не менее, будет иметь плодотворные результаты, позволив социуму сэкономить силы и ресурсы для преодоления существенных причин возникновения проблем за счет менее значимых или актуальных в данный исторический период. Однако при выявлении и вычленении из всей совокупности проблем сегодняшнего мира жизненно важных для человечества глобальных вопросов, требующих адекватного ответа, существенное значение приобретает качественный критерий.

Качественная сторона определения глобальных проблем выражается в следующих основных их характеристиках: во-первых, эти проблемы затрагивают жизненные интересы всего человечества и каждого человека в отдельности как диалектически взаимосвязанную данность; во-вторых, они выступают объективным фактором дальнейшего мирового развития, существования современной цивилизации; в-третьих, для решения или преодоления последствий общемировых проблем необходима мобилизация усилия всей совокупности народов Земли или, по крайней мере, большинства населения планеты; в-четвертых, нерешенность

глобальных проблем может привести в будущем к трудноустраняемым последствиям, негативно влияющим на жизнедеятельность как всего человечества, так и каждого отдельного человека.

Каждой из глобальных проблем, связанных с последствиями, «издержками», негативными проявлениями общественного развития, свойственна мобильность, ни одна из этих проблем не находится в статическом состоянии. Они постоянно преобразовываются, становятся более или менее интенсивными, меняется степень их социальной значимости в ту или иную историческую эпоху. Негативные факторы несоциального происхождения также обладают модификационной характеристикой, однако скорость их изменений меньше скорости изменений антропогенных ввиду большего масштаба системы, в которой они реализуются как включенные условия. Все глобальные проблемы находятся в сложной взаимосвязи и взаимозависимости. Это означает, что решение одной какой-либо проблемы предполагает необходимый учет влияния на нее комплекса других проблем.

Мировое устройство после двух мировых войн двадцатого века более не подразумевает непричастности того или иного этноса или культурной среды к глобальной культуре. Помимо вставших особенно остро проблем изменения климата и истощения невозобновимых ресурсов, а также угрозы перенаселенности планеты и необходимости регулирования частных интересов стран в рамках мирового рынка перераспределения ресурсов, социум сталкивается и с внутренними социально-психологическими трудностями. Обособленный природными и экономическими противоречиями конфликт между существующими ныне мировыми цивилизациями, чьи интересы расходятся по многим «жизненным» вопросам, и порожденный этим конфликтом особый взгляд на мир раскалывают общество по отдельным признакам и вносят неопределенность в общественные отношения. При этом процесс дезинтеграции выступает лишь элементом диалектического отрицания в общем интеграционном тренде, поликультурном сплочении цивилизаций.

Таким образом, процесс становления мировой истории обусловлен все более тесным взаимодействием разных народов и стран друг

с другом, равно как и общими проблемами, с которыми все они сталкиваются в реализации своих собственных целей. Нужно учитывать, что роль и место каждой культуры в общемировом процессе разное. Данное обстоятельство порождает отличные друг от друга точки зрения исследователей, в том числе и вследствие присутствия элементов субъективности, обусловленных принадлежностью ученых к разным социокультурным общностям. Одни из исследователей видят возникновение общих проблем современной мировой истории в особенностях научно-технического прогресса, его издержках. Они считают, что во всех бедствиях человечества виновата технократическая цивилизация, которую создали сами люди. Именно этот тип цивилизации формирует расточительный образ жизни человека, способствует его уверенности в безраздельном могуществе разума, создает опасную по своим последствиям иллюзию того, что человек способен реализовать *любой* свой проект и в *любой* момент остановить *любой* процесс, как бы далеко он ни зашел в своем течении [6; 7]. Другие исследователи причину возникновения современных глобальных проблем связывают с разрушительными свойствами самого человека, в частности с его природной агрессивностью, стремлением к безграничному потреблению, отсутствием общих целей развития [10; 12].

Особую позицию занимает ряд исследователей, в качестве основной причины появления глобальных проблем называющих частнособственнические общественные отношения, которые приводят к социально-экономической, политической, идеологической поляризации общества, в результате чего и складывается противоречивое отношение людей к природе и друг к другу [9; 11, с. 9].

Существует еще одна категория мыслителей, отстаивающих такую точку зрения, в соответствии с которой может существовать связь между появлением глобальных проблем в современной человеческой истории и эгоизмом, леностью людей (так называемый психологизаторский подход). Разобщенность ввиду уменьшения роли общих устойчивых разноуровневых межличностных связей и социальная индивидуализация членов сообщества становятся причиной снижения уровня ответственности за благополучие других его членов. Это выража-

ется главным образом в неприятии условий эффективного производства и распределения разного рода благ применительно к последующим поколениям. Иными словами, люди не стремятся думать и делать что-либо полезное для жизни своих преемников, поскольку во многом не являются компетентными в отношении будущего. Многие из них акцентируют внимание преимущественно на представлениях о настоящем — удовлетворении насущных бытовых потребностей — и выбирают эгоистическую жизненную стратегию, решая личные проблемы, касающиеся только собственного благополучия [8, с. 48]. По мнению сторонников этой точки зрения, постановка любой значительной цели (решение глобальных проблем — одна из таких целей) может стать условием постоянно осуществляемой перманентной борьбы с указанными пороками современного человечества — и в этом плане она является позитивной.

Все названные причины, объясняющие появление глобальных проблем, конечно, могут быть признаны состоятельными, если они, как и сами эти проблемы, тоже будут рассмотрены во взаимосвязи и взаимообусловленности. Каждая из частей социума прокладывает себе путь, стремясь успеть в следовании все ускоряющемуся ходу технологического прогресса в мире. В связи с этим учащается возникновение ситуаций, когда разрыв между уровнями развития производительных сил и производственных отношений достигает критической степени. Многие люди рассчитывают только на некий сиюминутный, определяемый своими возможностями результат и мало заботятся о согласованных сегодняшних действиях в отношении будущего.

Более того, многие субкультуры и социальные группы, несмотря на все глобализационные явления, имеющие место в современном обществе, не в состоянии наладить диалог друг с другом, найти общий язык для эффективной коммуникации, который бы позволил им объединенными силами противостоять общепланетарным трудностям и опасностям. Поэтому пока рано говорить о прямой взаимосвязи социума в обеспечении решения общечеловеческих задач. В лучшем случае можно сказать лишь о процессе создания национальных программ исследования и решения глобальных проблем и,

отчасти, об углублении международных связей в анализе последних. Вместе с тем развитие современного мира настоятельно требует не только пристального внимания к глобальным проблемам, их многостороннего изучения и качественного результативного обсуждения и сущностного осмысления мировым сообществом, но и своевременного практического решения.

Подчеркивая важность снятия этого противоречия, с одной стороны, большинство мыслителей, представителей частных наук, общественных деятелей, высказывавших свои предположения в прошлом столетии или в более ранние исторические периоды, было далеко от того, чтобы ратовать за возобладание в массовом сознании мирового сообщества определенных идей катастрофизма — состояния безудержной тревоги, страха человечества за сегодняшнюю и будущую свою жизнь. Логично предположить, что деструктивное сознание выбивало бы социальных субъектов из актуализации в привычных для них условиях жизни. Более того, подобный алармизм — взгляд на мир, предполагающий тревожность, нагнетание атмосферы страха — не способствовал бы мобилизации людей в решении глобальных проблем. Подобное состояние неопределенности, имеющее массовый характер, привело бы к нарастанию обстановки всеобщей истерии и дестабилизации производительных сил. С другой стороны, по мнению тех же мыслителей, объективно опасен и своего рода бездеятельный оптимизм в отношении разрешения глобальных проблем, выражающийся в уверенности большинства социальных субъектов в незыблемости состояния природных и общественных основ жизни общества. Убежденность этой части человечества в благополучии для нее исхода любого дела, предстающего в виде того или иного социально-природного конфликта, сопровождается ее вера в то, что все противоречия каким-либо образом самостоятельно разрешатся. Это произойдет вне зависимости от степени вмешательства в протекание негативного процесса человечества, мобилизованного для противостояния глобальным проблемам в целом и решения конкретно данной задачи. Поэтому при формулировке личного (-стного) отношения к такого рода противоречиям необходим своеобразный конструктивный алармизм. Последний

может быть выражен в ощущении и осознании обществом определенного беспокойства за свое будущее, осуществленных посредством рефлексии через переход от чувственного восприятия к рациональному обоснованию его причин. Данное обоснование в итоге должно получить свое выражение в последовательной и всесторонней программе незамедлительных практических действий для всего человечества.

Однако современная действительность раскрывает перед исследователями несколько иное положение дел, отличающееся от прежних взглядов на эту проблему и в ключе степени глобальности самих проблем, и в аспекте актуальности и роли заинтересованных в них сил. Соответственно, для осуществления данного исследования также следует подойти к раскрываемому вопросу несколько иначе, чем было принято ранее.

Воплощение в жизнь тех или иных глобальных рисков оказывает влияние на изменение оценки обществом происходящих в мире эволюционных процессов. Эволюция преобразует социум, но обратное воздействие социума влияет на эволюцию, меняя характер и способ ее протекания. Опираясь на имеющиеся знания о структуре, характере и сущности взаимодействия идеального и материального, можно сказать, что ответственность за «самосовершенствование» мира во многом лежит на самом Человеке, что исключает возможность отказа социума от участия в решении глобальных противоречий, возникающих в ходе процесса мирового развития. Сами глобальные проблемы не могут быть рассмотрены в рамках какой-либо единственной, специализированной области знаний. Необходим комплексный анализ этих проблем, осуществляемый всей системой современного научного знания. Это связано с тем, что условия исследования вопросов глобальной проблематики требуют одновременного рассмотрения процессов, происходящих в биосфере, техносфере и социосфере. При этом ее анализ и решение должны осуществляться на разных уровнях каждой из сфер. Так, рассмотрение глобальных проблем в социальной сфере может быть подвергнуто глубинному анализу с целью нахождения последовательного практического решения как на индивидуальном, так и на социально-групповом и общесоциальном уровнях. Важную роль будет играть как эконо-

мический аспект, выраженный в развитии технологий и обеспеченности ресурсами, так и политический, и социо-культурный, проявляющийся в юридической, этической и эстетической сферах, аспекты. В этом случае успешность проведенной работы будет иметь большое социальное значение и являться условием преодоления кризисных явлений различного происхождения. Основание для консолидации усилий социума определяется в процессе глобализации как объективного объединения различных сфер и уровней общественного бытия.

Однако решение проблем, требующих наиболее высокой гражданской и личностной ответственности, оказывается затруднителен для тех, кто не привык ее на себя брать. Обычной практикой для любого социума является переложение такого рода ответственности рядовыми его членами на представителей социальной элиты. В общественном мнении социальные лидеры оказываются наиболее компетентными для снятия крупномасштабных противоречий. Процесс общесоциального устранения глобальных проблем, предполагающий высокую социальную ответственность каждого члена социума, зачастую превращается в делегирование для этих целей наиболее компетентных (по мнению народных масс) личностей, которые и должны найти оптимальные пути выхода из возникающих кризисов. В соответствии с распространенной среди политологов, а также социологов позицией именно элиты формируют общественное мнение — одну из форм идеологии. Возможно, именно по причине подобной специфики формирования общественных представлений, ценностей и социальной психологии как таковой совместное решение глобальных проблем и отстает от общих интеграционных тенденций современного информационного общества, несмотря на принципиальность данного вопроса для развития мировой цивилизации.

Между тем сама формулировка сторонников алармистского подхода к определению глобальности последствий при отказе от решения тех или иных проблем может быть неверной, если исходить из закономерной природы появления оснований, причин этих проблем. Человечество всегда решало те или иные принципиальные и актуальные для определенного исторического периода проблемы, в этом заключал-

ся залог его выживания, в этом смысле проблемы являются источником мобилизации различных социальных ресурсов.

Это позволяет дать ответ на вопрос о том, почему часть элит не останавливается лишь на идеологической компоненте в реализации своей «алармистской» деятельности, но может осуществлять сложные социально-психологические манипуляции с пониманием социальными общностями объективных причин возникновения проблем. Тот, кто хочет с той или иной целью мобилизовать людей, может искусственно создавать проблемы (как это было, например, со «свинным гриппом»), пытаясь превратить проблемы локального уровня в глобальные, путем нахождения или создания конкретных оснований, т.е. фактически моделируя ситуацию, в которой гипертрофируются риски за счет искусных манипуляций с эмпирическими данными. Определение степени значимости последствий при нерешенности той или иной проблемы для человечества лежит в русле идеологии. Иначе говоря, степень глобальности той или иной проблемы оказывается в подчиненном, зависимом положении от того или иного идеологического конструкта, прошедшего определенную модификацию под влиянием элит [4; 5]. Цель в этом случае может оправдывать средства, поскольку затраты на решение многих проблем оказываются для определенной части общества весьма эффективным вложением средств. Исходя из положений о том, что проблемы как таковые порождаются и материальными, и идеальными основаниями, а в обществе все взаимосвязано, рассмотрим формирование социально-мировоззренческих установок [2; 13]. Можно сказать, что проблемы как таковые формируются из идеологии, которая в той или иной степени подвергается внешней (вне социально-групповой) коррекции. Нужно принять во внимание то, что связь между причиной проблемы, например экологической катастрофы, и самой проблемой не всегда бывает явной и непосредственной, поскольку в рамках общественных отношений она может иметь цель в виде оправдания затрат на ее решение. Более широкий обзор условий позволяет сделать вывод о том, что все проблемы связаны между собой через идеологию. Многие проблемы в этих обстоятельствах начинают существовать в своем собственном, отдельном от их

причин, «виртуальном» пространстве. Именно такое иррациональное виденье проблем, а также само иррациональное мышление в целом свойственно для актуального этапа общественного развития.

В чем же причина современного распространения мировоззрения с повышенной долей иррационального компонента? Ответ на этот вопрос также лежит в русле идеологии. Очевидно, что обществом или социальной группой, постоянно находящимися в состоянии стресса, вызванного риском возникновения той или иной катастрофы, значительно легче управлять, контролировать происходящие в нем процессы, при условии, что существует универсальный способ ее предотвращения, дающий социуму шанс на спасение и вселяющий надежду на благополучный исход дела. Поэтому в процессе нагнетания атмосферы страха и неуверенности среди населения СМИ [1, с. 199–210] всегда ограничиваются определенным пределом, дальше которого в своем воздействии на аудиторию они не заходят. Этот предел во многом зависит от величины доли иррационального компонента в комплексе мышления и от специфики (политической, религиозной) содержания идеологии. Чем иррациональнее будет идеология, тем легче она поддается внешнему, искусственно нагнетающему тревожность воздействию — в большей степени подвержены страху ее носители. В этом же случае корректировщикам общественного мнения будет проще снять социально-психологическую напряженность — воодушевить членов социума для осуществления ими деятельности в заданном русле.

В качестве эффективного инструмента манипуляции общественным сознанием выступает разного рода реклама. С ее помощью не только ускоряется товарно-денежный обмен, но и происходит формирование ориентированного на потребительство и потому нужного заказчику рекламы отношения к жизни у его клиентов. Это происходит потому, что в человеческом сознании существуют своеобразные клише, ценностные установки, формирующиеся в группе под влиянием социальных тенденций: «это — хорошо, то — плохо», «так поступать правильно, так — красиво». «За пределами относительно безвредной сферы торговой рекламы обнаруживаются куда более серьезные последствия, ибо такой язык является одновре-

менно «и средством устрашения, и средством прославления». Суждения принимают форму суггестивных приказов, они скорее побуждают, чем констатируют» [9, с. 357]. Это своеобразное понимание сути бэконовского идола театра оказывает большую услугу тем, кто желал бы, внушив широким массам населения идею о близком апокалипсисе, заставить их быстро потратить свои сбережения. Основной задачей манипуляторов окажется донесение подобных идей до каждой целевой аудитории потребителей товаров и услуг. «Предсказывание превращается в предписывание, и, таким образом, коммуникация в целом носит гипнотический характер. В то же время она слегка окрашена ложной фамильярностью — результат непрерывного повторения — и умело манипулируемой популярной непосредственностью. Это отсутствие дистанции, положения, образовательного ценза и официальной обстановки легко подкупает реципиента, доставая его или ее в неформальной атмосфере гостиной, кухни или спальни» [9, с. 357]. В каждой социальной группе вне зависимости от интеграционного основания осуществляется эталонирование поведения, вкусов, градация ценностей и приоритетов. Специалист в области капиталистического распределения товара с помощью метода интроекции, т.е. моделирования постановки себя на место потребителя-адресата рекламы, достигает схожего с ним ментального состояния и, пользуясь этим, производит коррекцию вторичных потребностей, а затем ретранслирует новый эталон на части социума. Реализуя подобные практики, рекламный идеолог добивается того, чтобы представитель целевой аудитории выбирал тот или иной товар в соответствии со сформированными у него представлениями, вкусом.

Целевая аудитория может быть различной, в соответствии с выбранным для ее оценки критерием. Ее масштаб может колебаться от уровня небольшой группы до мирового сообщества. В последнем случае задача специалиста по рекламе приобретает иную форму. С одной стороны, доля иррационального в мышлении социума в целом должна превышать аналогичное, но соразмерное соотношение идеальных компонентов в более ограниченных социальных группах. Общественное сознание наполняется мифами, вытесняющими рациональное ос-

нование мысли, благодаря чему «теории, которые определяют и проектируют исторические возможности, могут стать иррациональными или скорее представляться таковыми, поскольку они противоречат рациональности установившегося универсума дискурса и поведения» [9, с. 451]. «Количественный» критерий оценки целевой аудитории должен быть противопоставлен «качественному», исходя из того, что весь социум, как и любое целое, всегда больше суммы своих частей, в данном случае — отдельных социальных групп. Общество в целом останется системой с постоянно нарастающей энтропией, подпитываемой иррациональными компонентами социального мышления, вынуждая «глобального рекламиста» постоянно усложнять способы достижения своей цели.

С другой стороны, это же обстоятельство может оказать услугу мировой элите — наиболее вероятного заказчика рекламы такого уровня, поскольку внутри общества происходят сильные организационные процессы интеграционного характера, которые постоянно заставляют те или иные части социума изменять свои ценностные ориентиры, регулировать актуальное содержание своей коммуникации, что необходимо для системной самоорганизации. В общественно-исторической ситуации, когда социум предрасположен к самовнушению, задача элиты по подмене одних вкусов и убеждений другими упрощается.

«Способность поэтического языка выразить этот другой порядок, который является трансцендированием в пределах единого мира, зависит от трансцендентных элементов в обычном языке. Однако тотальная мобилизация всех средств массовой информации для защиты существующей действительности привела к такому согласованию выразительных средств, что сообщение трансцендентного содержания стало технически неосуществимым» [9, с. 339].

В результате все человечество становится потребителем рекламного продукта особого рода. Мощное информационное воздействие со стороны СМИ провоцирует ощущение увеличения степени риска у населения в связи с возможностью начала пандемий трудноизлечимых инфекций, таких как модифицированный грипп; непредсказуемых последствий запуска адронного коллайдера; массовых извержений вулканов на севере Европы. «Участники спек-

такля всегда сосредоточивают внимание на грандиозных средствах спектакля, для того, чтобы ничего не сказать о его (спектакля) великой роли. Его даже часто предпочитают называть не спектаклем, а средствами массовой информации, желая, тем самым, его обозначить как простой инструмент, вид общественной службы, который с непредвзятым “профессионализмом” будто бы управляет через медиа новым наставшим для всех коммуникативным избытком...» [3, с. 122]. Для формирования необходимого общественного мнения элиты разных стран используют комбинацию информационного вакуума и информационной атаки на общественное сознание, поочередно погружая народные массы то в неведение о реальном положении дел, то в сверхнасыщенную новостями интенциональную атмосферу. Подобное сочетание информационных воздействий затрудняет полноценное осуществление обществом анализа полученных знаний в мышлении с целью вычленения истинных из общего поля, массива. На общественное мнение действуют однозначно поднимаемые в СМИ темы тяжелых последствий, связанных с отставанием психологического и морально-этического состояния социума от реализующихся возможностей овладения более мощными источниками энергии, контроля над природными стихиями; а также темы риска столкновения с нашей планетой астероидов, повсеместных извержений вулканов и землетрясений; массового безумия и других последствий, связанных с изменением магнитного полюса Земли; нового ледникового периода. Все это можно назвать примерами проявления другого крайнего состояния, влияния противоположного смыслового полюса по отношению к информационному вакууму.

Противостояние информационной перегрузке, посредством которой происходит подмена смыслов, становится задачей критического мышления. В соответствии с этим условием необходимо со здоровой критикой, аналитической рефлексией подходить к различным проявлениям алармизма, возникающего в общественно-исторической практике и преподносимого СМИ в качестве закономерной и оправданной реакции на кризисные для социума явления. Современная историческая ситуация требует от социума выработки специфического навыка выделения существующих панических

посылок в ключе осознания того, для кого они могут быть выгодны. Решение данной проблемы может заключаться в нахождении лучшего способа взаимопонимания внутри общества, активации необходимой интенциональной составляющей в коммуникационном процессе. Показательным может стать мистически преподнесенный библейский пример строителей Вавилонской башни, которые под действием высших сил начали говорить на различных языках, чем сделали невозможным завершение общего дела. Умение находить общий язык для представителей разных социальных групп и культурных пластов приобретает значение насущной необходимости: коллективными усилиями легче найти выход из неблагоприятно складывающихся ситуаций.

Создавая иллюзии глобальных проблем в собственном сознании, общество оставляет за собой и возможность от них избавиться. Осуществляя критическую оценку, рефлекссию происходящих вокруг событий, социум способен изменить навязываемый потребительский тренд, вынудив заинтересованных в распространении алармистских настроений лиц начать поиск других источников личного обогащения.

Список литературы

1. *Бодрийар Ж.* Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика. Альманах Российско-франц. центра социол. и филос. Ин-та социологии РАН. М.: Ин-т эксперим. социологии, СПб.: Алетейя, 1999. С. 193–226.
2. *Грешневиков А.* Информационная война. М.: Русский мир, 1999.
3. *Дебор Г.* Общество спектакля. М.: Логос, 1999.
4. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1997.
5. *Дубровский Д.И.* Обман. Философско-психологический анализ. М.: РЭИ, 1994.
6. *Ильенков Э.В.* К вопросу о природе мышления (на материалах анализа немецкой классической диалектики): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: Ин-т филос. АН СССР, 1968.
7. *Ильенков Э.В.* Космология Духа // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 415–437.
8. *Калашиников М.Ф.* Социальный идеал. Теория и современность: монография. Пермь: Изд-во Пермск. гос. пед. ун-та, 2006.
9. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002.

10. *Медоуз Д. и др.* Пределы роста. 30 лет спустя. М.: Академия, 2007.
 11. *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века. М.: Эксмо, 2002.
 12. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ; Люкс, 2004.
 13. *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980.
-

THE FORMATION OF REPRESENTATIONS ABOUT GLOBAL PROBLEMS OF
MODERNITY IN THE INFORMATION SOCIETY AND THE SOURCES OF
SPECULATION ON THIS TOPIC

Elisey V. Chashchin

Perm National Research Polytechnic University; 29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia

This article is devoted to the problem of the adequate assessment of the global risk society, standing before him in the modern era. An important aspect of this problem is a different kind of speculation and the distortion of the objective situation, favorable certain social groups. Also examines the role of the media in this process.

Key words: global problems; worldviews; alarmism; thinking; the information society; the media; the elite.

УДК 130.11+159.964+316.4+517+530

О НОВОМ ВАРИАНТЕ ОНТОЛОГИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

И.В. Данилевский

С позиций философской онтологии рассматриваются аспекты человеческой психологии и социальных отношений, связанные с так называемым «коллективным бессознательным», через призму ряда современных представлений о человеческой психике как о квантовоподобной системе. Подчеркивается необходимость совместного применения р-адического математического анализа и представлений о квантовоподобных процессах в «коллективном бессознательном».

Ключевые слова: р-адический математический анализ; коллективное бессознательное; социальные процессы; квантовоподобные системы.

Проблема сущности и механизма функционирования того, что принято называть разумом, сознанием, психикой, при всем различии вышеперечисленных понятий содержит в себе нечто общее — крайне незначительный прогресс в понимании этой проблемы в науке и философии со времен Декарта. В то же время необходимые компоненты конкретно-научных знаний и гипотез, способные вывести нас на новый уровень понимания, уже давно присутствуют в научном дискурсе, но в силу их рассредоточенности по разным секторам знания они крайне редко подвергаются осмыслению и в науке, и особенно в философии.

Написанная в 2001 г. работа [5] автора этих строк была посвящена, в частности, анализу так называемого неофеодализма в современном мире. Речь идет о следующем. Современную эпоху принято считать не столько «капиталистической», сколько «постиндустриальной», «посткапиталистической» и даже «постэкономической». В то же самое время в эту «посткапиталистическую» и «постиндустриальную» эпоху существует ряд политико-экономических структур, которые можно обнаружить повсеместно, но для которых характерен ряд черт, совершенно не вписывающихся в каноны даже классического капитализма. В наиболее чистом, неприкрытом виде — преимущественно в «не-западных» странах (а среди западных стран — в не-англосаксонских государствах). Для простоты изложения их характерных черт

мы будем в дальнейшем называть данные структуры словом «система».

Первое. Это система, при которой люди с юридической точки зрения обычно считаются равными в основных правах и лично свободными. Однако фактически (в экономических и политических отношениях) они не равны между собой, причем их неравенство образует нечто очень напоминающее сословия в средневековых европейских государствах. Последнее выражается в том, что основные средства производства и наиболее прибыльные сферы в экономике распределяются между людьми, занимающими привилегированное положение по отношению ко всем остальным участникам рынка. Эти привилегии связаны не с их собственными заслугами (например, с более эффективной организацией менеджмента или маркетинга и, как следствие, овладением большей долей рынка), а с исключительно внеэкономическими обстоятельствами: национальными (этническим происхождением, принадлежностью к определенной касте в традиционном смысле этого слова), родственными (клановыми) и трайбалистскими отношениями, просто личными дружескими знакомствами и, наконец, коррупционными связями. Внутри этих привилегированных слоев выстраивается своя система «сюзеренитета-вассалитета» (вассально-ленных отношений), т.е. кто-то из них занимает более высокое, кто-то менее высокое положение по отношению друг к другу. Это обуславливает взаимные обязательства, но в пер-

вую очередь — обязательства нижестоящих по отношению к вышестоящим, касающиеся правил поведения на рынке (распределение наиболее прибыльных сфер, отчислений денежных средств вышестоящим «патронам» и др.). Остальные участники рынка могут вести свои дела свободно в строго определенных пределах на манер крестьян, пользовавшихся относительной автономией при феодальных порядках. Если они захотят перейти на принципиально более высокий уровень, им этого не позволят сделать или, во всяком случае, максимально затруднят с помощью внеэкономических методов, а их обычная деятельность всегда будет сопряжена с уплатой ренты в виде платежей или непредусмотренных законом или договором работ или услуг. В противном случае в отношении их может быть использовано внеэкономическое давление.

Второе. Эта система характеризуется соединением экономического господства с политическим.

В качестве **третьей** черты системы можно выделить «застойный» характер распределения власти и собственности; например, господство родоплеменных кланов в странах Тропической Африки, трайбалистских и кровнородственных — в Азии.

В работе [5], кроме указанных выше важнейших признаков, мы исследовали производные от них, а также некоторые иные явления в современной действительности, которые по своему фактическому (т.е. неюридическому) характеру функционирования представляют существенную аналогию с такими же явлениями времен традиционного феодализма; среди последних особо выделяется такая практически неинституционализируемая структура, как организованная преступность, — публицистические выражения о ней типа «криминальные бароны, взимающие дань» совсем неслучайны.

Подробное рассмотрение всех этих явлений носило бы сугубо социолого-политологический характер. Сейчас же мы лишь обозначим главный тезис по результатам анализа всех названных выше явлений. Практически любая (за очень немногими исключениями) политическая власть представляет собой совокупность каких-либо «феодализованных кланов». «Кланы» и есть те привилегированные группы, которые образуются по различным указывавшимся вы-

ше принципам: этническим, трайбалистским, кровнородственным и др. Соответственно, для их характеристик справедливо все вышесказанное о «системе». Мы бы не стали сейчас делать вывод, что другая структура распределения политической власти и собственности, называемая «капитализмом», вообще не существует, но мы уверены в том, что если капитализм и существует, то лишь как отдельные островки или в лучшем случае материка в мировом океане описанной выше системы.

В работе [5] осуществлялся в том числе конкретный историко-социологический анализ предыдущих исторических эпох в плане соответствия их характеристикам «системы». По его итогам был сделан следующий вывод: в исторические периоды до XVIII в. н.э. включительно, по большому счету, существовала лишь одна типологическая структура распределения политической власти и собственности, имевшая несколько разновидностей (в том числе «восточную» с «азиатским способом производства»), но в рамках, подчеркнем снова, некоего единого предельно широкого типа, а рабовладение было локальным отклонением от этого порядка. Если же соединить этот конкретно-научный вывод с результатами анализа современных проявлений системы (и в западном, и в восточном мире), получается уже вывод социально-философский: вполне правомерно говорить о том, что по большому счету в истории политической власти существовала и существует только одна эта структурная система (а рабовладение и капитализм — это не более чем локальные явления в рамках всеохватывающей системы). И правомерно поэтому считать именно ее «идеальным типом» всякой политической власти.

Подчеркнем отдельно: именно «идеальным типом» и именно в философском смысле, поскольку, разумеется, для социолога или политолога, как и для обычного, рядового человека в современном мире, различия между системой власти и собственности времен династии Хань в Китае, феодализмом во Франции XIV в. и «феодальным корпоративизмом» (термин американского политолога Генри Кэриела, описывавшего американскую же политическую систему) в сегодняшних США имеют огромное значение. Но эти различия, как нам представляется, не имеют такого значения для социальной

философии, так как философия может и должна абстрагироваться от конкретных частных и осваивать всеобщее.

Возникал вопрос о том, каким термином лучше обозначить данный **идеальный тип политической власти**, или, что то же самое, какое название лучше дать обрисованной «системе». С нашей точки зрения, подходил термин **«феодализм»** (в его максимально широком смысле), а применительно к XX и XXI в. — **«неофеодализм»**. Тем более что в русской философии можно встретить прецеденты именно такого использования этого слова — в предельно всеохватывающем значении, не исключая его применения и к государствам с «азиатским способом производства». Например, русский консерватор К.Н. Леонтьев в работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», обсуждая перспективы эгалитаризма, предсказывал появление «нового социалистического феодализма» следующим образом:

«Если ... анархисты и либеральные коммунисты, стремясь к собственному идеалу крайнего равенства (который невозможен), своими собственными методами необузданной свободы личных посягательств должны ... привести ... общества ... к большой неподвижности и весьма значительной неправомерности, то можно себе сказать вообще, что социализм, понятий как следует, т.е. не что иное как новый феодализм ... конечно, не в тесном и специальном его значении романо-германского рыцарства, а в самом широком его смысле, т.е. в смысле глубокой неправомерности классов и групп, в смысле разнообразной децентрализации и группировки социальных сил, объединенных в каком-нибудь живом центре духовном и государственном...» [цит. по: 14, с. 583].

У другого русского консерватора — Н.Я. Данилевского — в его знаменитой работе «Россия и Европа» можно встретить следующие строки:

«Вообще история представляет нам три формы народных зависимостей, составляющих историческую дисциплину и аскезу народов: рабство, данничество и феодализм... Слово “феодализм” я принимаю в самом обширном смысле, разумея под ним такое отношение между племенем, достигшим преобладания, и племенем подчиненным, при котором первое не

сохраняет своей отдельности, а расселяется между покоренным народом. Отдельные личности его завладевают имуществом покоренных, но если не юридически, то фактически оставляют им пользование частью прежней их собственности — за известные подати, работы или услуги в свою пользу» [8, с. 234–235].

Последние слова Н.Я. Данилевского можно использовать в качестве хорошего сравнения с современной ситуацией «неофеодализма». Действительно, «неофеодалы», которые постоянно взимают «дань» с не-элиты общества (например, мафиозные группы и их руководители), — это не какие-то посторонние, пришлые люди, а те, кто живет среди нас, в обществе, подчиняя его изнутри. Исходя из вышесказанного, можно подтвердить предположение, что термин «феодализм» вполне применим для обозначения доминирующего в человеческой истории идеального типа структуры политической власти.

В той же работе [5] нами была приведена цепочка рассуждений, воспроизводить которую сейчас нам не позволяет объем настоящей статьи, из которой следовал вывод, что корни подобной ситуации нужно искать в специфической организации коллективно-бессознательных слоев психики людей — организации, напрямую не связанной ни с конкретными экономическими, ни с конкретными социальными, политическими или культурными особенностями данной страны, в которой вышеописанная система возникает. Скажем, «восточная деспотия» с «азиатским способом производства» была характерна и для Древнего Египта, и для Советского Союза при том, что их «экономический базис» по К. Марксу или уровень научно-технического развития по У. Ростоу, Д. Беллу и др. разделяла пропасть. Зато и в том, и в другом случае наблюдались крайняя мифологизированность общественного сознания, сакрализация власти, культ вождя и тому подобные однотипные факторы чисто психологического характера.

Кроме того, одним из предметов исследования [5] был так называемый архетип коллективного бессознательного человечества, именуемый «Мировым Древом». В культурологических и междисциплинарных [4] исследованиях часто подчеркивается, что именно этот архетип, наглядное воплощение которого — ни что иное, как новогодняя ель, является стержнеоб-

разующим для практически всех известных мифологических систем; что именно он в былые эпохи знаменовал собой связь мира земного и мира божественного, небесную и земную властную иерархии (в связи с последним обстоятельством автор настоящей статьи и использовал его в своей работе [5], посвященной анализу инвариантных структур политической власти). И, наконец, уже в связи с написанием работ [6; 7] автору довелось ознакомиться с работой А.С. Карпенко [11], в последних строках которой содержался примечательный вывод, казалось бы, из совершенно другой области:

«Итог можно подвести следующий. **Как истинностные значения, так и возможные миры** (моменты времени, точки соотнесения) не являются абстрактными элементами (точками) в алгебраических и реляционных семантиках, а **представляют собой некоторые структуры**. Структурализация этих объектов не является столь уж случайной. **Истинностные значения** многозначных логик, а в некоторых случаях и точки соотнесения, для удобства обозначаются числами (дробными, натуральными, целыми и т.д.). **Но в работе** А.С. Карпенко “Конечнозначные логики Лукасевича...” **показано, что исходные “кирпичики” математики, т.е. простые числа, также являются структурализованными, а именно каждое простое число представимо в виде корневого дерева»** [11, с. 188] (выделено нами. — *И.Д.*).

После этого стало ясно, что такие совпадения не могут быть случайными: Мировое Древо как центральный архетип коллективного бессознательного, организующий мифологические системы почти у всех народов мира; древовидная «феодално-клановая» структура политической (и, надо сказать, не только политической) власти; древовидная структура истинностных значений в многозначных логиках; древовидная структура логического вывода вообще как в науке, так и в повседневной жизни, и так далее, вплоть до древовидной организации каталогов и файлов в домашнем компьютере. Подобная универсальная мыслительная тяга человека должна была иметь какое-то единое объяснение. И похоже, что один современный исследователь, специалист в области математики и математической физики А.Ю. Хренников, дал это объяснение — правда, не применительно к разбиравшимся нами феодализации власти, орга-

низации мифологического мировосприятия или древовидным истинностным значениям в многозначных логиках, а применительно только к структурам мышления как такового, но это даже и к лучшему, т.к. его подход включает в себе максимальную всеобщность. К величайшему сожалению, его попытка осталась почти незамеченной и его коллегами, и философами.

«Однажды много лет назад Декарт, взглянув через зарешеченное окно на росший во дворе дуб, понял, что с помощью оконной решетки можно задать числами положения частей дуба: ствола, ветвей, листьев, — оцифровать дуб... Декарт воскликнул: “Эврика!” (или еще что-то в этом роде) и создал прямоугольную декартову систему координат. Это был момент величайшего значения в математизации физики. Любой материальный объект мог быть закодирован с помощью декартовых координат» [19, с. 6].

Так начинает А.Ю. Хренников одну из своих основных (в контексте нашей статьи) работ. Как он пишет далее, «реальность» вещественной декартовой модели R^3 , используемой для описания движения материальных тел, является результатом многовековой научной эволюции. Используя ее, удалось адекватно описать широкий круг явлений в мире материи. Однако уже в начале XX в. стало ясно, что **некоторые физические явления невозможно описать в физическом пространстве R^3 . Адекватное описание явлений возможно только в комплексном гильбертовом пространстве H , которое и играет роль координатного пространства в квантовой физике. «Конечно, можно попытаться использовать для описания духовного мира ту же систему координат, что использовалась и для описания материального мира. И по этому пути идет подавляющее большинство исследователей** (выделено нами. — *И.Д.*). В частности, в сотнях лабораторий по всему миру (с помощью все более и более совершенных магнитно-резонансных приборов) создаются все более и более точные вещественные декартовы карты активации нейронов в головном мозге. Это интересный вид деятельности, — пишет А.Ю. Хренников. — Однако не верится, что он может привести к пониманию духовных процессов» [19, с. 8].

«В последнее время, — продолжает он, — так же проводятся многочисленные исследования по созданию квантовых моделей работы мозга. В принципе, — замечает Хренников, — это правильное направление. Убедившись, что дух невозможно вложить в R^3 , стоит попытаться вложить его в гильбертово пространство H . Однако подавляющее большинство квантово-ментальных исследований базируется на крайне сомнительном постулате редукции: *духовные процессы могут быть сведены к квантовым физическим процессам в микромире* (курсив А.Ю. Хренникова. — *И.Д.*). Например, Роджер Пенроуз пытается свести акт мышления к гравитационному коллапсу. В моей работе ... приведены серьезные критические аргументы против квантово-физической редукции духа. Квантовые модели могут использоваться для описания духа, но они не должны быть основаны на постулате редукции. Квантовое поведение духа есть следствие его специфической информационной структуры, а не эффект квантового поведения микроскопических составляющих человеческого мозга» [19, с. 8–9].

«Однако, — продолжает А. Хренников, — квантовые модели духа не являются основным предметом исследований, представленных в этой книге... Это, в общем-то, следующий этап исследований». В данной своей книге Хренников, по его словам, хочет создать классическую психофизику. Каким же образом он собирается это делать? С помощью привлечения так называемых p -адических чисел. «Важнейшей чертой вещественного континуума, — пишет он, — является его однородность. Все точки физического пространства (с моделью R^3) равноправны. Мы не можем сказать, что одна точка важнее другой. Однако дух неоднороден! Мы не можем сказать, что все человеческие мысли, идеи, понятия, чувства равноправны. Более того, дух иерархичен! Существует четко выраженная иерархия понятий, образов, чувств. Однако *полной упорядоченности в ментальном пространстве нет* (курсив А.Ю. Хренникова. — *И.Д.*). Невозможно иерархически упорядочить все понятия, образы, чувства. Существуют несопоставимые (“несоизмеримые”) духовные объекты» [19, с. 9].

«Вернемся, — пишет А.Ю. Хренников, — к декартовому дубу и рассмотрим его не через прямоугольную решетку окна, а с точки зрения

иерархии частей дуба. С некоторым удивлением обнаружим, что наилучший способ иерархической кодировки дерева состоит в использовании самой структуры дерева в качестве координатной сетки... Таким образом, если бы Декарт в XVII веке заинтересовался не вложением дуба в однородное вещественное “физическое” пространство, а внутренней иерархической геометрией дуба, то, возможно, что вместо прямоугольной системы координат он бы открыл древовидную p -адическую систему координат» [19, с. 9–10].

После краткой характеристики системы координат p -адических чисел (она очень специфична) А. Хренников пишет следующее:

«Удивительный математический результат дает знаменитая теорема теории чисел — *теорема Островского*, утверждающая, что третьего “естественного континуума” не существует (курсив А.Ю. Хренникова. — *И.Д.*). Под естественным мы понимаем ... континуум, являющийся пополнением множества рациональных чисел Q и числовым полем. И R , и Qp , p — простое, являются числовыми полями, пополняющими поле рациональных чисел Q . Здесь мы не будем вдаваться в детали вложения Q в Qp , т.е. представления рациональных чисел некоторым множеством ветвей p -адического дерева... Таким образом, в силу теоремы Островского любое пополнение поля Q , являющееся полем, — это либо поле вещественных чисел R , либо одно из p -адических чисел Qp , p — простое. Лично я, — замечает А.Ю. Хренников, — отношусь к теореме Островского с почти религиозным трепетом, считая, что это знак свыше, указывающий, что природа состоит из двух и только двух частей. Одна из них описывается вещественными числами, а другая p -адическими... Классическая физика — это вещественная физика. Предстоит понять, какая же часть природы описывается p -адическими числами» [19, с. 11–12].

На наш взгляд, очень интересный и нестандартный подход! После ознакомления с ним невозможно не провести параллелей с Мировым Древом в мифологии, феодальной кланизацией власти в политике, древовидными истинностными структурами в логике и вообще в человеческом мышлении. Как уже говорилось ранее, подобная универсальная мыслительная тяга человека должна иметь какое-то единое

объяснение и похоже, что А.Ю. Хренников дал это объяснение. Теорема Островского плюс неудача более чем полувековых попыток объяснить действие человеческого разума через классические (в смысле приверженности декартовым системам координат и до-квантовой физике) модели нейронных сетей приводят к единственно возможному выходу из застарелого тупика: переходу к «исходным кирпичикам» анализа психологической, духовной реальности в виде древовидных p -адических структур. Почти наверняка проследить и то, к каким следствиям идеи Хренникова приводят применительно к основным фигурантам уже нашей монографии [7] — квантовым моделям психологии и следствиям из них для философских дисциплин, особенно для социальной философии:

«В 1984 году В.С. Владимиров и И.В. Волович предположили, что p -адические числа могут быть использованы для описания пространства на фантастически малых расстояниях, так называемых планковских расстояниях... В 1987 г. И.В. Волович предложил использовать p -адическое пространство в теории струн. Работа И.В. Воловича ... вызвала настоящий шквал публикаций по p -адическим струнам... По существу, Владимиров и Волович выразили в четкой математической форме неясные представления о неархимедовости (и неупорядоченности) пространства в микромире, витавшие на протяжении десятилетий в космологии, теории гравитации и теории струн» [19, с. 12]. «...Тем не менее, — пишет Хренников, — после написания монографии ... в 1994 году я стал задумываться над тем, что, возможно, p -адические координаты описывают какую-то другую часть природы, отличную от микромира. В это время впервые после революции на русском языке были опубликованы труды Зигмунда Фрейда. Читая его книги, я загорелся идеей создать математическую теорию, описывающую психологическое поведение и, в частности, формализующую психоанализ. Старт с трудов Фрейда, а не с исследований по нейрофизиологии и когнитивным наукам, сыграл фундаментальную роль в моих дальнейших исследованиях. Начиная с современной нейрофизиологической и когнитивной литературы, я бы постепенно погряз в R^3 -картах мерцания возбужденных нейронов, работе нейронных сетей, потоках электричества в мозге, т.е. был бы

автоматически вовлечен в использование для исследования духовных процессов вещественной декартовой системы координат (развитой для исследования материи). Однако Зигмунд Фрейд не писал о функционировании нейронных систем. Он описывал потоки идей, представлений и желаний, причем эти духовные объекты в фрейдистском описании были не менее реальны, чем материальные объекты. Духовные объекты эволюционируют, взаимодействуют друг с другом; здесь активно действуют духовные силы. Например, одна из таких сил вытесняет сильные... но запретные переживания в область бессознательного, создавая тем самым комплексы. Комплексы, в свою очередь, индуцируют силы, действующие из подсознания на потоки осознанных идей. Интуитивно было ясно, что мы имеем дело с динамикой в духовном (ментальном) пространстве, весьма схожей с динамикой материальных объектов в физическом пространстве. Необходимо было лишь ввести соответствующую систему духовных координат и математически описать ментальные потоки. Из соображений, которые уже приводились выше, я сразу отмел возможность использования R^3 -модели. Как уже отмечалось, духовное пространство не является однородным; оно также не является упорядоченным... С другой стороны, в духовном мире существует четкая иерархическая структура. Заметим, что неупорядоченность вполне согласуется с иерархичностью. Для двух духовных объектов x и y всегда существует некоторый духовный объект z , который стоит в иерархической вертикали выше x и y . Однако при этом x и y могут быть несравнимы между собой. Имея огромный опыт работы в p -адической физике, я сразу обратил внимание на то, что p -адические деревья удовлетворяют вышеприведенным требованиям к духовным пространствам» [19, с. 14–15].

В дальнейшем (глава 5 работы [19]) А.Ю. Хренников развивает теорию, аналогичную интерпретации Дэвидом Бомом квантовой механики, утверждающей, что кажущееся случайным, спонтанным изменение состояний квантового объекта в действительности неслучайно и управляется нелокальными скрытыми параметрами (теория «волны-пилота»), но делает это, что принципиально важно, на новой математической основе p -адических чисел. Только одно обстоятельство, на наш взгляд,

сильно портит его работу: в ней, в том числе и в вышеуказанной главе, он рассматривает сознание как квантовоподобный феномен, считая бессознательное феноменом классическим. В действительности, на наш взгляд, все обстоит ровным счетом наоборот. О чем конкретно идет речь?

В исследованиях систем различного класса хорошо известны так называемые гиперболические распределения, которые часто называют «ципфовскими». Это распределения (или законы) Ципфа, Парето, Лотки, Уиллиса, Бредфорда и др. Их общая черта — резкая асимметричность в отличие от «гауссовых» распределений, а удивляющая и до сих пор не объясненная специалистами особенность — выраженность одной и той же по сути математической формулой, в которой варьирует только показатель степени (формула записывается в двух видах — частотном и ранговом, но это непринципиально). Например, закон Парето гласит, что приблизительно 80% богатств принадлежит 20% населения, 80% работы выполняется 20% работников, 20% клиентов приносят 80% прибыли и т.п., а закон Ципфа устанавливает не менее асимметричное использование слов в законченных текстах большого объема, фонем и слогов. Аналогичная асимметрия наблюдается в распределении численности населения по городам. Но, вероятно, самым строго подтверждающимся в том виде, в котором он был в свое время открыт, является закон Лотки. Он касается распределения научной продуктивности ученых, выражающейся в числе их публикаций. В 1926 г. американский математик Альфред Лотка подсчитал число ученых, написавших одну, две и т.д. статьи, приведенные в реферативном журнале по химии за десять лет, и получил распределение, в котором показатель степени равнялся единице. Его результаты получили большой резонанс, вдохновив на подобные исследования других, и очень скоро дело дошло до того, что справедливость закона Лотки стало возможно проверять на числе публикаций, посвященных закону Лотки. И, более того, стала вырисовываться почти анекдотичная ситуация, поскольку выяснилось, что распределения такого же характера, т.е. резко асимметричные, описывают, например, умение играть в гольф, результаты сдачи экзаменов по математике и число владельцев имений (по их

годовому доходу), принявших участие в восстании якобитов в 1717 г. [17, с. 8–10]. После всех этих открытий специалисты не могли не признать, что появился новый класс распределений. Их называли «негауссовыми», подчеркивая тем самым отличие от симметричных распределений, названных в честь немецкого математика, и на повестку дня встал вопрос об их объяснении.

Объяснения давались всегда. Попытки делались и авторами данных открытий, и другими специалистами, но все они в той или иной степени признавались неудовлетворительными, т.к. всегда недоставало какого-то связующего звена. Чаще всего это делалось следующим образом: закон Ципфа – Парето — результат действия двух взаимонаправленных факторов. Например, если говорить о числе публикаций в научных изданиях, то эти факторы таковы: желание публиковаться и пропускная способность журналов. Однако, как показал еще А. Лотка, открытый им закон описывает число открытий по физике за период с 1600 по 1900 г., проверенных по трудам Лондонского королевского общества. Такой автор, как Д. Крейн, указывает, что данному закону подчиняются открытия и изобретения в других сферах [20, с. 73], хотя на их выдвижение не влияет пропускная способность журналов. Уже в наши дни синергетики — например Г. Малинецкий, — интерпретируют данные закономерности как «самоорганизованную критичность». Имеется в виду то, что, во-первых, элементы в системе, подчиняющейся закону Ципфа, взаимосцеплены между собой, а сама система высокоадаптирована к быстро меняющимся условиям, поэтому платой за такую самоорганизованность является «критичность» — небольшое изменение условий вызывает лавинообразные изменения (см. об этом: [12, с. 88]). Дело в том, что данному закону подчиняется и распределение числа частиц — например песчинок — в сошедшей лавине, а рассмотрение моделей схода лавин, турбулентности и т.п., как известно, типично для синергетики. Но как приложить такое объяснение к тому же самому факту: подчиненности ципфо-паретовскому закону выдвижения открытий, изобретений? **В этом случае получается, что мысли, идеи самых разных, не связанных между собой в повседневной жизни людей оказываются сцепленными, как в**

обычной материальной системе. К слову сказать, примерно то же самое получается и при ситуации, рассматривавшейся еще В. Парето, когда 20% работников — независимо от марксистского тезиса о «форме собственности на средства производства» — делают 80% работы в коллективе. Как-то «само собой» получается, что суммарные вклады каждого из работников в итоге выравниваются, отливаясь в паретовскую формулу. Разумеется, это производит меньшее впечатление, чем то, когда разные ученые и изобретатели, часто даже не подозревая о существовании друг друга, делают, как им кажется, сугубо индивидуальную работу, которая на поверку оказывается выраженной коллективной формулой, но тем не менее. Так неужели все-таки наши мысли — это в какой-то степени не только наши мысли? И если это верно, то как такое оказывается возможным? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, следует вникнуть в механику зарождения самих наших мыслей и (как частный случай) научно-изобретательских идей.

Если мы считаем, что за порождения нашей психики ответственно сознание, то мы в таком случае окажемся в тупике — сознательно люди в вышеописанных ситуациях между собой не взаимодействовали. Если мы будем по инерции продолжать рассуждать, что за наши мысли ответственно в первую очередь сознание, а бессознательное — лишь вспомогательная часть нашего «Я», то ситуация не изменится. Однако если мы примем, что именно бессознательное является ведущей силой в нашем психическом аппарате (а, вообще говоря, это уже доказано опытами Либета — см. об этом [15, с. 260–261]), то перед нами предстанет совершенно иная картина.

Открытия и изобретения в первую очередь бессознательны: это интуитивный прорыв, лишь подготавливающийся и завершающийся сознательной обработкой. Сочинение литературных и прочих произведений — это тоже в первую очередь бессознательный процесс, как и любое творчество. Наша повседневность, в том числе экономическая, в том числе трудовая, — это в первую очередь неформальные и лишь затем формальные отношения, а отношения неформальные — это то, что напрямую подвержено влиянию спонтанно возникающих реакций, т.е. тоже опирающихся на бессозна-

тельное как фундамент. Поэтому весь вопрос заключается в том, как трактовать устройство нашего бессознательного. Если ориентироваться в первую очередь или исключительно на бессознательное индивидуальное, как это делали Фрейд и Адлер, то от этого прояснится не-намного больше, чем когда мы берем в расчет только сознание. Однако если вспомнить, что существует еще бессознательное коллективное, о чем много и плодотворно писал Карл-Густав Юнг, мы и получим первый необходимый нам ключ для разрешения проблемы пронизанности социальных отношений ципфо-паретовскими распределениями.

Юнг, как известно, писал о коллективном бессознательном в основном в контексте «архетипов», но при всем нашем величайшем уважении к этому ученому и мыслителю нельзя не признать, что данный подход достаточно феноменологичен. «Поздний» Юнг постепенно сместил фокус своих интересов с архетипов на проблему так называемой «синхронистичности» — смысловой тождественности событий при отсутствии между ними причинно-следственных связей и, что интересно, делал он это уже в период своего сотрудничества с одним из творцов квантовой механики В. Паули.

Зададимся вопросом (или вопросами): на что похожа ситуация, когда суммарный результат поведения множества людей оказывается одинаковым независимо от личностей, культур и эпох? На что похожа данная картина как в случае с законом Парето – Ципфа, так и в случае с инвариантной, не меняющейся веками основой «менталитета» (коллективного подсознания, т.е., по сути, способной быть осознанной частью коллективного бессознательного) того или иного народа? Нет ли каких-либо аналогий этому в мире природы?

Ответ на данный вопрос сколь прост, столь и, возможно, необычен с точки зрения обычных подходов: это похоже на так называемый «парадокс Эйнштейна – Подольского – Розена» в квантовой механике.

В 1935 г. Эйнштейн и два его сотрудника опубликовали статью, в которой надеялись опровергнуть детище Бора – Гейзенберга – Шредингера. Суть этого парадокса можно передать следующим образом: если две частицы взаимодействовали между собой, между ними образуются так называемое «запутанное», или

же «зацепленное» (entanglement), т.е. скоррелированное состояние с общими суммарными характеристиками — импульсом, так называемым «спином» и др. После этого частицы разлетаются на любое мыслимое расстояние. Допустим, при суммарном спине, равном нулю, спин одной будет равняться «минус единице», следовательно, спин другой в то же самое время принимает значение «плюс единица». Поскольку частицы в микромире имеют свойство распадаться и взаимопревращаться самым различным образом, ограниченным только законами сохранения, то в процессе дальнейших взаимодействий суммарные характеристики у них должны оставаться общими. Ничего парадоксального, казалось бы, в этом нет. Однако все дело в том, что в микромире существует своего рода «берклианство». Конкретные значения многих характеристик частиц определяются **только в моменты наблюдения**. Поэтому экспериментатор, поймавший вторую частицу, совершенно не обязан обнаруживать, что ее характеристики скоррелированы с определенными до этого характеристиками первой частицы, однако именно это он всегда и обнаруживает. Эйнштейн считал, что подобное дальнее действие в микромире невозможно, и квантовая механика как минимум чего-то не учитывает. Однако проведенные в 1980-е г. А. Аспектом и др. эксперименты показали, что частицы действительно реагируют на измерения друг друга со скоростью, превышающей скорость света. Для многих такие результаты оказались неожиданными, но тем не менее факт остался фактом: частицы, хотя бы раз вступившие во взаимодействие между собой, «чувствуют» друг друга (см. об этом [18]).

Несмотря на существование по крайней мере с 1960-х гг. гипотез, обосновывающих, что в человеческом мозге происходят макроскопические квантовые процессы, пока не находятся способные убедить в этом скептиков экспериментальные подтверждения данным взглядам, а сами скептики избранную когда-то парадигму менять не торопятся (см. об этом [16]). Мы считаем, что дополнительными косвенными доказательствами именно квантовоподобной организации бессознательных, а значит — львиной доли всех мыслительных, процессов могут служить факты социального характера — и те,

что фиксируются законом Ципфа – Парето, и многие другие (см. об этом подробнее [7]).

Посмотрим, например, что происходит в том случае, когда выполняется закон Ципфа для текстов, т.е. когда количество использованных для его написания слов (или китайских иероглифов — такой вариант тоже проверялся Ципфом) оказывается распределенным согласно определенной гиперболической закономерности. Очевидно, что такая работа никогда не производится сознательно, а следовательно, осуществляется только бессознательно. В этом случае бессознательное действует как компьютер, который, во-первых, переводит любые символы любого языка — английского, русского или китайского — в числовую форму и, во-вторых, контролирует соотношенность использования слов с идейным замыслом текста с самого начала и до конца его написания тем или иным автором (в исследованиях, посвященных закону Ципфа, особо подчеркивается необходимость целостности текста, для которого справедлив данный закон: для произвольных отрывков он не работает). С другой стороны, чтобы координировать экономическую или глубоко интеллектуальную деятельность миллионов и миллиардов людей, число вариантов которой на порядки превосходит число атомов в наблюдаемой Вселенной (!), необходим, во-первых, новый тип компьютеров, способных делать такие вычисления; во-вторых, механизм доступа к формирующимся на подсознательном уровне мыслям (идеям) этих самых людей «в режиме реального времени», так и их практически мгновенное просчитывание и обработку. Вычисления с требуемой скоростью могут совершать только так называемые квантовые компьютеры. Согласно имеющимся гипотезам — например, гипотезе Е. Либермана [13], каждый нейрон — это такой компьютер. Поскольку *число атомов во Вселенной не превышает десяти в восьмидесятой степени, а задачу перебора десяти в пятисотой степени различных вариантов квантовый компьютер решит за несколько минут* (!) (см. [10, с. 220–221]), то вопрос «Если по крайней мере часть нашего бессознательного действует как сеть квантовых компьютеров, получая необходимую для обработки информацию с помощью эффекта, зафиксированного парадоксом Эйнштейна – Подольского – Розена (так называемой кванто-

вой нелокальности), сможет ли такая сеть компьютеров просчитать и “усреднить” по ципфопаретовской формуле деятельность нескольких миллиардов людей?» — становится риторическим. Это займет в среднем те же минуты или даже секунды.

Что же касается обвинений квантовых теорий **сознания** в «физикализме», то они, как это ни покажется противоречащим вышесказанному, действительно обоснованны, но к нашей гипотезе это не имеет ровным счетом никакого отношения, потому что мы, как и А.Ю. Хренников, считаем, что квантовоподобность **бессознательного** — следствие ее специфической организационной структуры, а не сводимости к микропроцессам в мозге.

Таким образом, очень много фактов социального и психологического характера, рассмотренные в нашей монографии [7], и в частности — так называемый закон Ципфа – Парето, — косвенным образом указывают на то, что квантовоподобным является именно бессознательное, а сознание, как это вполне очевидно, является классической системой хотя бы потому, что в норме оно не находится в «расщепленном» состоянии «суперпозиции», характерном для квантовых объектов. Это, надо сказать, совершенно естественно и закономерно, т.к. именно бессознательное психическое напрямую граничит с соматикой, телесностью человека, а следовательно, — с материей, но все известные материальные процессы являются квантовыми. Если схему А.Ю. Хренникова «перевернуть» (т.е. считать квантовоподобным не сознание, а бессознательное, и именно бессознательное представить аналогом «ведущей волны» для «частицы», т.е. сознания), то она станет великолепной рабочей моделью. Пора уже специалистам по философским проблемам теорий сознания и социальной коммуникации обратить внимание на эту работу специалиста в области математической физики, чтобы вывести философию из круга одних и тех же, не меняющихся десятилетиями (а часто и столетиями) застарелых ходов мысли.

Подробно связанные со всем вышесказанным вопросы мы рассматриваем в монографии [7]. К.-Г. Юнгу не хватило времени сделать решающий шаг на пути объяснения своей же собственной трактовки коллективного бессознательного (архетипической и особенно синхро-

нистической) как квантовой или же квантовоподобной системы, хотя, сотрудничая с Паули, он уже начал движение по этому пути. После того как в восьмидесятые годы прошлого века был подтвержден парадокс Эйнштейна – Подольского – Розена и была обоснована возможность создания квантовых компьютеров, а в девяностые годы — открыта так называемая квантовая телепортация (мгновенный, независимо от расстояний, перенос состояния частицы от одной к другой через посредство взаимодействовавшей с ними третьей в силу все той же квантовой нелокальности, фиксируемой в парадоксе ЭПР), пришло время «динамизировать» теорию коллективного бессознательного. Перейти от феноменологической статики к физико-математической динамике.

Вышеописанное направление исследований, сочетающее квантовую физику, радикальную математику и антиредукционизм в теории сознания, способно внести наиболее реальный вклад и в дело создания адекватной XXI в. онтологии разума, и в дело решения, так сказать, «основного вопроса социальной философии» и социогуманитарного знания вообще — отсутствия в этом знании должной степени точности и объективности. Вообще, данный трансдисциплинарный проект — не первая подобная попытка. Развитие трансдисциплинарных научных исследований и их философское осмысление во второй половине XX в. приблизительно до начала 1990-х гг. прошло под знаком системного подхода и построения различных вариантов общей теории систем (ОТС). Однако математические средства для этого, как сейчас становится ясно благодаря все тому же А.Ю. Хренникову, были выбраны негодные, «декартовские». Плюс ко всему на рубеже 80–90-х гг. прошлого века — особенно это касается нашей страны — произошло нечто невероятное. Системный подход — не столько, конечно, в науке, сколько в философии и мировоззрении широких слоев общества вообще — в очень существенной степени заменился «осколочно-зеркальным» постмодернистским подходом. По-видимому, в роли злого Тrolля здесь выступила политика с глобальным переделом власти и собственности у нас в стране и в мире: приватизационная и прочая вакханалия, разгуливающая прежде всего на просторах бывшей одной шестой части суши, нуждалась в

идеологическом, а в какой-то степени — и в философском оправдании. В то же самое время синергетика, гуманитарной версией которой и является постмодернизм, сегодня прочно утвердила себя в качестве господствующего трансдисциплинарного направления и в философии, и в учебных программах.

Тем не менее, вопреки этой доминирующей «странно-аттракторной» и «хаосовоспевающей» тенденции моделирование основополагающих психологических и социальных процессов возможно при использовании теории, на которой прямо или косвенно основан практически весь технический прогресс XX в., — квантовой механики. В своей книге «Структуры коллективного бессознательного: Квантовоподобная социальная реальность» [7] мы, как уже говорилось, рассматривали в основном случай с так называемыми ципфо-паретовскими распределениями. Однако крайне важно понимать, что эти распределения охватывают не только сферы экономики, политики, языка, научных открытий и изобретений, но и другие, вплоть до распределения гравитационной плотности звездных систем! По сути, в лице этих распределений наука имеет дело с универсальными (при этом — древовидными, р-адическими) структурами коллективного (а лучше сказать — мирового, в смысле Э. фон Гартмана) бессознательного вопреки тому, что утверждают постмодернисты («Нет универсального бессознательного, как на том настаивает психоанализ» — Ж. Бодрийяр, [1, с. 37]; «Почему не идет речи о следовании Юнгу» — Ж. Деррида, [9, с. 253]). Крайне важно понимать, что ципфо-паретовские распределения с математической точки зрения выражают ни что иное, как метрику р-адического типа. Силу и потенциальные возможности квантово-нелокального подхода в последние годы вынуждены признавать даже наиболее видные представители синергетического направления, заметно корректируя свои прежние идеи (см. об этом [2; 3]).

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.
2. Буданов В.Г. Ритмокаскады в истории и модель будущего России //Материалы Междунар. форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход», 16–19 октября 2006, г. Звенигород / под ред. В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2006.

3. С. 44–59. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/BudanovRitm.htm> (дата обращения: 01.12.2012).
3. Буданов В.Г. Как возможна квантово-синергетическая антропология, синтетические миры телесности. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/budanovii.htm> (дата обращения: 01.12.2012).
4. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб.: Лань, 1999.
5. Данилевский И.В. Социально-философский анализ природы и инвариантов структуры политической власти: дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2001.
6. Данилевский И.В. К проблеме интерпретации природы коллективного бессознательного // Проблемы человека в современном обществе: материалы Шестой КАНТовской науч.-практ. конф. Казань, 24 июня 2003 г. Казань, 2003. С. 34.
7. Данилевский И.В. Структуры коллективного бессознательного: Квантовоподобная социальная реальность. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ком-Книга, 2005.
8. Данилевский И.В. Россия и Европа. М.: КНИГА, 1991.
9. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000.
10. Дойч Д. Структура реальности: пер. с англ. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001.
11. Карпенко А.С. Фатализм и случайность будущего: Логический анализ. М.: Наука, 1990.
12. Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б. Современные проблемы нелинейной динамики. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
13. Митина С.В., Либерман Е.А. Входные и выходные каналы квантового биокомпьютера // Биофизика. 1990. Т.5, вып.1. С. 132–135.
14. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. М.: Инфра-М, 1996.
15. Пенроуз Р. Тени разума: В поисках науки о сознании. Часть II: Новая физика, необходимая для понимания разума. М.: Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005.
16. Пенроуз Р., Шимони А., Карптрайт Н., Хокинг С. Большое, малое и человеческий разум. М.: Мир, 2004.
17. Петров В.М., Яблонский А.И. Математика и социальные процессы. М.: Знание, 1980.
18. Философские исследования оснований квантовой механики. К 25-летию неравенств Белла. М.: Философское общество СССР, 1990.

19. Хренников А.Ю. Моделирование процессов мышления в р-адических системах координат. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004.

20. Яблонский А.И. Модели и методы исследования науки. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

ABOUT NEW VERSION OF THE UNCONSCIOUS ONTOLOGY

Igor V. Danilevsky

Kazan State University of Architecture and Engineering; 1, Zelenaya str., Kazan, 420043, Russia

In the article the human psychology and social processes are examined through a prism of some modern representations about human mentality as quantum-like system and philosophical ontology. Author suggests, that these phenomena are connected with so-called «collective unconscious». Necessity of joint application of the p-adic mathematical analysis with representations about quantum-like processes of «collective unconscious» is accentuated.

Key words: p-adic mathematical analysis; «collective unconscious»; social processes; quantum-like systems.

УДК 165.9

ДОНАУЧНОЕ И ПАРАНАУЧНОЕ ЗНАНИЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

А.А. Андреев

Осуществлен философский анализ донаучного и паранаучного знания. Выявлены культурно-исторические причины существования паранаук в современном мире. Обоснована роль донаучного и паранаучного знания в понимании культуры и науки.

Ключевые слова: донаучное знание; паранаучное знание; культура; наука; мистицизм.

На наш взгляд, паранаука — это совокупность учений, представляющих имитацию научных учений.

Генерализирующие линии развития культуры — это основные, главные, общепризнанные линии развития культуры. К ним относятся официальные науки, мировые религии, общепризнанные направления искусства, политические и моральные учения.

Нестандартные линии развития культуры — это нетрадиционные, неофициальные линии развития культуры. К ним относятся паранауки.

Проблема состоит в том, что сегодня недостаточно определена роль паранауки в современной культуре. Исходя из этого возникает проблемный вопрос: является ли паранаука временным, преходящим явлением в культуре, или же это признак формирования нового типа культуры?

Для ответа на данный вопрос я использую представление о культуре как о динамично развивающейся системе, которая постепенно реализует в истории свое духовное содержание в виде различных форм знания, стилей мышления, картин мира, типов мировоззрения, генерализирующих и нестандартных линий культуры. Я придерживаюсь той точки зрения, что сегодня паранаука и некоторые нестандартные линии культуры являются признаком формирования нового типа культуры. Об этом позволяет говорить само взаимодействие генерализирующих и нестандартных линий культуры. Специфика этого взаимодействия проявляется в

том, что оно затрагивает основания культуры, ее мировоззренческие и ценностные универсалии, которые становятся подвижными, изменчивыми и относительными. Проявляется это в неустойчивости ценностных ориентаций современного человека, экзистенциальных кризисах, поиске новых духовных ориентиров.

Начиная анализ паранауки с древнего периода истории, нужно отметить, что древние люди не могли имитировать научные учения, поскольку науки тогда еще не было. Поэтому знания древних людей будет правильнее назвать донаучными. Изучение донаучных знаний древности необходимо для того, чтобы лучше понять причины возникновения паранауки. В современном мире некоторые представители паранауки осознанно или неосознанно используют мистические знания древних людей. Мистицизм и мифологизм древних культур легко просматривается в некоторых современных паранаучных учениях.

Говоря об историческом анализе паранауки важно отметить, что сегодня еще не сформирована методология для изучения паранауки и ее истории. В каждом историческом периоде паранаука имеет определенные особенности, отличные от других исторических периодов. Кроме этого, большое значение имеет критерий, по которому определяется отличие научного знания от донаучного в каждом историческом периоде. Например, если за основу берутся критерии выработанные естественнонаучным знанием эпохи Нового времени, то донаучными будут те учения, которые существова-

ли до этой эпохи. Если за основу берется критерий рациональности, то к донаучным будут относиться учения, существовавшие до эпохи античности, поскольку первые натурфилософские теории древнегреческих философов были рациональными.

Рассматривая зарождение и формирование донаучных знаний в древнем историческом периоде, необходимо указать на то, что этот вопрос также труден для изучения, как и вопросы о возникновении первого человека на планете или возникновении Вселенной. Большая временная дистанция, отделяющая древность от современности, разнообразие мировоззренческих позиций, социокультурная обусловленность не позволяют сегодня точно и однозначно ответить на эти вопросы. Поэтому их традиционно относят к разряду «вечных». По поводу проблем и вопросов, связанных с древним периодом истории, современная наука имеет лишь множество различных гипотез. Поэтому зарождение паранауки в древнем периоде только гипотетически можно связать с моментом появления первых знаний древних людей о природе, космосе, человеке, сельском хозяйстве, охоте и других жизненно необходимых материальных и духовных потребностях. Появление этих знаний, их характер и конечная цель сегодня недостаточно изучены. Несмотря на это, историки, изучающие древний мир, антропологи и археологи продолжают свои исследования, основываясь на которых можно утверждать, что древние культуры имели глубокие знания об окружающем мире и собственном предназначении. Данные знания носили мистический, сакральный характер либо были связаны с практической хозяйственной деятельностью. Эти знания можно считать начальным этапом развития паранауки в виде донаучного знания.

Религиозные системы, открытия и изобретения в древнейших культурах Шумера, Египта, Вавилона, Индии, Китая и Южной Америки включали в себя мощно развитые знания, схожие с современной астрономией, математикой, геометрией, химией и анатомией. Но эти знания не были направлены на познание природы. Изобретение пороха и компаса в Древнем Китае осуществлялось с религиозной целью и все другие знания в древнейших культурах также были тесно связаны с мистикой и религией.

По мнению Т.Г. Лешкевич, когда наука находилась в младенческом возрасте, система древнейших знаний уже изобиловала различными ответвлениями, в числе которых были и математика, и медицина, и геометрия, и география, и химия. Наука, или, вернее, древнейший ее прототип, была вкраплением в оккультную сферу, как достаточно разработанную и полную систему знаний и сведений. Поэтому можно сказать, что связь науки и оккультизма генетическая, опирающаяся на происхождение [3, с. 166].

В.И. Арнольд отмечал, что теория Коперника была хорошо известна еще за две тысячи лет до его рождения. Египетские жрецы, создававшие в своих пирамидах всевозможные забавные устройства, уже прекрасно знали и то, в каком порядке идут планеты, и то, что они вращаются вокруг Солнца. В Древнем Риме, в храме Весты в 700 г. до н.э. существовал планетарий, в центре которого помещался огонь, символизовавший Солнце, а вокруг него вручную переносили планеты. Египтянам была известна и теория Ньютона, это признавал и сам ученый. В его неопубликованных теологических и алхимических работах есть упоминание о том, что ему принадлежит восстановление египетских доказательств происхождения миров [1, с. 112].

Некоторые авторы в качестве критерия для определения донаучного знания в доантичном историческом периоде используют практическую потребность древних людей. Например, они отмечают, что в древнеегипетской цивилизации вследствие опасности разливов рек возникла необходимость систематического наблюдения за явлениями природы, что способствовало открытию определенных связей между ними и привело к созданию календаря, открытию циклически повторяющихся затмений Солнца. Жрецы накапливают знания в области математики, химии, медицины, фармакологии, психологии, они хорошо владеют гипнозом. Искусное мумифицирование свидетельствует о том, что древние египтяне имели определенные достижения в области медицины, химии, хирургии, физики, ими была разработана иридодиагностика [2, с. 96–98].

В.С. Степин также указывает на практическую обусловленность знаний, существовавших в древности. По его мнению, существует

два метода формирования знаний, соответствующих зарождению науки (преднауки) и науки в собственном смысле слова. Зарождающаяся наука изучает, как правило, те вещи и способы их изменений, с которыми человек многократно сталкивается в своей практической деятельности и обыденном опыте. Он пытается строить модели таких изменений для предвидения результатов своих действий. Деятельность мышления, формирующаяся на основе практики, представляла идеализированную схему практических действий. Так, египетские таблицы сложения представляют типичную схему практических преобразований, осуществляемых над предметными совокупностями. Такая же связь с практикой обнаруживается в первых знаниях, которые относятся к геометрии, основанной на практике измерения земельных участков [6, с. 57–59].

Для мировоззрения древних людей применимы такие характеристики, как мистичность, магичность, мифологичность, сакральность, интуитивность, синкретичность, символичность.

В доантичном историческом периоде иррационализм лежал в основе мировоззрения всех культур. С наступлением эпохи античности в западной культуре стало формироваться рациональное мировоззрение, а иррациональное стало представляться чем-то глубоким, непостижимым и таинственным для разума. К рационализму античности можно отнести натурфилософские учения греческих философов. К иррационализму можно отнести орфизм, орфико-пифагорейские учения, гностицизм и герметизм.

В средние века философия и теология были основными интеллектуальными видами деятельности, претендовавшими на истинное познание. Естествознание в современном смысле этого слова не существовало в европейской культуре до позднего средневековья. Изучение природы как таковое отсутствовало. Путь к истине рассматривался как результат акта веры, поэтому изучение природы стало второстепенным по отношению к истинам откровения. Одной из центральных тем стало взаимоотношение веры и разума.

Значимым явлением в средневековой культуре, которое может рассматриваться как основание паранауки, является колдовство. По мне-

нию Б.И. Пружинина, собственной духовной средой существования феномена колдовства в средние века были суеверия и фольклорные представления [5, с. 317]. Колдовство в конце средневековой эпохи приобрело в общественном сознании статус вполне «законной» составляющей социокультурной среды [5, с. 318]. Говоря о рациональном освоении и исследовании колдовства в Средневековье, Б.И. Пружинин указывает на попытки построения «демонологии» [5, с. 323].

В середине XVII в. вместе с рациональной наукой развивался иррационализм. Представителем иррационализма классического периода развития науки был Блез Паскаль. Он утверждал, что логико-математическое мышление всегда исходит из таких начальных утверждений, как аксиомы или постулаты, которые не имеют строгого логического, математического обоснования. Эти исходные положения, с точки зрения Паскаля, человек принимает не «умом», поскольку он их логически не обосновывает, а «сердцем», т.е. верой. С помощью мистицизма Паскаль пытался преодолеть односторонность рационализма и признать достоверность интуитивно-чувственного знания.

В эпоху Нового времени произошло окончательное разделение научного и религиозного знания, становление механистической картины мира и зарождение механистического материализма. Были сформированы основные критерии научности классической науки: 1) объективность: весь окружающий мир — это познаваемый объект; 2) истинность: научное знание — это главная истина, оно является самым правильным и точным среди всех остальных форм знания; 3) интерсубъективность или общезначимость: любое новое научное открытие должно быть признано всем научным сообществом; 4) универсализм, или фундаментализм: наука должна давать достоверное и окончательно обоснованное знание; 5) опытность: научное знание должно быть подтверждено опытом, который осуществляется с помощью таких методов познания, как наблюдение, измерение и эксперимент; 6) воспроизводимость: научный эксперимент может быть воспроизведен в любое время и в любом месте, при этом его результаты не должны меняться.

Любое знание, которое не соответствовало вышеперечисленным критериям научности в данном

историческом периоде науки, могло быть объявлено паранаучным или внеаучным.

Если в классическом периоде истории в основе паранауки лежали причины преимущественно внутреннего, духовного характера, то в неклассическом периоде на первый план стали выходить причины внешнего материального характера — это социальные, экономические и политические явления, происходившие в середине XIX в. в Европе. Развитие промышленного производства, рыночной торговли, частной собственности, появление и развитие демократии, возникновение массового общества, всплеск иррационализма, социальные революции привели к изменению ценностей и традиций общества, к появлению новых форм удовлетворения духовных и материальных потребностей. Возникновение позитивизма и усиление материализма породило такие науки, как психология, социология, генетика, которые основывались на критериях естественнонаучного знания. Появились первые научные лаборатории, которые работали на промышленность. Большое историческое значение имели технические изобретения — создание паровоза, двигателя внутреннего сгорания, телефона, радио, кино. Открытия фундаментальных наук все больше начинали применяться в прикладных областях, направленных на обслуживание материальных интересов общества. Вслед за этим стали появляться такие паранауки, как парапсихология, волновая генетика, криптозоология, трансперсональная психология, дианетика, саентология, уфология. В этих паранауках содержатся элементы древнего народного фольклора, мистицизм и мифологизм древности, которые тесно связаны с научными знаниями и технологиями.

Во второй половине XX в., по мнению многих исследователей, сущность и специфика паранауки во многом стала определяться таким культурным явлением, как постмодернизм. Постмодернизм — это теория философского сомнения в прочности многих идеалов культуры, ее абсолютов, призывающая освободить сознание от универсально-всеобщих идеалов века модерна, в том числе от его фундамента — рационалистического мировоззрения [4, с. 92]. Постмодернизм пытается выявить специфические черты современной эпохи, противопоставляя их логике истории, т.е. игнорируя истори-

ческую преемственность культуры. Потому он не замечает того, что многие близкие постмодернизму по духу формы современного иррационализма по существу являются реанимированным и модернизированным пережитком мифологизма и мистицизма, поскольку в системе культуры ее исторические пласты никогда не исчезают полностью и навсегда. Низшие, более ранние исторические формы сознания становятся подчиненным, снятым моментом более высоких форм, изменяя свои функции и подчиняясь целям более высокой системы [4, с. 96].

Итак, культурно-историческое познание паранауки показывает, что основания паранауки формировались в духовном содержании культуры исторических эпох. Многие основания паранауки менялись в соответствии с культурными особенностями каждой исторической эпохи. Но некоторые основания сохранили свою жизнеспособность и в современном мире. Несмотря на возрастающую роль рационализма в мировой духовной культуре, основания паранауки дополнялись новым духовным содержанием в каждой исторической эпохе. Оказываясь в новых социокультурных условиях, паранаука приобретала специфические признаки, которые в дальнейшем влияли на развитие всей культуры. Своеобразные исторические формы паранауки дают четкое представление об эволюции духовных оснований культуры и эволюции взаимоотношения генерализирующих и нестандартных линий культуры.

Кроме того, культурно-исторический анализ паранауки приводит к осознанию того, что нестандартные линии развития культуры проявляют себя в тот момент, когда в культуре созревают необходимые для этого условия. Многие паранаучные идеи содержатся в культуре до тех пор, пока официальная наука в своем развитии не выработает методы и инструменты для изучения и признания этих паранаучных идей. До определенного момента многие паранаучные идеи находятся в культуре в «виртуальном» состоянии как реальная возможность реализации в будущем развитии культуры. Поэтому признаком формирования нового типа культуры можно считать те паранаучные идеи, которые в будущем признаются официальной наукой. Примером является гипноз, «кожное зрение» и многие идеи научной фантастики,

воплощенные в реальность официальной наукой и техникой. Но те паранаучные идеи, которые являются чьей-то преднамеренной имитацией научных учений, представляют временное, преходящее явление в культуре и не имеют собственных духовных оснований.

Таким образом, культурно-историческое исследование донаучного и паранаучного знания дает понимание того, как культура на протяжении тысячелетий осуществляет поиск новых духовных форм и оснований, с помощью которых она реализует свой духовный потенциал, тем самым формируя новые уровни бытия человека, новые способы существования и развития человечества.

Список литературы

1. *В защиту науки* / [отв. ред. Э.П. Кругляков]; Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. М.: Наука, 2009. Бюллетень № 5.
2. *Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Лешкевич Т.Г., Фатхи Т.Б.* Философия для аспирантов: учеб. пособие. Изд. 2-е. Ростов н/Д: Феникс, 2003.
3. *Лешкевич Т.Г.* Философия науки: традиции и новации: учеб. пособие для вузов. М.: ПРИОР, 1999.
4. *Наука и квазинаука* / В.М. Найдыш, Е.Н. Гнатик, В.Н. Данилов и др.; под ред. В.М. Найдыша. М.: Альфа-М, 2008.
5. *Пружинин Б.И.* *Ratioserviens?* Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2009.
6. *Степин В.С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

PROTOSCIENCE AND PARASCIENCE KNOWLEDGE: THE PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Artyom A. Andreev

*Kazan National Research Technological University;
68, Karl Marx str., Kazan, 420015, Republic of Tatarstan, Russia*

Philosophical analysis of protoscience and parascience knowledge is provided in the article. The cultural-historical reasons of parascience existence in the modern world are revealed. The role of protoscience and parascience knowledge in understanding of culture and science is founded.

Key words: protoscience knowledge; parascience knowledge; culture; science; mysticism.

УДК: 141.78 + 316.647 + 17.026

ТОЛЕРАНТНОСТЬ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

А.В. Логинов

Рассматриваются основные аргументы, направленные на защиту, ограничение, пересмотр или отказ от толерантности в качестве моральной ценности и политического принципа. Спецификация толерантности осуществлена в соответствии с работами П. Николсона, механизм толерантного отношения выведен из модели Д. Хейда, основные аргументы в защиту толерантности проиллюстрированы с привлечением работ Д. Локка, Д.С. Милля, П. Николсона. Контраргументы представлены коммуитаристской (М. Сандел, Ч. Тейлор), постмарксистской (Г. Маркузе), постлиберальной (Д. Грей) критической теорией.

Ключевые слова: толерантность; защита и критика; аргумент; либерализм; коммуитаризм; постмодернизм.

Идея толерантности, ставшая в нашей стране с недавних пор очень популярной, продолжает привлекать новых людей в ряды своих сторонников и противников. Большая часть «споров о толерантности», на мой взгляд, порождена не столько реальным расхождением в оценках роли этого феномена в повседневной жизни людей, сколько игнорированием специфического содержания понятия «толерантность» — содержания, рецепция которого в российской философской культуре так до конца и не завершена [5], несмотря на усилия по переводу и объяснению уже ставших классическими для англоязычной политической философии текстов [4; 8; 14].

В рамках статьи я сосредоточусь на определении толерантности, которое дает П. Николсон, и аргументах, нацеленных на защиту, ревизию или отказ от толерантности в том ее специфическом содержании, о котором пишет Николсон. Николсон определяет толерантность через пять бесспорных свойств (характеристик) [4]:

1. Наличие отклонения (Deviance). Необходимым условием толерантности является расхождение во мнениях, убеждениях, позициях, факт различия.

2. Важность (нетривиальность) отклонения (Importance). Для вас как субъекта толерантности наличие девиации (пункт 1) является *значимым*, существенным.

3. Моральное несогласие с происходящим (несогласие с отклонением) — (Moral

Disapproval). Вы *осознаете* собственное негативное отношение к отклонению, и это несогласие имеет моральные (не эстетические, не прагматические, а именно моральные) основания. *Моральность* неодобрения, помимо всего прочего, позволяет вам рассчитывать на поддержку со стороны «общественного мнения» или претендовать, как минимум, на выражение общезначимых суждений, поскольку моральные нормы, в отличие от эстетических вкусов или конкретных прагматических интересов, не локализованы только в сфере частной жизни индивидов.

4. Способность подавить отклонение (Power). Это означает, что у вас есть сила (Николсон трактует ее достаточно широко: от реальной способности физического воздействия до потенциального влияния на ситуацию через критику, пропаганду и т.п.) или способность, с помощью которой вы можете пресечь отклонение — толерантность, таким образом, невозможна по отношению к тому, что мы изменить не в силах.

5. И, наконец, невмешательство (неотторжение, Non-rejection). Вы, имея силу и будучи морально несогласными, не вмешиваетесь, не пресекаете сам факт существования отклонения.

В заключение Николсон приходит к выводу, что толерантность — это моральный идеал, и шестая (спорная) характеристика гласит о том, что толерантный субъект благ, то есть поступает *хорошо, правильно*. В основном все

концептуальные споры вокруг толерантности связаны с вытекающим из этого определением парадоксом. Если обратить внимание на отношение между пунктами 3, 4 и 5, то мы увидим, что в данное определение, которое специфицирует толерантность по отношению к уважению (в случае с уважением чьих-либо мнений нет отклонения), фатальной «терпимости» (нет сил изменить ситуацию), индифферентности (нет морального неодобрения) встроен парадокс: твоя мораль «кричит» о наличии некоторого отклонения, ты вполне можешь рассчитывать на одобрение со стороны других «моральных» субъектов, если, обладая силой, пресечешь это отклонение. Но, чтобы толерантность «случилась», ты не вмешиваешься в ситуацию вопреки собственным моральным убеждениям и при этом рассчитываешь на то, чтобы остаться добродетельным субъектом! Это «невозможно» (Бернард Вильямс), это чрезвычайно трудно — быть толерантным. Означает ли это, что объекты толерантности должны исчезнуть, распадаясь на классы тех явлений, которые а) вполне можно терпеть (минимум неодобрения, провал пунктов 1–3 в определении Николсона) и б) совершенно невозможно терпеть (провал пункта 5 в определении Николсона)? Очевидно, что люди уживаются вместе, хотя и бывают принципиально не согласны друг с другом по моральным вопросам. Следовательно, должны быть какие-то особые основания, оправдывающие «переключение» с собственного несогласия с отклонением на воздержание от применения силы. Позитивная теория толерантности обобщает и формализует эти основания. Моральное неодобрение при этом остается, но, по выражению М.Б. Хомякова, оно «подвешивается», «заключается в скобки» [6]. Рассмотрим возможный спектр аргументов «за» толерантность.

В схематичном виде основные аргументы в защиту толерантности можно классифицировать следующим образом: негативные, инструментальные и принципиальные.

Одним из ярких примеров негативной защиты толерантности (а именно, через доказательство неразумности / невозможности / дороговизны реализации интолерантных практик) принято считать «Послания о веротерпимости» Д. Локка. Аргументы Локка, нацеленные на то, чтобы остановить религиозные войны в Англии в эпоху Нового времени, достаточно сложны и взаимосвязаны. Условно говоря, их можно разделить на три группы: аргументы, вытекающие

из теории государства, из положения о разделении первичных и вторичных качеств в теории познания и собственно из протестантизма. Так, разделяя функции и «предмет» государства и церкви, Локк пишет: «Государство, по-моему, это общество людей, установленное единственно для сохранения и приумножения гражданских благ. Гражданскими благами я называю жизнь, свободу, телесное здоровье и отсутствие физических страданий, владение внешними вещами, такими, как земли, деньги, утварь и т.д. ... а церковь есть свободное сообщество людей, добровольно объединяющихся, чтобы сообща почитать Бога так, как, по их убеждению, будет ему угодно и принесет им спасение души» [2, с. 32–35]. Следовательно, государство не должно законодательно навязывать людям религиозные догматы, а в церкви «никогда, ни по какой причине не должно применяться насилие, целиком относящееся к компетенции гражданского правителя» [2, с. 38]. Отсюда, если обратиться к истории религиозных войн в интерпретации Локка, то окажется, что все насилие на религиозной почве имеет «политический» оттенок — реализацию жажды власти и господства какой-либо церкви путем использования «государственных инструментов». Протестантизм Локка позволяет назвать еретиком скорее не того, кто следует «собственному суждению о собственном спасении», а того, кто осмелился «свои заключения и толкования священного Писания выдавать за боговдохновенные и символы веры, сочиненные по узким меркам собственного разума, равнять с авторитетом Священного писания» [2, с. 74].

Структурно похожа и гносеологическая аргументация. По Локку, познавая мир, человек приобретает два типа идей. Существуют идеи, связанные с первичными качествами вещей «самих по себе» (форма, протяженность) — без них представить вещь попросту невозможно. Также есть идеи, образованные от вторичных качеств вещей нашими органами чувств (цвет, вкус, запах), а поскольку эти идеи напрямую зависят от особенностей нашего восприятия, то отклонения в интерпретации вторичных качеств разными людьми неизбежны, а их устранение — утопично или, по крайней мере, неразумно, так как сложно даже представить цену «решения вопроса». С точки зрения Локка, религиозную веру мы также не выбираем и изменить не можем, поэтому преследование еретиков является иррациональным и не оправдывается прагматическими соображениями, за ис-

ключением тех случаев, когда их существование или деятельность угрожают либеральной модели государственного устройства или протестантскому пониманию принципов функционирования религиозной сферы в общественной жизни. Очевидно, что подобного рода аргументация ближе к тому, чтобы обосновывать неразумность интолерантности, нежели толерантность саму по себе [18]. Поэтому вполне предсказуема и критика «негативных» аргументов: а именно упреки в «нестабильности» прагматической аргументации (если условия изменятся, преследование может стать оправданным), а также в ее недостаточности: «Проблема заключается в том, что толерантность негативного характера... не является достаточной для современного цивилизованного человечества. Человек требует от закона большего, чем просто позволения идти своим путем» [16, р. 7]. Что же может дать людям реализация принципов толерантности в «позитивном» смысле?

Второй блок аргументов связан с защитой толерантности как необходимого условия существования другого блага. Ключевой работой в защиту толерантности как инструментальной ценности признается эссе Д.С. Милля «О свободе». Милль выступает в защиту свободы выбора стиля жизни конкретным и каждым человеком от вмешательства государства и от давления общественного мнения. По Миллю, разнообразии жизненных стилей (*diversity of lifestyles, lifestyle options*), с одной стороны, — следствие природы человека, которая «подобно дереву подчиняется в своем росте только движению внутренних сил», с другой — благо, поскольку приводит к процветанию и «живучести» всего общества. Свобода — необходимое условие достижения этого блага, толерантность — условие для реального существования свободы. Милль достаточно четко описывает опасность поглощения индивидуальности массами: «Тенденции нашего времени имеют своим следствием то, что общество теперь более, чем когда-либо, заражено склонностью подчинять людей общим правилам поведения и подводить всех и каждого под установленный им тип. А этот тип — сознают это или не сознают — не что иное, как отсутствие всякого рода сильных желаний. Теперешний идеал характера состоит в том, чтобы не иметь никакого характера, в том, чтобы сдавливать, как китайка сдавливает свою ногу, и таким образом, увечить все, что в человеке выдается сколько-нибудь вперед и может сделать его отличным от посредственно-

стей» [3, с. 223]. Следует ли людям жить свободно только тем взглядам, которые большинством признаются как истинные? По Миллю, если человек пришел к своей точке зрения свободно и самостоятельно, то ее существование оправдано в любом случае, так как даже те суждения, которые оцениваются как ложные с точки зрения большинства, могут выступать в роли критики, катализатора «застывшего» в своем развитии общественного мнения. Следует ли ограничивать индивидуальную свободу? Милль разделяет жизнь человека на «социальную» и «частную» стороны: «В отношениях своих к другим людям необходимо, чтобы индивид соблюдал в большей части случаев известные общие правила, дабы каждый знал, чего может ожидать от других; но в том, что касается его самого лично, индивид должен быть вполне самодержавен» [3, с. 229]. Хотя бы по той простой причине, что вмешательство государства и других людей в сферу индивидуальной свободы «...оказывается в большей части случаев вредным, обыкновенно совершается нехотая и невпопад» [3, с. 224].

Означает ли это, что свобода должна быть абсолютной? Нет. В качестве критериев для принятия решения об ограничении свободы индивидов Милль использует, во-первых, знаменитый «принцип вреда», а во-вторых, принцип «моральной зрелости» человека. Первый принцип состоит в том, что «все, что причиняет прямой вред индивидууму или обществу или включает прямую опасность вреда для них, все это должно быть изъято из сферы индивидуальной свободы и должно быть отнесено к сфере нравственности или закона» [3, с. 232]. Задача второго принципа — лишить возможности делать абсолютно свободный выбор тех, кто не достиг состояния «зрелости своих способностей», поскольку очевидно, что многие люди (дети например), могут причинить вред себе и другим просто потому, что не понимают последствий своего выбора, следовательно, такой выбор будет не только нежелателен по «результату», но еще и нарушит сам принцип свободы: не исключено, что, если бы человек знал о последствиях, он бы поступил по-другому. При всей привлекательности теории Милля многие моменты в его системе кажутся проблематичными. Во-первых, как следует понимать сам вред? Во-вторых, на основании чего мы можем (должны) признать, что человек находится в состоянии «зрелости способностей»? М. Хомяков формулирует первую проблему

так: «Говоря коротко, может быть два основных способа понимания вреда, наносимого людям. Эти способы можно назвать соответственно слабой и сильной моделями. Согласно модели слабой, в понятие вреда включается любой моральный ущерб, всякое оскорбительное деяние. По сильной модели, вред есть лишь физическое воздействие — убийство, насилие и др. Согласно первой модели, в разряд нетерпимого попадет слишком многое, вполне допустимое в современном демократическом обществе. Второе понимание, однако, оставляет в обществе место пропаганде насилия, расовой дискриминации и др. К тому же и вне зависимости от различия этих моделей остается вопрос об определении вреда как такового... — понятие нетерпимого зависит от способа интерпретации вреда» [9, с. 23]. Вторая проблема связана с не меньшей расплывчатостью критерия для определения зрелости человека. «Кажется, что сам Милль определяет зрелость как такое состояние, при котором автономный свободный выбор ведет к моральному усовершенствованию личности. Такое усовершенствование означает предпочтение “высших” наслаждений “низшим”. Отличие “высшего” наслаждения от “низшего” же, в свою очередь, определяется не чем иным, как *собственным моральным* (курсив М.Б. Хомякова. — А.Л.) идеалом Милля. В таком случае варварством можно объявить все, такому идеалу не соответствующее» [9, с. 25].

Итак, Милль дополняет негативный аргумент в защиту толерантности (иррациональность преследований по религиозным основаниям у Д. Локка) «позитивным» и расширяет сферу ее применения до индивидуального стиля жизни как такового: толерантно следует относиться к другому стилю жизни потому, что это ведет к сохранению свободы как условия процветания общества в целом. Таким образом, толерантность становится средством для достижения другого, абсолютного блага, и за счет этого приобретает свою ценность. Однако неопределенность, «расплывчатость» принципов вреда и зрелости значительно ослабляет этот тип аргументации и провоцирует поиск стратегии, способной защитить толерантность как самостоятельное благо, т.е. как ценность «вне обстоятельств».

Для этого нужны «принципиальные аргументы». Шестой пункт в определении П. Николсона гласит: толерантность верна, а толерантный субъект благ. Признавая этот пункт дискуссионным, Николсон, тем не менее,

дает полное определение толерантности и утверждает следующее: «Толерантность есть *добродетель* (курсив мой. — А.Л.) воздержания от употребления силы для вмешательства во мнение или действие другого, хотя бы они и отклонялись в чем-то важном от мнения или действия субъекта толерантности и последний не был бы морально согласен с ними... Центральным положением моей концепции является утверждение, что толерантность есть благо. Не все согласны с этим. Некоторые считают, что толерантность может быть благом, а может и не быть, в зависимости от обстоятельств. Другие же, считающие ее — всегда либо только в некоторых случаях — благом, не согласны между собой в определении тех причин, почему она есть благо» [4, с. 134]. На первый взгляд, представляется странным, что некоторое благо приходится обосновывать. Допустим, мы все считаем смелость добродетелью, т.е. полагаем, что быть мужественным, храбрым человеком в *любом случае* морально хорошо. Тогда, как подсказывает здравый смысл, у нас не должно возникать сомнений относительно условий, при которых смелость будет именно добродетелью, а не чем-либо иным. Если мы ценим жизнь — любая форма жизни в любых условиях будет ценна сама по себе, без дополнительных «внешних» аргументов.

Однако сам Николсон признает, что в случае с толерантностью ее (толерантности) благость не очевидна. Кто может не согласиться с тем, что толерантность есть благо?

Во-первых, те из нас, кто, подобно Герберту Маркузе [10], укажут на нежелательные последствия фанатичной реализации принципов толерантности в области морали в целом. Тезис может быть следующим: обществу, в котором толерантность стала нормой, в стратегической перспективе грозит стирание границ между морально правильным поведением и тем поведением, которое следовало бы порицать, между объективной истиной и субъективным мнением и, в конечном счете, исчезновение моральных норм как таковых. Моральный нейтралитет приведет, в свою очередь, к исчезновению самой толерантности, поскольку в ситуации «отсутствия моральной нормы» в таком безразличном обществе не будет и «отклонения», т.е. повода для морального неодобрения. Не исключено также, что на этом фоне государству будет удобно маскировать под толерантностью нежелание решать реальные социально-экономические проблемы.

Во-вторых, те из нас, кто, подобно коммунистам М. Санделу и Ч. Тейлору [7; 15; 17], увидят в либеральной модели толерантности опасность, связанную с автономизацией частной жизни индивидов и исчезновением общества «разделяемых ценностей». Философская антропология либералов рассматривает сущность человека как нечто, что существует до общества и в конечном счете выражается в корпусе «естественных» прав каждого (любого) индивида, а само общество — как продукт кооперации индивидов с целью оптимизировать процесс соблюдения прав. Критика со стороны коммунистов направлена прежде всего на метафизические допущения либералов; сами коммунисты ближе к объективизму холистического толка в социальной онтологии и рассматривают процесс формирования идентичности человека как процесс социализации, что подразумевает впитывание индивидом всего культурного (группового, общинного) контекста, в котором он живет. Если мы «вытаскиваем» из общества моральные ценности и культурные предпочтения, менталитет, религию, устоявшееся групповое «видение различий» — то все, что будет у нас общего, — это представление о правах индивида и формализованные правила поведения за пределами частной сферы, т.е. *правила*, к которым либералы редуцируют *содержание* идентичности. В таком «индивидуализированном» обществе под вопросом оказывается духовная основа для консолидации людей — в нем все больше «общества», все меньше «общности», в том смысле, в каком употребляет эти понятия Ф. Тённис.

В-третьих, толерантность, скорее всего, будут критиковать прагматики, умудренные жизненным опытом. Аргументация может быть следующей: толерантность как моральное отношение не является с необходимостью взаимным и возможна ситуация, в которой тот, к кому ты относишься толерантно, не обязан, не хочет или не может так же относиться к тебе. Более того, не исключено даже, что кому-то толерантность покажется попросту *обидной*, как если бы твои убеждения не приняли всерьез. Этот момент требует дополнительного пояснения. Обратимся к модели Д. Хейда [11]. Согласно Хейду, чтобы «подвесить» моральное неодобрение, необходимо, чтобы взгляд субъекта толерантности переключился с того, *что* вы выбрали и считаете важным, на *вас* как носителя этих (или других, или третьих) убеждений. Но не означает ли это, что сами ваши убе-

ждения попросту не приняли всерьез? Для вас важно то, *что* вы выбрали, а для того, кто к вам толерантно относится, — *вы сами* как субъект выбора. «Мне кажется, — пишет Д. Хейд, — асимметрия между тем, кто относится толерантно, и тем, к кому так относятся, может быть объяснена тем фактом, что субъектам и агентам (убеждений и действий, поставленных под сомнение) труднее осуществить переключение... поскольку они идентифицируют себя со своими взглядами и действиями куда более сильно» [11, р. 16].

Наконец, мы можем согласиться с К. Нидерманом, который полагает, что главная ошибка споров о толерантности как раз и заключается в попытках придать ей статус блага. Тезис Нидермана достаточно прост: «Ответ состоит просто-напросто в том, что толерантность *не является* благом... скорее, толерантность значима лишь тогда, когда она содействует другим важным благам и целям человека, и притом она значима, только *если* она делает это (курсив М.Б. Хомякова. — *А.Л.*). Толерантность “ускользает” от классификации как добродетель, поскольку вообще не является добродетелью» [13]. К этому аргументу можно добавить и постмодернистское неприятие любой модели толерантности в той мере, в какой она основана на презумпции общих ценностей (по отношению к которым и возможно отклонение), а также описание такой толерантности как анахронизма в ситуации радикального плюрализма [1, с. 45–69].

Итак, толерантность — довольно противоречивая ценность, требующая от человека определенных усилий для своего воплощения. Мы попытались показать, что толерантность возможна в двух случаях: во-первых, когда есть основания, «перевешивающие» твое моральное неприятие отклонения (допустим, когда человек очень важен для сообщества) — но такое основание не выглядит стабильным; во-вторых, когда срабатывает механизм «смещения» внимания с того, что явилось причиной морального неприятия (допустим, стиль жизни), на *право* человека выбирать свой стиль жизни — т.е. такой тип аргументации, который, с точки зрения защитников либерализма, наиболее приемлем в наши дни [12]. Понятно, что различные аргументы «против» толерантности сами могут иметь разные основания либо по-разному конструировать свой «объект» критики: будь то либеральное видение толерантности либо моральный «фундаментализм» в принципе. Тем

не менее вывод, к которому мы можем прийти, рассмотрев аргументы противников толерантности и позицию Нидермана в частности, вполне предсказуем. Нужно калькулировать последствия. Мы должны быть предельно внимательны и осторожны с этим понятием. Пропаганда толерантности не должна подменять тщательного, скрупулезного выяснения истории этой ценности, оснований для «переключения» и контекста применения.

Список литературы:

1. *Грей Д.* Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003.
2. *Локк Д.* Послание о веротерпимости // «Послание о веротерпимости» Дж. Локка: точки зрения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
3. *Милль Д.С.* О свободе // Социальные и гуманитарные науки. Сер.11. М., 1996. №3. С. 213–246.
4. *Николсон П.* Толерантность как моральный идеал // Толерантность. Вестник УрМИОН. 2001. №1. С. 129–147.
5. *Самохвалова В.И.* О содержании понятия «толерантность» в современном культурном контексте // Философский журнал. 2008. № 1. С. 161–175.
6. *Хомяков М.Б.* Нетерпимое // Толерантность. Вестник УРМИОН. 2003. №2. С. 5–25.
7. *Хомяков М.Б.* Критики толерантности // Толерантность и интолерантность в современном обществе: дискриминация: материалы междунар. конф. / под ред. И.Л. Первой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007.
8. *Хомяков М.Б.* Толерантность // Современный философский словарь / под ред. В.Е. Кемерова. М.: Академ. проект, 2004. С. 726–730.
9. *Хомяков М.Б.* Толерантность и ее границы: размышления по поводу современной англо-американской теории // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: кол. монография. М.: Олма Пресс, 2005. С. 15–29.
10. *A Critique of Pure Tolerance.* Boston: Beacon Press, 1969.
11. *Heyd D.* Introduction // Toleration: An Elusive Virtue / ed. by D. Heyd. New Jersey: Princeton Univ. Press, 1996. P.3–17.
12. *Mendus S.* Toleration and the Limits of Liberalism. Basingstoke, Macmillan, 1989.
13. *Nederman C.* Toleration in a New Key: Historical and Global Perspectives. Текст доклада на международной школе молодых ученых. Екатеринбург, 2004.
14. *Nicholson P.* Toleration as a Moral Ideal // Aspects of Toleration / ed. by S. Mendus. L.; N.Y.: Methuen, 1985. P.159–173.
15. *Sandel M.* Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge University Press, 1982.
16. *Scarman L.* Toleration and the Law. Lecture on Toleration, 1983. Printed and reprinted by The Ebor Press, York, 2002.
17. *Taylor Ch.* The politics of Recognition / ed. by A. Gutmann, Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition. Princeton University Press, 1994. P.25–74.
18. *Waldron J.* Locke: Toleration and the rationality of Persecution // John Locke: A Letter Concerning Toleration in focus / ed. by J. Horton and S. Mendus. Routledge, 1991. P.70–90.

TOLERATION: PRO ET CONTRA

Alexey V. Loginov

*Ural Federal University named after First President of Russia B.N. Yeltsin;
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia*

This article aims to survey key arguments for toleration as moral virtue of modern societies and those theories in contemporary political philosophy that argue against toleration as a value or attitude anyone should promote and defend. The article starts with P. Nicholson's definition of tolerance to specify the value, then I review D. Heyd's theory that describes the logic of tolerant consciousness. J. Locke's, J.S. Mill's and P. Nicholson's ideas are considered in order to construct a cogent liberal argument for toleration. In the last part of the article I try to render communitarian (M. Sandel, Ch. Taylor), postmarxist (H. Marcuse) and postliberal (J. Gray) critique of toleration.

Key words: toleration; justification and critique; argument; liberalism; communitarianism; postmodernism.

УДК 172.3

ДИАЛОГИЧНОСТЬ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ КАК ПУТЬ К ТОЛЕРАНТНОСТИ СВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Т.В. Излученко

Рассматриваются толерантность, светскость и религиозная нетерпимость, проводится разграничение данных понятий и даются их определения через рассмотрение современной ситуации. Кроме того, приведен анализ существующих подходов к данной проблеме в России и предложен путь разрешения противоречий на религиозной основе в светском государстве.

Ключевые слова: диалогичность; религиозное сознание; толерантность; светскость; нетерпимость.

В настоящее время наблюдается рост противоречий, основанных на взаимодействии религиозных и светских составляющих общества. Особенно актуальными они становятся в полирелигиозных государствах, где в результате требований современной жизни увеличилось количество точек соприкосновения. Россия в этом плане является ярким примером. Здесь акции молодежной панк-группы в Москве, запрет ношения хиджаба в школах и др. вызывают неоднозначные реакции со стороны населения, вызывают волны протестов со стороны религиозных сообществ и светских деятелей, чем могут привести к обострению внутригосударственной ситуации и к международным конфликтам. В основе неоднозначного отклика общественности находится многогранность человеческого восприятия происходящих событий, включающая в себя нормы общественного поведения, гражданские права и свободы, собственное мировоззрение, а также религиозные ценности.

Для сведения таких противоречий внутри общества к минимуму необходимо провести комплексное исследование, заключающееся в анализе современной религиозной обстановки, уровня религиозности, отношения к религиям самого населения, а также четко разграничить и дать определения понятиям толерантности, светскости, нерелигиозного мировоззрения. Кроме этого, нужно определить степень необходимости использования данных понятий и воплощение их в деятельности всего общества.

За последние несколько десятилетий написано множество монографий и статей, посвященных проблемам толерантности и религиозной нетерпимости [1; 2; 5]. Понятию «свет-

скость» отводилось меньше внимания, оно зачастую сводилось к определению Конституции РФ и представлено работами А. Пырина и др. Стоит отметить, что проблемами сознания занимались такие философы, как Дж. Сёрл, Д. Деннет, Т. Нагель и др., диалогичностью сознания — В. Кудашов. Представления о сознании как религиозном компоненте развивают в своих работах У. Джеймс, Г. Стэнли Холл, Д. Лейба. Освещением конфликтных событий на религиозной почве активно занимаются СМИ.

Исследований, рассматривающих проблемы светскости и толерантности, по философии, религиоведению, социологии и юриспруденции имеется немалое количество, каждая из которых представляет особую ценность в своей области. При этом каждый автор предлагал свое определение, которое нередко противоречило мнениям других мыслителей или же пересекалась с иными терминами. В современном научном мире наблюдается недостаток работ систематического плана, которые бы включали в себя точки зрения различных подходов и многоуровневый анализ ситуации. Данная статья направлена на то, чтобы восполнить отсутствие необходимых исследований и ставит своей целью четкое определение данных понятий, при рассмотрении их через призму религиозных и светских отношений в современном мире с учетом диалогичности религиозного сознания.

В настоящее время становится сложным проведение разграничения между сторонниками религиозных позиций и нерелигиозного мировоззрения. Зачастую их границы пересекаются и переплетаются или же расходятся в зависимости от области сосуществования. Такое

положение обусловлено современным высокоскоростным уровнем обмена информацией, ростом урбанизации населения, изменяющейся социальной обстановкой и включением даже отдельных сообществ в процесс мирового развития. К таким условиям решение отдельной организации может вызвать волну протеста по всему миру и привести к вооруженным конфликтам, тогда каждый индивид должен осознавать свою значимость и возможность изменить окружающий мир и обладать способностью объективно оценивать позиции всех участников. Для этого человеку необходимо обладать высокой способностью к диалогу с сохранением своей точки зрения под натиском иных, возможно более сильных, позиций.

При наблюдаемом росте религиозности населения и фундаментальных движений в религиях по всему миру можно сказать, что, несмотря на увеличение количества религиозных людей, осталось место для нерелигиозного сознания в контексте массового мировоззрения всего населения. На наш взгляд, можно выделить несколько типов соотношения религиозного и нерелигиозного сознаний по степени проявления в жизни. Безусловно, существуют люди, обладающие крайними вариантами сознаний, они либо религиозные, либо нет. Всю свою модель поведения они основывают на приверженности своей позиции, сознание апеллирует только преимущественно одними видами мышления. Однако большинство людей сочетают два этих сознания по причине того, что, будучи верующими, они стремятся приобщиться к обществу, быть его полноценной частью. Стоит отметить, что нерелигиозное сознание не тождественно светскому, т.к. и религиозные граждане могут проявлять светское сознание в определенных условиях, а нерелигиозное сознание может выступить на позициях антисветских в результате неприятия иной позиции.

Современный социум, если не брать в рассмотрение сугубо религиозные сообщества, такие как традиционные мусульманские, является сторонником идей светскости, т.к. представляет собой комплекс нерелигиозных идей. В ст. 14 Конституции РФ сказано, что «Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [3]. Светскость — это заранее оговоренный принцип общения между участниками, разделяющими различные религиозные предпочтения и обладающими определенным мировоззрением, на

общей основе без привлечения религиозного компонента (сведение его к минимуму) в сфере государственного отношения. В России, являющейся многоконфессиональным государством, принцип светскости используется в регулировании общей внутривнутриполитической обстановки. В отличие от этого, страны с государственной религией (теократические) используют светскость в международной политике для более продуктивного общения и максимально понятного объяснения своих позиций. Светскость — это область общественной жизни, где возможно сосуществование и взаимодействие разнообразных религиозных и нерелигиозных сознаний, где реализуется принцип толерантности.

Стабильность отношений внутри обуславливается наличием своеобразной толерантности друг к другу, взаимоуважения противоположных взглядов. Толерантность, как качество человеческого воспитания и установка сообщества, есть взаимоуважение и стремление понять чужую точку зрения, образ жизни и мысли, а также целенаправленное подавление чувства неприязни и позиционирование себя на дальнейшее сотрудничество.

В отечественной аналитической мысли отношение к понятию толерантности неоднозначное, в основном дихотомичное: скептическое и положительно-прогрессивное. Скептически к понятию толерантности относится Н.Н. Федотова, которая связывает возможность осуществления толерантности с самоидентификацией сообщества. Она считает, что только знающим о себе народам и людям присуще толерантное отношение к другим [5, с. 21]. Толерантность выступает как средство для диалога и готовность к расширению собственного опыта, однако встает вопрос о реализации этой возможности в мире, где существует терроризм, преступность и т.д. Жизнь общества многогранна, и не все обозначенные принципы могут полноценно функционировать, т.к. всегда присутствует фактор реальности и привязки к территории. Противоположную позицию занимает В.И. Гараджа, воспринимающий толерантность как признание за другими права быть отличными [1, с. 18]. Исследователь признает за толерантностью силу будущего развития общества при осуществлении доверия, взаимопомощи в общественной жизни, в том числе и в сфере религии. В основном понятие толерантности рассматривается многими исследователями с точки зрения правового принципа в

ключе правоприменительной практики юристов. В этом плане принцип толерантности состоит в обеспечении ненасильственного взаимодействия между различными группами и возможности законодательного регулирования [2, с. 129].

Толерантность — понятие многогранное, для наиболее полного рассмотрения его необходимо изучать с различных углов преломления правоведения, религиоведения, социологических процессов и т.д. Несмотря на различные области применения данного термина, существуют характеристики, неотъемлемые от него. К таким относятся следующие: уважительное отношение к представителям другой точки зрения, признание права наличия «инаковости» в обществе, необходимость поиска совместных действий для плодотворного развития. Все обозначенные черты толерантности должны применяться всеми участниками общения для бесконфликтного существования при наличии разных позиций и, возможно, при наличии негативного восприятия оппонента. Однако даже внешнее соблюдение принципов толерантности несет стабильность, которая важна для становления любого сообщества и его прогресса как организации. Для восприятия чужой позиции необходимо хотя бы частичная включенность и сопереживание (встать на их место), а такие действия могут привести к отходу от своих первоначальных позиций или же появлению синкретических взглядов, что ведет к изменению внутреннего мира и, как следствие, внешнего образа жизни.

На наш взгляд, принцип толерантности является более осуществимым в локальных условиях, чем в глобальных отношениях, где он постепенно становится своеобразной утопией современности. В силу природы человеческого сознания индивид использует в практике своей деятельности те принципы и нормы, которые непосредственно влияют на его жизнь. Они оказываются главными мотиваторами его взаимосвязи с окружающим миром, а чем глобальнее его поступки будут вносить возможность влияния, тем скептически он будет к ним относиться. Если соблюдение толерантности может повлиять на существование и благополучие человека в этом мире, то он будет использовать его в общении с другими людьми предпочтительнее. В ограниченных территориальных условиях, где интолерантное отношение друг к другу приведет к возникновению конфликтов между конкретными сторонниками разных по-

зиций, люди будут стремиться к взаимному регулированию отношений через толерантность под действием принципа светскости, т.к. отклик на конфронтацию между людьми они получают непосредственно сами.

В нормально развивающемся обществе при установленных правилах и нормах поведения, при разделении принципа светскости всеми участниками диалога конфликты на основе религиозного непонимания сведены к минимуму. Однако при вливании со стороны новых идей и, как следствие, нового религиозного или нерелигиозного образа мысли возникает конфронтация разных взглядов, которая может проявиться в агрессии и привести к вооруженному противостоянию. Яркий пример — протесты мусульман по всему миру в результате публикации карикатур на пророка Мухаммада [4] и выхода фильма «Невиновность мусульман». Такое положение сложилось вследствие того, что в общество со светскими порядками и установками вошло в сообщество с религиозным образом мысли, которое в свою очередь было принято под действием идей светскости и толерантности.

По нашему мнению, при наличии уже сложившихся противоречий в религиозно-политической области возникновение дополнительного толчка ведет к реализации всего накопленного под лозунгом последнего инцидента, т.к. он является наиболее ярким и популярным, хотя необязательно несущим актуальность. В результате человечество получает конфликт, участниками которого становятся миллионы верующих, выступающих в защиту своей религии и создающих массовость движения. Однако истинные цели остаются для них неизвестными, а сами организаторы представляют одну и ту же ситуацию под разным углом в зависимости от поставленных целей. В условиях налаженного взаимопонимания между оппонентами возникновение таких конфликтов воспринимается не как конфронтация и провокация с целью унижить противника, а как ситуация, относящаяся к отдельным частным проявлениям неприятия общей позиции, решение которой осуществляется на локальном уровне.

Возникновение такого рода конфликтов, ведущих к глобальным акциям, происходит в результате отсутствия налаженного диалога как метода для ведения общения и развитой диалогичности внутри самого сообщества. При первоначальном контакте обе стороны выстраивают стратегию защиты, уходя в себя для сохра-

нения ценностей, тем самым закрываясь от возможности понимания другого участника. При наличии развитой диалогичности и своей четкой позиции сообщество не должно бояться влияния со стороны, а наоборот должно стремиться к диалогу с целью развития своего кругозора. Иначе такая закрытость приведет к проблемным ситуациям, неразрешимым для несамодостаточных личностей, к конфликтам на религиозной почве и дестабилизации всего сообщества.

Современный мир развивается, стирая границы и ускоряя время. Все участники мирового процесса сосуществования должны стремиться к пониманию того, что другой образ жизни и мысли не хуже и не лучше, он просто другой. Нужно воспринимать поступки других не как цель унижить, а как выражение чужой мысли, может, и не всегда корректной. Должно присутствовать осознание себя как сообщества с историей, культурой и будущим, контакты с другими мировоззрениями которому могут принести дополнительные возможности. В общественном сознании, религиозном или нерелигиозном, диалогичность является не только свойством, но средством для налаживания общения и точек соприкосновения. Реализация диалога в современном мире возможна через принцип толерантности в сфере светскости.

Диалогичность присутствует в каждом сознании отдельной личности или целого коллектива, являясь неотъемлемым свойством человеческой психики. В зависимости от степени развитости данного свойства личность или сообщество обладают тем или иным уровнем внутриличностного диалога, от которого зависит возможность общения с другими сообществами, совместного поиска решения проблем и жизнедеятельности на общей территории.

Современный мир многообразен, в нем возникают различные сложные ситуации, требующие внимательного подхода и всестороннего анализа для разрешения. Не всегда наличие

развитого внутреннего общения может стать путем налаживания обстановки, но зачастую является одной из первоочередных предпосылок, выступает платформой для начала диалога. В настоящее время между религиозными сообществами можно увидеть различные проявления как наличия диалогичности, так и неполноценного ее использования в каком-либо одном направлении. Существует множество конфликтов на межрелигиозной почве, большинство которых насчитывают многие десятилетия и продлятся не один год, есть и другие сложные ситуации, не менее важные для стабильности современного сообщества. В частности, к ним относятся скандальные истории со СМИ, где происходит столкновение религиозной и светской позиций, при отстаивании своей точки зрения без преломления в конкретной ситуации. На наш взгляд, каким бы ни было проявление диалогичности религиозного сознания, оно несет прогресс для личности и сообщества в целом, т.к. в какой-то период времени станет возможным направить действие на урегулирование конфликтов, возникает вероятность совместного решения проблем.

Список литературы

1. *Гараджа В.И.* Толерантность и религиозная нетерпимость // *Философские науки.* 2004. №3. С. 18–31.
2. *Карцов А.С.* Права человека и толерантность // *Полис.* 2012. №5. С. 116–130.
3. *Конституция* Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 28.01.2013).
4. *Потс Р.* Религия и свобода слова: изображения пророка Мухаммеда // *Сравнительное Конституционное Обозрение.* 2006. №3. С. 59–67.
5. *Федотова Н.Н.* Толерантность как мировоззренческая и инструментальная ценность // *Философские науки.* 2004. №4. С. 5–27

DIALOGISM OF RELIGIOUS CONSCIOUSNESS AS A WAY TO TOLERANCE OF SECULAR SOCIETY

Tatyana V. Izluchenko

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev;
89, Ada Lebedeva str., Krasnoyarsk, 660049, Russia*

This article focuses on tolerance, secularity and religious intolerance, makes a distinction and defines the terms by looking at the current situation. Also it provides an analysis of existing approaches to this problem in Russia and proposes way to resolve conflicts based on religion in a secular state.

Key words: dialogism; religious consciousness; tolerance; secularity; intolerance.

УДК 174

ЭТИЧЕСКИЕ КОДЕКСЫ: ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

К.Б. Сафонов

Рассматриваются особенности этических кодексов как практических воплощений концепций профессиональной этики. Проводится анализ процесса разработки кодексов, их применения для регулирования деятельности профессионального сообщества. Внимание также уделяется значению этических кодексов для отдельных организаций и общества в целом.

Ключевые слова: профессиональная этика; профессиональная деятельность; этическая регуляция; кодекс этики.

Жизнь социума, его устойчивое развитие связаны с множеством факторов, как зависящих от человека, так и не имеющих к нему прямого отношения. Одним из важнейших аспектов благополучия каждого из нас является этичность действий конкретного индивида. Именно поэтому на всех этапах развития человеческое общество имеет дело с уникальным набором нравственных ценностей и норм. Периодически происходит смена систем ценностей. Переходные периоды характеризуются ослаблением этической регуляции, отказом от традиционных понятий о чести и нравственности. В настоящий момент традиционная этика зачастую оказывается неспособна удержать человека от безнравственных действий. Необходимо помнить, что «одним из симптомов кризиса морали в современном обществе является ослабление и снижение уровня фундаментальной этической мотивации» [5, с. 58]. Однако человек не может находиться в своеобразном этическом вакууме. Этика — это не просто научная дисциплина, это своеобразный предохранитель, который удерживает общество от усиления социальной напряженности и перехода от созидательного труда и развития к саморазрушению. Не вызывает сомнения тезис о том, что «мораль характеризует человека с точки зрения его способности жить в человеческом общежитии» [3, с. 20]. Именно поэтому на место утраченных традиционных нравственных ценностей должны прийти новые. Такими ценностями становятся концепции профессиональной этики.

Профессиональная этика есть этика профессиональных сообществ, особых объедине-

ний людей, сплоченных общей целью и миссией деятельности. Профессиональные сообщества однородны по своей природе, поскольку в них входят представители одной и той же профессии. Очевидно, что профессия как общность, как социальный институт есть нечто большее, чем просто совокупность рабочих или служащих, имеющих примерно одинаковый набор знаний, умений и навыков и занимающих однотипные должности. Труд и трудовая деятельность представляют собой пограничные для профессионализма понятия. На наш взгляд, профессиональная этика неразрывно связана с этикой труда, само понятие которой «характеризует сложившиеся в обществе ценностно-нормативные представления о труде: о том, как должно относиться к труду, сколько времени и сил отдавать работе, каким критериям должен соответствовать продукт труда, как следует относиться к клиенту и товарищам по работе и т.п.» [4, с. 80]. Труд — это процесс, результатом которого должно стать достижение определенных целей. К таким целям можно отнести материальное преобразование окружающей действительности, духовное преображение социума и индивида. В данном контексте профессия есть сфера приложения труда, то единое, части которого работают, как отлаженный механизм, действуя ради достижения общей цели, выполнения высокой миссии. При анализе этической составляющей деятельности как коллектива, так и профессионального сообщества можно выделить ряд общих черт. Основу коллектива составляет профессионализм его членов. Профессионализм как нравственная черта

личности есть один из столпов, на которые опираются концепции современной профессиональной этики, а профессия как таковая может рассматриваться в качестве духовной общности.

Большой интерес вызывает анализ соотношения профессиональной этики и профессиональной культуры. Рассматривая культурные аспекты формирования профессиональных сообществ, важно не забывать о роли культуры во всех экономических процессах, происходящих в обществе, так как «без учета культурных ограничений и факторов, не изучая хозяйство на разных уровнях его существования (отдельного производства, системы производств, региона, страны, международной кооперации, планеты) построить эффективную экономику и справиться с глобальными проблемами невозможно» [6, с. 114]. Профессиональная культура, формирующая профессионалов в качестве субъектов осознанной деятельности по материальному и духовному преобразению окружающего мира, зависит, с одной стороны, от господствующих в обществе и в профессиональной среде ценностей, а с другой стороны — от ее структуры и той системы отношений, которые в ней выстроены. При этом этические ценности не только представляют собой способ создания определенной моральной базы трудовой и экономической активности, но и являются тем фактором, который позволяет упорядочить данную деятельность. Современное общество рассматривает труд не как своеобразную повинность или неотвратимую необходимость, но как творчество. Созидательный труд не может и не должен подвергаться какому-либо давлению ни со стороны руководства, ни со стороны сотрудников. Это является гарантией сохранения творческого характера и добровольности труда, способствует получению каждым индивидом морального удовлетворения от своей деятельности.

Однако свобода труда как таковая является весьма противоречивым явлением. С одной стороны, полная свобода для всех может стать причиной беспорядка, поскольку отсутствие регулирующего начала есть хаос. С другой стороны, всесторонняя и всепроникающая регламентация трудовой деятельности может привести к утрате в ее содержании рационального зерна творчества и замены его элементом подневольности. Решением данной дилеммы может и должна стать разумность и справедливость в определении меры свободы труда. Основу любой трудовой деятельности и сплочен-

ия профессионального сообщества составляют этические нормы, разделяемые его представителями. Причем на современном этапе развития общества этика приобретает особое значение, поскольку «сейчас мы вступаем в эпоху утверждения нового принципа “мы оба выиграем, если будем вести себя честно”» [7, с. 33]. Это подтверждает реальность осознания сотрудниками любой организации необходимости разумного ограничения собственной свободы с целью достижения высшей цели профессии, выполнения миссии, профессионального долга. Свобода не должна пониматься как вседозволенность. Этические основания ограничения свободы сотрудников являются тем фундаментом, на котором выстраивается целостная система профессиональной культуры, а она, в свою очередь, становится базой формирования профессиональной этики. Таким образом, выйдя из этики и пройдя через профессиональную культуру, рассматриваемые нами ограничения возвращаются в исходную этическую точку. Однако их движение не было бесполезным, поскольку в конечном итоге они изменяются до неузнаваемости. Если на исходной позиции они представляли собой лишь некие обобщенные представления сотрудников о морали и нравственности, то в финале приобрели форму идентичных, четких и конкретных воззрений, формирующих особую профессионально-этическую систему.

Профессиональная этика не функционирует сама по себе. Для взаимодействия с обществом она должна принять форму этических кодексов. Кодифицированные концепции профессиональной этики являются средством моральной регуляции деятельности сотрудников отдельных организаций, профессионального сообщества в целом. В качестве общепризнанного может рассматриваться тот факт, «что этический кодекс — атрибут профессии, способствующий преобразованию атомизированных групп в автономную профессиональную корпорацию, один из инструментов ее саморегулирования» [1, с. 222]. Иными словами, цель применения кодексов профессиональной этики — сплотить представителей профессии, регламентировать их деятельность на основе общепризнанных и приемлемых для всех этических принципов.

Этический кодекс содержит в себе информацию о принципах и ценностях, важных лишь для представителей определенной профессии. При этом особый акцент делается на значении данных положений для выполнения профессионалом своей социальной роли. Кодекс про-

фессиональной этики является документом, определяющим цели и задачи деятельности представителей рассматриваемой профессии, ее фундаментальные моральные ценности. Только с помощью этического кодекса общие нравственные цели становятся конкретными, а следовательно, легко достижимыми. Не каждый человек способен осознать, что представляет собой общее благо, но он может понять то, каким образом его деятельность может способствовать моральному обновлению общества. В то же время кодекс профессиональной этики является юридическим документом, закрепляющим цели и задачи, которые социум ставит перед представителями данной профессии. В течение переходного периода, когда законодательная база несовершенна или вообще отсутствует, кодекс может заменить закон, предотвратив неэтичные и противоправные действия профессионалов. Исполнение положений кодекса этики ведет не только к моральному оздоровлению профессиональной среды, но и способствует этическому прогрессу общества в целом.

Кодексы профессиональной этики не могут и не должны существовать в отрыве от общества, иначе они не только не принесут никакой пользы, но могут и навредить. В том случае если профессионалы имеют возможность пренебречь данным документом, подобный образ действия может быть перенесен и на административное и уголовное законодательство. Нетрудно понять, что это не только не приведет к повышению этичности общества, но и явится причиной роста преступности. Осознание положений кодекса профессиональной этики начинается с осознания стоящих за профессией ответственности и ценностей. При этом кодекс не является копией должностных инструкций. Он формулирует общие принципы поведения при осуществлении профессиональной деятельности. Кодекс иллюстрирует то, какие преломления получают ценности отдельных организаций и общества в целом, пройдя сквозь призму определенных профессий. Но так как не существует идеального и исчерпывающего перечня социальных ценностей и норм, невозможно существование и идеального кодекса профессиональной этики. Подобные документы не могут быть приняты раз и навсегда. Их основной особенностью является широкий характер дискуссии, постоянно идущей вокруг их содержания, что сопровождается процессом изменения как отдельных положений кодексов, так и принципов их организации.

Каждый профессионально-этический кодекс — это своеобразный набор нравственных принципов, которыми можно руководствоваться в той или иной антиномичной ситуации. Этот документ должен быть предельно конкретен, в нем не должно содержаться общих фраз, поскольку «человека интересует не вообще, что такое добродетель или справедливость, а как быть добродетельным лично ему, в его неповторимо индивидуальных ситуациях» [2, с. 55]. При этом нельзя ограничиваться лишь созданием этического кодекса. Решающее значение для повышения этичности профессионального сообщества, его морального оздоровления имеет создание и успешное функционирование этической инфраструктуры профессии, основным признаком которой является всесторонне взвешенная этическая программа, созданная с учетом особенностей профессиональной культуры.

Различным является процесс принятия и внедрения рассматриваемых кодексов. Не вызывает сомнения тот факт, что никакой этический документ не может быть «навязан» сотрудникам, спущен «сверху» для неукоснительного исполнения. Подобная система оправдана при разработке нормативно-правовых актов, но совершенно недопустима в случае этики. Может показаться, что процесс создания кодекса этики эквивалентен процессу его написания. Но это далеко не так. Разработка кодекса должна быть предварена подготовительной работой, включающей в себя многократные встречи и дискуссии с профессионалами или представителями коллективов, их анкетирование с целью выявления общих ценностей, целей и задач, консультации с клиентами, изучение накопленного опыта по созданию подобных кодексов и т.п. Коллектив разработчиков кодекса должен понимать, что итогом их работы не может и не должно стать перечисление фактов. В своей работе им придется столкнуться с описаниями абстрактных концептов, рассматриваемых с точки зрения ценностей, надежд и поведения. Однако данные описания должны быть достаточно конкретными, чтобы их можно было без труда применить на практике, скорректировав свои действия в соответствии с их требованиями.

Определенную трудность часто представляет правильное применение положений этического кодекса. Одной из центральных проблем профессиональной этики является проблема конфликта интересов при исполнении служебных обязанностей. Необходимо отметить, что успешное предотвращение возможных ситуа-

ций конфликта интересов и поиск выхода из уже сложившихся — главное условие морального оздоровления всех без исключения профессионалов, повышения этичности общества в целом. При этом эффективность кодекса напрямую зависит от приемлемости и уместности содержащихся в нем положений с точки зрения его исполнителей. Именно поэтому важным этапом на пути разработки этического кодекса должен стать отбор иллюстративного материала. При этом следует учитывать не только разность в восприятии мира представителями различных культур, но также и различия в законодательстве разных стран. Так, передача некоей ценной вещи должностному лицу в одних странах может быть расценена как взятка, в то время как в других странах это не более чем подарок. И если с точки зрения европейской культуры преподнесение подобных подарков неэтично, то на Востоке, напротив, оно рассматривается как дань уважения и знак внимания.

Анализ этических документов организаций и профессиональных сообществ — это попытка проникновения в их этический ландшафт. Любой кодекс этики уникален, как уникален каждый трудовой коллектив, каждый сотрудник. Корпоративность является одним из тех столпов, на которых держатся профессии — важнейшие социальные институты, успешное функционирование и развитие которых является обязательным условием развития общества и государства. Профессиональное сообщество состоит из отдельных представителей профессии. Объединяясь в разнородные по своей структуре коллективы, профессионалы создают корпоративность нового уровня — уровня трудового объединения. Профессиональная этика — это, с одной стороны, индивидуальная этика отдельного представителя профессии, а с другой — этика социального института профессии в целом. Концепции профессиональной

этики являются базой для формирования этической мотивации к созидательному труду, которая способствует всесторонней интеграции сотрудника в систему ценностей и норм современного общества. Работая на благо своей организации, представители конкретных профессий работают на благо всего социума, ускоряя этический прогресс и приближая нас к обществу всеобщего благоденствия. По мере развития гуманной экономики третьего тысячелетия, ориентированной на успех каждого, значение профессиональной этики будет возрастать. Как следствие, этические кодексы будут приобретать все большее значение в деятельности профессионалов, поэтому процесс создания и применения данных документов должен находиться под постоянным контролем общества.

Список литературы

1. *Бакитановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005.
2. *Гусейнов А.А.* Об этическом образовании // Вестн. Рос. философского общества. 2003. № 2 (26). С. 53–55.
3. *Гусейнов А.А., Апресян Р.Г.* Этика. М.: Гардарики, 1998.
4. *Магура М.И., Магун В.С.* Шкала протестантской трудовой этики и опыт ее применения в российских организациях // Российское предпринимательство: стратегия, власть, менеджмент / отв. ред. А.Е. Чирикова. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. С. 80–95.
5. *Назаров В.Н., Мелешко Е.Д.* Этическое образование в России (история и современность). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2004.
6. *Розин В.М.* Экономика с культурологической точки зрения // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 107–114.
7. *Шихирев П.Н.* Психика и мораль в конфликте (О воспитательной силе зла) // Общественные науки и современность. 1992. №3. С. 27–37.

ETHICAL CODES: PROBLEMS OF CREATION AND APPLICATION

Kirill B. Safonov

*Novomoskovsk Institute (branch) of Russian Mendeleev University of Chemistry and Technology;
8, Druzhby str., Novomoskovsk, 301665, Russia*

The peculiarities of ethical codes as practical realizations of the concepts of professional ethics are discussed in the article. The author analyzes the process of codes creation and application to control the activities of the professional community. Attention is also paid to the role of ethical codes for separate organizations and society as a whole.

Key words: professional ethics; professional activity; ethical regulation; code of ethics.

УДК 130.123.4+316.74

DEMOCRACY AND EDUCATION: GLOBAL RESEARCH PROJECT*O.V. Kozhevnikova, D. Zyngier*

The paper reports on the International Global Doing Democracy Research Project which involves scholars from over 25 countries examining perspectives and perceptions of democracy in education in order to develop a more robust and critical democratic education. The focus of this project is on how education supports, cultivates and engages in, and with, democracy. The paper describes the organization, methodology and research instruments of the project.

Key words: philosophy of education; democracy; Democracy Index; thick vs. thin democracy; citizenship.

In 2006 an English-language weekly news and international affairs magazine *The Economist* published for the first time a so called «Democracy Index» followed by updated lists produced in 2008, 2010 and 2011. The Index measures the state of democracy in 167 countries based on 60 indicators grouped in five different categories: electoral process and pluralism, civil liberties, functioning of government, political participation and political culture. According to the first three issues of the Index, Russia scored a total of 5.02 (2006) to 4.26 (2010) on a scale from zero to ten was ranked as a «hybrid regime». In 2011 Russia was downgraded from a hybrid regime to an authoritarian regime and kept the 117th place in the list [6].

The Project began when Dr Paul R. Carr from Canada (8th on The Democracy Index) and Dr David Zyngier from Australia (6th on the Democracy Index) met at the second *Doing Democracy by Learning Conference* held at OISE (Ontario Institute for Studies in Education), University of Toronto, Canada, in October 2008 and initiated the Global Doing Democracy Research Project (<http://doingdemocracy.ning.com>). The focus of the project is on how education supports, cultivates and engages in, and with, democracy. While there are many on-line networks created among academics for the exchange and sharing of ideas, the development of such an on-line activist research group focused on democracy and democratic education is uncommon. A major focus at this phase of

the project involved using a collaboratively developed and locally contextualised on-line survey tool that collected both quantitative and qualitative data from diverse groups of education-students, academic staff, and practising teachers. Each researcher is responsible for the analysis of the data within the shared critical pedagogical framework that was originally developed by Carr (2010) [3]. The aim of the research, ultimately, is to compare and contrast these findings and implications across diverse political contexts, including the *old* democracies (countries such as the USA, Australia, Canada, England), *emerging* democracies (those countries coming out of autocratic, military or other dictatorships and or colonial rule), and what we have termed the new democracies (places and countries that are doing democracy differently as a result of public initiatives found in Latin America and elsewhere), highlighting the following themes:

- 1) The apparent predisposition among education-students (future teachers) and educators to understand democracy and politics in a *thin* way;
- 2) The potential for university education teachers and classroom teachers to do transformative or *thick* democracy in education;
- 3) The importance of understanding power and difference in relation to democracy; and
- 4) The cultivation of a critically and meaningfully engaged educational experience that links social justice to education and democracy.

Kozhevnikova Oksana Vyacheslavovna — Candidate of Psychology, Assistant Professor of Department of General Psychology; Udmurt State University; 1, Universitetskaya str., Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russia; oxana.kozhevnikova@gmail.com.

David Zyngier — Doctorate of Philosophy, Senior Lecturer in Curriculum and Pedagogy of Faculty of Education; Monash University; PO Box 527, Frankston, Victoria 3199, Australia; david.zyngier@monash.edu.

Since 2008 the on-line survey has been translated into Portuguese, Spanish, Bhasa Malay, Greek, Turkish, French and some others and has been already adapted and applied in over 30 international contexts [2]. Currently, we are working on the trans-adaptation of the research materials for the Russian context. We believe that our taking part in this cross-cultural research project may contribute to the implementation of democratic values into the system of education in our country and thereby influence the future generations understanding of and participation in the democratic process.

The study seeks to contextualize, identify, problematize and analyze how educators experience, understand and perceive democracy, and how this connection to democracy actually shapes the democratic experience for themselves and students in and through the education experience. The research instrument for this study is a detailed questionnaire containing approximately 25 questions solicited Likert scale quantitative responses as well as open-ended qualitative responses. The questionnaire does not define such terms as democracy (it is apparent that there is no one universal definition for it), citizenship, and social justice to participants but, rather, asks them to do so. The aim is to ascertain the perceptions, experiences, and perspectives of participants in relation to democracy without judging the level of sophistication they demonstrate through their responses [4, p. 150].

Thus, the research attempts to gauge how educators (undergraduate and graduate students planning to work as teachers, school teachers and principals, and university professors) are engaged in democracy in education. A general hypothesis is that progressive, critical democratic education work in classrooms and schools, along with the resultant experience for the students, will be greatly diminished if teachers have a weak or disaffected attachment to democracy themselves. As Carr states, while there are numerous factors involved in the formulation and framing of democracy in schools, clearly educators have an important role to play in cultivating and shaping the educational experience for students in relation to their present and future attitudes, behaviors, ideologies and engagement regarding democracy. The stress on political

literacy and critical learning is, therefore, a key focus of the discussion [4, p. 149].

The research seeks to broadly address important, systemic issues in an interdisciplinary way, favouring a thicker interpretation of democratic thinking/perceptions/experiences within education, including political and media literacy, critical engagement and emancipation. The project methodology is based on the notion of representative versus participatory democracy: the former highlighting electoral processes — thin democracy — and the latter focusing on critical engagement and social justice or thick democracy. B.R. Barber [1] and then L.A. Gandin and M.V. Apple [9] raised pivotal questions on the saliency of liberal democracy, including the tension between individualism and the rights of all citizens framed by concepts of shallow and deep democracy. Deep or thick democracy, according to Furman and Shields, espouses a number of principles that champion individual rights and responsibility within diverse cultural communities in the interests of the common good. These include: 1) respect for the worth and dignity of individuals and their cultural traditions; 2) reverence for, and proactive facilitation of, free inquiry and critique; 3) recognition of interdependence in working for the common good; 4) responsibility of individuals to participate in free and open inquiry; and 5) re-affirmation of the necessity for collective choices and actions in the interest of the common good [8]. Carr has further developed the notion of thick democracy, infusing critical pedagogy and the notion of how knowledge is constructed into a spectrum of possibilities, potential, experiences, and realities in relation to how democracy in education can be considered and conceptualized [3]. Since work in these fields is being carried out across many disciplines, there is the potential in the *Global Doing Democracy Research Project* for significant participation from different sectors, including researchers, educators in K-12, higher education and adult education, community development workers, urban planners, community organizers and a variety of governmental and non-governmental organizations invested in improving local democracy, and particularly capacity building for local democracy.

Attempting to determine the salience of a linkage between education and democracy beyond the

civics classroom is important as it may have implications for the conceptualization and delivery of teaching and learning in relation to democracy [12] both in the classroom and in the education academy. Indeed as the mantra of *every teacher is a teacher of literacy and numeracy* spread through education systems world-wide, followed by every teacher is a teacher of ICTs, our call is for *every teacher to become a teacher of democracy*. The need to critically interrogate and understand the perspectives, experiences and perceptions of teachers in relation to democracy in education informs the context for this study [4; 5].

Discussions on democracy often result in platitudinous affirmations that it is naturally desirable, and, as a corollary, anything that is not democratic is considered virtually irrelevant. Kahne and Westheimer found that schools and teachers largely teach *a thin democracy* which «emphasizes individual character and behaviour but obscures the need for collective and often public-sector initiatives» [10, p. 36]. Identifying three competing visions of «citizenship» in practice in schools they suggest that these are «particularly helpful in making sense of the variation: the personally responsible citizen; the participatory citizen; and the justice oriented citizen» [12, p. 239 emphasis in original]. In their research, they conclude that each vision of citizenship reflects a relatively distinct set of theoretical and curricular goals. Significantly, they claim that these visions as delivered in programs are not cumulative. The core assumptions behind each of the different perspectives reflect a particular approach to problems and solutions in society: *personally responsible citizen solve social problems and improve society*, by having a good character; they must be honest, responsible, and law-abiding members of the community. The participatory citizen solves social problems and improves society through active participation and leadership within established systems and community structures. Finally, the justice oriented citizen solves social problems and improves society by questioning and changing established systems and structures when they reproduce patterns of injustice over time [11].

The aim of the project is to further democratize education and, concomitantly, society, to develop not only competencies, skills and knowledge but

also curriculum, pedagogy, policy and practices that may positively affect the institutional culture of education. The scholars interested in the contributing for the application of the survey in Russia are encouraged to contact either the authors of this article or the website of the project [7] to become a part of the team.

Literature

1. Barber B.R. Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. Berkeley: University of California Press, 1984.
2. *Can Educators Make a Difference: Experimenting With and Experiencing Democracy in Education* / ed. by P.R. Carr, D. Zyngier, M. Pruyn. Information Age Publishing. 2012.
3. Carr P.R. Does your vote count? Critical pedagogy and democracy. N.Y.: Peter Lang, 2010.
4. Carr P.R. Educators and education for democracy: Moving beyond «thin» democracy // *Interamerican Journal of Education for Democracy*. 2008. 1(2). P.147–165.
5. Carr P.R. Experiencing democracy through neo-liberalism: The role of social justice in education // *Journal of Critical Education Policy Studies*. 2007. 5(2). URL: <http://www.jceps.com/index.php?pageID=article&articleID=104> (date of use: 31.01.2013).
6. *Democracy index 2011: Democracy under stress*. A report from the Economist Intelligence Unit. URL: http://www.sida.se/Global/About%20Sida/S%C3%A5%20arbetar%20vi/EIU_Democracy_Index_Dec2011.pdf (date of use: 31.01.2013).
7. *Doing Democracy: Global Doing Democracy Research Project*. URL: <http://doingdemocracy.ning.com/> (date of use: 31.01.2013).
8. Furman G.C., Shields C.M. How can educational leaders promote and support social justice and democratic community in schools // *A New Agenda for Educational Leadership* / ed. by W.A. Firestone, C. Riehl. N.Y.: Teachers College Press, 2005. P.119–137.
9. Gandin L.A., Apple M.W. Thin versus thick democracy in education: porto alegre and the creation of alternatives to neo-liberalism // *International Studies in Sociology of Education*. 2002. 12(2). P.99–116.
10. Kahne J., Westheimer J. Teaching democracy: what schools need to do // *Phi Delta Kappan*. 2003. 85(1). P.34–68.
11. Westheimer J., Kahne J. Reconnecting education to democracy: Democratic dialogs// *Phi Delta Kappan*. 2003. 85(1). P.9–14.

12. *Westheimer J., Kahne J.* What kind of citizen? The politics of educating for democracy // *American*

Educational Research Journal. 2004. 41(2). P.237–269.

ДЕМОКРАТИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ:
ГЛОБАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

Кожевникова Оксана Вячеславовна

*Удмуртский государственный университет;
426034, Удмуртская республика, Ижевск, ул. Университетская, 1.*

Дэвид Зингер

Университет Монаша; Австралия, Виктория, 3199, Франкстон, а/я 527

Идет речь о международном исследовательском проекте Global Doing Democracy Research Project, в котором принимают участие ученые более чем 25 стран с тем, чтобы изучить перспективы и представления о демократии в образовании для его демократизации. Основное внимание в рамках данного проекта уделяется тому, как образование связано с демократией, как оно поддерживает и культивирует демократические ценности и идеи. Описывается организация, методология и исследовательский инструментарий, используемый в рамках проекта.

Ключевые слова: философия образования; исследовательский проект; демократия; Индекс демократии; прямая и представительная демократия; гражданская позиция.

УДК 167/168+811.111'501

ФИЛОСОФСКАЯ КАРТИНА МИРА В ЭПОНИМИЧЕСКИХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМАХ

Е.М. Какзанова

Рассматриваются эпонимические интернационализмы из области философии. Объясняются термины «эпоним» и «эпонимический интернационализм». Затрагивается вопрос интернационализации в языкознании. Демонстрируется связь философской науки с лингвистической.

Ключевые слова: философия науки; термин-эпоним; эпонимический интернационализм; ономастика; специальный текст; интернационализация в лингвистике.

Философия, в известном смысле являясь «научной наукой», оказалась тем фундаментом, на котором возникли понятия других наук. Философские категории, преломленные в других науках, сначала получают статус соответствующих понятий данной науки, а затем эти понятия постепенно воплощаются в своих, имманентных для данной науки, категориях [2, с. 13]. Философский анализ языка для специальных целей (Language for special purposes) ставит вопрос о том, является ли язык адекватным средством выражения научных идей [5, с. 26]. В философии понятие «язык науки» со времен возникновения математической логики связывалось с его логическим анализом (середина XIX в.), а идея символического языка как универсального способа анализа научного мышления была провозглашена еще Лейбницем. Логический анализ языка науки как некоторое направление в философии науки в большой степени стимулировался широко известной в конце XIX в. ситуацией под названием «кризис оснований математики» и начался с работ Г. Фреге и Б. Рассела, продолженных затем Л. Витгенштейном и неопозитивистами [5, с. 8].

Связь философии науки с лингвистикой при решении собственно философско-логических проблем — двоякого рода: обращение к феноменам естественного языка как к образцам, на которые должен ориентироваться исследователь, рассматривая методологические понятия и проблемы языка науки, и обращение к мето-

дам лингвистического анализа [5, с. 34]. Язык как средство хранения и передачи знания фактически стал главным предметом изучения не только лингвистики, но и, в частности, философии. Особый интерес в этой связи представляет рассмотрение философской картины мира на материале эпонимических интернационализмов.

Эпонимом называется термин, который содержит в своем составе имя собственное (антропоним, топоним или мифоним), а также имя нарицательное в обозначении научного понятия (*хонфова группа/Hopfsche Gruppe/Hopf group*). Кроме того, термин-эпоним может быть образован безаффиксным способом от имени собственного (антропонима, топонима или мифони-ма) путем метонимического переноса (*Ампер*). Третью группу составляют аффиксальные производные от имени собственного (антропонима, топонима или мифони-ма) (*якобиан, улексит*).

Постоянный интерес к ономастике, в том числе и терминологической, позволяет обращаться к новым фактам, обусловленным экстралингвистическими и интерлингвистическими процессами. Ономастика специального научного текста исследует имена собственные в контексте научной коммуникации. Для нас термины-эпонимы — это уникальная группа терминов со своими особыми характеристиками, присущими этим терминам в зависимости от терминосистемы той науки, к которой они относятся.

В настоящей статье мы рассмотрим однословные эпонимические интернационализмы из области философии.

Вопрос об интернационализмах в языкознании никогда не терял своей актуальности, в особенности в условиях интеграции наук и с учетом возрастающей роли международных слов в самых различных областях знания.

Наличие общих слов в ряде языков вызвано определенными причинами — общим происхождением некоторых языков, научным и культурным общением народов, говорящих на разных языках.

Первое определение термина «интернационализм» можно найти уже в 1954 г. в немецком словаре иностранных слов (*Fremdwörterbuch*), и это определение таково: «Интернационализм — это интернационально употребляемое слово, которое может быть понято без перевода».

Мирослав Яблонски называет интернационализмами лексические единицы, которые вошли в некоторые культурные языки (*Kultursprachen/Replikasprachen*) из языка-оригинала (*Modellsprache*) со своим значением и такой же или ассимилированной фонетикой, причем речь здесь не идет о производных с заимствованной основой или о языковом родстве [11, s. 17]. Похожее определение дает А. Кольва, называя интернационализмы словами, которые похожи вплоть до орфографической или фонологической узнаваемости и имеют полностью или частично совпадающую семантику, которая выражает понятия межгосударственного значения [12, s. 14].

Говоря об исследовании интернационализмов, нельзя не назвать в свете интересующей нас проблематики лингвиста Петера Брауна, который в 1990 г. в своем труде *Internationalismen — gleiche Wortschätze in europäischen Sprachen* совершенно справедливо утверждал, что многие ономастические термины в разных языках совпадают [10, s. 25].

Специфика эпонимических интернационализмов состоит в том, что они не имеют родины, живого источника заимствования, подобно большинству иноязычных слов. Эти термины, составляющие в каждом языке значительный лексический слой, свидетельствуют об интернационализации определенных разрядов лекси-

ки — тенденции, которая отмечается в лингвистической литературе как специфическая черта, присущая современным взаимоотношениям языков и народов [4, с. 58].

Эпонимический интернационализм — это интернационально употребляемое понятие, образованное безаффиксным способом от имени собственного (антропонима, топонима или мифонима) путем метонимического переноса или представляющее собой аффиксальное производное от имени собственного (антропонима, топонима или мифонима).

В готовящемся к публикации «Словаре эпонимических интернационализмов» мы выявили четыре термина из области философии (из общего количества более 500).

Эпикуреизм (нем. Epikureismus, англ. epicureanism) — это философские учения, исходящие из идей Эпикура. Эпикур, древнегреческий философ, видел конечную цель человеческой жизни в достижении удовольствий. Удовольствие, по Эпикуру, есть отсутствие страдания. Результат правильной жизни — невозмутимый покой души, свобода и наслаждение, счастье, тождественное добродетели [6].

Спинозизм (нем. Spinosismus, англ. spinozism) — философское учение голландского философа Бенедикта Спинозы, внесшего значительный вклад в этику и социальную философию. В спинозизме нашли свое преломление идеи античных философов, критически переосмыслены философы средневековых мыслителей, философов-гуманистов эпохи Возрождения. Важную роль сыграл диалог Спинозы с произведениями Декарта. Психофизическая проблема взаимодействия телесного и духовного в человеке, занимавшая огромное место в антропологии Декарта, решалась Спинозой в духе монистического параллелизма. Многогранность спинозизма получила в дальнейшем самые различные интерпретации. Французский историк религии и философии Э. Ренан, русский философ В.С. Соловьев и немецкий исследователь К. Гебхардт доказывали, что Спиноза произвел религиозную революцию, направленную против догматических вероисповеданий [7].

Скорее математический, чем философский термин **гёделизация** (нем. Gödelisierung, англ.

Gödelization), означающий переход от системы аксиом, включающей в себя описание натуральных чисел, если она непротиворечива, к новому утверждению, строится на основании теоремы австрийского логика, математика и философа Курта Фридриха Гёделя о неполноте, опубликованной в 1931 г. Некоторые исследователи [14, p. 218; 13, с. 130; 1, с. 51] считают, что существительные, образованные при помощи суффиксов -ация и -изация, являются отглагольными. Не все ученые разделяют эти взгляды [3, с. 65]. Придерживаясь мнения, что первичным является все-таки глагол, мы хотели бы в рамках нашего исследования рассмотреть также эпоним **гёделизировать** (нем. gödelisieren, англ. gödelize), т.е. применить к некоторой системе аксиом теорему К. Гёделя. Теорема гласит, что любая эффективно аксиоматизируемая теория в языке, достаточном для определения натуральных чисел и операций сложения и умножения, является неполной либо противоречивой. Неполнота означает наличие высказываний, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть, исходя из аксиом этой теории. Противоречивость — это возможность доказать любое высказывание: как истинное, так и ложное. Эффективная аксиоматизируемость понимается как возможность алгоритмически решить, является ли данное утверждение аксиомой [8, с. 145].

Последний рассмотренный нами эпонимический интернационализм — это термин **марксизм** (нем. Marxismus, англ. Marxism). Кратко охарактеризуем марксизм как течение в философском, социально-политическом и экономическом учении второй половины XIX в., представляющее собой широкий спектр различных доктрин, исходящих из идей К. Маркса, немецкого философа, социолога, экономиста, политического журналиста, общественного деятеля, основавшего это движение с целью освещения различных аспектов общественного развития с позиций материалистического понимания истории.

Все проанализированные в настоящей статье эпонимы являются интернациональными с учетом ассимилированной фонетики и ассимилированного словообразования. Английский суффикс -ism соответствует русскому суффик-

су -изм и служит для обозначения отвлеченных, абстрактных существительных. В немецком языке ему соответствует продуктивный частотный суффикс -ismus, который, присоединяясь к основе антропонима, придает существительным значение общественно-политических течений, философских и религиозных учений, направлений [9, с. 251]. Продуктивный и частотный немецкий суффикс -isier(en), которому соответствует в русском языке суффикс -ировать, а в английском языке суффикс -ize, придает глаголам значение действия по способу, методу соответствующего лица при основах имен собственных [9, с. 250].

Список литературы

1. *Воронина Н.Н.* Существительные на -ация в современном русском языке: реальность и прогнозы // *Русский язык в школе.* 1993. №1. С. 50–53.
2. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
3. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М.: Либроком, 2009.
4. *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. *Никитина С.Е.* Семантический анализ языка науки. М.: Наука, 1987.
6. *Новая философская энциклопедия.* В 4 т. М.: Мысль, 2010.
7. *Новая философская энциклопедия.* URL: <http://iph.ras.ru/elib/1349.html> (дата обращения: 01.02.2013).
8. *Пенроуз Р.* Тени разума. В поисках науки о сознании: пер. с англ. М.; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2005.
9. *Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / под рук. М.Д. Степановой.* М.: Русский язык, 2000.
10. *Braun P.* Internationalismen. Gleiche Wortschätze in europäischen Sprachen. Tübingen: Max Niemeyer, 1990.
11. *Jabłoński M.* Regularität und Variabilität in der Rezeption englischer Internationalismen im modernen Deutsch, Französisch und Polnisch. Aufgezeigt in den Bereichen Sport, Musik und Mode / *Linguistische Arbeiten* 240. Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 1990.
12. *Kolwa A.* Zur Geschichte der Internationalismen-Forschung // *Internationalismen II. Studien zur interlingualen Lexikologie und Lexikographie. Reihe Germanistische Linguistik* 246. Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 2003. S.13–21.

13. *Lehikoinen R.* Словарь революции — революция в словаре? Аббревиатуры и иноязычная лексика в русском языке первого послереволюционного десятилетия: дис. ... д-ра философии. Хельсинки: Институт культурных связей между Финляндией и СССР, 1990.
14. *Ryazanova-Clarke L., Wade T.L.B.* The Russian Language Today. L.: Psychology Press, 1999.
-

PHILOSOPHICAL VIEW OF THE WORLD IN EPONYM INTERNATIONALIZMS

Evgeniya M. Kakzanova

People's Russian University of Friendship; 6, Miklukho-Maklay str., Moscow, 117198, Russia

The eponym internationalisms from the field of philosophy are analyzed in the article. The terms «eponym» and «eponym internationalism» are explained. The issue about the internationalization in the linguistics is touched on. The connection between the philosophical science and the linguistic science is demonstrated.

Key words: philosophy of science; eponym term; eponym internationalism; onomastic; text for special purposes; internationalization in linguistics.

УДК 11+728.01

МЕТАФИЗИКА СОКРОВЕННОГО В ЖИЛОМ ПРОСТРАНСТВЕ**А.Б. Костерина, Е.Ж. Шуплецова*

Целью данной статьи является поиск метафизических оснований жилого пространства через категорию сокровенного, исследование трансформации сокровенного в историческом измерении, выявление диалектики сокровенного и откровенного в жилом пространстве современной культуры.

Ключевые слова: метафизика; культура; жилое пространство; сокровенное; дом.

Процесс глобализации, охвативший современную цивилизацию, приводит к стиранию границ между странами и народами, размыванию национальных и этнических особенностей культур. Этому процессу способствует и современный урбанизм, лишая современную архитектуру выразительности и уникальности, что ведет к потере не только своего лица, но и души города. Градостроительство и архитектура «свидетельствуют об утере городом целостности и органичности, о его дезинтеграции и дезорганизации», современный мегаполис являет растиражированное «воспроизводство того же самого в бесконечном процессе отождествления, в универсальной культуре тождественности» [3], города меняют уклад жизни, привнося в нее иные ценности. В пространстве мегаполиса защитная (устроительная) функция архитектуры в части организации жизни общества и человека, его уверенности в безопасности практически исчезла. Неуверенность в защищенности приводит к утрате основных базовых концептов: дом, очаг, семья, уют. Следствием глобализации становится человек бездомный и безродный (по М. Хайдеггеру), который выпадает из мира и эпохи. М. Бубер, философ и религиозный мыслитель, различал эпохи обустроенности и бездомности. В эпоху обустроенности человек живет во Вселенной, как дома, в эпоху бездомности — как в диком поле, где и колышка для палатки не найти [4]. Пространст-

ва, как и люди, становятся неустроенными. Бездомность, одиночество человека, находящегося в атмосфере потерянности и духовной дезориентации, ведет к утрате сокровенных точек опоры в окружающем мире, раздираемом противоречиями, психологической напряженностью и тревогой.

В связи с этим актуальным является забота о сохранении национальных особенностей архитектуры различных культур и организации жилого пространства в частности.

Несмотря на обилие и многогранность исследований, посвященных изучению жилого пространства как объекта архитектуры, философско-культурологические аспекты этой темы мало изучены и требуют своего раскрытия: диалектика откровенного и сокровенного в жилом пространстве, трансформация сокровенного в историческом измерении, национальные варианты сокровенного в жилом пространстве. Глубокая внутренняя связь архитектуры и философии осознавалась еще с античности. Так, Витрувий, автор античного трактата по архитектуре, утверждал, что для создания построек знание философии необходимо, оно «возвышает дух архитектора» [5, с. 22]. Согласно Витрувию, сооружения и архитектуры, и философии должны отвечать критериям: *firmitas* (прочность конструкции), *utilitas* (польза), *venustas* (красота). Кант также считал, что философ, метафизик должен действовать подобно хороше-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекта № 01201260589)

Костерина Алла Борисовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории искусств и художественного мастерства; Российский государственный профессионально-педагогический университет, Институт искусств; 620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; akosterina@yandex.ru.

Шуплецова Елена Жановна — доцент кафедры дизайна интерьера; Российский государственный профессионально-педагогический университет, Институт искусств; 620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; el-jane@yandex.ru.

му архитектору и конструктору, чтобы позаботиться об основании, о фундаменте, готовя территорию. Он организует философию, исследуя метафору архитектуры и архитектурной техники (архитектоника, по Канту, — система, включающая подсистему как единство многообразия знаний, объединенных общей идеей), тем самым выстраивая метафизику как целое [9]. Философы во все времена активно оперировали терминологией архитектуры, утверждая, что для строительства философской системы, как всякого сооружения, нужны надежные «основания» — «фундамент» и «этажи», чтобы все здание философии не рухнуло [18].

По мнению Хайдеггера, архитектура опирается не на фундамент, а *на язык*, на культуру, которые выражают всем своим орнаментальным существом смысл этой «одомашненности» во внешнем мире. Идея языка Хайдеггера — это «дом бытия». Дом (как язык) — это то, что должно быть близким, родным, своим. «Бытие как событие, посылающее истину, остается потаенным» [19, с. 206]. М. Хайдеггер рассматривает пространственную организацию «бытия-в-мире» и показывает, что сам опыт ориентации человека в мире и всякая возможность познания окружающего определяется исходным опытом быть «вблизи» какого-то сущего, опытом удержания его «под рукой». Бытие Хайдеггер определяет как «кров, который укрывает человека, его экзистирующее существо, в своей истине», обеспечивая ему укоренность, мир и покой [19, с. 218].

Марк Вигли, автор «Архитектуры деконструкции», в своем исследовании рассматривает обнаруженные Дерридой отношения между архитектурой и философией в плане обращения его к концепции пространства как продукта письменности. Исходя из того, что пространство — продукт письменности, Деррида противопоставляет пространство внешнее (письмо, графический знак) внутреннему (голосу, живой устной речи). Внутреннее — есть присутствие, а внешнее — это представление, автор вовлекает в дело метафоры, связанные с интерьером и экстерьером: дом «не как усадьба, увиденная издали и прочитанная с помощью словаря архитектурных стилей, а скорее как интерьер жилища, семья. Собственно “дом” — это уже не архитектурная (хотя отчасти еще и архитектур-

ная), сколько бытовая, социально-психологическая, метафора» [18].

Таким образом, существуют черты духовного родства между философией — «матерью наук» и архитектурой — «матерью искусств», поэтому целью нашего исследования является поиск метафизических оснований жилого пространства. Основанием для нового осмысления может стать, на наш взгляд, категория сокровенного. Смысл сокровенного поддается толкованию через этимологию, семантику (кров, кровь), но точной передаче не поддается, и хотя доступен чувственному опыту через явленное и неявленное, осязаемое и неосязаемое, внешнее и внутреннее, относится к категории, трудно определяемой и проговариваемой. Отдельные аспекты сокровенного нашли отражение в философской литературе на уровне таких синонимов, как тайна, сакральность, непостижимость и т.д. В классическом понимании категория сокровенного коррелирует с такими понятиями, как «дух», «духовное», «гармоничное». Место сокровенного — не вовне, а внутри человека. Следует отметить, что вся классическая философия пронизана духом дуализма, а потому и сокровенному как душевному, священному, сакральному, трансцендентному, иррациональному, небесному, высокому противопоставлены следующие понятия: телесное (материальное), мирское, профанное, имманентное, рациональное, земное, низменное и т.д.

Традиционное осмысление жилого пространства связано с домом, воспринимаемым как духовный центр, как символ бытия, как пространство сокровенного. Несмотря на то, что дом, как душа, открыт, он призван сокрывать внутреннюю жизнь человека, наполненную созерцательностью и вдохновением; сохранять родовые и семейные традиции; способствовать органичной слитности с природой. Дом — это укорененность, духовность и уют. Традиционное жилое пространство сохраняет интимность жизни и потому сокровенно.

Новое сокровенное в жилом пространстве современной культуры не столько отрицает традиционные трактовки, сколько смещает их акценты и производит некую подмену понятий, в результате происходит стирание границ, противопоставлений, ранее расположенных на разных полюсах. «Новое» сокровенное жилого пространства в современных условиях стре-

мится к телу комфорта и благ. Жилое пространство в современной культуре часто лишено не только духа, но и души. Если традиционная модель дома фокусировалась на очаге, кухне, гостиной и приватности личных пространств, то современная, зачастую, наоборот, представляет модель открытого пространства, где зоны перетекают друг в друга, максимально освобождая человека от физических и визуальных преград. Сегодня мы наблюдаем создание нового жилого пространства, подверженного десакрализации, деинтимизации, технологизации, в силу чего происходит потеря традиционного сокровенного. Жилое пространство, призванное сокрывать, сегодня утрачивается.

Поскольку жилое пространство в каждой отдельной культуре несет отпечаток времени, так и сокровенное в жилом пространстве подвержено трансформации в историческом измерении (по вертикали). Жилое пространство, по определению В. Шубарта, «это отражение национального Космоса, национального менталитета, это дух ландшафта, который пересекается с духом эпохи» [21, с. 15].

В эпоху первобытного общества осознание и восприятие окружающего пространства было предметно-чувственным, охватывало и воспринимало мир в его целостности, синкретичности. Вглядываясь в окружающее его пространство, человек настраивался на его ритмы и верил, что наряду с явленным существует неявленное, рядом с видимым — невидимое и сокрытое. Первобытный разум утверждал: реальность — мистична, мистика — реальна. Ему была неведома двойственность противоречий и дуализм, и потому сокровенным было насыщено все окружающее пространство, как живое, так и неживое, как внутреннее, так и внешнее, включая и его самого. Авторы «Современной первобытности» А.В. Павлов и В.Т. Галкин мироощущение первобытного человека передают в словах: «Мой мир есть мой дом, это — мое, это я сам, потому что каждая деталь дома от камня у входа до сломанной ветки в лесу полны для меня смыслом, имеют значение, понятны» [16, с. 22–23].

Для античного человека космос — это дом со своими границами, упорядоченный и выразительный, а потому прекрасно целый. Согласно А. Лосеву, античности характерна «самодовлеющая созерцательность»; человек, нахо-

дясь в гармонии с космосом, не стремился к тому, чтобы его усовершенствовать, заменить, он воспринимал его чувственно и материально, считая его идеальным и самоценным [14]. Устойчивая приверженность античного человека «идее строгой упорядоченности окружающего мира, универсального характера космического закона, имманентной силы, действующей спонтанно, божественного разума — логоса, пронизывающего и регулирующего Вселенную» является, по словам М. Барга, источником «чуждого ощущения таинственности, совершенства и красоты божественного порядка» [1, с. 37]. Античное миропонимание космоцентрично, так как космос включает в себе все: мировой ум, мировую душу, идеи, сущности — и все это неотделимо от телесности. Для эпохи характерно обращение к человеку, подобно космоса («человек есть мера всех вещей»). В античности соотношение внешнего (формы) и внутреннего (содержания) находятся в равновесии, поскольку все внутреннее и божественное здесь находит воплощение во вполне земном природном человеческом, а внешнее дается или может даваться внутренне, как заключает А. Лосев [14]. Все искусства и науки были подчинены единому архитектурному миропониманию, в архитектуре — триединству: прочность, польза, красота. Созерцая прекрасное, человек находится в гармонии с собой и Вселенной, так как в прекрасном заключена сама Красота — красота пропорций. Человек античности «жил в природе как в доме», пространство человека и пространство природы существуют в неразрывной целостности. Дом для него — весь мир, и весь мир — Дом. «Мир земной, мир природы — это жилище для человека, его обиталище, его Дом» [6, с. 8]. Таким образом, в античном человеке соединились свобода духа и свобода тела; божественное, бессмертное, сверхчувственное и земное, чувственное, несовершенное; телесное (тело человека, тело архитектуры), рациональное (пропорции человека, строений) и душевное (дух человека и архитектуры), по сути своей иррациональное, находились в равновесии; духовное (внутреннее) было неразрывно связано с видимым, телесным (внешним). Античное жилище в определенном смысле было «открытым» домом и соотносилось со «светлым жилищем богов». Греческое слово «наос» (naos) означает одновременно

«храм» и «жилище». Статуя бога требовала своей сокровенной обители — дома, и «жилище бога» должно быть освящено его присутствием. Дом эпохи античности — это дом бога, храм. Таким образом, сущностью сокровенного в эпоху античности являлись гармония и соразмерность мира, красота естественного бытия. Сокровенное было имманентным самому бытию.

Для средневекового человека сокровенному не было места в земном, тем более плотском, «поскольку подлунный мир его (человека) не только не радовал, но оставался ему враждебным» [1, с. 123]. Дуализм средневековых представлений, резко расчленивший мир на полярные пары противоположностей, группировал эти противостоящие одна другой категории по вертикальной оси: небесное противостоит земному, божественное — греховному, духовное — плотскому. Пространство средневекового человека представляет собой замкнутую систему со священными центрами (трансцендентное) и светской (профанной) периферией, потому для средневекового человека представление о доме, как и в античности, связано было не с жилищем, а с храмом, местом сокровенного, где человек растворяется в величии священного пространства, обозревая красоту и гармонию божественного творения, — невидимое и умопостигаемое снисходит на него через видимое и материальное. Н.А. Хренов утверждает, что сокровенное как сакральное проявляется в религиозных формах, земная жизнь — лишь преддверие, «порог перед входом в мир сверхчувственный, потусторонний», небесный [20, с. 298]. Потому для средневекового человека представление о доме связано было не с жилищем, а с храмом, местом сокровенного. Главной задачей средневекового жилища (от хижины до замка) было скрыть, спрятать, защитить их владельца от внешних, враждебных сил, оно было обнесено глухой стеной или забором, двери окованы железом, узкие окна зарешечивались и закрывались ставнями. Иными словами, сокровенное в эпоху средневековья было связано с небом, богом, сакральным. Сокровенное было трансцендентным, за пределами реального мира, «в ожидании жизни потусторонней, вечной» [6, с. 11]. Сокровенное в реальной жизни было связано со странничеством, бездомностью.

Доминантой эпохи Возрождения являлся антропоцентризм. Разрушена иерархия божественного и земного: все явления и вещи мира, по словам М.М. Бахтина, «покинули свои старые места в иерархии вселенной и устремились в одну горизонтальную плоскость становящегося мира, стали искать себе новые места в этой плоскости, стали завязывать новые связи, создавать новые соседства» [2, с. 464]. В связи с тем, что в эпоху Возрождения на первый план выходит сам человек, его индивидуальность, рождалось новое ощущение космоса как дома нестрашного, родного, близкого. Дом, как место проживания человека, своим пространством раскрывается в пространство города и сам город становится большим, удобным, обжитым домом. Так было в Италии. В Германии, Нидерландах, наоборот, дом был «закрытым, защищенным, это пространство, обжитое человеческой духовностью» [15, с. 52]. Дом эпохи Возрождения, по словам И.Е. Даниловой, это «замкнутый мир в себе, как своеобразная микро модель большого мира, наполненного вещественными знаками божественного присутствия» [6, с. 25]. Таким образом, в эпоху Возрождения трансцендентное и имманентное поменялись местами, изменилось сокровенное: земное пространство человеческого существования взяло на себя функции трансцендентного, а небесное — имманентного.

Для человека Нового времени характерно рациональное и прагматичное мировосприятие, тайну и чудо человек делает осязаемыми, материальными. Представление о мире в Новое время формировалось под влиянием научной рациональности — мир как «физическое пространство», «объект познания» и «рационального использования». Сила науки, ее познавательная мощь есть следствие того, что она порвала с религиозно-мифологическими представлениями о мире как уютном доме и объективно взглянула на мир. «Цивилизация, связанная с техно-наукой, чем дальше, тем больше теснила “уют” старых космологических представлений человечества и разрушала уют как феномен домашнего быта» [13, с. 96]. В искусстве происходит отход от возвышенного, божественного к земному, повседневному, соизмеримому с человеком и его жизнью. Это век обретения Дома не только в трансцендентном смысле, но и в его обыденном значении. Дом

становится духовным убежищем с ощущением защищенности от внешнего пространства, «освященное и освященное присутствием человека место, вырванное, отвоеванное у стихии мрака» [6, с. 30]. Сокровенное расположено не в небесной выси, а в том, на чем он стоит, исходит от ума, а не души, оно также рационалистично.

На рубеже XIX–XX вв., «на грани шевелящегося хаоса», звучит тема деформации дома (анти-дом), его разрушения, катастрофической утраты домашнего очага и трагической бездомности (тема «мирового кочевья»), что ведет к трансформации сокровенного, заключенного в жилом пространстве, изменение соотношения степени его сокрытости — открытости. Оппозиция «дом – антидом» выражается через противопоставления: дом духовный (дом внутри себя) — дом материальный; восхождение и свет (устремленность и свет предполагают просторность, открытость) — нисхождение, низ и тьма (коррелируется с потаенным, сокрытым в отрицательном значении).

Эпоха модерна демонстрирует новое отношение к миру: отчужденный, бесконечно-абстрактный мир преобразуется в мир «обозримый, очеловеченный, “теплый” мир-космос». Это время единства, с одной стороны, функциональности и комфортности, с другой, устремленность в надзвездное пространство. Больше того, утилитарность, функциональные достоинства направлены на создание поэтического настроения. Эпоха наслаждается благами современной цивилизации (водопровод, паровое отопление, электричество, лифт, автомобиль, телефон) и формирует комфорт, наделяет его эстетическими качествами, «возвышая поэтику благоустроенного быта до одной из важных духовных ценностей» [10, с. 241]. Жилые дома (особняки в частности) своим комфортом противостоят беспокойному ритму жизни индустриального города. «Все возможности современной техники и комфортность, виртуозность и мастерство архитекторов направляются на создание атмосферы, полной изысканной чувственности, тонких неуловимых настроений, лиризма и одухотворенности... В модерне происходит чудо преобразования — поэтизация обыденного» [10, с. 242]. В модерне наиболее полно проявились разнообразие форм, декоративность, орнаментальность и театральность интерьеров. Таким образом, эпоха модерна от-

крывает неклассическое сокровенное — духовный комфорт, соотносимый с удобством и уютom, через них происходит приобщение человека к высшим духовным ценностям и красоте. Происходит наделение имманентного функциями трансцендентного.

Постмодернизм со своими тенденциями отрицания исторической традиции, национальной культуры, преемственности разрушает гармонию, целостность мироздания. Гармония и единство мира распались на фрагменты. Целью постмодернизма становится потребление, что меняет духовные ориентиры. Сущность постмодернизма — цитирование, ирония, игра, сложные образные ассоциации и др. В итоге, сегодня наблюдается утрата традиционного смысла сокровенного и обретение «нового» сокровенного. Одно из «достижений» неклассической философии — преодоление дуализма, не то чтобы вышеописанные конструкты перестали существовать, они есть, но не противостоят друг другу, а либо находятся в забвении, либо происходит подмена понятий друг другом. Таким образом, неклассическое понимание «сокровенного» не отрицает традиционных трактовок понятия, но привносит в них свои оттенки методом синтезирования, взаимодополнения и взаимодействия. Происходит уравнивание (подмена) понятий, ранее расположенных на разных полюсах: душа – тело, священное – мирское и пр. В эпоху модерна происходит стирание границ, противопоставлений. Поиски сокровенного из категорий «священного», «возвышенного», «небесного» перемещаются на территорию обыденного, мирского, профанного. Современный представитель цивилизации в реалиях сегодняшнего дня отдаляется от священного, сакрального как сокровенного в себе, отрицает возвышенное, божественное, иррациональное, тем самым десакрализует мир. Его сокровенное выступает в ипостаси мирского, обыденного, земного.

«Новое» сокровенное можно определить как телесное, осязательное. Отказавшись от поиска метафизических смыслов, идей, идеалов, ценностей — всего духовного, человеку предоставлена лишь одна реальность — телесное. Телесность, по выражению В.А. Кутырева, вытесняет идеальность, осмысленность, духовность, человечность [11]. По словам Элиаде, «жилище современного человека утратило для

него свою космологическую ценность, его тело лишилось всякого религиозного и духовного значения» [22, с. 111].

«Новое» сокровенное представляется как хаос, тишина, пустота, которые «делают нашу жизнь неустойчивой, неуловимой, эфемерной» и мы живем в «эру пустоты», нам не на что духовно опереться [11]. Архитектор-философ К. Дэй подчеркивает тот факт, что здания навязаны жилому пространству и не соответствуют своему месторасположению, нечувствительны к его характеру, это лишь «чи-то застывшие высказывания, монологи, в которых нет ответа ни потребностям людей, ни потребностям места», они не несут в себе идеалов, воображения и вдохновения, не отражают ни будущее, ни настоящее, которое зиждется на прошлом [7, с. 10]. Теоретик и практик архитектуры Ю. Палласмаа считает, что современные постройки своей архитектурой вызывают порой любопытство и интерес смелым решением, изобретательностью, но не передают ощущение смысла нашего мира, нашего собственного существования. Тогда как человеку нужна архитектура «сосредоточенная и созерцательная», не стремящаяся к «шуму, эффектности и моде». Архитектуре нужно вернуть свою естественность, которая наполнила «наши сердца добрыми чувствами», создать архитектуру «тишины» [17, с. 105–106]. Д.С. Лихачев, отмечал онемение архитектуры через утрату своего языка, отсутствие значимости и индивидуальности жилого пространства в жизни человека, а ведь наши дома — это людские судьбы. Современные дома не просто «коробки», они «чемоданы; старинного скучного фасона, все одинаковые» [12, с. 192]. Современное жилое пространство, по его мнению, — это только удачный дизайн, и его беда в том, что он стал обладать агрессивностью. Грандиозные бесчеловечные стройки, воздвигаемые во имя абстрактного человека, губительны для природы, ценным является только то, что построено для человека конкретного, в конкретной местности [12].

Наши дома, отмечает К. Дэй, представляют места «складирования людей» в пространстве дома — человек не укореняется, а лишь удерживается на поверхности. Человеку же жизненно необходимо свое место как «дом для души, но не как ящик для тела» [7, с. 107]. Обезличенное жилое пространство не может быть ме-

стом формирования и развития духовности, гармонизации человеческой личности — квадратные метры лишены индивидуальности и не задевают человека за живое, оформлены согласно моде, заимствованиям, тем самым отвоевывая у сокровенного часть души. Прежняя модель строительства дома вокруг очага (кухни) сменяется концепцией дома как центра релаксации и неформального досуга, где кухни может и не быть; множество комнат как олицетворение ценности и роскоши уединения сменяется концепцией открытого пространства, где зоны перетекают друг в друга, максимально освобождая человека от физических и визуальных преград. Современный человек не расценивает больше свой дом как расширение своего тела. Дом стал местом сна и средством удовлетворения потребностей своих жильцов. Скорость, которая определяет нашу современность, приводит к тому, что человек не успевает освоить ту среду, в которой живет, сегодня он часто меняет жилье: переезжает внутри города, из города в город, из страны в страну, и каждый раз это новое жилье, которое не успевает никоим образом освоить [8, с. 238].

Дом связан с исчезновением частного пространства, преобладает «подиумное мышление» (телепередача «Дом-2»). Жилое пространство дома подвергается процессу десакрализации. Человек, имея свою жизнь и дом, погружается в бесконечные реалити-шоу, сериалы и пр., начинает жить чужой жизнью, чужим домом, чужими эмоциями, примеривая на себя любой новый образ (будь то олигарх-бизнесмен или женщина-вамп и пр.). Десакрализация способствует не просто потере уюта домом, а замещению его комфортом, который, по словам С.А. Лишаева, есть продуманная рациональность, «которая устраняет все импульсы», уют — иррациональность, способность задеть человека за живое [цит. по: 8, с. 235].

На наш взгляд, философское осмысление современного жилого пространства поднимает очень важную проблему — проблему сокровенного, проблему нового обретения и сохранения человеком подлинно человеческих (экзистенциальных) качеств в глобализирующемся мире.

Список литературы

1. *Барг М.А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987.
2. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит-ра, 1990.
3. *Бодрийяр Ж.* Город и ненависть. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Vodr/Gor_Nas.php (дата обращения: 29.01.2013).
4. *Бубер М.* Проблема человека // Я и Ты. М.: Высш. шк., 1993. С. 75–156.
5. *Витрувий.* Десять книг об архитектуре / пер. с лат. Ф.А. Петровского. М.: Академия архитектуры, 1936.
6. *Данилова И.Е.* Мир внутри и вне стен. Интерьер и пейзаж в европейской живописи XV–XX вв. М.: РГГУ, 1999.
7. *Дэй К.* Места, где обитает душа: Архитектура и среда как лечебное средство / пер. с англ. В.Л. Глазычева. М.: Ладья, 2000.
8. *Запесоцкий А.С.* Философия российской телесности. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009.
9. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
10. *Кириченко Е.И.* Русская архитектура 1830–1910-х гг. М.: Искусство, 1982.
11. *Кутырев В.А.* Философия постмодернизма. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии госслужбы, 2006.
12. *Лихачев Д.С.* Заметки об архитектуре // Русская культура: сб. ст. М.: Искусство, 2000. С. 185–195.
13. *Лишаев С.А.* Феноменология уютного (к эстетической характеристике дома и домашних вещей) // *Mixtura verborum`2004: пространство симпозиона: сб. ст.* Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 2004. С.61–96.
14. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: в 8 т. Т.6. Поздний эллинизм. М.: Фолио; АСТ, 1994.
15. *Махлина С.Т.* Семиотика культуры повседневности. СПб.: Алетейя, 2009.
16. *Павлов А.В., Галкин В.Т.* Современная первобытность. Тюмень: ТОГИРРО, 1999.
17. *Палласмаа Ю.* Границы архитектуры — к архитектуре тишины // *Вопр. искусствознания.* 1993. №1. С. 92–107.
18. *Раннапорт А.Г.* Рецензия на книгу Марка Вигли. «Архитектура деконструкции» (The Architecture of Deconstruction: Derrida's Haunt). URL: <http://www.archi.ru/lib/publication.html?id=1850569402&fl=5&sl=1> (дата обращения: 29.09.2012).
19. *Хайдеггер М.* Время и Бытие: Статьи и выступления: пер. с нем. М.: Республика, 1993.
20. *Хренов Н.А.* Воля к сакральному. СПб.: Алетейя, 2006.
21. *Шубарт В.* Европа и душа Востока. М.: Русская Идея, 1997.
22. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994.

INNERMOST'S METAPHYSIC IN LIVING SPACE

Alla B. Kosterina, Elena Zh. Shupletsova

*Russian State Professional Pedagogical University, Institute of Arts;
11, Mashinostroiteley str., Ekaterinburg, 620012, Russia*

The main subject of this article is to find out metaphysical grounds of living space trough innermost category, inner transformation research in historical dimension, dialectics elicitation of innermost and explicitness in modern culture living environment.

Key words: metaphysics; culture; living space; innermost; home.

УДК 165.212:572.9

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

А.Г. Пудов

Автор выявляет внутренние условия успешной социальной модернизации для этнических культур. Показаны на конкретных процессах этнических культур Республики Саха (Якутия) примеры по органической и неорганической их консервации. Последнее фундируется мифологическим и метафизическим концептами. Показаны перспективные возможности метафизического конципирования, основанного на символической онтологизации сознания. Последнее вбирает в себя синтез и трансмиграцию символов этнической и метафизической культуры, включение в современные формы культуры обоих типов символов.

Ключевые слова: модернизация; этномодернизация; символ; символизация; синтез; трансмиграция; онтологизация сознания; консервация этнической культуры.

Начав разговор об этнокультурной модернизации, мы определяем ракурс видения любых модернизационных преобразований. Любая модернизация на чем-то основана, имеет собственные онтологические или идеологические основания. Этнокультурная модернизация определяет онтологический горизонт любого процесса осовременивания. Мы останавливаемся на последней как эффективной модели возвращения к бытию этнического символического сознания, востребованного в пору массовой духовной деградации общества и возможности саморазвития этнического, исключаящего или снижающего риск возможности религиозного фундаментализма, национализма, демодернизации в целом.

Дело в том, что социальная реальность России составлена доминантной палитрой региональных этнокультур и традиций. Это определяющий фактор для многонациональной страны, в которой столетиями практикуется силовая, а не гражданская сборка в единое государство. Единое национальное, слабо проартикулировано и испытывает в России идеологический вакуум, часто заполняемый этноцентристскими идеями, инициированными не по мысли, а по психологии, в рамках первичной пассивной реакции. Подобие американского «правильного котла» — интернационализм потерпел крах и у нас, и в Соединенных Штатах.

Идеи мультикультурализма терпят неудачу и в Европе. Это были идеологические проекты, онтологическим основанием которых не являлись состояния сознания и фундированные в них символы. Сутью являлись псевдосимволы в терминологии метатеории сознания М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского [2]. «Время жизни» подобных псевдосимволических образований соизмеримо с временем действия основополагающих мифологем, «протаскивающих» свой концепт к жизни. В традиционном, мифологически конципированном обществе время жизни идеологически продиктованного проекта равно времени действия концепта. Как только возникает новый мифологический концепт или новый метафизический способ конципирования, время жизни старого неумолимо сокращается. В связи с этим время предьявляет свои права на жизнь национальных государств, так как последние, как правило, опираются на национальные мифологемы, конципированные политической сферой, которая фундирована не по мысли организованными ментальными структурами — идеологией.

Этническое на этом фоне предстает в большей мере нагруженное символическим сознанием, которое косвенно десигнирует к бытию посредством мифологического способа кодирования социальной реальности [4]. В свою очередь, метафизически конципирован-

ные состояния сознания — символы сознания — суть достаточное условие для завершенной этнокультурной модернизации [4]. Но на пути проведения этнокультурной модернизации возникают проблемные вопросы, связанные с двумя ключевыми способами кодирования социальной реальности.

Естественный процесс смены традиционного способа хозяйствования (как правило, аграрного для окраин России) завершился, причем массово. Смывается основанная на такой хозяйственной модели этно-мифологическая система «рождения человеческого». Отсюда та самая интенсивная утрата внутренней системы нравственности народа. По сути, с уходом системы внутренней нравственности этноса [5, с. 156] исчезает его народ. Единственной реакцией на данный вызов этнической культуре становится ее самосохранение и возможность саморазвития.

Сегодня мы наблюдаем следующие основные, на наш взгляд, тенденции в региональных этнических культурах. Далее будем опираться на анализ, проводимый на основе наблюдаемых явлений в этнической культуре якутов — саха (*самоназв. якутов*), культурах коренных малочисленных народов северо-востока Российской Федерации — юкагир, чукчей, долган, эвенов и эвенков. Первую тенденцию назовем «осознанной неорганической консервацией» — сохранением этнического символизма сознания. Под консервацией мы подразумеваем осознанную социально-политическую (идеологическую) установку на сохранение, инициированную политиками по сохранению этнических культур. Данная тенденция фиксируется в политических и социальных программах законодательных собраний субъектов Российской Федерации, экономических и культурных задачах национальных субъектов. Актуальность консервации этнической культуры обретается для этносов, напрямую связанных с традиционным видом хозяйствования — оленеводством, коневодством, рыболовством и охотой. Для них остро встала проблема утраты родного языка, обрядов и традиций. По сути, вопрос встал об исчезновении этносов как уникальных культурных явлений. Немногочисленность юкагир, чукчей, долган, эвенов и эвенков усиливает деграционные процессы в жизнеспособности их этнических культур.

Сегодня задача консервации этнической культуры подразумевает возможность отразить и презентовать спектр этнических символов, трансформированных культурной переработкой в ценности рассматриваемой культуры. Вторая задача заключается в создании условий сохранения экзистенциального поля функционирования символического спектра этнокультуры. Так, существует контрнаправленное движение самой культуры, по активному переводу указанного спектра в феномены массового знакового уровня. Последнее востребовано жизнью в целях активной внутри- и межкультурной коммуникации.

Метафизические основания формируемого таким образом мировоззрения остаются мифологически конципированными. Трансцендирование природных оснований в связи со сказанным апеллирует к мифологическим структурам сознания. В рамках глобального процесса всепоглощающего знакового разложения и исчезновения символического в сознании, происходит интенсивное духовное обнищание, в том числе и через консервацию этнических культур. Дело в том, что знаковость предполагает опору на норму, знание, т.е. инструкцию к действию. Последнее — весьма слабая форма для поддержания внутренней нравственности народа, из нее очень легко сорваться в пропасть безнравственности и варварства. Об этом уже говорили философы, в частности Ф. Ницше.

Второй вариант сохранения экзистенциального пространства этнического символизма — это выстраивание новой модели его функционирования за счет символосинтеза и символотворчества [5, с. 157]. Последнее ярко выражено в сфере искусства. Напомним, что символический ренессанс культуры, по сути, суть процесс продления этногенеза. Напомним, что этногенез и рождение этноса мы связываем с символотворчеством — процессом сотворения спектра символических образований: вербальных, графических, а также вещного формообразования, несущего символическую нагрузку, а как дополнение — дальнейшую идеологическую проработку и закрепление произведенных символических конструкторов через жанры устного народного творчества, наполненного спорадическим локальным психологизмом [6, с. 97].

Этносимволизм скоррелирован укладу, который существовал столетиями и был привязан к системе традиционного хозяйствования. Сегодня, когда этносы полноценно не существуют в поле хозяйственной практики традиционной культуры, они не могут «подобрать ключик» к пониманию символов прошлого. У них нет возможности обретения бытия, когда-то завоеванного предками. Однако остается лазейка. Это искусство, производящее фиктивные формы, — единственный способ разрушения далеко зашедшего культурного формализма. Поскольку то, «что нельзя увидеть органами чувств, можно увидеть через форму символа, ритма» [1, с. 213–214]. Таким способом осуществляется реанимация бытия этносимволов и создаются условия для их участия в современной социальной реальности. Для этносов новая социальная реальность — это превращение этнокультурного символизма и поведения в культурный капитал.

В целом, если абстрагироваться от указанных процессов символосинтеза и символотворчества, то можно отметить, что сегодня происходит первичная органическая реакция на вызов эпохи — миграция этнического в сферу искусства. Ее можно назвать «неосознанной естественной консервацией» в период, когда традиционный аграрный уклад народа уходит в небытие. Усиленно этот процесс происходит для оседлых этнических культур, например якутов, массово сокративших традиционные способы аграрного хозяйствования в XX–XXI столетиях. Этническому почти не остается ниши в социальной и хозяйственной структуре современного общества. В современную индустриальную и постиндустриальную эпоху наблюдается инкорпорирование вторичного символизма этноса в произведения искусства, с нередким попутным сопряжением с метафизическим символизмом. На фоне миграции этнического символизма в сферу эстетического происходит процесс саморазвития этнокультуры за счет символотворческих явлений в процессе создания произведений искусства.

Внутри процесса символического саморазвития этнической культуры происходит двоякое явление, это: 1) обыгрывание этносимволизма в современных формах культуры — изобразительном искусстве, танце, театре, кинематографе, мультипликации. Современному этно-

су необходим не искусственный процесс перенесения ценностей и норм европейских культурных завоеваний просто как знания, а налаживание в этнокультуре возможностей принятия новых органических способов утилизации универсальных символов. Эти способы утилизации символов подразумевают понимание различия в способах кодирования и интерпретации символов разной природы, налаживание связей между мифологическими символами этнокультуры и символами культуры метафизической. Наиболее эффективным способом может являться выстраивание культурных форм, в которые включены как те, так и другие. Сочетающая в единстве одной формы символическая разнородность позволяет конгруировать разнородному, с другой стороны, это повлечет за собой процессы трансмиграции символических спектров разной интерпретационной природы. При этом единственным эффективным способом прочесть упакованное в них сознание становится облечение спектра национальных или этнических символов в форму, проигрываемую искусством, жанры которого позволяют найти новые каналы коммуникации на сознательном уровне.

Набор таких удачных форм-органов должен составить ментальность новой социальной реальности, например, модернизированного Севера, — циркумполярной (арктической) цивилизации, по крайней мере, выражать ее ментальную целостность [3].

Сошлемся на конкретные примеры. Сегодня хореографами Республики Саха (Якутия) решается сложная задача по выявлению пласта этнической культуры, который погружен в глубины подсознательного. Он почти забыт и восстанавливается на свой страх и риск. Если некоторые танцы саха сохранились в почти первозданном виде, например круговой хороводный «Танец осуохай», включенный в ритуал летнего праздника Ысыах, то многие другие безвозвратно потеряны, так как было утрачено их практическое предназначение. Например, утрачены воинские танцы, ушли танцы, связанные с особыми обрядами шаманского культа. Единственное, что остается, — это их личная интерпретация. Есть вероятность того, что, занимаясь постановкой танца, можно случайно попасть в нужную структуру сознания и, таким образом, вынести крупицы истины. В принци-

пе, мы уже никогда не сможем понять, что сотворили. Например, мы до конца не понимаем, что есть «чорон» (якутский ритуальный кумысный кубок) как структура сознания наших предков. Но молодые хореографы могут поставить на сцене танец с чоронами, обыгрывая ту самую ситуацию включения этносимволов в современную, в данном случае танцевальную форму. При этом кумысная посуда и сама структура ритуала организуются вокруг сопряженности со структурой сознания — «обращение к божествам», «донесение своего преклонения, моления им». Обыгрываемая в стихии современного танца кумысная посуда может «сработать» и помочь выйти на ее изначальный смысловой топос.

Создавая новую культурную форму, мы не должны использовать лишь архаичные мифологические механизмы трансляции символов. Есть необходимость дополнительно сделать якутский ритуальный кубок чорон ритуальным элементом новой традиции, запускающей не столько мифологический, сколько метафизический символизм. Нужен новый артикулированный «язык символов». Этнический символ должен зажить новым метафизическим содержанием, а культурной формой может стать для северян бережное отношение к природе, данное в устном слове и музыкально-танцевальном оформлении.

Хореографы чувствуют, что дотрагиваются до истины, когда зрители, наблюдающие за постановкой, что-то начинают испытывать, понимать о культуре народа саха. Нечто подобное происходит в поставленном этнофольклорной труппой «Сандал» Якутской ГСХА танце «Дьёхгёй», руководитель С.Ф. Катаков — приверженец экспериментального фольклора. Есть у молодого хореографа план создания целой серии якутских ритуальных танцев, а также желание построить законченную систему оздоровительной «якутской йоги», основанной принципиально на якутской пластике поклонов, число видов которых, по описаниям в Олонхо (самоназвание якутского героического эпоса), доходило до 99.

Мы будем относительно спокойны за этнокультуру, если сумеем создать ее новые формы, высвобождающие смыслы древних этносимволов, если сумеем органично вплести их как продуктивные механизмы современной культу-

ры. И здесь нужно быть осторожным. Нужно постараться сохранить баланс между знаково-стью массовой и символичностью метафизической культуры, поскольку есть соблазн погрузиться в пространство пустых знаков.

С другой стороны, происходит следующая тенденция: 2) сопряжение в одной культурной форме символов разной природы кодирования. Здесь возникает новая проблема: что перевесит, мифологический или метафизический способ кодирования социальной реальности? Поясним это на примере регионального кинематографа. Якутский кинематограф в последние 5 лет испытывает массовый творческий подъем. Снимается много игровых фильмов. Если попытаться шире представить современный кинобум в философско-культурологическом аспекте, то обозначится следующее. Явление указанного кинобума — это онтологическое желание открыть в своей культуре новые формы и возможности. Это очень сложно, нужно овладеть современным кинематографическим языком. По сути, это и есть основа для этномодернизации, проделанная на онтологическом уровне — поиск и нахождение «нового языка» (через эстетическую форму кино) для старых явлений, новых форм, заставляющих этнические символы заработать. Кинематограф пока стал единственной формой культуры, эстетической синтетической формой связать этносимволизм с универсальным — метафизическим. Кинематограф решает сложную задачу по трансмиграции этнических символов. Некоторые фильмы поставили диагноз нынешнему творческому этапу: происходит утрата своего локального этнического символизма и не возможность выхода на универсальность христианского (метафизического) символизма. Это и есть задача любой модернизации в ее онтологическом срезе. С другой стороны, кинематограф стал явлением сублимации невозможности самобытия в некоторых социальных формах бытия.

Можно ли использование этнического символизма в современных условиях сделать настолько же продуктивным, как и в прошлые исторические эпохи? На наш взгляд, трансмиграция символов возможна. Она предполагает блокирование механизма наглядности, имеющей место в мифологическом типе кодирования и декодирования символа. Существует необходимость блокировки содержательной на-

личности символа, концентрации на его форме как определяющей. Меняется тип кодирования и интерпретации: с мифологического на метафизический. Суть изменений на основе символической онтологизации сознания раскрывается фиксацией лучших образцов жизни сознания, предоставление им возможности занятия ниши в социальных структурах.

Все вышеназванное можно назвать символической онтологизацией сознания — символическим ренессансом, возвращением этнического символа в память современного поколения. Здесь можно назвать фактор успешной, завершенной этнокультурной модернизации — это трансмиграция этнического символизма, наполнение этносимволизма новым смыслом посредством метафизического типа кодирования. Символический ренессанс есть усилие по завоеванию глубин собственной этнической культуры, а также открытие новых метафизических возможностей в родной культуре.

Реальность, в которую погружены современные северяне, можно охарактеризовать как транзитивную. Если присмотреться, то увидим, что традиционный уклад сохраняется именно там, где того требует ранимая и легко не восстанавливаемая природная среда. Следовательно, этносы и их культуры являлись важным неотделимым компонентом существования человека в такой среде — другого способа пока нет, но, может быть, он появится благодаря современным технологиям и возрожденным на новой онтологической основе символам сознания, выстраивающим этическое отношение к природе. В сущности, нужно оставлять метафизический зазор для человеческого достоинства через наполнение метафизическим смыслом «устаревших» этнических псевдосимволов с обязательным включением последних в новые формы культуры.

За счет подобных явлений, лежащих на онтологическом уровне этнокультурной модернизации, возможен фундаментальный переход — трансмутация культуры, под которой мы подразумеваем механизм перехода от знакового к символическому типу кодирования социальной реальности.

Что мы наблюдаем в настоящий момент? Это две главные тенденции: консервация этнического символизма мифологическим способом кодирования и символотворчество и симво-

синтез как метафизический способ кодирования.

Так, введение мифических «персонажей» — псевдосимволов позволяло, благодаря совмещению в своем теле — явлении, вещи или герою — противоположностей, разрешить противоречивое для человека мифологического мировоззрения противопоставление природы и культуры. Кентавричная соединенность двух важнейших для человека центров в одном «теле» разрешала сомнения. Мифологический псевдосимвол осуществлял перенос ответственности с самого человека на мифический объект. Результатом была истина о человеческой предназначенности.

В метафизическом символе нет изоляции от бытия, нет указания на какие-то недоступные в действительности сверхъестественные вещи. Сверхъестественное отменяется, — срабатывает запрет, указующий на появление качественного нового метафизического мировоззрения.

Дилемма *традиция (консервация) / культурная модернизация (этномодернизация)* испытывает инерционный вариант — консервацию этнического, присущего мифологическому конципированию. Однако всегда остается шанс разорвать отжившие мифологические пути за счет расширения метафизического пространства этнического символизма.

В ближайшей практике остается вариант мифологизации действительности. Последнее можно встретить и в околонуточных концептах. Так, широкий научно-популярный пласт экологической науки апеллирует к анимистическим и гилозоистским мифологическим концептам, например «пангеи-земли», «благоговения перед жизнью», философскими основаниями которых являются неклассические типы рациональности, формализованные (мифологизированные) культурой. В данной парадигме народ, проживающий на арктическом Севере, можно рассматривать как часть симбиотического природно-культурного ландшафта, олицетворяемого называемой нами идеей «общественно-природного» договора. Отметим, что этот «договор», «данный» северным сообществом природе, выполняет на сегодняшний день архиважную для современной политики функцию — является фактором геополитического (демографического) присутствия в труднодо-

тупных районах северо-востока Российской Федерации.

Новый способ кодирования социальной реальности за счет символотворчества и символизма предполагает, что мифологически конципированные этнические символы расширяются метафизическим способом прочитывания. Решение противоречия лежит в возможностях деконструкции формализмов культуры, за счет придания конвенциональным знаковым связям, задаваемым мифологически организованными концептами, нового метафизического основания, воздействующего, прежде всего, на этнический символизм. Данный способ будет вполне дееспособен для этносов, переживающих интенсивную трансформацию своей социальной реальности. Для неорганически модернизированных северных этносов сегодня закончился этап просвещения: этнической самоидентификации и самоинституциализации. Начинается этап этномодернизации, основанный на преобразованном символическом пространстве их культур.

Список литературы

1. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М.: Аграф, 1997.
2. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М., 1997.
3. Новиков А.Г., Пудов А.Г. Менталитет северян в контексте циркумполярной цивилизации: монография. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2005.
4. Пудов А.Г. Ключевые парадигмы кодирования социальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. №5(11): в 4 ч. Ч. I. С. 161–166.
5. Пудов А.Г. Кодирование транзитивной социальной реальности на основе синтетического символизма сознания: вопросы этномодернизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. №4(18): в 4 ч. Ч. I. С. 152–158.
6. Пудов А.Г. Феноменология и онтология символов в контексте модернизации этнокультур // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2011. Т.8, №2, апрель–июнь. С. 93–98.

ETHNOCULTURAL MODERNIZATION: PROBLEM OF REALIZATION

Alexey G. Pudov

*Yakutsk State Agricultural Academy;
15, Krasilnikov str., Yakutsk, 677007, Sakha Republic (Yakutiya), Russia*

The author reveals the internal conditions for successful modernization of ethnic cultures. On the specific processes of ethnic cultures of the Sakha Republic (Yakutia), examples of organic and inorganic conservation has shown. The perspective of metaphysical conceptualization based on symbolic ontologization of consciousness are shown. The last incorporates synthesis and transmigration symbols of ethnic and metaphysical culture, the inclusion in modern cultural forms both types of symbols.

Key words: ethnomodernization; preservation of ethnic culture; symbol; transmigration; ontologisation of consciousness.

УДК 1(091)

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ И АНТИОХИЙСКАЯ ШКОЛЫ БОГОСЛОВИЯ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

П.С. Ревко-Линардато

Рассмотрено влияние древнегреческой философии на Александрийскую и Антиохийскую школы богословия. Анализируется степень и глубина проникновения платонизма и аристотелизма в концепции, разрабатываемые Александрийскими и Антиохийскими богословами. Представители обеих богословских школ стремились осуществить согласование христианских догматов с древнегреческой философской традицией, что знаменовало начало средневековой христианской философии.

Ключевые слова: Александрийская школа богословия; Антиохийская школа богословия; Климент Александрийский; Ориген; Иоанн Златоуст; платонизм; неоплатонизм; аристотелизм.

Во II в. христианство стало осознавать себя самостоятельным религиозным образованием, отличным и от иудаизма, и от язычества. В связи с этим возникла необходимость глубокого теоретического обоснования религиозного мировоззрения и систематизированного изложения сущности новой религии. Распространение христианства поставило задачи, выполнение которых не было возможно вне центров религиозной учености, подобных античным философским школам. Такими центрами, способными сконцентрировать интеллектуальные силы христианского мира, стали богословские школы. В III–VI вв. действовало несколько школ, которые развивали различные варианты христианского вероучения. В их спорах, взаимной борьбе шел процесс выработки догматов и унификации христианского мировоззрения.

Некоторые христианские богословские школы, такие как Малоазийская (Каппадокийская) и североафриканская (Карфагенская), отрицали значение и пользу древнегреческой философии для христианства. Другие школы, напротив, стремились использовать античное наследство для систематизации и формулировки основных положений христианского вероучения. Кроме того, с точки зрения представителей этих школ, привлечение авторитета греческих философов способствовало поднятию идеологического престижа новой религии. Среди школ, обращающихся к древнегреческому наследию, важнейшая роль в истории философии

принадлежала Александрийской и Антиохийской богословским школам. Обе эти школы, несмотря на существенные различия в их учениях, объединяло то, что они пытались согласовать догматы христианской церкви с древнегреческой наукой. Е.К. Дулуман проанализировал отношение Александрийской и Антиохийской богословских школ к философии и меру использования ими философии в своем богословии. Он обратил внимание, что начало формирования средневековой христианской философии непосредственно связано с восприятием Александрийской и Антиохийской школами греческой образованности [3]. Некоторые представители Александрийской и Антиохийской богословских школ были возведены в ранг святых, другие сначала были причислены к лику святых, но впоследствии, в связи с обнаружением у них еретических мыслей, исключены из этого ранга и посмертно отлучены от церкви, третьи еще при жизни были объявлены еретиками. Это говорит о неоднородности и разнообразии учений представителей этих школ. Не следует забывать, что на развитие богословия и философии еретики оказали не меньшее влияние, чем те, кого церковь официально причислила к лику святых.

Александрийская богословская школа являлась в христианском мире своего рода первым высшим учебным заведением. По легенде она была основана во второй половине II в. самим апостолом Марком. Не случайно школа воз-

ника в Александрии, которая являлась крупнейшим центром эллинистической образованности и культуры. В первые века нашей эры в Александрии активно развивались античная, иудейская и христианская традиции. В город стекались ученые, философы, поэты со всего Средиземноморья. В Александрии сосуществовали различные религиозные культы, происходило их взаимное сближение и слияние. В городе проживала многочисленная иудейская диаспора, обладающая заметным политическим и культурным влиянием. Постепенная эллинизация александрийских иудеев сопровождалась обратным процессом — ростом интереса александрийских греков к духовным ценностям иудаизма. Несомненно, этому способствовало учение эллинизированного иудея Филона, который говорил о том, что греческая философия и библейская мудрость имеют один и тот же источник — божественный разум, Логос.

После закрытия в 529 г. платоновской Академии в Афинах, в Александрии, в виду ее территориальной обособленности, неоплатонизм все еще продолжал процветать. Универсальная значимость Александрийской школы неоплатонизма в истории философской мысли состоит в том, что ее представители развили античные интеллектуальные традиции и заложили при этом основу для формирования новой христианской традиции. Отношения между неоплатонизмом и христианством носили противоречивый характер. Достаточно вспомнить судьбу Гипатии, убитую группой христианских фанатиков, сторонников епископа Кирилла [9]. Однако бесспорно, что феномен исторической встречи неоплатонизма и учения Христа определил перспективу дальнейшего развития философской мысли и специфику христианской культуры.

Первое в российской и зарубежной истории философии фундаментальное, систематическое и обобщающее исследование, посвященное александрийским мыслителям, предпринял В.Я. Саврей. В его монографии «Александрийская школа в истории философско-богословской мысли» отражена эволюция философских и богословских идей, разрабатываемых Александрийской школой, показана значимость ее интеллектуального наследия как уникального явления в истории мировой философской мысли [7].

В Александрийской школе пользовались определенным уважением не только древние мыслители, но и современные языческие философы. Александрийские христиане «еще с конца второго столетия в христианском мире приобрели славу — славу церкви философской, в которой никогда не ослабевали интересы к изучению высших вопросов веры и знаний» [8, с. 133].

Представители Александрийской богословской школы отстаивали желательность сближения христианского вероучения с античной философией, в которой особое место отводили Платону. Исходными положениями их философских воззрений явились идеи античного эклектизма, собранные на основе учения Платона. Под его влиянием александрийцы в своих размышлениях большое внимание обращали на интеллигибельные, потусторонние сферы бытия. Отсюда их вывод о том, что истины — это нечто непостижимое человеческим умом и невыразимое человеческим языком, орудием познания истин может служить только вера, как сказал апостол Павел: «верою разумеем» (Евреям, 2:3). При этом участие разума в познании александрийцами не отвергалось, но ему отводилось подчиненное вере место: разум не должен противоречить вере, он ее должен подтверждать. Духовный мир, который представляет собой мир сверхъестественного, мир Бога и ангелов, является миром истинного существования и истинного совершенства, где все постоянно и вечно. Материя — это противоположность духу. Материальный мир несовершенен и обладает только временным, постоянно разрушающимся бытием. Такое понимание мира александрийские богословы распространили на антропологию: на тело они смотрели как на причину человеческого несовершенства.

В экзегетике Александрийская школа развивала аллегорический метод истолкования Библии. Сторонники аллегорического метода, считали, что не все в Библии для понимания «лежит на поверхности», напротив, многое скрыто от первого, непосредственного восприятия. Они исходили из мысли, что в Священном Писании истина преподается с помощью символов и аллегорий. Библейский текст был предназначен Богом для усвоения простым, «испорченным» человеком, поэтому наполнен натуралистическими образами, которые явля-

ются символами иного, духовного и мистического содержания.

Наиболее яркими представителями Александрийской школы были Климент и Ориген. Климент Александрийский первым обстоятельно рассмотрел проблему соотношения веры и знания, богословия и философии [1]. Эта проблема стала одной из ключевых проблем для средневековых мыслителей и в Византии, и в Западной Европе. С одной стороны, вслед за Филоном Александрийским, Климент говорил о том, что философия должна быть подчинена богословию, выдвинув знаменитую формулу «философия — служанка богословия»; с другой стороны, он подчеркивал необходимость античной философии для христианского учения, заявил даже о превосходстве знания (гнозиса) над слепой, непросвещенной верой. Философия необязательна для всех христиан, поскольку не каждый способен ее понять, но она обязательна для богословов, поскольку дает им возможность обосновать свою веру с помощью рациональных доказательств. Истина всегда только одна, но пути, ведущие к ней, могут быть разными: существуют пути «варварской философии» и «эллинской философии». Оба этих пути вели человечество к принятию истинной «христианской философии», ведь Бог — это единый источник знания и для варваров, и для греков. Под «варварской философией» Климент понимал учение Ветхого Завета, которое было сообщено еврейскому народу Богом через его пророков. Грекам, как инструмент богопознания, была дана философия. Языческие философы стали пророками греков. Они также пришли к осознанию бытия единого Бога, используя естественные законы мышления и нравственности. Климент утверждал, что Ветхий Завет и Новый Завет содержат в себе все, чему учит греческая философия, нужно только уметь раскрыть смысл Священного Писания. Однако сделать это невозможно, если понимать его текст буквально. Отсюда — аллегорический метод истолкования Библии [5, с. 57–64].

Господствовавшее среди ранних христиан воззрение о греховности богатства Климент не принял. Наоборот, он считал, что Священное Писание не требует от людей отказа от собственности, оно лишь призывает к отказу от чрезмерной привязанности к собственности. В XVI в., на заре становления капиталистических

отношений, эти идеи Климента, соответствующие интересам зарождавшейся буржуазии, оказались восприняты протестантскими проповедниками.

После Климента Александрийскую школу богословия возглавил Ориген, благодаря которому в христианской экзегетической практике окончательно возобладал аллегорический подход к интерпретации текстов Священного Писания [4; 6]. Ориген был учеником Аммония Саккаса, который утверждал, что учения Платона и Аристотеля по существу не противоречат друг другу, и находил возможность их согласования, осуществив синтез идей платонизма о нематериальной душе и аристотелизма о чистом космическом умеркованном двигателе. Аммоний Саккас был также учителем Плотина, ставшего одним из самых ярких представителей неоплатонизма.

Поэтому не случайно в учении Оригена греческая философия, прежде всего неоплатонизм, проявилась особенно четко. Ориген создал первую систему христианского богословия, в определенной степени определив тенденцию эллинизации христианского мировоззрения. У греческих философов он заимствовал намного больше, чем его предшественники, но интеллектуальная деятельность для него не была самоцелью (как для античных ученых), а только средством, с помощью которого проясняются положения религии. Христианские догматы, по мнению Оригена, не содержат в себе ничего противоразумного, поэтому правильно понятая Библия согласуется с философией, а правильно примененная философия не вредит вере. В Священном Писании можно найти ответы на все философские вопросы, но для этого необходимо правильно истолковывать его словесное содержание. За буквой библейских выражений скрывается многоплановый символический смысл, в связи с чем Ориген продолжал развивать аллегорический метод Климента.

Создав первое системное изложение идей христианства в философском контексте, Ориген оказал мощное воздействие на творчество последующих христианских мыслителей, несмотря на то, что в VI в. он был осужден как еретик. Возможно, в силу близости к Оригену не удостоился канонизации в православной традиции и Климент Александрийский, в то время как Католическая церковь почитала его

как святого до 1586 г. Благодаря Оригену произошла интеллектуализация христианства, что способствовало принятию новой религии образованной частью античного мира. «Можно сказать, что христианство идеологически побеждало античный мир, пользуясь его же оружием. В этом смысле Ориген оказал неоценимую услугу» [5, с. 70]. Соединив платонизм с христианским учением, Ориген выработал систему понятий, которая позже широко использовалась при построении церковной догматики каппадокийцами и Псевдо-Дионисием Ареопагитом.

Начало Антиохийской богословской школы, согласно христианскому преданию, восходит к самому апостолу Павлу. Считается, что именно в Антиохии последователи Иисуса Христа «впервые начали называться христианами» (Деяние, 11:19–30).

В духовной культуре Антиохии еще с III в. до н.э. господствовали перипатетики — последователи Аристотеля. Поэтому не удивительно, что антиохийцы, в отличие от александрийцев, в своих теоретических конструкциях ориентировались, скорее, на Аристотеля, чем на Платона. Учение Стагирита оказало решающее воздействие на деятельность Антиохийской школы. При помощи диалектики и логики Аристотеля антиохийцы стремились к ясности и четкости своих выражений и видели целью приблизить все представления и понятия к человеческому познанию. Вслед за Аристотелем они приписывали реальное бытие конкретным предметам, а не общим концепциям и понятиям, в отличие от Платона и следовавших за ним александрийцев. Поэтому антиохийцы преимущественное внимание сосредотачивали на наличии в Боге трех ипостасей, а не на их таинственном единстве. В основном христологическом вопросе (о соотношении божественной и человеческой природ в Иисусе Христе) их более заботило раскрытие отдельно человеческой и отдельно божественной природы Христа, чем проблема единства двух природ в нем. При этом антиохийцы подчеркивали человеческую сторону Христа, в то время как александрийцы — божественную.

Материальный мир Антиохийская школа считала созданием Бога, поэтому противоречия между духом и материей не может быть. Между ними, конечно, есть различия, но нет диаметрально противоположной несовместимости.

Материя не является сама по себе злом или причиной зла.

В антропологии антиохийцы исходили из того, что душа и тело являются равноценными составными частями человека. Тело — не греховное начало, как считали александрийцы, оно смертно не потому, что дано человеку вследствие грехопадения, а потому, что Бог специально создал его таким для того, чтобы человек смог достойным образом оценить дарованное ему в будущей жизни бессмертие.

Гносеология антиохийцев отталкивалась от идеи, что в мире естественном и в мире сверхъестественном для человека нет ничего абсолютно непостижимого. Орудие познания — разум. Правильная формулировка и понимание сущности христианских истин дается не слепой верой, а разумом. Рационально-аналитический метод Аристотеля представители антиохийской школы использовали при исследовании Священного Писания. Они считали необходимым буквальное понимание библейского текста. С точки зрения антиохийцев, аллегорический метод толкования Слова Божьего, развиваемый александрийцами, является пустым фантазерством, лишенным всякого смысла.

Антиохийские богословы особое внимание уделяли проблемам реализации в жизни христианского учения. Они заявляли о необходимости твердого нравственного мировоззрения и провозглашали не отход от мира, чему учили александрийцы, а необходимость практической борьбы за торжество в мире христианских идеалов [3].

Ярким примером такой жизненной позиции явился ученик Антиохийской школы, знаменитый Иоанн Златоуст — архиепископ Константинопольский, почитаемый в православии как один из трех Вселенских святителей и учителей вместе с Василием Кесарийским (Великим) и Григорием Назианзиным (Богословом). Проповеди Иоанна Златоуста, в которых он боролся за осуществление аскетического идеала и выступал с критикой общественной несправедливости, сделали его популярным, но восстановили против него представителей влиятельных светских и церковных кругов, добившихся в 404 г. его низложения и ссылки [2; 10].

Иоанн Златоуст заложил основы понимания взаимоотношений между аскетическим путем совершенствования монахов и «обычным» хри-

стианским существованием мирян. Восточное христианство, в отличие от западного, акцентирует, что Иисусовы заповеди блаженства адресованы каждому. Пребывание в мире не освобождает людей от «монашества сердца», поэтому в проблемах, рассматриваемых монашеской литературой, заключен общечеловеческий опыт. Об этом и заявил Иоанн Златоуст: «Не заботьтесь о плоти для вождения. Это писано не только для монахов, но для всех, живущих в городах. Может ли христианин, который живет в миру, позволить себе больше, чем монах, кроме того, что живет с женой? Это ему разрешено, но не более того; и надобно, чтобы он сделал все так же, как и тот, кто живет монашеской жизнью» (Толкование Послания к Евреям, 7, 41).

Таким образом, Александрийская и Антиохийская школы богословия открыли интеллектуальному наследию античности дорогу в средневековую философию. Обе богословские школы пытались согласовать христианскую веру с разумом, новую религию — с языческой философией. Различными путями они стремились вложить христианские догматы в рамки философского дискурса. Обращение александрийцев и антиохийцев к древнегреческой философии знаменовало начало становления новой философской традиции.

Список литературы

1. *Афонасин Е.В.* Философия Климента Александрийского. Новосибирск, 1997.
2. *Брендле Р.* Иоанн Златоуст. Проповедник, епископ, мученик. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006.
3. *Дулуман Е.К.* Антиохийская и Александрийская богословские школы и их влияние на христологические споры IV–VI веков. М.: Моск. духовная академия, 1950.
4. *Киреева М.В.* Ориген и свт. Кирилл Александрийский: толкования на Евангелие от Иоанна: экзегетические методы. СПб.: Алетейя, 2006.
5. *Майоров Г.Г.* Формирование средневековой философии: Латинская патристика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
6. *Нестерова О.Е.* Allegoria Pro Typologia: Ориген и судьба иносказательных методов интерпретации Священного Писания в раннепатристическую эпоху. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
7. *Саврейн В.Я.* Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М.: КомКнига, 2006.
8. *Спасский А.А.* История догматических движений в эпоху Вселенских соборов. Сергиев Посад, 1914. Т.1.
9. *Фили К.* Гипатия: жертва конфликта между старым и новым миром // Вопр. истории естествознания и техники. 2002. № 2. С. 222–230.
10. *Παπαδόπουλος Στ.Γ.* Ἁγιος Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος. Ἐκδόσεις Ἀποστολική Διακονία, Ἀθήνα, 1999. Τόμος Β.

CATECHETICAL SCHOOL OF ALEXANDRIA AND CATECHETICAL SCHOOL OF ANTIOCH AND ANCIENT GREEK PHILOSOPHY

Pavel S. Revko-Linardato

Southern Federal University; 105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia

The author of the article considers the role of Ancient Greek philosophy in Catechetical School of Alexandria and Catechetical School of Antioch. The purpose of Catechetical School of Alexandria and Catechetical School of Antioch was to synthesize Greek philosophy with Christianity. The influence of the Greek philosophers is conceded.

Key words: Catechetical School of Alexandria; Catechetical School of Antioch; Clement of Alexandria; Origen; John Chrysostom; Platonism; Neoplatonism; Aristotelianism.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.992.72

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ГОТОВНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ К ШКОЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ
В ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ***А.А. Никитин, М.В. Макарова*

Рассматриваются результаты исследования интеллектуальной готовности детей дошкольного возраста из полных и неполных семей к обучению в школе.

Ключевые слова: полная и неполная семья; подготовка к школьному обучению; интеллектуальное развитие ребенка; готовность детей к обучению; интеллектуальная готовность к школьному обучению; память; запоминание; внимание; логическое мышление.

Важнейшим институтом социализации подрастающего поколения является родительская семья. Именно в семье формируются основы характера человека, его отношения к труду, моральным и культурным ценностям. Семья была и остается важнейшей социальной средой формирования личности и основой в психологической поддержке и воспитании. Серьезные социально-экономические и духовно-нравственные трудности нашей жизни являются существенным фактором, который дестабилизирует традиционные семейные отношения. Семейная жизнь сложилась с давних пор так, что родительские обязанности делятся между отцом и матерью, и притом делятся неравномерно, но огромные проблемы в воспитании ребенка возникают с увеличением числа неполных семей и ныне не являются редкостью одинокая мать, разведенные родители [4].

В зависимости от состава семьи различают полные и неполные семьи. «Полной является семья, в составе которой есть оба родителя и хотя бы один ребенок. Неполной является семья только из одного родителя с детьми, или семья, состоящая только из родителей без детей» [6, с. 12]. Проблемы неполной семьи особенно актуальны, так как воспитание детей в

неполной семье обладает рядом особенностей: недостаточное влияние на ребенка со стороны родителей внутри семьи, односторонность воспитательного воздействия, проявление неуравновешенности родительских чувств, возможность возникновения в сознании ребенка мысли о собственной неполноценности. Все это приводит к пагубному влиянию на психическое и интеллектуальное развитие ребенка, а также к плохой подготовленности ребенка к школьному обучению.

Вопрос о подготовке детей к школьному обучению является одним из важных в исследованиях педагогической психологии. Актуальность исследований определяется возросшими требованиями к диагностике и коррекции интеллектуальной деятельности дошкольников и школьной дезадаптации младших школьников. Исследование, направленное на изучение познавательных процессов и решение проблем процесса школьной адаптации, является чрезвычайно современным и общественно востребованным. Успешное решение задач развития личности ребенка, повышение эффективности обучения, благоприятное профессиональное становление во многом определяются тем, на-

Никитин Александр Акиндинович — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии развития; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; nikitin@psu.ru.

Макарова Марина Викторовна — студентка философско-социологического факультета; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; marina_makarova_1980@list.ru.

сколько верно учитывается уровень подготовленности детей к школьному обучению.

Исследованию влияния семейного воспитания на психическое и интеллектуальное развитие ребенка были посвящены работы педагогов Е.И. Морозовой, Л.К. Сидоровой, психологов М.И. Лисиной, А.В. Петровского, А.М. Прихожан и др.

Под понятием *готовности детей к обучению в школе* понимается «совокупность морфологических и психологических особенностей ребенка старшего дошкольного возраста, обеспечивающая успешный переход к систематическому организованному школьному обучению» [5, с. 223]. Н.И. Гуткина определяет психологическую готовность ребенка к обучению в школе как готовность ребенка к усвоению определенной части культуры, включенной в содержание образования, в форме учебной деятельности [2].

Готовность к школьному обучению, или школьная зрелость, — многокомпонентное образование, которое требует комплексных психологических исследований. Параметрами школьной готовности являются мотивационная готовность, сформированность «внутренней позиции школьника», произвольность психической деятельности, уровень развития речи, а также интеллектуальное развитие.

Как отмечают М.К. Акимова и В.Т. Козлова, «*интеллектуальное (умственное) развитие* рассматривается как одна из сторон общего психического развития ребенка. Поэтому к нему применимо общее для отечественной психологии понимание психического развития как специфического процесса присвоения ребенком достижений предшествующих поколений» [1, с. 108]. В качестве критериев *интеллектуального, умственного развития* выступают: самостоятельность мышления, быстрота и прочность усвоения учебного материала, быстрота ориентировки при решении нестандартных задач, умение отличить существенное от несущественного, различный уровень аналитико-синтетической деятельности, критичность ума, а также темп продвижения, как скорость формирования обобщения, экономичность мышления, умение самостоятельно, творчески решать задачи разного типа, переходя от продуктивных к творческим задачам.

У старших дошкольников интеллектуальное развитие играет центральную роль, по-

скольку от его особенностей зависит успешность будущей учебной деятельности. Успешность или неудачи последней отражаются на всех сторонах личности — эмоциональной, потребностно-мотивационной, волевой, характерологической. На ведущее значение интеллектуального развития в общем развитии старших дошкольников указывали многие педагоги и психологи, в том числе А.П. Блонский, К.Д. Ушинский, Л.С. Выготский. Но основной источник интеллектуального развития — разнообразные социальные влияния, и прежде всего воспитание и обучение, в ходе которых детям передается опыт человечества в виде знаний, умений, навыков, т.е. интеллектуальное развитие человека зависит как от микросреды (семьи, школы, сферы общения), так и от общественных условий в целом, определяющих объем и содержание знаний и умений.

Интеллектуальная готовность предполагает наличие у ребенка кругозора, запаса конкретных знаний. Ребенок должен владеть планомерным и расчлененным восприятием, элементами теоретического отношения к изучаемому материалу, обобщенными формами мышления и основными логическими операциями, смысловым запоминанием. Интеллектуальная готовность также предполагает формирование у ребенка начальных умений в области учебной деятельности, в частности, умения выделить учебную задачу и превратить ее в самостоятельную цель деятельности. В отечественной педагогической психологии при изучении интеллектуального компонента психологической готовности к школе акцент делается не на сумму усвоенных ребенком знаний, а на уровень развития интеллектуальных процессов, т.е. ребенок должен уметь выделять существенное в явлениях окружающей действительности, уметь сравнивать их, видеть сходное и отличное; он должен научиться рассуждать, находить причины явлений, делать выводы.

Изложенные выше положения нашли отражение в диагностике по определению интеллектуальной готовности к школьному обучению детей старшего дошкольного возраста [3].

Данная статья представляет собой результаты исследования — изучение особенностей интеллектуальной готовности к школе детей из полных и неполных семей.

Мы предположили, что есть различия в интеллектуальной готовности детей к школе у де-

тей из полной и неполной семьи, т.е. дети, воспитываемые обоими родителями, более интеллектуально подготовлены к школе, чем дети, которых воспитывает один родитель.

Для исследования были определены две группы детей. Первая группа состояла из детей подготовительной группы, из полной семьи, в количестве 30 человек. Вторая группа состояла из детей подготовительной группы, из неполной семьи, в количестве 30 человек. Дети обеих групп имели примерно равное соотношение лиц мужского и женского пола, возраст 6–7 лет. Исследуемые показатели первой и второй групп сравнивались между собой.

В исследовании психических процессов дошкольников использовались:

– методика А.Н. Бернштейна «Установление последовательности событий», направлена на исследование развития логического мышления, речи, способности к обобщению. Исследование проводится индивидуально. Перед ребенком кладут произвольно картинки, связанные сюжетом. Ребенок должен понять сюжет,

выстроить правильную последовательность событий и составить по картинке рассказ;

– методика исследования кратковременного запоминания Джексона. Она проводится на цифровом материале. Испытуемому предъявляется последовательно 5 рядов цифр, содержащих от 3 до 7 элементов. Цифры расположены в случайном порядке. Для этой методики необходимы два столбца с цифрами. Вторым столбцом контрольный. Если ребенок ошибся при воспроизведении какой-то строки, задание по данной строке повторяется из другого столбца;

– методика «Шифровка» (11-й субтест теста Д. Векслера), направлена на изучение переключаемости и распределения внимания. Ребенку предлагается в течение 2 минут осуществить кодирование, поставив в соответствие определенному изображению условный символ.

Результаты исследования представлены в табл. 1. В общем, интеллектуальная готовность к школе больше развита у детей из полных семей, чем у дошкольников их неполных семей.

Таблица 1. Различия интеллектуальной готовности к школе детей из полной и неполной семьи

Характеристики	Полная семья	Неполная семья	t-value	p
ЛМ — логическое мышление	2,00	1,67	1,90	0,062
1-е предьявление	5,73	5,60	0,40	0,691
2-е предьявление	6,50	6,07	1,82	0,074
3-е предьявление	6,67	5,93	4,20	0,000
4-е предьявление	6,77	6,27	3,55	0,001
5-е предьявление	7,37	6,50	5,65	0,000
КР — кратковременная память	33,33	30,33	4,04	0,000
ДП — долговременная память	6,70	5,93	2,66	0,010
ВН — переключаемость и распределение внимания	2,43	1,87	3,66	0,001
ОО — обобщение рядов конкретных понятий при помощи родовых понятий	2,37	2,27	0,82	0,414
КП — конкретизация понятий	2,50	1,77	4,98	0,000
ОР — обобщение рядов понятий широкого объема	2,50	1,87	4,54	0,000
КЛ — классификация	2,50	1,97	3,66	0,001
СР — сравнение	2,53	2,27	2,01	0,049

Уровень развития логического мышления у детей из полных семей — средний, в то время как у дошкольников из неполных семей — ниже среднего. Можно сказать, что дети из полных семей правильно находят последовательность картинок, но не всегда могут составить связный рассказ. Рассказ составляют с помощью наводящих вопросов экспериментатора. В то же время дети из неполных семей могут испыты-

вать трудности в определении последовательности картинок, затрудняться при составлении рассказа.

Как видно из табл. 1, статистически значимые взаимосвязи выявлены по количеству правильно воспроизведенных слов, которое ребенок продемонстрировал во время 3-го, 4-го и 5-го предьявлений. Данные показатели имеют большее значение в группе детей из полных

семей, чем у дошкольников из неполных семей (4,20; 3,55; 5,65). Можно предположить, что в середине и конце исследования дошкольники из неполных семей чаще допускали ошибки, затруднялись в воспроизведении слов, в то время как дети из полных семей чаще правильно воспроизводили предъявляемые слова.

Что касается уровня кратковременного запоминания, то показатель КР — кратковременная память больше выражен у детей из полных семей, чем у дошкольников из неполных семей. Вероятно, дошкольники из полных семей чаще, чем дети из неполных семей, успешно запоминали и воспроизводили слова при кратковременном предъявлении. В то же время дети из неполных семей чаще испытывали трудности при кратковременном запоминании нужной информации в текущей деятельности.

ДП — долговременная память также имеет большие значения в группе детей из полных семей, нежели у дошкольников из неполных семей. Можно сказать, что дети из полных семей чаще, чем дети из неполных семей, способны длительно хранить информацию о событиях внешнего мира и многократно использовать ее для организации последующей деятельности. Дети из неполных семей чаще затрудняются использовать полученную информацию в долговременном режиме.

Можно сказать, что в целом дети из обеих групп испытывают трудности при запоминании и воспроизведении материала, полученного вербальным путем сразу после предъявления. В то же время дошкольники из неполных семей могут испытывать больше трудностей при запоминании и воспроизведении материала в кратковременном режиме. Следовательно, при формировании интеллектуальной готовности детей к школьному обучению необходимо сделать больший акцент на развитие кратковременного запоминания испытуемых дошкольников.

Анализ исследования по методике Т. Векслера «Шифровка» показал, что дошкольники из полных семей имеют уровень объема и распределения внимания выше среднего (2,43), в то время как дошкольники из неполных семей — ниже среднего (1,87). Данный факт может говорить как о депривационных условиях воспитания в неполных семьях, которые влияют на развитие внимания у дошкольников, так о необходимости использования при

подготовке детей к школе специальных мероприятий по развитию познавательных процессов, в частности внимания.

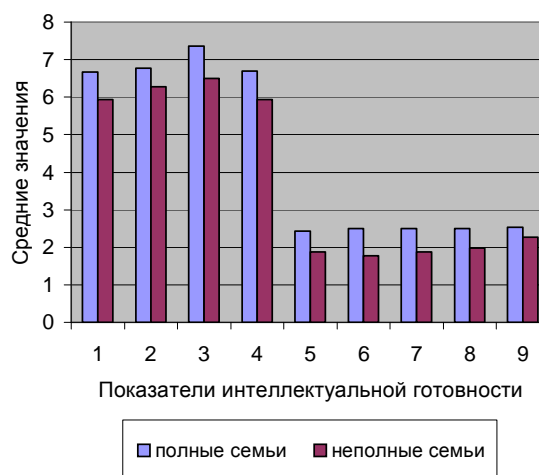

Рис. 1. Диаграмма показателей интеллектуальной готовности дошкольников из полных и неполных семей:

- 3-е предъявление
- 4-е предъявление
- 5-е предъявление
- ДП — долговременная память
- ВН — переключаемость и распределение внимания
- КП — конкретизация понятий
- ОР — обобщение рядов понятий широкого объема
- КЛ — классификация
- СР — сравнение

Подведем итог. Ребенок, поступающий в школу, должен быть зрелым в физиологическом и социальном отношении, успешность обучения ребенка в школе также зависит от зрелости основных психических процессов. Психологическая готовность к обучению — понятие многокомпонентное. Она предусматривает не отдельные знания и умения, а определенный набор, в котором должны присутствовать все основные элементы. Основными компонентами готовности к школьному обучению являются: интеллектуальная, личностная и эмоционально-волевая готовность. Все перечисленные составляющие школьной готовности важны в развитии ребенка. В случае если есть недостаточная развитость какого-либо одного компонента, возникает потребность в психологической помощи ребенку.

Результаты исследования показали различия в интеллектуальной готовности детей из полных и неполных семей в логическом мышлении; кратковременной и долговременной памяти; в переключаемости и распределении внимания; в общей структуре мыслительной деятельности (обобщение рядов понятий широкого объема, классификация, обобщение рядов конкретных понятий при помощи родовых понятий, конкретизация понятий).

При запоминании материала дети из неполных семей чаще допускали ошибки, затруднялись в воспроизведении слов в то время, как дети из полных семей чаще правильно воспроизводили предъявляемые слова. Кроме того, дети из неполных семей быстрее, чем дети из полных семей, устают в процессе запоминания, но у них, как и в группе дошкольников из полных семей, срабатывают процессы адаптации, позволяющие включить в мнемический процесс другие механизмы познавательной деятельности.

Дети из полных семей чаще, чем дети из неполных семей, умеют сознательно перенести внимание с одного предмета на другой и способны держать в центре внимания несколько разнородных объектов. В то же время дошкольники из неполных семей чаще испытывают трудности при необходимости включения — переключения и распределения внимания в деятельности.

При конкретизации понятий дошкольники из полных семей чаще, чем дети из неполных семей, умеют включить изучаемое в более широкий круг понятий, связывая слово со сходными по смыслу или свойствам понятиями. В то же время дети из неполных семей чаще испытывают трудности при необходимости выделения конкретного из более частного. При

обобщении рядов понятий дети из полных семей не испытывают трудности в заданиях, связанных с переходом от общего к частному, в то время как дошкольники из неполных семей чаще затрудняются в поиске связей между общим и частным. Классифицируя предметы, дошкольники из полных семей чаще умеют правильно находить общее в свойствах изучаемых предметов, в то время как дошкольники из неполных семей чаще затрудняются в решении задач, связанных с поиском общих свойств изучаемых явлений и предметов.

В ходе исследования выяснилось, что главное в психическом и интеллектуальном развитии ребенка — достижение душевного единения, нравственной связи родителей с ребенком. Именно в семье ребенок получает первый жизненный опыт, делает первые наблюдения и учится тому, как себя вести в различных ситуациях. Различные типы семей по-разному влияют на процесс психического развития ребенка, в том числе на его готовность к школьному обучению.

Список литературы

1. *Акимова М.К., Козлова В.Т.* Психологическая коррекция умственного развития школьников. М.: Академия, 2002.
2. *Гуткина Н.И.* Психологическая готовность к школе. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Академ. проект, 2000.
3. *Диагностика готовности детей к обучению в школе* / под. ред. А.Д. Василенко. ПГПИ, 2000.
4. *Клюева Н.В.* Психолог и семья. Ярославль: Академия развития, 2002.
5. *Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. Т.1. А-М* / ред. В.В. Давыдов. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.
6. *Шилов И.Ю.* Фамилистика. СПб.: Петрополис, 2000.

COMPARATIVE ANALYSIS OF INTELLECTUAL READINESS OF PRESCHOOL CHILDREN TO SCHOOL IN COMPLETE AND INCOMPLETE FAMILIES

Alexandr A. Nikitin, Marina V. Makarova

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

In the article the results of intellectual readiness of preschool children from intact and broken families to school study are analyzed.

Key words: complete and incomplete family; preparation for school; child's intellectual development; children's readiness to learn; intellectual readiness for school; memory; attention; logical thinking.

УДК 159.9:37.015.3

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ МЕДИАТИВНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ

Е.С. Игнатова

Представлены психолого-педагогический проект медиативного сопровождения взаимодействия преподавателей и студентов и результаты оценки его эффективности по объективным критериям.

Ключевые слова: конфликт; разрешение конфликта; медиативное сопровождение; конфликтологическая компетентность.

Модернизация системы образования, согласно «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2025 г.», как социальная инновация ставит перед психологом новые проблемы, в том числе поиск путей снижения рисков, сопровождающих реформирование образования. Сущностной характеристикой социальных инноваций является конфликт. Следовательно, в системе образования концентрируются многочисленные противоречия, усугубляющие эмоциональные нагрузки на преподавателей и студентов. В настоящее время возникают проблемы в области человеческих взаимоотношений и разрешения конфликтов [3]. Признается, что учебная среда вуза нуждается в управлении конфликтогенными факторами [11], с одной стороны, происходит интенсивный рост конфликтогенности учебной среды вуза, с другой — у преподавателей и студентов отсутствует опыт конструктивного разрешения педагогических конфликтов. Чаще всего к основному конфликтогенному фактору педагогического конфликта относят ролевую и позиционную асимметрию субъектов процесса обучения [7; 9; 10; 15].

Вместе с тем абстрактность гуманизма для многих преподавателей вуза и формальность в работе с педагогическими конфликтами требуют активного внедрения инновационных медиативных технологий, нацеленных на формирование конфликтологических компетенций. Частично проблема разрешения педагогических

конфликтов в вузе рассматривается в рамках психолого-педагогического сопровождения [6]. Причина состоит в оптимальном для администрации вуза управленческом решении по сопровождению процесса обучения. Но формальный подход к реализации модели деятельности такой службы в системе высшего образования ориентирован на создание психологической культуры у субъектов образовательного процесса в целом, а не на решение конкретных проблем, возникающих в процессе педагогического взаимодействия преподавателей и студентов.

В последнее время некоторые ученые и практики сосредоточили свое внимание на осмыслении состояния и особенностей педагогического конфликта в аспекте психологического благополучия преподавателей и студентов вуза [11]. Важно отметить, что данный феномен в психологической науке чаще всего рассматривают как неблагоприятную личностную реакцию, которая приводит к нарушению гармонии в отношениях «личность – среда». В целом можно обозначить следующие тенденции, устойчиво характеризующие исследования, выполненные в рамках личностно-средового подхода к феномену педагогического конфликта. С одной стороны, конфликт нарушает психологическую жизнь личности, т.к. связан с отрицательными эмоциями, стрессами, переживаниями и сложными психическими состояниями; с другой — является препятствием для процесса

ее социализации в связи со стереотипностью поведения, вызванной личностными изменениями. Таким образом, отмеченное направление исследований конфликтов связано в основном с изучением психологических характеристик конфликтных личностей и их поведения. Однако конфликтное взаимодействие — это, прежде всего, коммуникация, в ходе которой люди неизбежно вынуждены (поскольку они пытаются воздействовать друг на друга) стремиться к тому, чтобы быть понятыми. Для того чтобы это стало действительно возможным, необходимо такое эффективное взаимодействие, которое ведет к ослаблению противостояния, а в конечном итоге к пониманию. Тем самым подтверждается актуальность перехода от традиционно негативной интерпретации конфликтов к более объективному интересу, к роли

противоречий в существовании и развитии социального целого [14]. Таким образом, процесс психолого-педагогического медиативного посредничества переводит межличностный конфликт в форму коммуникативной ситуации с особыми правилами, взаимодействие в которой способствует урегулированию конфликта. Однако в массовой практике ход и разрешение конфликтов зачастую происходит на обыденно-житейском уровне, что можно объяснить отсутствием необходимой подготовки преподавателей и студентов к профилактике и конструктивному разрешению конфликтов. Таким образом, важно сформулировать проблему разрешения конфликтов в образовательном процессе, обозначить их причины и наметить пути решения (см. рис. 1).

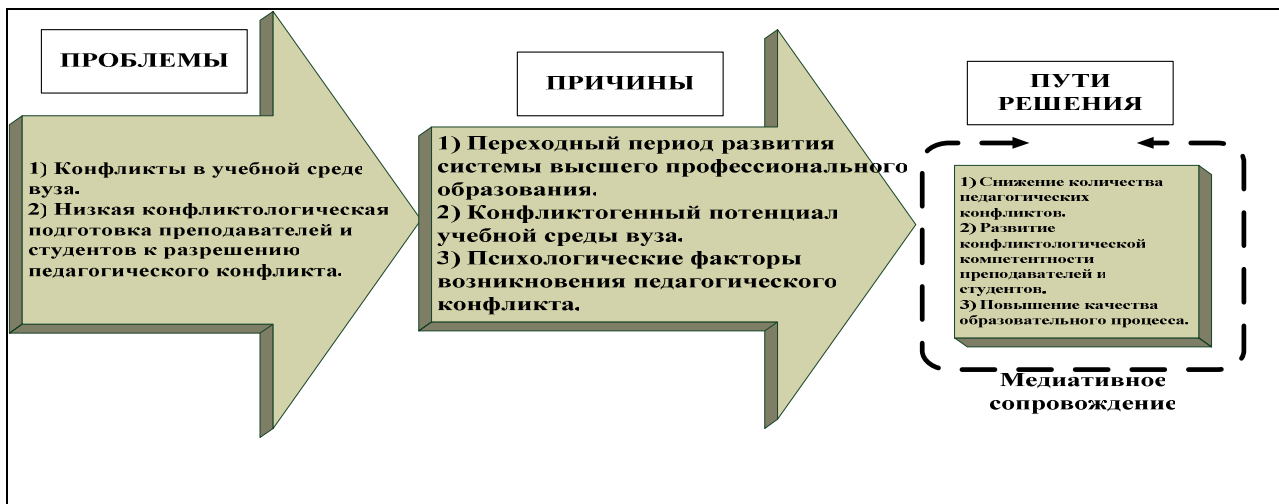

Рис. 1. Анализ проблемы разрешения конфликтов между преподавателями и студентами

Из рис. 1 видно, что конфликты между преподавателями и студентами возникают в результате их совместной деятельности и требуют психолого-педагогического обеспечения их разрешения. Одним из стратегических методов разрешения конфликтов между преподавателями и студентами является формирование соответствующего психолого-педагогического медиативного проекта, отличительной особенностью которого станет его системный характер, проявляющийся в четкой структуре и наличии интегративных функций данной системы, в алгоритмичности и управляемости процесса разрешения конфликта между субъектами образовательного процесса. Целью данного проекта является снижение количества педагогических

конфликтов и формирование конфликтологической компетентности у субъектов образовательного процесса.

Понятие «конфликтологическая компетентность» в психологии является довольно новым, хотя речь о необходимости развития данной характеристики личности шла давно. В психологических исследованиях термин «конфликтологическая компетентность» прямо не употреблялся, но подразумевались соответствующие знания и умения [1]. Позднее конфликтологическая компетентность стала рассматриваться либо как составная часть профессиональной компетентности, либо как одна из сторон коммуникативной компетентности, либо как составляющая социальной компетентности.

А.И. Швейцер определяет конфликтологическую компетентность как способность действующего лица (организации, социальной группы, общественного движения и т.д.) в реальном конфликте осуществлять деятельность, направленную на минимизацию деструктивных форм конфликта [5].

Вслед за Б.И. Хасаном мы будем понимать под конфликтологической компетентностью уровень развития осведомленности о диапазоне возможных стратегий конфликтующих сторон и умение оказать содействие в реализации конструктивного взаимодействия в конкретной конфликтной ситуации. Конфликтологическая компетенция должна формироваться в образовательном процессе, цель которого состоит не столько в усвоении информации, сколько в том, чтобы привить навыки самостоятельного критического мышления, сделать интеллект пластичным к усвоению новых знаний, сформировать социальную и мобильную зрелость.

В соответствии с актуальными целевыми направлениями развития образования, повышением эффективности педагогического взаимодействия и развитием личностно-профессиональных компетенций преподавателей и студентов повышается роль педагога-психолога вуза. Его деятельность влияет как на процесс обучения, так и на личностно-профессиональное развитие субъектов обучения. Вслед за Г.В. Безюлевой мы считаем, что в настоящее время психологической службе необходимо инновационное и опережающее развитие научных направлений, что обусловлено происходящими изменениями в современном образовании России [2]. Профессиональная деятельность педагога-психолога на современном этапе имеет свою специфику, обусловленную следующими факторами: сменой парадигм образования; трансформацией позиции в отношении образовательного процесса (от реактивной позиции, направленной на решение ситуативных задач, к активной и опережающей позиции, направленной на моделирование и выстраивание образовательной среды, ориентированной на студента как субъекта образовательного процесса и своего развития); необходимостью актуализации личностных ресурсов, развития успешности преподавателей и студентов, сохранения психологического здоровья субъектов образовательного процесса; особенностями

обучения (ориентация на личностно-развивающие технологии, изменения, происходящие на рынке педагогического труда) и студенчества (нацеленность на профессиональный рост, мотивация достижений в личностном, социальном и профессиональном плане и др.).

Предложенная нами в рамках медиативного сопровождения *психолого-педагогическая система представляет собой основанную на современных инновационных тенденциях совокупность действий педагога-психолога и субъектов образовательного процесса, направленных на разрешение межличностных педагогических конфликтов.*

Система предполагает развитие интеграционных процессов педагогического взаимодействия, совершенствование работы по формированию конфликтологической компетентности преподавателей и студентов, привлечение всех сторон конфликта к его разрешению. Исходя из принципа единства обучения и воспитания, нами был создан комплекс мероприятий для реализации данной системы на уровне традиционных и инновационных медиативных технологий (см. рис. 2).

На рис. 2 представлены мероприятия по реализации психолого-педагогической системы разрешения конфликтов между преподавателями и студентами, направленные на снижение уровня напряженности в образовательном процессе, т.е. на разрешение конфликтов между преподавателями и студентами. Традиционные мероприятия представлены в следующих формах:

– Тренинг «Разрешение конфликтов» для разных групп субъектов образовательного процесса (отдельно — для преподавателей, отдельно — для студентов), целью которого было научить преподавателей и студентов конструктивно разрешать конфликтные ситуации, возникающие в ходе педагогического взаимодействия.

– Семинар-практикум «Давай договоримся», программа которого построена на основе различных теорий и методов разрешения конфликтов и имеет целью обучение субъектов образовательного процесса конструктивному разрешению конфликтных ситуаций.

– Консультации педагога-психолога вуза, осуществляемые в соответствии с основными требованиями психологической практики.

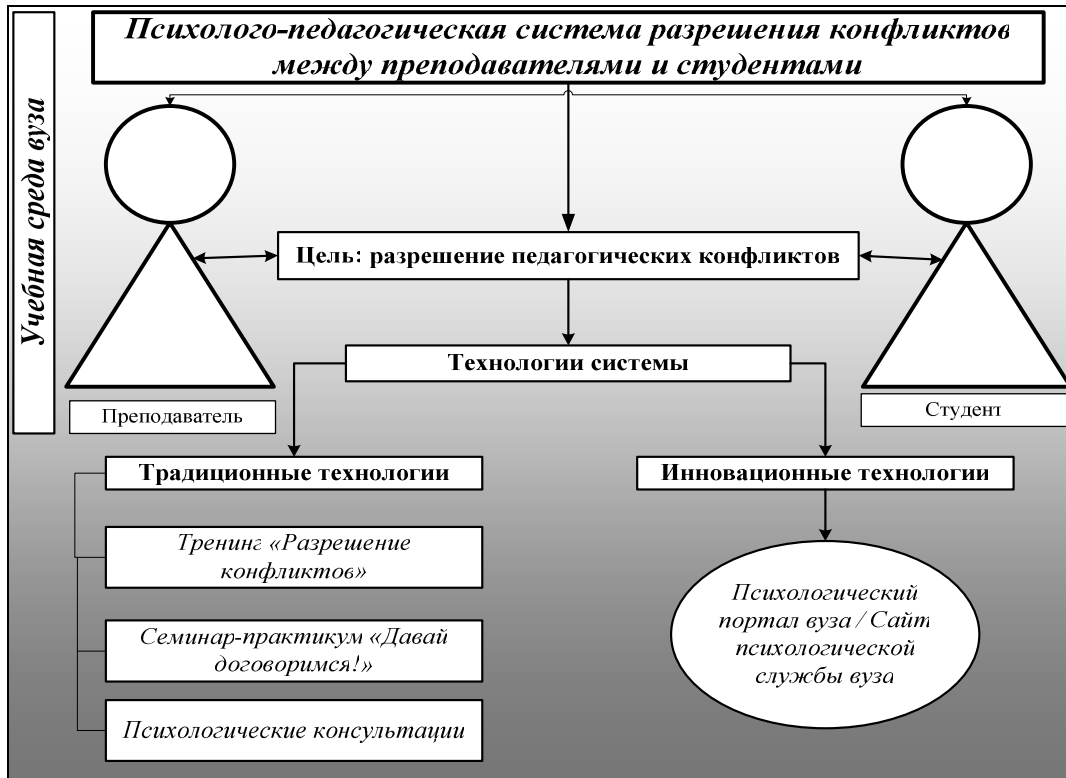

Рис. 2. Мероприятия по реализации психолого-педагогической системы разрешения конфликтов между преподавателями и студентами

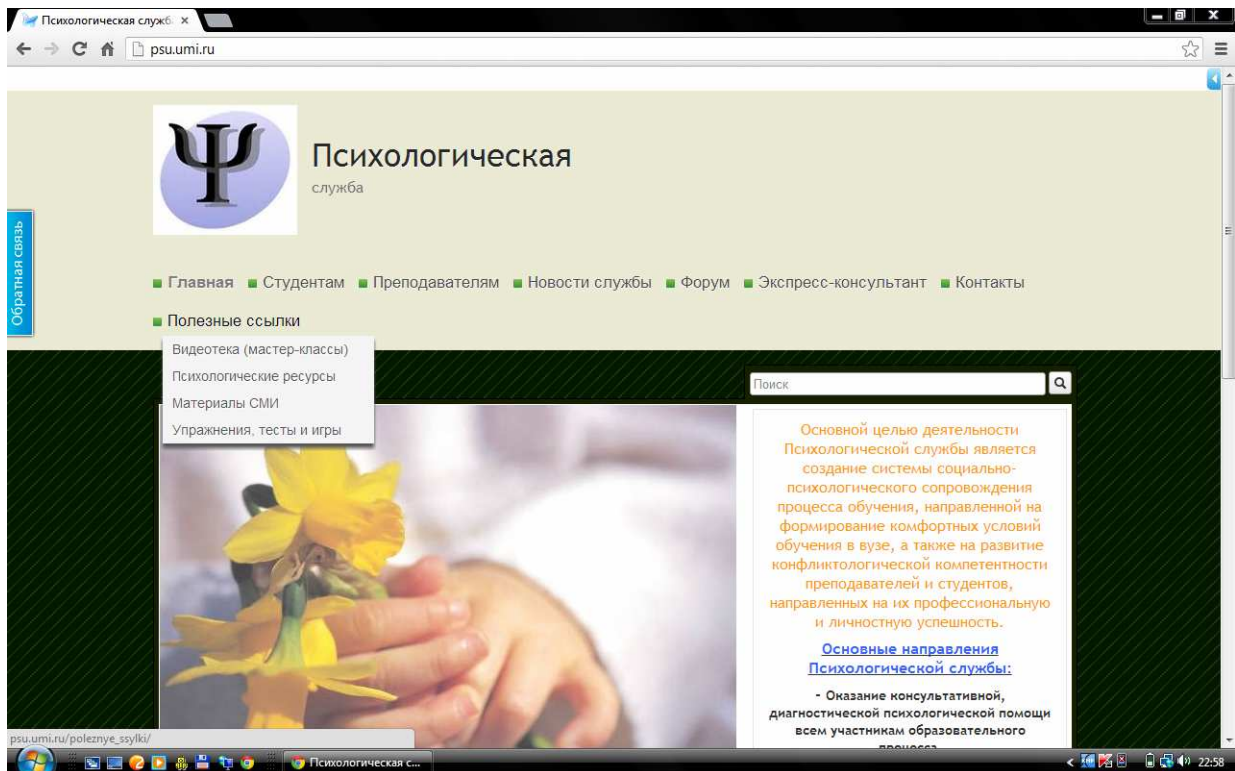

Рис. 3. Портал психологической службы вуза (интерфейс сайта)

Как было указано выше, в ходе реализации психолого-педагогической системы разрешения конфликтов наряду с традиционными формами работы (тренинги, семинары-практикумы, консультационно-развивающие занятия и др.) были предложены и апробированы инновационные формы, одной из которых стало создание в локальной сети университета психологического портала. Интерфейс сайта представлен на рис. 3.

Из рис. 3 видно, что на сайте представлены два основных направления деятельности педагога-психолога вуза: психологическое консультирование («Экспресс-консультант»); психологическое просвещение («Консультант»). Кроме того, реализована возможность осуществлять коммуникативную деятельность с помощью форума и услуги «Обратная связь».

Вслед за С.М. Вейтом мы рассматриваем формирующий эксперимент как наиболее эффективный метод психологического исследования, имеющий непосредственное педагогическое значение [4]. Применительно к нашему проекту его можно определить как способ исследования процесса формирования конфликтологической компетентности, нацеленный на комплексное решение теоретических и прикладных вопросов педагогического взаимодействия в вузе.

Исследование проводилось с декабря 2008 г. по май 2011 г. Общая выборка эмпирического исследования (256 человек) была сформирована из преподавателей и студентов II и IV курсов. Выбор студентов именно этих курсов связан с отрицательными (конфликтогенными) характеристиками возраста и этапов профессионализации. На формирующем этапе эксперимента общая выборка испытуемых была поделена на экспериментальную и контрольную выборки.

Методически экспериментальное исследование осуществлялось в три основных этапа:

1. В 2008–2009 учебном году проводился констатирующий этап, в рамках которого выявлялись конфликтогенные факторы учебной среды вуза у преподавателей и студентов, а также определялись исходные уровни конфликтологической компетентности субъектов образовательного процесса.

2. Формирующий этап (2009–2010 уч. год), на котором осуществлялась апробация психолого-педагогической системы разрешения конфликтов между преподавателями и студентами.

3. Контрольный этап (2010–2011 уч. год), на котором выявлялась динамика объективных и субъективных (психологических) показателей эффективности психолого-педагогической системы разрешения конфликтов между преподавателями и студентами.

Рассмотрим динамику объективных показателей эффективности психолого-педагогического проекта медиативного сопровождения педагогического взаимодействия в вузе.

Динамика количества конфликтов между преподавателями и студентами. На рис. 4 по записям в анонимном журнале обращений зафиксировано снижение количества конфликтов между преподавателями и студентами в экспериментальной группе исследования.

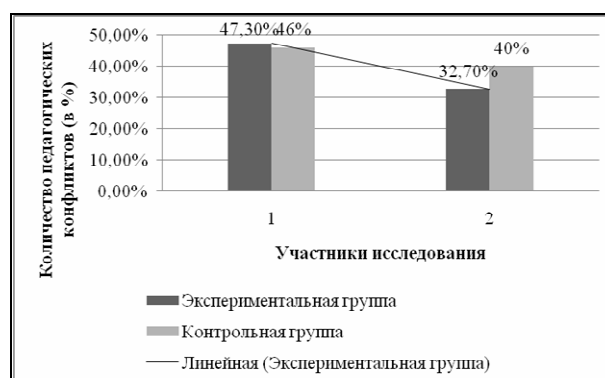

Рис. 4. Динамика количества педагогических конфликтов в ходе апробации психолого-педагогической системы разрешения конфликтов

Из рис. 4 видно, что исходный уровень количества педагогических конфликтов в экспериментальной и контрольной выборках статистически сходен, т.е. достоверных статистических различий не обнаружено. На констатирующем этапе в экспериментальной выборке испытуемых было установлено, что частота педагогических конфликтов составляет 47,3% от фиксируемых обращений, т.е. находится на среднем уровне конфликтности педагогического взаимодействия. Количество конфликтов между преподавателями и студентами в контрольной выборке составляет 46%, т.е. также

определяется средними показателями конфликтности учебной среды вуза.

При анализе динамики педагогических конфликтов на контрольном этапе эксперимента было выявлено снижение количества педагогических конфликтов в экспериментальной группе до 32,7%, т.е. на 14,6%. Данные изменения имеют статистическую значимость ($\chi^2 = 1,33$; $p \leq 0,05$). В контрольной выборке испытуемых также произошло снижение количества конфликтов между преподавателями и студентами до 40 %, однако это изменение статистически значимым не является. Полученные данные доказывают, что участники эксперимента достоверно реже, чем представители контрольной выборки исследования, стали использовать конфликт как метод педагогического взаимодействия, что указывает на эффективность психолого-педагогического проекта.

В связи с конфликтогенным потенциалом учебной среды вуза для более полной оценки эффективности психолого-педагогической системы разрешения педагогических конфликтов возникает необходимость анализа динамики таких показателей учебной деятельности, как успеваемость и посещаемость, связь которых с педагогическими конфликтами доказывается в исследовании В.С. Собкина, О.В. Ткаченко [12] (см. рис. 5).

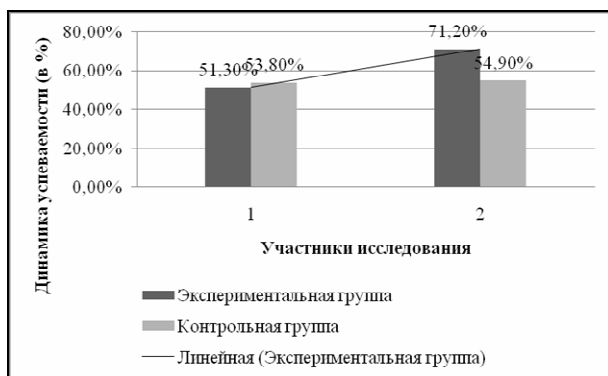

Рис. 5. Динамика успеваемости студентов в ходе апробации психолого-педагогической системы разрешения конфликтов

Из рис. 5 видно, что в процессе эмпирического исследования на начальном этапе эксперимента было выявлено, что студенты экспериментальной и контрольной групп характеризуются достаточно низким среднегрупповым уровнем успеваемости. Студенты эксперимен-

тальной группы имели успеваемость 51,3%, студенты контрольной группы — 53,8%. Возможно, снижение средневыворочных оценок обусловлено тем, что 47,3% студентов находились в конфликте с преподавателем. На конечном этапе эксперимента установлено, что годовая динамика успеваемости в экспериментальной группе имеет тенденцию к повышению — до 71,2%. Напротив, в контрольной группе уровень успеваемости остается практически неизменным — 54,9%. Более выраженное повышение уровня успеваемости студентов экспериментальной группы может быть связано с множеством причин, основной из которых является внедрение психолого-педагогической системы разрешения педагогических конфликтов. Ее эффективность объясняется изменением отношения студентов экспериментальной группы к учебной деятельности в целом и к изучаемому предмету в частности в связи с эффективным разрешением педагогических конфликтов. В результате они стали больше внимания уделять учебной деятельности, повысили свою успеваемость и достигли приемлемых аккредитационных показателей ($\chi^2 = 1,4$; $p \leq 0,05$). Вместе с тем у большинства студентов контрольной группы не произошло изменения отношений к учебной деятельности вследствие нахождения в затянувшемся конфликте с преподавателями, что сказалось на незначительном росте показателей успеваемости (на 1,1%).

Таким образом, выявлены достоверные различия между экспериментальной и контрольной группами по среднегрупповому и годовому уровням успеваемости ($p \leq 0,05$). Полученные данные доказывают, что снижение конфликтогенности учебной среды вуза за счет внедрения психолого-педагогической системы разрешения конфликтов между преподавателями и студентами ведет к росту показателей успеваемости студентов, следовательно, благоприятно влияет на образовательный процесс в целом и учебную деятельность в частности.

Обратимся к следующему показателю конфликтогенного потенциала учебной среды вуза — посещаемости студентов. В связи с тем, что посещение занятий — одна из обязанностей студентов, ее недобросовестное выполнение сопряжено с рядом проблем самих студентов, в том числе с проблемой конфликтного взаимо-

действия с преподавателем. В ходе эксперимента было также выявлено влияние данной системы на повышение показателей посещаемости (см. рис. 6).

Из рис. 6 видно, что в процессе эмпирического исследования на начальном этапе эксперимента было выявлено, что студенты экспериментальной и контрольной групп характеризуются достаточно низким среднегрупповым уровнем посещаемости занятий: в экспериментальной группе посещаемость занятий студентами составляла 66,8%, в контрольной группе — 65,1%. Низкие показатели посещаемости занятий, по нашему мнению, обусловлены и тем, что 47,3% студентов находились в конфликте с преподавателем.

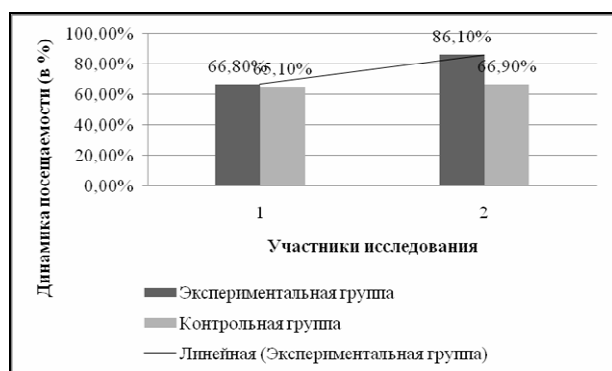

Рис. 6. Динамика посещаемости студентов в ходе апробации психолого-педагогической системы разрешения конфликтов

На конечном этапе эксперимента установлено, что годовая динамика посещаемости занятий в экспериментальной группе имеет тенденцию к повышению — до 86,1%. Напротив, в контрольной группе уровень посещаемости занятий остается практически неизменным — 66,9%. В результате студенты стали больше внимания уделять учебной деятельности, следовательно, вырос уровень посещаемости занятий ($\chi^2 = 1,39$; $p \leq 0,05$). Вместе с тем у большинства студентов контрольной группы не произошло изменения отношений к учебной деятельности вследствие нахождения в затянувшемся конфликте с преподавателями, что сказалось на незначительной динамике уровня посещаемости занятий (на 1,8%).

Таким образом, выявлены достоверные различия между экспериментальной и контрольной группами по среднегрупповому и годовому

уровням посещаемости ($p \leq 0,05$). При этом полученные данные доказывают, что снижение конфликтности учебной среды вуза за счет внедрения психолого-педагогической системы разрешения конфликтов между преподавателями и студентами ведет к росту показателей посещаемости студентов, следовательно, благоприятно влияет на образовательный процесс в целом и учебную деятельность в частности.

Подводя итог анализу динамики количества конфликтов между преподавателями и студентами в учебной среде вуза, необходимо отметить следующее. Во-первых, в ходе апробации психолого-педагогической системы разрешения педагогических конфликтов произошло статистически значимое снижение количества данных конфликтов в экспериментальной группе испытуемых ($\chi^2 = 1,33$; $p \leq 0,05$). Во-вторых, вследствие взаимосвязанности конфликтного потенциала учебной среды вуза и характеристик учебной деятельности были обнаружены статистически значимые различия в показателях успеваемости ($\chi^2 = 1,4$; $p \leq 0,05$) и посещаемости ($\chi^2 = 1,39$; $p \leq 0,05$) студентов экспериментальной группы исследования соответственно.

Динамика уровня конфликтологической компетентности преподавателей и студентов. В последнее время конфликтологическая компетентность стала предметом работ многих современных ученых [13; 16]. В качестве интегрального критерия оценки конфликтологической компетентности преподавателей и студентов был использован такой показатель, как конструктивность разрешения конфликтной педагогической ситуации. Под конструктивным способом разрешения конфликтной педагогической ситуации понимается такой способ, при котором происходит выяснение и разрешение ее причин, восстановление положительного эмоционального фона конфликтующих сторон.

Для диагностики уровня сформированности конфликтологической компетентности были использованы тестовые задания и метод экспертной оценки (построение ими матрицы Р. Бейлза). На начальном этапе эксперимента у большинства участников исследования конфликтологическая компетентность была не сформирована, преобладал деструктивный способ разрешения конфликтной педагогической

ситуации (87% — в экспериментальной группе; 88% — в контрольной группе). Субъекты образовательного процесса не владели знаниями о конфликте, способах управления им; они не брали на себя ответственность за решение конфликтных ситуаций, больше полагаясь на других, они чаще приспособлялись или избегали, что не способствовало решению проблемы.

Далее был проведен формирующий эксперимент. Сравнительный анализ показателей сформированности мотивационного компонента конфликтологической компетентности в экспериментальной и контрольной группах испытуемых до эксперимента показал отсутствие между ними значимых различий (см. табл. 1).

Полученные из табл. 1 данные позволяют говорить о том, что на начальном этапе эксперимента для преподавателей и студентов характерны неустойчивые эмоции по отношению к учебной среде вуза, а также неустойчивая установка на целенаправленное разрешение педагогического конфликта.

Сравнительный анализ показателей сформированности этого компонента конфликтологической компетентности в экспериментальной и контрольной группах испытуемых после эксперимента указывает на положительную динамику его развития, подтверждая гипотезу об эффективности психолого-педагогической системы разрешения конфликтов (см. табл. 2).

Таблица 1. Значение критерия ϕ^ (угловое преобразование Фишера) при сопоставлении экспериментальной и контрольной групп по % доле сформированности мотивационного компонента конфликтологической компетентности (до эксперимента)*

Показатели сформированности конфликтологической компетентности	Экспериментальная группа (%)	Контрольная группа (%)	ϕ^* -критерий
Эмоции, связанные с учебной средой вуза	8	6	0,362
Сформированность установки на целенаправленное разрешение конфликта	13	12	0,142

Таблица 2. Значение критерия ϕ^ (угловое преобразование Фишера) при сопоставлении экспериментальной и контрольной групп по % доле сформированности мотивационного компонента конфликтологической компетентности (после эксперимента)*

Показатели сформированности конфликтологической компетентности	Экспериментальная группа (%)	Контрольная группа (%)	ϕ^* -критерий
Эмоции, связанные с учебной средой вуза	33	12,5	$\phi = 2,29$; $p \leq 0,01$
Сформированность установки на целенаправленное разрешение конфликта.	37,5	17	$\phi = 2,14$; $p \leq 0,01$

В табл. 2 получили отражение данные о том, что в отличие от участников контрольной группы у преподавателей и студентов экспериментальной группы появились положительные эмоции к учебной среде вуза (33% и 12,5%, $\phi^* = 2,29$; $p \leq 0,01$) и сформировалась установка на целенаправленное разрешение педагогического конфликта (37,5% и 17%, $\phi^* = 2,14$; $p \leq 0,01$). Следовательно, реализация психолого-педагогической системы разрешения педагогических конфликтов формирует положительные эмоции к учебной (или профессиональной) деятельности, а также мотивацию на бесконфликтное взаимодействие друг с другом в

учебной среде вуза. Положительная динамика показателей сформированности мотивационного компонента конфликтологической компетентности преподавателей и студентов экспериментальной группы свидетельствует о повышении уровня конфликтологической компетентности у экспериментальной группы испытуемых.

Сравнительный анализ показателей сформированности когнитивного компонента конфликтологической компетентности в экспериментальной и контрольной группах испытуемых до эксперимента показал отсутствие значимых различий (см. табл. 3).

Полученные из табл. 3 данные позволяют говорить о том, что на начальном этапе эксперимента для преподавателей и студентов экспериментальной и контрольной групп исследования характерны поверхностные (скорее житейские) знания о причинах и источниках конфликта, о стратегиях поведения в конфликтной ситуации и недостаточные знания теоретических и технологических основ конструктивного разрешения педагогических конфликтов.

Сравнительный анализ показателей сформированности когнитивного компонента конфликтологической компетентности в экспериментальной и контрольной группах испытуемых после эксперимента указывает на положительную динамику его развития, а также частично подтверждает гипотезу об эффективности психолого-педагогической системы разрешения конфликтов между преподавателями и студентами в учебной среде вуза (см. табл. 4).

Таблица 3. Значение критерия φ^* (угловое преобразование Фишера) при сопоставлении экспериментальной и контрольной групп по % доле сформированности когнитивного компонента конфликтологической компетентности (до эксперимента)

Показатели сформированности конфликтологической компетентности	Экспериментальная группа (%)	Контрольная группа (%)	φ^* -критерий
Знания о причинах и источниках конфликта	17	11	0,797
Знания о стратегиях поведения в конфликтной ситуации	3	4,5	0,366
Знание теоретических и технологических основ конструктивного разрешения педагогических конфликтов	7	1,5	1,328

Таблица 4. Значение критерия φ^* (угловое преобразование Фишера) при сопоставлении экспериментальной и контрольной групп по % доле сформированности когнитивного компонента конфликтологической компетентности (после эксперимента)

Показатели сформированности конфликтологической компетентности	Экспериментальная группа (%)	Контрольная группа (%)	φ^* -критерий
Знания о причинах и источниках конфликта	36	31	0,481
Знания о стратегиях поведения в конфликтной ситуации	24	8	$\varphi = 2,04;$ $p \leq 0,01$
Знание теоретических и технологических основ конструктивного разрешения педагогических конфликтов	40	30	0,962

В табл. 4 получили отражение данные о том, что у преподавателей и студентов экспериментальной группы появились достаточные знания о стратегиях поведения в конфликтной ситуации в отличие от участников контрольной группы (24% и 8%, $\varphi^* = 2,04; p \leq 0,01$).

Обращает на себя внимание положительная динамика двух других показателей когнитивного компонента конфликтологической компетентности в обеих группах: 1) сформировалось адекватное представление о причинах и источниках конфликтов в экспериментальной (с 17% до 36%) и контрольной (с 11% до 31%) группах, соответственно; 2) появилось знание тео-

ретических и технологических основ конструктивного разрешения педагогических конфликтов в экспериментальной (с 7% до 40%) и контрольной (с 1,5% до 30%) группах соответственно.

Однако статистически достоверных различий между данными показателями сформированности когнитивного компонента конфликтологической компетентности у преподавателей и студентов экспериментальной и контрольной групп после эксперимента обнаружено не было. Это может быть связано с разными способами приобретения данных знания практической конфликтологии субъектами образо-

вательного процесса. Испытуемые экспериментальной группы исследования принимали участие в мероприятиях психолого-педагогической системы разрешения педагогических конфликтов, а испытуемые контрольной группы получили житейский опыт в учебной среде вуза.

Сравнительный анализ показателей сформированности деятельностно-практического компонента конфликтологической компетентности в экспериментальной и контрольной группах испытуемых до эксперимента показал отсутствие значимых различий (см. табл. 5).

Полученные из табл. 5 данные позволяют говорить о том, что на начальном этапе эксперимента у преподавателей и студентов экспериментальной и контрольной групп исследования не были сформированы умения выбирать

способ поведения в конфликтной ситуации, навыки высказать свои интересы и прояснить интересы другого. Кроме того, они недостаточно владели технологией конструктивного разрешения конфликтных ситуаций.

Сравнительный анализ показателей сформированности деятельностно-практического компонента конфликтологической компетентности в экспериментальной и контрольной группах испытуемых после эксперимента указывает на положительную динамику его развития, а также частично подтверждает гипотезу об эффективности психолого-педагогической системы разрешения конфликтов между преподавателями и студентами в учебной среде вуза (см. табл. 6).

Таблица 5. Значение критерия φ^ (угловое преобразование Фишера) при сопоставлении экспериментальной и контрольной групп по % доле сформированности деятельностно-практического компонента конфликтологической компетентности (до эксперимента)*

Показатели сформированности конфликтологической компетентности	Экспериментальная группа (%)	Контрольная группа (%)	φ^* -критерий
Умение выбирать способ поведения в конфликтной ситуации	11	6	0,829
Навыки высказать свои интересы и прояснить интересы другого	9	10	0,160
Освоение технологии конструктивного разрешения конфликтных ситуаций	7	8	0,175

Таблица 6. Значение критерия φ^ (угловое преобразование Фишера) при сопоставлении экспериментальной и контрольной групп по % доле сформированности деятельностно-практического компонента конфликтологической компетентности (после эксперимента)*

Показатели сформированности конфликтологической компетентности	Экспериментальная группа (%)	Контрольная группа (%)	φ^* -критерий
Умение выбирать способ поведения в конфликтной ситуации	60	30	$\varphi = 2,81$; $p \leq 0,001$
Навыки высказать свои интересы и прояснить интересы другого	31	34	0,236
Освоение технологии конструктивного разрешения конфликтных ситуаций	24	10	$\varphi = 1,74$; $p \leq 0,05$

В табл. 6 получили отражение данные о том, что у преподавателей и студентов экспериментальной группы сформировались умения выбирать способ поведения в конфликтной ситуации в отличие от участников контрольной группы (60% и 30%, $\varphi^* = 2,81$; $p \leq 0,001$). Кроме того, они освоили технологии конструктив-

ного разрешения конфликтных ситуаций (24% и 10%, $\varphi^* = 1,74$; $p \leq 0,05$). Обращает на себя внимание положительная динамика еще одного показателя деятельностно-практического компонента конфликтологической компетентности в обеих группах: сформировался навык высказывать свои интересы и прояснять интересы

другого в экспериментальной (с 9% до 31%) и контрольной (с 10% до 34%) группах соответственно. Однако статистически достоверных различий между экспериментальной и контрольной группами по этому показателю сформированности деятельностно-практического компонента конфликтологической компетентности обнаружено не было. Отсутствие статистически значимых различий между экспериментальной и контрольной группами испытуемых может быть связано с тем, что данный навык формируется при конфликтном взаимодействии, однако разными способами. Испытуемые экспериментальной группы исследования принимали участие в мероприятиях психолого-педагогической системы разрешения педагогических конфликтов, а испытуемые контрольной группы получали житейский опыт в учебной среде вуза.

Результаты, полученные нами в отношении динамики показателей мотивационного, когнитивного и деятельностно-практического компонентов конфликтологической компетентности при апробации психолого-педагогической системы разрешения педагогических конфликтов показали, что под воздействием данной

психолого-педагогической системы происходит ряд положительных изменений в личности преподавателей и студентов экспериментальной группы. Во-первых, у них появились положительные эмоции к учебной среде вуза, в отличие от участников контрольной группы (33% и 12,5%, $\varphi^* = 2,29$; $p \leq 0,01$), и сформировалась установка на целенаправленное разрешение педагогического конфликта (37,5% и 17%, $\varphi^* = 2,14$; $p \leq 0,01$). Во-вторых, у них появились достаточные знания о стратегиях поведения в конфликтной ситуации, в отличие от участников контрольной группы (24% и 8%, $\varphi^* = 2,04$; $p \leq 0,01$). В-третьих, у них сформировались умения выбирать способ поведения в конфликтной ситуации, в отличие от участников контрольной группы (60% и 30%, $\varphi^* = 2,81$; $p \leq 0,001$). Кроме того, они освоили технологии конструктивного разрешения конфликтных ситуаций (24% и 10%, $\varphi^* = 1,74$; $p \leq 0,05$). Следовательно, в процессе апробации психолого-педагогической системы преподаватели и студенты экспериментальной группы овладели технологией разрешения педагогических конфликтов, что указывает на ее эффективность.

Таблица 7. Динамика изменений, происходящих в экспериментальной и контрольной группах после апробации психолого-педагогической системы разрешения конфликтов между преподавателями и студентами

Стратегии поведения в конфликтной ситуации	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Коэффициент Стьюдента (t)	Уровень значимости
соперничество	4,8	5,4	-0,55	0,478
сотрудничество	6,6	6,0	0,63	0,613
компромисс	7,4	6,4	-0,65	0,522
приспособление	5,7	5,3	0,35	0,489
избегание	4,7	4,3	-0,23	0,377

Динамика стилей поведения в педагогическом конфликте. Педагогический конфликт обусловлен личностными особенностями его участников и объективными условиями учебной деятельности. В его основе лежат возрастные различия, что является объективной основой конфликта, различие социально-ролевых позиций, индивидуальные особенности стиля общения и сформировавшиеся паттерны поведения в конфликтных ситуациях. По мнению Е.И. Кокконен, учебная деятельность не может

рассматриваться вне сферы общения, следовательно, разрешение педагогических конфликтов лежит в сфере стратегии поведения его участников [8]. Особый интерес для исследования представляло изучение стилей поведения преподавателей и студентов в конфликте. Рассмотрим динамику изменений, происходящих в экспериментальной и контрольной группах после апробации психолого-педагогической системы разрешения конфликтов между преподавателями и студентами (см. табл. 7).

Несмотря на отсутствие значимых различий, анализ полученных данных (см. табл. 7) показывает изменение стиля поведения в конфликтных ситуациях между преподавателями и студентами с соперничества и компромисса на компромисс и сотрудничество, что подтверждает нашу гипотезу об эффективности применения психолого-педагогической системы разрешения педагогического конфликта. По результатам исследования можно сделать вывод об увеличении числа преподавателей и студентов, использующих компромисс в конфликтных ситуациях. Кроме того, наблюдается положительная тенденция в изменении количества субъектов образовательного процесса, использующих стиль сотрудничества в конфликтных ситуациях, что позволяет сделать вывод об улучшении педагогического взаимодействия, когда преподаватели и студенты стараются считаться с интересами друг друга. Полученные результаты свидетельствуют о положительном влиянии системы психологических средств разрешения конфликтов на применение эффективных стратегий конфликтного поведения в ходе педагогического взаимодействия.

Обобщая все вышесказанное, отметим положительную динамику объективных показателей эффективности психолого-педагогической системы между преподавателями и студентами в учебной среде вуза, к которым относятся:

1) снижение количества педагогических конфликтов;

2) повышение уровня конфликтологической компетентности;

3) формирование продуктивного стиля поведения в конфликте у преподавателей и студентов.

Таким образом, апробированный психолого-педагогический проект медиативного сопровождения педагогического взаимодействия субъектов образовательного процесса может быть внедрен в систему управления учебной средой вуза. Данный проект опирается на рефлексивный контроль и постоянную коррекцию взаимодействий преподавателей и студентов, целью которого является психолого-педагогическое посредничество между процессами обучения и воспитания в высшей школе. Полученные результаты открывают перспективы разрешения многих проблемных вопросов:

какова эффективность образовательного процесса в учебной среде со сниженной конфликтностью, какова возможность учета личностных, деятельностных и межличностных особенностей субъектов процесса обучения в организации психолого-педагогической помощи по разрешению педагогических конфликтов. Дальнейшие исследования могут касаться также вопросов особенностей реализации психолого-педагогической системы разрешения конфликтов между преподавателями и студентами вуза в зависимости от направленности факультета вуза, формы обучения и т.д.

Список литературы

1. *Анциупов А.Я., Шитилов А.И.* Конфликтология. 3-е изд. СПб.: Питер, 2007.
2. *Безюлева Г.В.* Психологическая служба профессионального образования: содержание, проблемы, перспективы // Преподаватель. 2001. №2. С. 40–44.
3. *Васильева Е.Н.* Конфликтологический дискурс модернизации системы образования // Вестник Том. гос. ун-та. 2012. №364. С. 153–156.
4. *Вейт С.М.* Формирующий эксперимент в психолого-педагогическом исследовании общественного мнения учащихся // Вестник ун-та Российской академии образования. 2010. №3. С. 103–108.
5. *Донцов А.И., Полозова Т.А.* Проблема конфликта в западной социальной психологии // Психологический журнал. 1980. Т. 1, № 6. С. 119–133.
6. *Игнатова Е.С.* Система деятельности психологической службы в разрешении конфликтов между преподавателями и студентами // Сибирский педагогический журнал. 2011. №9. С. 125–133.
7. *Кирибаум Э.И.* Психолого-педагогический анализ конфликтных ситуаций в педагогическом процессе: дис. ... канд. психол. наук. Л., 1986.
8. *Кокконен Е.И.* Вербальные характеристики педагогического конфликта // Вестник НовГУ. 2007. № 42. С. 4–7.
9. *Куприянов Р.В.* Межличностные конфликты в диаде преподаватель–студент: монография / Министерство образования и науки России; Казанский нац. иссл. ун-т. Казань: КНИТУ, 2011.
10. *Куприянов Р.В.* Социально-психологические механизмы возникновения конфликта в диаде преподаватель – студент вуза: дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2000.
11. *Лымарь Н.Г.* Психологические средства разрешения межличностного конфликта: дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2008.

12. *Собкин В.С., Ткаченко О.В.* Студент педагогического вуза: жизненные и профессиональные перспективы. Труды по социологии образования. М.: Центр социологии образования РАО, 2007. Т. XI–XII. Вып. XXI.
13. *Учадзе С.С.* Педагогическое управление конфликтами в образовательном учреждении: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Сочи, 2010.
14. *Цой Л.Н.* Практическая конфликтология. М., 2001. Книга первая.
15. *Шейнов В.П.* Управление конфликтами: теория и практика. Минск: Харвест, 2010.
16. *Ярычев Н.У.* Теоретико-методологические подходы к изучению сущности и природы конфликта: особенности современной интерпретации // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. №5. С. 17–21.

PSYCHOLOGY-PEDAGOGICAL PROJECT MEDIATIVE SUPPORTS THE
MAINTENANCE OF PEDAGOGICAL INTERACTION BETWEEN SUBJECTS OF
EDUCATIONAL PROCESS: EFFICIENCY ASSESSMENT

Ekaterina S. Ignatova

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The psychology-pedagogical project of interaction between teachers and students mediative supports is presented in the article; also, the results of estimation its efficiency by objective criteria are presented.

Key words: conflict; settlement of conflict; mediative supports; conflictology competency.

УДК 159.942

УРОВНИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОПЫТА**Д.Г. Трунов**

Выделены и подробно описаны следующие уровни вербальной дифференциации эмоционального опыта: уровень алекситимии, уровень обобщенных оценок, уровень эмотивной лексики, уровень анализа состояния.

Ключевые слова: эмоции; эмоциональный опыт; вербализация эмоций; эмотивная лексика; алекситимия; эмоциональные концепты; эмоциональный интеллект.

В психологии термин «эмоции» означает *переживание человеком его отношения к окружающему миру и к самому себе*; эмоции являются собой особую форму отражения действительности [5, с. 458]. В основе эмоций лежат оценки, которые обусловлены соответствием или несоответствием действительности (событий, фактов, объектов и пр.) потребностям человека. Исходя из этого, назовем «эмоциональным опытом» *переживание и осознание человеком своего отношения к миру (событиям, явлениям и объектам действительности), к другим людям и самому себе*. В некоторых случаях в психологии разделяются понятия «эмоции» и «чувства». Так, эмоциональные процессы связываются с обеспечением биологического равновесия между организмом и средой; это процессы общие для человека и животных. Но человеку также свойственны эмоции, возникающие при удовлетворении не биологических, а психологических и социальных потребностей. Именно эти эмоции, определяемые как «высшие», иногда называются «чувствами» [4]. Ниже я не буду разделять понятия «чувства», «эмоции», «состояние», «настроение», объединяя их в один концепт «эмоциональный опыт». Итак, эмоциональный опыт — это совокупность всех эмоциональных переживаний и состояний.

Вербализация эмоционального опыта — это процесс словесного описания человеком своих эмоциональных переживаний и состояний. С вербализацией эмоционального опыта мы стал-

киваемся в обыденном общении, а также в специфических профессиональных ситуациях (например, в беседе с психологом или психотерапевтом). Вербализация эмоционального опыта инициируется либо человеком, переживающим эмоциональный опыт, либо его собеседником. Психолог-консультант это делает чаще всего с помощью вопроса: «Что вы чувствуете?» Однако профессиональный опыт задавания этого или подобных «вопросов о чувствах» — в практике консультирования или в ходе интроспективного эксперимента — показывает, что люди по-разному реагируют на них: одни отвечают достаточно развернуто, различая и описывая разнообразные нюансы своей эмоциональной жизни, другие отвечают весьма односложно, третьи вообще затрудняются это сделать. В связи с этим можно говорить о *разных степенях* вербальной *дифференциации* эмоционального опыта, которые фиксируются в лексических и грамматических конструкциях.

Все возможные ответы, которые мы получаем при задавании «вопроса о чувствах», можно разделить на группы в зависимости от степени вербальной дифференциации эмоционального опыта. Назовем эти группы *уровнями вербализации*, подразумевая, что чем глубже уровень вербализации, тем лучше человек различает свой эмоциональный опыт. Слова, которые использует человек при описании своего эмоционального опыта, выступают здесь одновременно и как *обозначение* различных переживаний, и как *инструмент* различения своих

переживаний, и как *показатель* степени этого различия. Безусловно, четкие границы между уровнями вербализации эмоционального опыта не всегда удается провести.

«Нулевой» уровень вербализации — это *отсутствие* вербализации, когда на вопрос «Что вы чувствуете?» человек говорит «Не знаю», «Не могу понять», «Затрудняюсь ответить» либо просто молчит; к этому же уровню отнесем ответы типа «Все нормально», «Никак», «Нейтрально», «Обычно», в которых человек не столько дает ответ, сколько *уклоняется* от него, а иногда попросту «отшучивается». «Нулевой» уровень вербализации — это ни что иное, как *алекситимия* (неспособность выразить в словах эмоциональный опыт) в своей крайней степени [6].

Только на следующем, собственно говоря, на *первом* уровне вербализации человек начинает как-то определять свое эмоциональное состояние, и хотя он делает это очень *обобщенно*, но, по крайней мере, он обозначает, во-первых, преобладающую *полярность* («знак») переживания, например: «Мне плохо (хорошо)», «Я доволен (расстроен)», «Мне приятно (неприятно)» и т.д.; а во-вторых — *интенсивность* переживания («очень», «сильно», «немного», «слегка» и т.д.). Однако на этом все описание может закончиться и вопросы, направленные на дальнейшую конкретизацию (дифференциацию) эмоционального опыта, могут остаться без ответа. К первому уровню вербализации также относится использование сленга и жаргона — от распространенных в молодежной среде «клево», «круто», «жесть», «адреналин» до ненормативных выражений. Главная особенность всех средств, используемых на первом уровне вербализации, — их многозначность, одно и то же слово может означать разнообразные переживания, подчас даже противоположные по знаку. Например, слово «жесть» выражает некое сильное чувство, но при этом может использоваться для вербализации и приятных, и не приятных переживаний.

На *втором* уровне вербализации человек уже конкретизирует свое эмоциональное состояние в той или иной *модальности*, используя специфическую *эмотивную лексику*. Под «эмотивная лексикой» я буду понимать здесь

слова, с помощью которых человек описывает свои эмоциональные переживания и состояния, попросту говоря, это — «названия чувств», например: «Мне обидно», «Я в гневе», «Я боюсь», «Мне стыдно» и пр.¹ В основе эмотивной лексики лежат так называемые «эмотивные (или эмоциональные) концепты» [2]. Эмотивная лексика — основа интроспективного описания: чем богаче запас эмотивной лексики, тем более дифференцированное и обстоятельное интроспективное описание мы получим; чем меньше запас эмотивной лексики, тем скуднее будет выглядеть интроспективный отчет, либо его не будет вовсе. Умение использовать существующий запас эмотивной лексики для описания своих и чужих эмоций определяется уровнем *эмоционального интеллекта* [3].

Казалось бы, на втором уровне можно остановиться: есть эмоциональный опыт (переживание), есть подходящее для него название (высказывание)... Однако на этом дифференциация не заканчивается, существует более *глубокий* уровень, а точнее — уровни, предполагающие гораздо более внимательный анализ собственных переживаний. В качестве примера высказывания, соответствующего третьему уровню вербализации, можно привести следующее: «Я чувствую обиду. Причем, тем более обидно, что это близкий человек. Я на него надеялась, а теперь полностью разочарована в нем». Таким образом, на третьем уровне вербализации мы имеем дело не с отдельными чувствами, а со сложными и сугубо индивидуальными *состояниями*. Слово «состояние» подразумевает некий «состав», компоненты которого и становятся объектом анализа и последующей вербализации.

Итак, мы имеем четыре уровня вербализации эмоционального опыта:

- 0 — Уровень алекситимии
 - 1 — Уровень обобщенных оценок
 - 2 — Уровень эмотивной лексики
 - 3 — Уровень анализа состояния
- Рассмотрим их более внимательно.

¹ Примеры названий чувств, так называемые «эмотивы», приведены в [1].

«Нулевой» уровень вербализации — *отсутствие вербализации* — самый распространенный уровень, он не требует ни самораскрытия, ни погружения в себя, он не предъявляет особых требований к контакту со слушателем, не подразумевает использования специфической эмотивной лексики. В каком-то смысле умение оставаться на данном уровне приветствуется и поддерживается социумом в обыденной жизни, поскольку человек в этом случае не «загружает» окружающих своими эмоциональными переживаниями. На вопросы типа «Как у тебя дела?», «Как настроение?» не нужно рассказывать ни о делах, ни о настроении; независимо от реального положения дел нужно сказать: «Все в порядке», «Нормально», «Отлично», «Лучше всех» и пр.

Первый уровень вербализации — *уровень обобщений* — уже требует некоторого самораскрытия, а значит минимального погружения в себя и доверия к слушателю. Что касается лексики, то на этом уровне к ней не предъявляется особых требований, здесь используются самые общеупотребительные слова, а потому этот уровень становится преобладающим в житейских диалогах по поводу эмоционального опыта.

Второй уровень вербализации — *уровень эмотивной лексики* — предполагает (1) большую степень самораскрытия, а значит, (2) более глубокое погружение в себя (рефлексию) и (3) доверие к собеседнику. Наконец, (4) этот уровень требует уже достаточного запаса слов, которыми обозначаются (специфицируются) эмоции, и (5) умение этими словами воспользоваться, т.е. наличие навыка описания своего эмоционального состояния. Например, человек может испытывать какие-то переживания, но он может *не хотеть* о них говорить; человек может доверять собеседнику и хотеть рассказать ему о своих переживаниях, но он не может найти для этого *подходящие* слова. Причем речь в последнем случае идет не о *незнании* слов, а о том, что человек не может воспользоваться *имеющимся* словарным запасом. Другими словами, речь идет о том, что для качественного описания своего состояния человек должен обладать достаточным *активным* запасом эмотивной лексики (в сравнении с пассив-

ным словарным запасом, который находится в долговременной памяти, но практически не используется). В силу повышенных (в сравнении с первым уровнем) требований данный уровень вербализации доступен еще меньшему количеству людей — тем, кто не только хочет рассказать о своих переживаниях, но, прежде всего, тем, кто способен к рефлексии и умеет пользоваться своим словарным запасом для обозначения собственных переживаний. Можно сказать, что это люди, имеющие средний уровень *эмоционального интеллекта*.

Второй уровень вербализации включает следующие лингвистические варианты (формальные категории): (1) процесс («Я обиделся»), (2) состояние («Мне обидно»), (3) объективация («Я чувствую обиду»)¹. Кроме того, можно говорить о вариантах, связанных с различным заполнением валентностей предиката, обозначающего переживание, например, для эмотивной лексики можно выделить следующие возможные валентности: (1) наличие объекта переживания («Я *на нее* обиделся»), (2) определение интенсивности переживания («Я *очень* обиделся»).

Выход на третий уровень вербализации — *аналитический уровень* — доступен в основном «избранным», людям с высоким уровнем эмоционального интеллекта, тем, кто в своей деятельности часто имеет дело с эмоциональным опытом — своим или чужим. И это не только психологи или психотерапевты, но, прежде всего, люди искусства — писатели, режиссеры, актеры, — которые уделяют особое внимание внутреннему миру своих персонажей, у таких людей есть не только богатый опыт рефлексии и большой (гораздо выше среднего) активный запас эмоциональной лексики, но также аналитическое мышление, позволяющее выявить составные компоненты эмоционального опыта, структурировать эти элементы, обнаружить (или создать) между ними определенные «сюжетные» взаимосвязи.

Третий уровень вербализации не ограничивается одним только «называнием чувства», он

¹ С более подробным описанием категорий эмотивной лексики можно познакомиться в [7].

обнаруживает полимодальный (многомерный) состав эмоционального опыта, его глубину, противоречия, целый комплекс разнообразных нюансов и особенностей, которые индивидуализируют этот эмоциональный опыт, делают его уникальным и сугубо личным в каждом конкретном случае.

На третьем уровне вербализации можно выделить варианты, а лучше сказать — *направления-аспекты*, в рамках которых осуществляется самоанализ эмоционального опыта:

а) *дескриптивные аспекты* — ориентируются сугубо на *описание* эмоционального опыта, его вербальную *фиксацию*; б) *каузальные аспекты* — предназначены для *объяснения* происхождения тех или иных переживаний, при этом выявление причин переживаний понимается мною как *конструирование* причинно-следственных связей, благодаря чему процессы, происходящие во внутренней сфере человека, воспринимаются как обусловленные внешними событиями и объектами (табл. 1).

Таблица 1. Аспекты анализа эмоционального опыта

Дескриптивные аспекты — направлены на описание эмоционального опыта			
1	<i>Содержательный аспект</i>	Выявление компонентов, из которых складывается то или иное чувство или состояние	«В моей обиде было больше разочарования, чем злости»
2	<i>Динамический аспект</i>	Выяснение взаимоотношений этих элементов между собой, например, выявление противоречий, полюсов в своем эмоциональном состоянии	«С одной стороны, я была на него обижена, а с другой стороны — я боялась это показать»
3	<i>Темпоральный аспект</i>	Описание количественных и качественных изменений данного состояния во времени	«Постепенно моя обида начала нарастать/спадать»
4	<i>Метаэмоциональный аспект</i>	Описание своего отношения к собственным переживаниям	«Мне не нравится моя обида»
Каузальные аспекты — направлены на объяснение эмоционального опыта			
1	<i>Объектный аспект</i>	Определение объекта, на которого возлагается ответственность за возникшее переживание	«Я на нее обиделся», «Она меня обидела»
2	<i>Ситуационный аспект</i>	Определение ситуации, с которой связывается переживание	«Я обиделся, потому что..., из-за того что..., на то что...»

Понятно, что полноценная вербализация — та, которая может удовлетворить психолога-консультанта, — это вербализация третьего уровня. На первом уровне человек использует слишком общие (даже «огрубляющие») слова, сообщающие слушателю некий минимум информации. На втором уровне хотя и используются специфические слова (эмотивная лексика), но слушатель вкладывает в них какое-то свое содержание, то есть «проецирует» на них личный эмоциональный опыт. Таким образом, собеседники, использующие эти слова, находятся в «иллюзии взаимопонимания», они даже не подозревают, что при интерпретации эмотивных сообщений они имеют дело с *разными* толковыми словарями. Рассеять эту иллюзию — осознать ее — можно, лишь углубившись на третий уровень, с позиции которого

жизненная ситуация и связанный с ней эмоциональный опыт предстают в уникальном своеобразии, требующем иной вовлеченности слушателя, а именно эмпатической вовлеченности, при которой слушатель на время оставляет в стороне свои эмотивные установки и стереотипы и пытается увидеть *другого человека*.

Для обозначения своего переживания два разных человека могут использовать одно и то же *название*, т.е. на втором уровне вербализации эти два переживания будут казаться *идентичными*, однако при погружении на третий уровень окажется, что речь идет о *различных по содержанию* эмоциональных состояниях.

Любое название чувства или состояния имеет свои индивидуальные значения. Например, если клиент говорит: «Я его люблю», — то

я как консультант не понимаю точно, о чем он говорит. Я могу догадываться лишь об общем направлении, о некоем «особом положительном отношении» к другому человеку, но то, как оно представлено в сознании клиента, какими личными чертами оно обладает, с какими словами и действиями оно соотносится именно у этого

человека, мне не понятно. Только с помощью специальных вопросов я могу прояснить *уникальный рисунок* эмоционального опыта, которое клиент обозначил словом «люблю».

В качестве итога приведем сравнительную характеристику уровней вербализации эмоционального опыта (табл. 2).

Таблица 2. Сравнение уровней вербализации эмоционального опыта

Критерии	Первый уровень	Второй уровень	Третий уровень
Рабочее название	Уровень обобщенных оценок	Уровень эмотивной лексики	Уровень анализа состояния
Эмоциональный интеллект	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Погружение в себя (рефлексия)	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Доверие к собеседнику	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Эмотивная лексика	Минимальный словарный запас	Средний словарный запас	Высокий словарный запас
Степень дифференциации модальности переживания	Полярность переживания (положительное или отрицательное) и его интенсивность	Конкретизация переживания в форме того или иного чувства, эмоции, состояния и пр.	Обнаружение полимодального состава переживания, т.е. комплекса переживаний
Средства	Привычные обобщающие оценочные суждения, «ярлыки», «сленг»	Единичные высказывания, содержащие эмотивную лексику	Совокупность высказываний, раскрывающих многообразные нюансы переживаний
Характер эмоционального опыта	Универсальный: упрощает переживания, приравнивает к большинству	Специфический: относит переживания к определенному классу	Уникальный: демонстрирует особенное и сугубо личное в переживаниях
Тип вовлеченности слушателя в эмоциональный опыт рассказывающего	Оценочный: слушатель опирается на оценки переживаний, которые использует рассказывающий	Проективный: собеседник вкладывает в названия чувств собственные представления, основанные на своем опыте	Эмпатический: слушатель воспринимает ситуацию «изнутри», как она понимается рассказывающим
Тип понимания	Примитивное понимание	«Иллюзия понимания»	Феноменальное понимание
Метафоры взаимодействия между собеседниками	«Маска», «ярлык», «защита»	«Обнаружение», «приближение»	«Погружение», «внутренний мир», «самораскрытие»

Список литературы

1. Иванова Е.С. Возможности методики «Словарь эмоций» для диагностики и развития эмоциональной сферы // Психологическая диагностика. 2008. №1. С. 101–112.
2. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008.
3. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Ин-т психологии РАН, 2004. С. 29–36.
4. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций / пер. с польск. и вступ. ст. В.К. Вилюнаса. М.: Прогресс, 1979.

5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.
 6. Трунов Д.Г. Виды и механизмы функциональной алекситимии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. Вып.2. С. 93–99.
 7. Трунов Д.Г. Категории эмоциональной лексики как объект внимания психотерапевта // Вестник психотерапии. 2006. №17(22). С. 16–24.
-

THE LEVELS OF VERBALIZATION OF EMOTIONAL EXPERIENCE

Dmitry G. Trunov

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The following levels of verbal differentiation of emotional experience are allocated and in detail described: alexitimiy level, level of the generalized estimates, level of emotivny lexicon, level of the analysis of a condition.

Key words: emotions; emotional experience; verbalization of emotions; emotivny lexicon; alexitimiy; emotional concepts; emotional intelligence.

УДК 159.91

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА У ЛИЦ С РАЗЛИЧНЫМИ СОМАТИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

А.Г. Федулеева

Статья посвящена изучению особенностей выраженности перфекционизма и его компонентов у лиц с сердечно-сосудистыми и желудочно-кишечными заболеваниями. Установлены значимые различия в проявлении перфекционизма у лиц с разными соматическими заболеваниями: лица с желудочно-кишечными заболеваниями имеют более высокие значения социально предписанного перфекционизма в сравнении с лицами с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Обнаружены различия во взаимосвязи показателей уровня невротизации с показателями перфекционизма в группах лиц с различными соматическими заболеваниями.

Ключевые слова: перфекционизм, ориентированный на себя; перфекционизм, ориентированный на других; социально предписанный перфекционизм; уровень невротизации.

В последние двадцать лет феномен перфекционизма стал предметом интенсивных эмпирических исследований в клинической психологии и психиатрии как за рубежом, так и в России. Значительный вклад в изучение проблемы перфекционизма внесли Н.Г. Гаранян [1; 2; 3; 8], Т.Ю. Юдеева [2], И.И. Грачева [4], В.А. Ясная [9; 10], С.Н. Ениколопов [9], И.Г. Малкина-Пых [5; 6], Е.Т. Соколова, П.В. Цыганкова [7]; Д. Бернс, П. Хьюитт, Г. Флетт, Р. Фрост, Р. Слэйни, Дж. Эшби, С. Ингрэм, К. Дебровский, Т. Пиечовский, Р. Фриман, С. Конартон и др.

Существует два подхода к концептуализации перфекционизма: одномерный и многомерный. Изначально перфекционизм рассматривался как одномерный конструкт с единственным параметром в виде «чрезмерно высоких стандартов личности». В рамках одномерного подхода Д. Бернс и А. Бек акцентировали свое внимание на когнитивных факторах перфекционизма в форме иррациональных убеждений или дисфункциональных установок [1, с. 75].

В 1980–90-х гг. был выдвинут тезис о многомерной психологической структуре перфекционизма. Перфекционизм стал изучаться с позиций теории личностных черт, согласно которой каждая черта включает множество отдельных компонентов. Идея о многомерности пер-

фекционизма была последовательно развита в трех концепциях, разработанных несколькими коллективами — канадской группой П. Хьюитта и Г. Флетта, британской группой Р. Фроста и американской группой Р. Слэйни и Дж. Эшби [1, с. 76].

П.Л. Хьюитт и Г.Л. Флетт определяют перфекционизм как стремление быть совершенным, безупречным во всем. Основываясь на результатах клинических наблюдений и используя наработки предшественников, Хьюитт и Флетт описали перфекционизм как трехмерное явление, которое включает в себя три составляющие перфекционизма: перфекционизм, ориентированный на себя (Я-адресованный перфекционизм, субъектно- или личностно-ориентированный перфекционизм); перфекционизм, ориентированный на других (перфекционизм, адресованный другим людям, объектно-ориентированный перфекционизм); социально предписанный перфекционизм (социально предписываемый перфекционизм) [4, с. 73].

В более ранней работе Хьюитт и Флетт использовали также отдельные элементы конструктов перфекционной мотивации и всемирно-ориентированного перфекционизма (убежденность в необходимости совершенных решений широкого круга проблем). Понятие перфекционной мотивации затем было включено в со-

ставляющую перфекционизма, ориентированного на себя [9, с. 104].

Перфекционизм, ориентированный на себя, — завышенные и нереалистичные требования, предъявляемые к себе, и усиленное исследование себя, самокопание и самокритика, которые делают невозможным принятие собственных изъянов, недостатков и неудач. Высокий уровень перфекционизма, ориентированного на себя, предполагает наличие чрезвычайно высоких стандартов, требований, установленных человеком для себя. Данная составляющая перфекционизма связана с целеустремленностью, тенденцией ставить перед собой «отдаленные», труднодостижимые цели и сосредотачиваться на них. Перфекционизм, ориентированный на себя, — это склонность выдвигать чрезмерно высокие стандарты в сочетании с чрезмерной важностью соответствия этим стандартам, что порождает колебания самооценки и хроническую неудовлетворенность деятельностью.

Перфекционизм, ориентированный на других, — предъявление преувеличенных и нереалистичных требований к другим. Высокий уровень перфекционизма, ориентированного на других, предполагает наличие чрезвычайно высоких стандартов, установленных человеком для других, требовательность по отношению к окружающим, нетерпимость, нежелание прощать ошибки, несовершенства. Предполагает нереалистичные стандарты для значимых людей из близкого окружения, ожидание людского совершенства и постоянное оценивание других.

Социально предписанный перфекционизм — генерализованное убеждение или ощущение, что другие предъявляют к субъекту завышенные и нереалистичные требования, которым трудно, но необходимо соответствовать, чтобы заслужить одобрение и принятие и избежать негативной оценки. Социально предписанный перфекционизм отражает стремление к социально одобряемому, признаваемому, пропагандируемому и в определенном смысле «навязываемому» совершенству.

На раннем этапе перфекционизм описывался психотерапевтами как негативное явление. Со временем перфекционизм стал пониматься как сложное явление, которое может принимать

и здоровую, и патологическую формы. Как отмечает В.А. Ясная, перфекционизм включает множество связанных между собой черт, одни из которых в целом адаптивны, а другие способствуют дезадаптации [10, с. 160].

Р. Фрост и его коллеги в 1993 г. провели факторный анализ данных 553 студентов, обследованных с помощью Многомерной шкалы перфекционизма П. Хьюитта и Г. Флетта и Многомерной шкалы перфекционизма Р. Фроста. В результате были выделены два первичных фактора — неадаптивная озабоченность оцениванием и позитивное стремление к достижениям. По первому фактору большие нагрузки имели следующие параметры: «социально предписываемый перфекционизм» (канадская модель), «озабоченность ошибками», «родительская критика», «родительские ожидания» и «сомнения в действиях» (британская модель). Этот фактор коррелировал с показателями негативного аффекта. Согласно интерпретации исследователей, он отражает негативный аспект перфекционизма. Второй фактор включал пункты, тестирующие «Я-адресованный» перфекционизм (канадская модель), «личностные стандарты» и «организацию» (британская модель), и коррелировал с показателями положительного аффекта. Он был интерпретирован как позитивный аспект перфекционизма [3, с. 54].

В работе J. Stroeber и K. Otto приводятся результаты, говорящие о том, что «Я-ориентированный перфекционизм» является позитивным только в том случае, если «индивид не слишком озабочен возможностью совершить ошибку и негативной оценкой со стороны окружающих. В противном случае “личные стандарты” также не являются адаптивным, “здоровым” перфекционизмом» [5, с. 209].

Установление и стремление к высоким нормам само по себе не является патологическим. Считается, что при «здоровом» перфекционизме индивид получает удовлетворение от усердной работы, стремится к саморазвитию и улучшению результатов, при этом он принимает факт наличия предела, личностного или ситуативного своего совершенства. Успех приносит чувство удовлетворения от хорошо сделан-

ной работы и повышает самооценку. И.Г. Малкина-Пых пишет, что здоровый перфекционизм сопряжен с действием зрелых и адаптивных когнитивных схем. В частности, личность со здоровым перфекционизмом располагает точными и дифференцированными представлениями об ожиданиях, делегируемых другими людьми. В восприятии собственной деятельности у личности со здоровым перфекционизмом представлены удаchi наряду с неудачами и ошибками. Неудача расценивается как временное и локальное явление; ошибка принимается как неизбежное и даже полезное явление [5, с. 209].

Как отмечают западные исследователи, такие как П. Хьюитт, Г. Флетт, С. Ингрэм и другие, при неправильном соотношении перфекционистских тенденций, непропорциональном их развитии возникает риск формирования невротического перфекционизма [3, с. 55].

В.А. Ясная, С.Н. Ениколопов в ходе теоретического анализа литературы выявили, что исследователи выделяют следующие сферы, на которые перфекционизм оказывает негативное влияние: эмоциональное состояние, продуктивность деятельности, межличностные контакты [10, с. 161]. Последствия для *эмоционального состояния* — частые, даже хронические, переживания недовольства собой, тоски, тревоги, стыда и вины. У перфекционистов страдает и мотивационная сфера. Определенный тип перфекционистов не способен испытывать настоящий интерес к какому бы то ни было занятию, так как на самом деле его интересует не то, чем он занимается, а принятие, одобрение, восхищение, самоутверждение, которые он может получить, успешно справляясь с этим делом или достигая в нем совершенства. Если же по какой-то причине он не получает этих желаемых реакций или они перестают служить достаточным мотивом, перфекционисту грозит потеря смысла жизни, ощущение своей никчемности, незанятости, в конечном итоге — депрессия.

В работе И.И. Грачевой установлено, что мотивационной основой перфекционизма является интенсивный «конфликт достижения», при котором мотивы «стремление к успеху» и «избегание неудачи» выражены с одинаковой си-

лой. Одновременно перфекционисты характеризуются меньшей устойчивостью к этим конфликтующим переживаниям [4, с. 73].

В исследовании Е.Т. Соколовой было выявлено, что специфика мотивационного компонента перфекционного стиля личности суицидальных пациентов включает в себя парадоксальное сочетание высокого перфекционизма с низкой мотивацией достижений [7, с. 98].

Последствия для *продуктивности деятельности* могут проявляться в виде: 1) стратегии стойкого избегания ситуаций, где индивид ожидает от себя соответствия завышенным стандартам, а именно — «паралич деятельности» — состояние паралича, невозможности начать действовать; «прокрастинация» — откладывание начала деятельности в силу желания выполнить его совершенно, что делает это начало тяжелым и неприятным; прерывание деятельности, незавершение задания вследствие опасений, что оно не будет удовлетворять перфекционистским требованиям; 2) снижения продуктивности и хронического переутомления в силу генерализации высоких стандартов на все виды деятельности; 3) тщательной перепроверки собственных действий; 4) чрезмерно длительных размышлений перед принятием решений.

В *межличностных контактах* возможны конфликты и разрывы по причине чрезмерных требований и ожиданий в адрес окружающих; конкурентные отношения с людьми из-за сравнений себя с ними, зависти, ревности; недостаток близких и доверительных отношений; постоянный поиск одобрений или разубеждений со стороны других людей; постоянная критика других людей.

А. Пахт писал о том, что перфекционизм — широко распространенная и чрезвычайно тяжелая проблема, связанная с множеством психологических и физических расстройств (алкоголизм, психосоматические заболевания и т.д.). Она имеет не только клинко-психологическое, но и социально-психологическое, социологическое, культурное значение [8, с. 62].

Н.Г. Гаранян указывает, что в работах П. Хьюитта, Г. Флетта, С. Блатта, Б. Керра, С. Петерса, К. Дебровского, Т. Пиечовского, Р. Фримана, Д. Барнса, М. Аддерхолта-

Эллиота, Б. Кларка, С. Конартона описаны такие последствия формирования невротического перфекционизма, как депрессии, тревожность, низкое самоуважение, переживания безнадежности, суицидальная готовность, негативное влияние на эффективность краткосрочного лечения, алкоголизация, наркотизация и др. [2, с. 95].

Безудержное стремление к недостижимому совершенству поддерживается социокультурными стандартами современного общества, подвергающего человека давлению множества императивов нарциссического и перфекционного характера.

Как отмечает Е.Т. Соколова, с этой точки зрения перфекционизм может быть понят как один из видов современной «культурной патологии», проявляющейся как зависимость от недостижимого идеала, как притязания на безграничность, всемогущество и «надчеловечность» при неспособности к признанию каких бы то ни было естественных и культурных ограничений. «Культурная патология» также может быть связана с конфликтными тенденциями: ориентация на успех, конкуренцию и доминирование при ценности партнерства, приличного и доброжелательного поведения [7, с. 92].

В работе «Культура, эмоции и психическое здоровье» Н.Г. Гаранян А.Б. Холмогорова обращают внимание на то, что современное лицо эмоциональных нарушений сильно окрашено соматическими симптомами. Склонность современного человека к соматизации, или склонность переживать психологический стресс на физиологическом уровне имеет определенные культуральные источники. Культ рационального отношения к жизни, негативная установка по отношению к эмоциям как явлению внутренней жизни находят выражение в эталоне непробиваемого, как бы лишённого эмоций человека. Запрет на эмоции (как следствие ценностей в обществе) ведет к их вытеснению из сознания, а расплата за это — невозможность их психологической переработки и разрастание физиологического компонента в виде болей и неприятных ощущений различной локализации [8, с. 63].

Согласно Е.Т. Соколовой, клиническая актуальность изучения перфекционизма обоснована

наличием достоверных эмпирических данных о его роли как фактора этио- и патогенеза широкого круга психических и поведенческих расстройств, среди которых аффективные расстройства тревожного и депрессивного спектра, обсессивно-компульсивное расстройство, психосоматические расстройства, поведение типа А, нарушения пищевого поведения и др. [7, с. 90].

А. Пахт установил зависимость между перфекционизмом и поведением типа А, связанным с риском возникновения сердечно-сосудистых заболеваний [3, с. 52].

И.Г. Малкина-Пых отмечает, что в современной медицине раздел психосоматики представляют исследования, освещающие роль стресса в патогенезе соматических заболеваний, связь патохарактерологических и поведенческих особенностей с чувствительностью или устойчивостью к определенным соматическим заболеваниям, зависимость реакции на болезнь от типа личностного склада, влияние некоторых методов лечения на психическое состояние [6, с. 9]. Можно предположить, что негативные эмоции, такие как страх неудачи, повышенная тревожность, переживания недовольства собой, тоски, тревоги, стыда и вины, и неадаптивные копинг-стратегии, сопутствующие невротическому перфекционизму, затрудняют переработку стресса и способствуют его хронификации. Это, в свою очередь, может привести через интегративные церебральные системы к патологическим изменениям в различных системах органов.

Анализ литературы по проблеме перфекционизма позволил выдвинуть предположение, что высокий уровень перфекционизма выступает как неблагоприятный психологический фактор риска или предрасполагающее условие для возникновения психосоматических расстройств. Высокий уровень перфекционизма сопровождается высоким уровнем невротизации, выраженной эмоциональной возбудимостью, продуцирующей различные негативные переживания (тревожность, напряженность, беспокойство, растерянность, раздражительность) может привести к развитию психосоматических заболеваний.

Цель нашего исследования — изучение особенностей проявления перфекционизма и уровня невротизации у лиц с соматическими заболеваниями.

Гипотеза исследования: высокий уровень перфекционизма и невротизации может служить прогностическим признаком возникновения соматических заболеваний (сердечно-сосудистых и желудочно-кишечных).

Эмпирическое исследование, посвященное выявлению уровня выраженности перфекционизма и уровня невротизации у лиц с соматическими заболеваниями, проводилось в ГБУЗ ПК «МСЧ №9 им. М.А. Тверье» (февраль–март 2012 г.). В исследовании приняли участие 60 испытуемых (24 мужчины и 36 женщин в возрасте от 26 до 82 лет): 30 пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями, такими как ишемическая болезнь сердца, инфаркт миокарда, пороки сердца, гипертоническая болезнь, хроническая сердечная недостаточность, нарушение ритма и проводимости, миокардиты, эндокардиты; 30 пациентов с желудочно-кишечными заболеваниями, такими как гастрит, язва желудка, колиты.

В исследовании использовались следующие методики: 1) многомерная шкала перфекционизма (Multidimensional perfectionism scale; MPS; МШП) П.Л. Хьюитта (P.L. Hewitt) и Г.Л. Флетта (G.L. Flett) (*адаптация*

И.И. Грачевой); методика позволяет измерить уровень перфекционизма и определить характер соотношения его составляющих: перфекционизма, ориентированного на себя; перфекционизма, ориентированного на других; социально предписанного перфекционизма; 2) Шкала для психологической экспресс-диагностики уровня невротизации (разработана в НИИ им. В.М. Бехтерева в 1974 г.). Методика является медико-психологическим экспресс-диагностическим инструментом для выявления степени выраженности невротизации. Высокие количественные значения являются показателем невыраженной невротизации. Эмпирические данные были обработаны с использованием статических процедур в программе «Statistica for Windows, Version 8».

Результаты

Анализ результатов описательной статистики показал, что значения показателей методики «Многомерная шкала перфекционизма» и теста «Уровень невротизации» подчиняются закону нормального распределения данных, это позволяет использовать для статистической обработки результатов параметрические методы.

Для изучения связи между показателями перфекционизма и уровня невротизации мы использовали коэффициент корреляции Пирсона. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1. Взаимосвязи показателей перфекционизма и уровня невротизации на общей выборке

Показатели	ПОС	ПОД	СПП	ОУП	УН
ПОС	1	0,069	0,305*	0,654***	-0,138
ПОД		1	0,207	0,636***	-0,270*
СПП			1	0,750***	-0,352**
ОУП				1	-0,377**
УН					1

Условные обозначения: ПОС — перфекционизм, ориентированный на себя; ПОД — перфекционизм, ориентированный на других; СПП — социально предписанный перфекционизм; ОУП — общий уровень перфекционизма; УН — уровень невротизации; * — уровень значимости 0,05; ** — уровень значимости 0,01; *** — уровень значимости 0,001.

Из таблицы видно, что в общей выборке показатель уровня невротизации отрицательно связан с показателем перфекционизма, ориентированного на других ($r = -0,270$; $p \leq 0,05$), с показателем социально предписанного перфекционизма ($r = -0,352$; $p \leq 0,01$), с показателем общего уровня перфекционизма ($r = -0,377$;

$p \leq 0,01$), т.е. с увеличением названных показателей перфекционизма увеличивается уровень невротизации и наоборот.

Для выявления различий в характере связи между показателями перфекционизма и уровня невротизации в выборках испытуемых с сердечно-сосудистыми и желудочно-кишечными

заболеваниями мы сравнили матрицы интеркорреляций в этих выборках. Результаты представлены в табл. 2, 3.

Из таблицы видно, что в группе с сердечно-сосудистыми заболеваниями показатель уровня невротизации отрицательно связан с показателем социально предписанного перфекционизма ($r = -0,378$; $p \leq 0,05$), т.е. с увеличением уровня социально предписанного перфекционизма увеличивается уровень невротизации, и наоборот.

В группе лиц с желудочно-кишечными заболеваниями обнаружена несколько иная картина: показатель уровня невротизации отрицательно связан с показателем перфекционизма, ориентированного на других ($r = -0,376$; $p \leq 0,05$), и с показателем общего уровня перфекционизма ($r = -0,385$; $p \leq 0,05$), т.е. с увеличением уровня перфекционизма, ориентированного на других, и общего перфекционизма увеличивается уровень невротизации, и наоборот.

Таблица 2. Взаимосвязи показателей перфекционизма и уровня невротизации у лиц с сердечно-сосудистыми заболеваниями

Показатели	ПОС	ПОД	СПП	ОУП	УН
ПОС	1	0,036	0,382*	0,695***	-0,178
ПОД		1	0,204	0,585***	-0,174
СПП			1	0,779***	-0,378*
ОУП				1	-0,356
УН					1

Условные обозначения: ПОС — перфекционизм, ориентированный на себя; ПОД — перфекционизм, ориентированный на других; СПП — социально предписанный перфекционизм; ОУП — общий уровень перфекционизма; УН — уровень невротизации; * — уровень значимости 0,05; ** — уровень значимости 0,01; *** — уровень значимости 0,001.

Таблица 3. Взаимосвязи показателей перфекционизма и уровня невротизации у лиц с желудочно-кишечными заболеваниями

Показатели	ПОС	ПОД	СПП	ОУП	УН
ПОС	1	0,114	0,052	0,539**	0,043
ПОД		1	0,159	0,738***	0,376*
СПП			1	0,621***	0,273
ОУП				1	0,385*
УН					1

Условные обозначения: ПОС — перфекционизм, ориентированный на себя; ПОД — перфекционизм, ориентированный на других; СПП — социально предписанный перфекционизм; ОУП — общий уровень перфекционизма; УН — уровень невротизации; * — уровень значимости 0,05; ** — уровень значимости 0,01; *** — уровень значимости 0,001.

Для изучения особенностей проявления перфекционизма и уровня невротизации в группах испытуемых с сердечно-сосудистыми и желудочно-кишечными заболеваниями использована процедура вычисления с помощью t -критерия Стьюдента. Результаты представлены в табл. 4.

Установлено, что в группе испытуемых с желудочно-кишечными заболеваниями уровень социально предписанного перфекционизма значимо выше, чем в группе испытуемых с сердечно-сосудистыми заболеваниями ($t = -2,24$;

$p = 0,028$). Приближается к уровню значимости и показатель общего уровня перфекционизма ($t = -1,86$; $p = 0,067$), т.е. лица с желудочно-кишечными заболеваниями имеют более высокие показатели общего уровня перфекционизма, чем лица с сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Для изучения различий в проявлении перфекционизма в зависимости от уровня невротизации были выделены крайние группы из общей выборки: 20 человек с высоким уровнем невротизации и 20 человек с низким уровнем

невротизации. Результаты сравнения представлены в табл. 5.

Из таблицы видно, что уровень социально предписанного перфекционизма у испытуемых с высоким уровнем невротизации значимо выше, чем в группе с высоким уровнем невротизации

($t = 2,67$; $p = 0,011$). О тенденции к значимым различиям можно говорить и по показателю общего уровня перфекционизма ($t = 1,95$; $p = 0,058$), т.е. лица с высоким уровнем невротизации характеризуются более выраженными показателями общего уровня перфекционизма.

Таблица 4. Сравнение средних значений показателей перфекционизма и уровня невротизации у лиц с сердечно-сосудистыми (ССЗ) и желудочно-кишечными заболеваниями (ЖКЗ)

Показатели	Среднее группы ССЗ (n = 30)	Среднее группы ЖКЗ (n = 30)	t-критерий Стьюдента	Уровень значимости
ПОС	50,33	52,66	-0,74	0,461
ПОД	45,70	48,26	-0,76	0,450
СПП	53,33	60,73	-2,24	0,028
ОУП	149,36	161,66	-1,86	0,067
УН	-1,93	8,56	-0,91	0,364

Условные обозначения: ПОС — перфекционизм, ориентированный на себя; ПОД — перфекционизм, ориентированный на других; СПП — социально предписанный перфекционизм; ОУП — общий уровень перфекционизма; УН — уровень невротизации.

Таблица 5. Сравнение средних значений показателей перфекционизма у лиц с разным уровнем невротизации

Показатели	Среднее группы с низким УН (n = 20)	Среднее группы с высоким УН (n = 20)	t-критерий Стьюдента	Уровень значимости
ПОС	47,55	52,45	1,57	0,124
ПОД	47,25	47,55	0,07	0,944
СПП	50,05	61,00	2,67	0,011
ОУП	144,85	161,00	1,95	0,058

Условные обозначения: ПОС — перфекционизм, ориентированный на себя; ПОД — перфекционизм, ориентированный на других; СПП — социально предписанный перфекционизм; ОУП — общий уровень перфекционизма; УН — уровень невротизации.

Обсуждение результатов

Выявленные корреляции показателей перфекционизма и уровня невротизации на общей выборке позволяют выдвинуть предположение, повышение перфекционизма сопровождается повышением невротизации личности. Очевидно, стремление человека к установлению чрезвычайно высоких стандартов, для себя, для других, стремление соответствовать высоким стандартам, установленным в обществе, может способствовать развитию различных негативных переживаний (тревожности, напряженности, беспокойства, растерянности, раздражительности), что в свою очередь определяет развитие невротизации личности. А уже на фоне

невротизации личности развиваются различные соматические заболевания.

Различия в характере взаимосвязи показателей перфекционизма и уровня невротизации в группах с различными соматическими заболеваниями позволяют высказать предположение о разной психологической составляющей сравниваемых заболеваний. Так, пациенты с желудочно-кишечными заболеваниями оказываются более невротичными в связи с повышением перфекционизма, ориентированного на других, и общего уровня перфекционизма. Вероятно, проявление требовательности по отношению к окружающим, нетерпимости, нежелание прощать их ошибки, их несовершенство, постоянное оценивание, критика других людей приводит к конфликтам вследствие чрезмерных

требований и ожиданий в адрес окружающих, а также к недостатку близких и доверительных отношений с ними. На этой почве повышается невротизация личности и развиваются различные желудочно-кишечные заболевания.

Лица же с сердечно-сосудистыми заболеваниями характеризуются большей невротизацией в связи повышением уровня социально предписанного перфекционизма. Иными словами, они в большей мере ориентированы на высокие ожидания от них других людей, они стремятся им соответствовать во чтобы то ни стало, они осознают, что соответствовать этим стандартам необходимо, чтобы заслужить одобрение и приятие, избежать негативной оценки, у них складываются конкурентные отношения с людьми из-за сравнений себя с ними. Это может сопровождаться негативными эмоциями (тревога), неадаптивными копинг-стратегиями, что в свою очередь и приводит к повышению уровня их невротизации и развитию на этой почве различных сердечно-сосудистых заболеваний.

Таким образом, мы получили подтверждение предположениям, высказанным в исследованиях и других авторов, что повышение предельно допустимых значений перфекционизма, связанное с повышением уровня невротизации личности, может приводить к невротическому перфекционизму, который сопровождается переживанием негативных эмоций, снижением адаптивности поведения, что затрудняет переработку возможных стрессов и способствует хронификации этого состояния. А это в свою очередь может привести через интегративные церебральные системы к патологическим изменениям в различных системах органов, что и проявляется в различных соматических заболеваниях.

Выводы

Обнаружены различия во взаимосвязи показателей уровня невротизации с показателями перфекционизма в группах лиц с различными соматическими заболеваниями:

1) в группе лиц с сердечно-сосудистыми заболеваниями показатель уровня невротизации связан с показателем социально предписанного перфекционизма: чем выше у них выражен со-

циально предписанный перфекционизм, тем выше уровень их невротизации;

2) в группе лиц с желудочно-кишечными заболеваниями показатель уровня невротизации связан с показателями перфекционизма, ориентированного на других, и общего уровня перфекционизма: чем более выражен перфекционизм, ориентированный на других, и общего уровня перфекционизма, тем выше уровень их невротизации.

Установлены значимые различия в проявлении перфекционизма у лиц с разными соматическими заболеваниями: лица с желудочно-кишечными заболеваниями имеют более высокие значения социально предписанного перфекционизма в сравнении с лицами с сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Обнаружено, что лица с высоким уровнем невротизации имеют более высокие показатели социально предписанного перфекционизма, чем лица с низким уровнем невротизации.

Список литературы

1. *Гаранян Н.Г.* Психологические модели перфекционизма // *Вопр. психологии.* 2009. №5. С. 74–83.
2. *Гаранян Н.Г., Юдеева Т.Ю.* Структура перфекционизма у пациентов с депрессивными и тревожными расстройствами // *Психологический журнал.* 2009. №6. С. 93–103.
3. *Гаранян Н.Г.* Типологический подход к изучению перфекционизма // *Вопр. психологии.* 2009. №6. С. 52–60.
4. *Грачева И.И.* Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // *Психологический журнал.* 2006. №6. С. 72–80.
5. *Малкина-Пых И.Г.* Исследования взаимосвязи самоактуализации и перфекционизма в структуре личности // *Мир психологии.* 2010. №1. С. 208–218.
6. *Малкина-Пых И.Г.* Психосоматика: Справочник практического психолога. М.: Эксмо, 2005.
7. *Соколова Е.Т., Цыганкова П.В.* Перфекционизм и когнитивный стиль личности у лиц, имевших попытку суицида // *Вопр. психологии.* 2011. №2. С. 90–100.
8. *Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г.* Культура, эмоции и психическое здоровье // *Вопр. психологии.* 1999. №2. С. 61–74.

9. Ясная В.А., Ениколопов С.Н. Апробация шкал измерения перфекционизма на российской выборке // Психологическая диагностика. 2009. №1. С. 101–120.
10. Ясная В.А. Перфекционизм: история изучения и современное состояние проблемы // Вопр. психологии. 2007. №4. С. 157–166.
-

FEATURES OF PERFECTIONISM AT PERSONS
WITH VARIOUS SOMATIC DISEASES

Anastasiya G. Feduleeva

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The article is devoted to studying of features of expressiveness of perfectionism and its components at persons with cardiovascular and gastroenteric diseases. Significant distinctions in perfectionism manifestation at persons with different somatic diseases are established: persons with gastroenteric diseases have higher values of socially prescribed perfectionism in comparison with persons with cardiovascular diseases. Distinctions in interrelation of indicators of level of nevrotizatsiya with perfectionism indicators in groups of persons with various somatic diseases are found.

Key words: perfectionism; self-oriented perfectionism; other-oriented perfectionism; socially prescribed perfectionism; level of neurotization.

УДК 159.9:[316.644:331.56]

ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ, ОКАЗАВШЕЙСЯ В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ БЕЗРАБОТИЦЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

А.С. Калугина

Анализируется теоретический конструкт жизненных перспектив личности. Показано, что жизненный путь личности, субъективная картина жизненного пути является одной из фундаментальных проблем психологии. Обосновывается актуальность исследования жизненных перспектив личности в кризисной ситуации потери работы. Кроме того, выдвинуты предположения относительно структуры жизненных перспектив и их места в структуре личности, взаимосвязи со свойствами личности и самоотношением. *Ключевые слова:* жизненный путь; жизненные перспективы; временная перспектива; кризисная ситуация; самоотношение; качества личности; безработица.

Жизненный путь личности, субъективная картина жизненного пути является одной из фундаментальных проблем психологии. Одним из важнейших способов изучения развития личности является анализ жизненного пути с опорой на внутреннюю репрезентацию жизненного пути. Жизненный путь — это процесс, который охватывает прошлое, настоящее и будущее и в ходе которого формируется представление субъекта о своей жизни. В связи с этим выделяется аспект жизненного пути — жизненная перспектива, это целостная картина будущего, ожидаемых событий, несущих ценностно-смысловую нагрузку для личности.

Можно выделить три основных подхода к изучению жизненных перспектив:

1) жизненная перспектива как подсистема мотивационно-потребностной сферы (Ж. Нюттен, В. Ленс, Т. Гисме, З. Залески, А.Г. Шмелев, Л.Д. Демина, И.А. Ральникова, М.Р. Гинзбург, И.С. Кон, А.Г. Шмелев, К.К. Платонов);

2) жизненная перспектива как подсистема ценностно-смысловой сферы (И.С. Кон, Л.Н. Коган, Н.А. Логинова, В. Франкл, Д.А. Леонтьев, К.А. Абульханова-Славская, Т.Н. Березина, Б.С. Братусь, А.А. Кроник, И.В. Дубровина, Е.И. Головаха);

3) жизненная перспектива как часть целостного временного хронотопа, временная пер-

спектива личности (С.Л. Рубинштейн, Ф. Зимбардо, Л.К. Фрэнк, К. Левин, Н.Н. Толстых, В.И. Ковалев, Э. Эриксон, В.Ф. Серенкова).

Разнообразие исследуемых аспектов построения будущего свидетельствует о многогранности и сложности этого явления.

Вместе с тем понять личность, а следовательно, ее жизненные перспективы вне конкретной ситуации невозможно. Среди отечественных авторов, занимавшихся изучением взаимодействия личности и трудных жизненных ситуаций, можно назвать Б.С. Братуся, Л.Ф. Бурлачука, Е.Ю. Коржову, Ф.Е. Василюка, Е.Е. Данилову, К. Муздыбаева, М. Тышкову и других. Среди зарубежных — К. Левина, Л. Росса, Р. Нисбетта и др.

Интерес к данной проблеме вызван еще и тем, что постоянно меняющаяся политическая и экономическая ситуация в России, трансформационные процессы в современном российском обществе сопровождаются изменениями в объеме и структуре занятости населения. В современных условиях человеку приходится сталкиваться с большим числом трудных ситуаций, преодоление которых оказывает влияние на дальнейшую жизнь и нормальное функционирование личности в социуме. Одной из таких трудных жизненных ситуаций является потеря работы. Таким образом, потерю работы,

смену рабочего места, обретение стабильной работы можно расценивать как значимые поворотные события в жизни личности.

В свете вышесказанного возникает ряд закономерных вопросов: являются ли черты личности одним из ключевых факторов, определяющих формирование позитивной жизненной перспективы и успешное преодоление кризисной ситуации безработицы? Возможно ли, изучив представления личности о собственных жизненных перспективах, прогнозировать эффективность преодоления кризисной ситуации? Можем ли мы на основе изучения взаимосвязи черт личности с жизненными перспективами и самоотношением создать психокоррекционную программу, которая позволила бы сформировать позитивную картину жизненной перспективы, а также способствовала бы успешному преодолению кризиса безработицы?

Анализ литературы показал, что, несмотря на большой интерес к проблеме жизненных перспектив различных групп людей, их формирование практически не изучаются в контексте кризиса занятости. Хотя, на наш взгляд, они имеют значительное влияние на поиск работы, построение дальнейшего жизненного пути и самореализацию.

Так, Е.Н. Сенаторовой [26] отмечается преобладание индивидуально-потребительского типа восприятия жизненных перспектив, установка на личное потребление и адаптацию к ситуации; стратегия выживания в противовес стратегии развития у неработающих женщин. М.А. Бендюковым [6] был определен комплекс индивидуально-психологических особенностей, характеризующих личность в кризисный период потери работы и определяющих динамику и исходы кризисного периода безработицы. Автором теоретически и экспериментально обоснована необходимость изучения личности в период кризиса занятости. Описан комплекс индивидуально-психологических особенностей, к числу которых относятся следующие: психоэмоциональное состояние и динамика эмоциональных переживаний; структура ценностных ориентаций и мотивации личности; особенности системы отношений к различным аспектам кризисной ситуации занятости; черты личности; особенности поведения безработных в кри-

зисе занятости. Изучались акцентуации характера безработных. Выяснилась вероятность потери работы человеком с той или иной акцентуацией, были определены личностные черты, детерминирующие динамику и исход кризиса занятости, а также механизмы, обеспечивающие конструктивное разрешение профессионального кризиса у безработных.

В ряде работ социологов доказано влияние состояния безработицы на уровень жизни, самооценку, настроение человека, на отношения с окружающей социальной средой [31; 8; 16; 33]. Подробно изучались копинг-стратегии безработных [22; 34]; выявлен репертуар стратегий и типов копинг-поведения в ситуации потери работы и влияние личностных качеств на них. Уточнено представление о ситуации потери работы как ненормативном кризисе профессионального становления, раскрыты специфические особенности данной ситуации. Конкретизирована роль качеств личности в процессе совладания со стрессом, вызванным потерей работы.

В работе И.А. Петровой [21] рассматривается проблема психологических эффектов попадания личности в условия неопределенной жизненной ситуации (на примере ненадежной работы), прохождения и преодоления ее. В.В. Манукян [18] исследовала субъективную картину жизненного пути в кризисные периоды. С.С. Степановой [28] определены личностные факторы, раскрыты гендерные различия успешного и неуспешного трудоустройства.

Достаточно много работ, посвященных изучению жизненных стратегий, планов в юношеском возрасте [5; 13; 4; 27].

В ряде концепций понятие «жизненная перспектива» рассматривается как синоним понятия «временная перспектива». Временная перспектива является интегральной характеристикой, связывающей настоящее, прошлое и будущее в сознании человека [1; 2; 4; 11; 17; 25; 29]. Она играет значительную роль в организации деятельности и жизни в целом.

Изучается временная перспектива лиц, находящихся в местах лишения свободы [7]; особенности временной перспективы пожилых людей [28], людей, с соматическими заболева-

ниями [20; 3], а также людей, переживших тяжелые стрессовые ситуации [12; 15; 20; 23; 24].

Вместе с тем представляется недостаточно изученной структура жизненных перспектив и их место в структуре личности, взаимосвязь со свойствами личности и самоотношением как компонентом самосознания.

Отношение к себе и отношение к жизни в целом являются компонентами сложной системы отношений, характеризующей личность в целом. Отношение человека к самому себе является одной из важнейших детерминант саморазвития и самоосуществления. Самоотношение человека в значительной степени определяет оценку окружающей действительности, формирование представлений о мире и себе самом, обеспечивает прогнозирование своей социальной эффективности и отношений к себе окружающих, оказывает влияние на процессы самоактуализации, самосовершенствования, самореализации.

По нашему мнению, кризисная ситуация безработицы может привести к изменению структуры самоотношения личности и тем самым повлиять на видение себя и своей жизни в будущем. В то же время это связано с самой личностью, с ее особенностями, прошлым опытом и системой отношений.

Ж. Нюттен отмечает, что «влияние временной перспективы на актуальное поведение — это главная проблема теории и исследований в области психологического времени» [19]. В нашем исследовании мы предполагаем, что перспектива будущего как составная часть временной перспективы, восприятие собственных жизненных перспектив и установка по отношению к будущему также имеет большое влияние на актуальное поведение личности в ситуации кризиса занятости.

Таким образом, **актуальность темы исследования** определяется необходимостью изучения жизненных перспектив личности в кризисной ситуации потери работы; потребностью исследовать личность, ее сущностные характеристики и потенциал в контексте кризисной ситуации; существованием неисследованных сторон феномена жизненных перспектив и их взаимосвязи с особенностями личности и самоотношением; необходимостью построения

программы выхода из кризисной ситуации безработицы и построения адаптивной картины жизненных перспектив.

Результаты исследований М.А. Бендюкова показывают, что для конструктивного разрешения кризиса занятости многим индивидам необходима психологическая помощь и сопровождение, понимаемое как комплекс мероприятий, обеспечивающих активизацию субъектности безработного индивида и поддержку принятия оптимальных решений в ситуации жизненного выбора.

Эмпирической проверке будет подвергнута гипотеза о том, что жизненные перспективы связаны с особенностями личности и самоотношением и способствуют либо препятствуют выходу из кризисной ситуации безработицы, а также то, что факторы возраста и пола влияют на содержание жизненных перспектив в ситуации кризиса безработицы.

Теоретико-методологической основой исследования выступают: психологическая теория личности и деятельности А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна, концепция «субъектогенеза» А.В. Брушлинского, концепция личности как субъекта жизнедеятельности К.А. Абульхановой-Славской, теория кризисов психического развития (Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова, Л.И. Божович, Л.С. Выготский, Ф.Е. Василюк, А.Н. Леонтьев, В.И. Слободчиков, Д.Б. Эльконин и др.), ситуационный подход к анализу поведения личности (А.Ф. Коган, Л.Ф. Бурлачук, А. Первин, К. Левин, Л. Росс, Р. Нисбетт, Р. Баркер, Дж. Форгас, Д. Магнуссон), событийно-биографический подход к анализу жизнедеятельности (Б.Г. Ананьев), концепция отношений личности (В.Н. Мясищев, А.Н. Леонтьев, Н.И. Сарджвеладзе).

В качестве методов исследования используются:

1. Теоретический анализ и обобщение данных научной литературы.
2. Биографический метод (опрос-анкета, разработанная Б.Г. Ананьевым). Используется нами как дополнительный источник для получения информации о целостном жизненном пути личности.

3. Экспериментально-психологические методы:

1) опросник ZPTI (Zimbardo Time Perspective Inventory), разработанный американскими психологами под руководством профессора Стэнфордского университета Филиппа Зимбардо. Опросник включает в себя следующие пять измерений: ориентация на будущее, гедонистическое и фаталистическое настоящее, позитивное и негативное отношение к прошлому. Кроме этого, авторы предлагают оценивать степень сбалансированности временной перспективы. Сбалансированность предполагает умеренно высокую выраженность ориентации на будущее, гедонистическое настоящее и позитивное прошлое и умеренно низкую ориентацию на фаталистическое настоящее и негативное прошлое [35]. Перевод на русский язык и адаптация методики была осуществлена А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой, О.В. Митиной [30]. При исследовании психометрических свойств русскоязычной версии опросника авторы получили практически полное воспроизведение факторной структуры оригинала, а также доказали конвергентную и дискриминантную валидность;

2) методика мотивационной индукции Ж. Нюттена МММ (вариант Д.А. Леонтьева). В основе ММИ лежит техника изучения временной перспективы будущего. Метод сконструирован по типу проективного, состоит из 40 мотивационных индукторов в форме незаконченных предложений. Все начала предложений сформулированы в первом лице единственного числа, что позволяет испытуемым спонтанно адресовать индуктор к самому себе. Используемый в индукторе глагол всегда выражает склонность, усилие, намерение, импульс и т.п. Испытуемые завершают каждый индуктор и, делая это, формулируют объекты, которые их мотивируют. В данном варианте метода списки негативных и позитивных индукторов объединены в одно целое.

При интерпретации ответов используется специальная система категорий.

Коды временной перспективы:

– личность субъекта (мотивация, относящаяся к целостности личности и к отдельным ее характеристикам);

– самореализация;
 – активность и работа;
 – социальный контакт (поведение по отношению к другим);
 – познавательная и исследовательская мотивация;
 – трансцендентальные объекты (философские, религиозные и экзистенциальные проблемы);
 – обладание (приобретение, совершение покупок, владение собственностью — особый способ взаимодействия с объектами);
 – досуговая активность, отдых, удовольствия;

3) тест смысловых ориентаций (СЖО) (в адаптации Д.А. Леонтьева) мы применяем для тестирования одного из основных компонентов жизненной перспективы — ценностно-смыслового. Тест смысловых ориентаций является адаптированной Д.А. Леонтьевым версией теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Джеймса Крамбо и Леонарда Махолика. Характеризует наличие или отсутствие в жизни испытуемого целей в будущем, удовлетворенность или неудовлетворенность своей жизнью в настоящем, удовлетворенность или неудовлетворенность прожитой жизнью. Методика была разработана авторами на основе теории стремления к смыслу и логотерапии Виктора Франкла. «Цель в жизни», которую диагностирует методика, определяется как переживание индивидом онтологической значимости жизни. Опросник состоит из 20 пунктов и включает следующие шкалы: цель, процесс, результат, локус контроля — Я, локус контроля — жизнь;

4) морфологический тест жизненных ценностей (В.Ф. Сопов и Л.В. Карпушина). Данная методика возникла как результат использования и дальнейшего усовершенствования методики И.Г. Сенина. Опросник направлен на изучение индивидуальной системы ценностей человека с целью лучшего понимания смысла его действия или поступка. Основным диагностическим конструктом МТЖЦ являются терминальные ценности. Под термином «ценность» авторами понимается отношение субъекта к явлению, жизненному факту, объекту и субъекту и признание его как важного, имеющего жиз-

ненную важность. Тест состоит из 112 утверждений, каждое из которых испытуемому необходимо оценивать по 5-балльной системе. С помощью этой методики мы сможем определить ценности людей, находящихся в ситуации кризиса занятости. Это важно для дальнейшей оценки представления о жизненной перспективе, поскольку ценности являются «специфической формой смысловых образований в личностных структурах» [9], а понимание смысла позволяет человеку определенным образом планировать и строить перспективу в будущем;

5) пятифакторный личностный опросник «Большая пятерка». Выбор пятифакторной модели личности обосновывается тем, что накоплены доказательства существования и устойчивости базовых факторов личности, входящих в эту модель [32]. Опросник разработан американскими психологами Р. Мак-Крей и П. Коста в 1983–1985 гг. В последующем опросник совершенствовался и в окончательном виде в 1992 г. представлен тестом NEO PI. Современные персонологи считают, что в рамках пятифакторной модели (экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм, открытость опыту) можно в полной мере охарактеризовать личность [14];

б) опросник самооотношения, разработан В.В. Столиным и С.Р. Пантлеевым в 1985 г. Построен в соответствии с разработанной В.В. Столиным иерархической моделью структуры самооотношения [10]. Опросник содержит 62 пункта в виде утверждений и включает следующие шкалы: Шкала S — измеряет интегральное чувство «за» или «против» собственного «Я» испытуемого; Шкала I — самоуважение; Шкала II — аутосимпатия; Шкала III — ожидание положительного отношения от других; Шкала IV — самоинтерес.

Опросник содержит также семь шкал, направленных на измерение выраженности установки на те или иные внутренние действия в адрес «Я» испытуемого: самоуверенность, отношение других, самопринятие, саморуководство, самопоследовательность, самообвинение, самоинтерес, самопонимание.

Для обработки данных используются математико-статистические методы из пакета прикладных программ статистической обработки

Statistica 6.0. Обработка и анализ включают методы описательной статистики. Достоверность различия определяется с помощью Т-критерия Стьюдента и дисперсионного анализа. Корреляционный дизайн представлен методами корреляционного, факторного и регрессионного анализов.

В качестве экспериментальной группы выступают клиенты службы занятости населения Пермского городского центра занятости. В качестве контрольной группы выступают люди, отобранные случайным образом и имеющие постоянную работу и субъективно оценивающие ее как стабильную.

На основе полученных данных представляется возможным разработать коррекционную программы для безработных граждан, направленная на формирование у них позитивной жизненной перспективы и преодоление кризиса безработицы.

Таким образом, при помощи вышеперечисленных методов тестирования, опроса и математико-статистической обработки данных нами решается исследовательский вопрос о том, как взаимосвязаны жизненные перспективы личности с качествами личности и самоотношением. Имеется ли влияние качеств личности и самоотношения на формирование тех или иных жизненных перспектив. На основании проведенного исследования мы отвечаем на следующие вопросы: являются ли черты личности одним из ключевых факторов, определяющих формирование позитивной жизненной перспективы и успешное преодоление кризисной ситуации безработицы? Возможно ли, изучив представления личности о собственных жизненных перспективах, прогнозировать эффективность преодоления кризисной ситуации?

Список литературы

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Бейнарлович К.К. Особенности временной перспективы у слабовидящих подростков // Казанская Наука. 2011. №6. С. 65–72.

4. *Белановская О.В.* Временная перспектива жизненных планов в юношестве // Проблемы социальной психологии личности, 2008. СГУ (Саратов). URL: http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30275.shtml (дата обращения: 28.12.2013).
5. *Белугина М.А.* Психологическое содержание жизненных стратегий в юношеском возрасте: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Ярославль, 2009.
6. *Бендюков М.А.* Психология профессионального кризиса у безработных: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.03. СПб., 2009.
7. *Бовин Б.Г., Славинская Ю.В.* Типология временных перспектив осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы // Человек: преступление и наказание. 2011. №4(75). С. 110–114.
8. *Бойков В.Э.* Россия: десять лет реформ // Социологические исследования. 2001. №7. С. 30–38.
9. *Будинайте Г.Л., Корнилова Т.В.* Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта // Вопросы психологии. 1993. №3. С. 99–105.
10. *Глуханюк Н.С.* Практикум по психодиагностике: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2005.
11. *Головаха Е.И.* Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности. URL: http://bookap.info/genpsy/kulikov_psihologiya_lichnosti_v_trudah_otechestvennyh_psihologov/g139.shtml (дата обращения: 20.11.2012).
12. *Гурова О.С.* Психологические особенности субъективных представлений о жизненных перспективах участников локальных войн: дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2004.
13. *Демина И.А.* Изучение жизненных перспектив старшеклассников в контексте субъективной картины жизненного пути: дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
14. *Князев Г.Г.* Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов “Большой пятерки”» // Психологический журнал / ред. А.Л. Журавлев. 2010. Т.31. №5. С. 100–110.
15. *Куликова Т.Ф.* Психологическое содержание кризиса середины жизни работающей женщины: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Краснодар, 2004.
16. *Латин Н.И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования. 2003. №6. С. 78–87.
17. *Левин К.* Динамическая психология: Изб. тр. / под общ. ред. Д.А. Леонтьева и Е.Ю. Патяевой; [сост., пер. с нем. и англ. яз. и науч. ред. Д.А. Леонтьева, Е.Ю. Патяевой]. М.: Смысл, 2001.
18. *Манукян В.В.* Субъективная картина жизненного пути и кризисы взрослого периода: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Санкт-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2003.
19. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспективы будущего/ под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.
20. *Павлова Е.В., Симонова П.П.* Изменения временной перспективы у пациентов в кризисных состояниях // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. Т.95. №4. С. 225–231.
21. *Петрова И.А.* Психологические эффекты пребывания личности в неопределенной жизненной ситуации: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Краснодар, 2011.
22. *Прихидько А.И.* Когнитивные факторы совладающего поведения безработных // Психологический журнал. 2001. Т.22. №2. С. 109–112.
23. *Ральникова И.А.* Перестройка системы жизненных перспектив человека на этапе переломных событий: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012.
24. *Ральникова И.А.* Рефлексивно-личностная детерминация становления жизненных перспектив личности на переломных этапах жизненного пути // Мир науки, культуры, образования. 2009. №5. С. 284–287.
25. *Савлакова Н.М.* Временная перспектива личности: теоретический анализ проблемы // Философия и социальные науки. 2010. №3. С. 18–24.
26. *Сенаторова Е.Н.* Регулирование жизненных стратегий неработающих женщин в провинциальных городах Центрально-Черноземного региона: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Белгород. 2005.
27. *Сова Ю.И.* Смысловая саморегуляция жизнестойкого отношения студента к кризисным ситуациям: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. Тамбов, 2009.
28. *Степанова С.С.* Личностные факторы успешности трудоустройства безработных: дис. ... канд. психол. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2008.
29. *Сурикова Я.А.* Особенности временной перспективы пожилых, проживающих в условиях социальной изоляции // Личность в экстремальных условиях. Вып.2 : сб. науч. тр.: в 2 ч. / науч. ред. А.В. Серый, М.С. Яницкий; под общ. ред. А.А. Бучек, Ю.Ю. Неяскиной, М.А. Фризен; КамГУ им. Витуса Беринга. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. Ч.2. С. 90–97.
30. *Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В.* Адаптация опросника временной перспективы лич-

- ности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т.29. №3. С. 101–109.
31. *Тощенко Ж.Т.* Социология труда: Опыт нового прочтения. М., 2005.
32. *Фернхем А., Хейвен П.* Личность и социальное поведение. СПб.: Питер, 2001.
33. *Чернина Н., Глазкова С.* Самочувствие безработных на рынке труда // Человек и труд. 1993. №12. С. 27–30.
34. *Шагарова И.В.* Личностные детерминанты и типы копинг-поведения в ситуации потери работы: дис. ... канд. психол. наук, 19.00.03, 19.00.05. Омск, 2007.
35. *Zimbardo P.G. & Boniwell I.* Balancing One's Time Perspective in Pursuit of Optimal Functioning // Positive psychology in practice. Hoboken, NJ: Wiley, 2004.
-

PERSON'S LIFE PROSPECTS IN CRISIS SITUATION OF UNEMPLOYMENT:
STATEMENT OF A PROBLEM

Anna S. Kalugina

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Article analyzes the theoretical construct of person's life prospects. It is shown that the personality's course of life, subjective picture of course of life is one of the fundamental problems of psychology. The article substantiates actuality of research of person's life prospects in crisis situation of losing a job. In addition, we advanced some hypotheses about the structure of life prospects and their place in the structure of personality, correlation with person's properties and self-concept.

Key words: course of life; life prospects; time perspective; crisis situation; self-concept; personality's qualities; unemployment.

УДК 159.9

СВЯЗЬ КАЧЕСТВА СНА ЧЕЛОВЕКА И МОТИВАЦИИ, ОРГАНИЗУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А.А. Баталин

Автор полагает, что состояние сна различается у лиц, занимающихся различными видами деятельности. В связи с этим в данном исследовании рассматривается взаимосвязь состояния сна с мотивацией, организующей деятельность.

Ключевые слова: сон; мотивация; деятельность.

Целью нашей работы является изучение влияния личностных особенностей человека на качество его сна. Человек проводит в состоянии сна около трети своей жизни. Люди привыкли считать сон периодом спокойствия и бездействия. Сон — состояние, влияющее на все стороны повседневной жизни. От него зависят здоровье, настроение, поведение, эмоции, профессиональная деятельность человека. Во время сна происходит восстановление затраченных энергетических ресурсов.

Сон достаточно хорошо изучен физиологами. А.М. Вейн определял сон как периодически возникающее функциональное состояние человека со специфическими поведенческими проявлениями в вегетативной и моторной сферах. Это состояние характеризуется значительной обездвиженностью и отключенностью от сенсорных воздействий внешнего мира [2].

Предметом психологических исследований сон стал сравнительно недавно; в частности можно отметить работы таких авторов конца XX – начала XXI вв.: P. Salkovskis, D. Wegner, C. Espie, F. Watts, M. Coyle, M. East, A. Harvey и др. В исследованиях российских ученых [6] были выявлены связи между показателями состояния сна и психологическими явлениями. Так, у лиц, занимающихся различными видами деятельности, наблюдаются различия в показателях качества состояния сна. Были обнаружены различия в качестве сна у лиц, чья деятельность, работа связаны с риском, и тех людей, чья деятельность не связана с риском [9]. Р.А. Баталин на выборке студентов Пермского университета показал, что качество сна студен-

тов во время сессии значительно выше качества сна в течение семестра: во время сессии гораздо быстрее и легче происходит засыпание, существенно реже наблюдается просыпание среди ночи, реже возникают проблемы дыхания во время сна, дискомфорт в постели во время сессии у студентов также ниже, чем в течение семестра. Респонденты указывали на пониженную необходимость контроля за мыслями при засыпании во время сессии [1].

Мотивация является системообразующим фактором личности человека. Поэтому закономерно предположить, что качество его сна должно быть связано по крайней мере с некоторыми аспектами мотивационной сферы. Нами выдвинуто предположение о том, что различные аспекты мотивации, организующие деятельность: мотивация к успеху, мотивация избегания неудач, мотивация к риску — могут оказывать влияние на качество сна.

Впервые термин «мотивация» употребил в своей статье А. Шопенгауэр. Проблемой мотивации, как и проблемами сна, занимаются не только психологи, но и философы и физиологи, и в настоящий момент имеется более пятидесяти различных теорий мотивации.

В настоящее время мотивация как психическое явление трактуется по-разному. В одном случае — как совокупность факторов, поддерживающих и направляющих, т.е. определяющих поведение [4], в другом случае — как побуждение, вызывающее активность организма и определяющее ее направленность [8]. Кроме того, мотивация рассматривается как процесс психической регуляции конкретной деятельно-

сти [5], как процесс действия мотива и как механизм, определяющий возникновение, направление и способы осуществления конкретных форм деятельности, как совокупная система процессов, отвечающих за побуждение и деятельность [3].

В ряде работ «мотив» рассматривается только как интеллектуальный продукт мозговой деятельности. Так, Ж. Годфруа [4] пишет, что «мотив» — это соображение, по которому субъект должен действовать. Еще более резко говорит Х. Хекхаузен: это лишь «конструкт мышления», т.е. теоретическое построение, а не реально существующий психологический феномен. Неудивительно, что в его 2-томной монографии за мотив принимаются либо потребность (потребность во властвовании, называемая им «мотивом власти»; потребность в достижении — «мотив достижения»), либо личные диспозиции (тревожность и др.), либо внешние и внутренние причины того или иного поведения (оказание помощи, проявление агрессии) [10].

Мотив — это материальный или идеальный предмет, достижение которого выступает смыслом деятельности. Мотив представлен субъекту в виде специфических переживаний, характеризующихся либо положительными эмоциями от ожидания достижения данного предмета, либо отрицательными, связанными с неполнотой настоящего положения. Для осознания мотива требуется внутренняя работа.

В качестве мотива назывались самые различные психологические феномены, такие как:

1. Намерения, представления, идеи, чувства, переживания (Л.И. Божович).
2. Потребности, влечения, побуждения, склонности (Х. Хекхаузен).
3. Желания, хотения, привычки, мысли, чувство долга (П.А. Рудик).
4. Морально-политические установки и помыслы (Г.А. Ковалев).
5. Психические процессы, состояния и свойства личности (К.К. Платонов).
6. Предметы внешнего мира (А.Н. Леонтьев).
7. Установки (А. Маслоу).
8. Условия существования (К. Вилюнас).
9. Побуждения, от которых зависит целенаправленный характер действий (В.С. Мерлин).

10. Соображение, по которому субъект должен действовать (Ж. Годфруа).

Тем не менее большинство психологов сходятся на том, что чаще всего мотив — это либо побуждение, либо цель (предмет), либо намерение, либо потребность, либо свойство личности, либо ее состояние [10].

Мотив — одно из ключевых понятий психологической теории деятельности, разработавшейся советскими психологами А.Н. Леонтьевым и С.Л. Рубинштейном. Наиболее простое определение мотива найдем в рамках именно этой теории: «Мотив — это отмеченная потребность» [7].

Учитывая важность качества сна для жизнедеятельности человека и неразработанность проблемы сна в психологии, мы посчитали необходимым провести собственное исследование.

Автор исходит из гипотезы, согласно которой существует зависимость между качеством сна и мотивами, организующими деятельность: мотивом достижения успеха, мотивом избегания неудач, мотивом поиска одобрения и мотивом риска.

Актуальность исследования, на наш взгляд, определяется важностью качества сна для жизнедеятельности человека и неразработанностью проблемы сна в психологии. Новизна исследования состоит в том, что впервые в российской психологии изучаются взаимозависимости мотивационной сферы человека и его сна. Сон и его качество рассматриваются как психологические феномены.

Сбор данных проводился в январе–феврале 2012 г. Для обработки данных был применен корреляционный анализ Пирсона. В исследовании приняли участие 60 жителей города Перми в возрасте от 25 до 65 лет. Среди респондентов были журналисты, преподаватели, инженеры, менеджеры, администраторы, а также представители некоторых других профессий. Большинство респондентов имеет высшее образование, реже — неоконченное высшее или среднее специальное образование. К выполнению тестовых заданий опрашиваемые приступали охотно, с намерением предоставить достоверный материал.

При проведении настоящего исследования использовано шесть методик: «Оксфордский

опросник по качеству сна» Э. Харвей, Методика диагностики степени готовности к риску А.М. Шуберта, Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса, Методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса, «Оценка потребности в одобрении» Д. Марлоу, «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка.

Адаптация **«Оксфордского опросника качества сна»** проводилась на кафедре общей и клинической психологии ПГНИУ в рамках программы сотрудничества университетов городов Перми и Оксфорда. Этот опросник состоит из четырех частей и шести шкал. Каждая из частей ориентирована на сбор специфической информации о том или ином аспекте, который может влиять на качество сна человека.

Первая часть включает вопросы, касающиеся обычного сна испытуемых в течение последнего месяца (время пробуждения; время отхода ко сну; время, необходимое для того, чтобы заснуть; количество часов ночного сна и т.д.). Ответы на данные вопросы позволяют исследователям получить информацию о состоянии сна респондентов в течение большей части дней и ночей за последний месяц.

Вторая часть — опросник по расстройствам сна. В этой части содержится 14 утверждений. Участникам исследования предлагается оценить каждое утверждение по пятибалльной шкале в соответствии с их обычным сном (1 — «никогда», 2 — «редко», 3 — «время от времени», 4 — «часто», 5 — «очень часто»).

Третья часть — опросник по контролю за мыслями (мысли о прошедшем или завтрашнем дне, мысли о текущих проблемах, мысли о стрессах на работе или дома и т.д.). В опроснике перечислено 43 приема, используемых для такого контроля. Испытуемым предлагается внимательно прочитать каждое утверждение и отметить, как часто они используют эти способы.

Четвертая часть — опросник для оценки представлений о том, сколько необходимо сна для полноценной жизни, а также какова роль тревоги и наблюдения в этом сложном процессе.

Вопросы, размещенные в четырех перечисленных частях, касаются шести параметров, влияющих на качество сна:

1) предпринятое подавление — силы, затраченные на подавление мыслей, которые мешают уснуть. Здесь важным является длительность сна и отношение к нему испытуемого;

2) чуткость сна — это нарушения именно состояния сна, а не только процесса засыпания. Здесь имеет место сам процесс сна и то, что этому процессу мешает (пробуждения среди ночи, необходимость пойти в ванную, плохие сновидения и т.д.);

3) чувство высыпания — то, насколько бодро человек чувствует себя при пробуждении. Кроме того, эта шкала отражает некоторые проблемы, возникающие в стадии бодрствования, связанные с бессонницей (сонливость в течение дня, проблемы в выполнении своей работы и т.д.);

4) качество сна — это субъективная оценка испытуемым своего сна в целом;

5) беспокойство — частота возникновения мыслей, сопровождающих процесс засыпания;

6) дискомфорт — эта шкала показывает, насколько важен для человека комфорт как в период засыпания, так и в период самого сна (насколько тяжело расслабиться, удобство постели, напряженность в течение всего сна и т.д.).

Методика диагностики степени готовности к риску А.М. Шуберта. Методика позволяет оценить особенности поведенческих реакций человека в ситуациях, сопряженных с рисками, неожиданностями, требующих нарушения установленных норм, правил. Эту методику рекомендуется использовать при подборе лиц, пригодных для работы в условиях, связанных с риском, она может быть использована также с целью прогнозирования деятельности управляющего, работников военных ведомств, служб чрезвычайных происшествий, катастроф и т.п.

Тест состоит из 25 вопросов, на каждый из которых предлагается дать один из пяти предлагаемых вариантов ответов: от полного согласия до уверенного «нет». Результат анкетирования определяется согласно набранным баллам, на основании которых выносится заключение о склонности человека к рискованному поведению.

Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач (тест Т. Элерса) предназначена для диагностики мотивационной направленности личности на из-

бегание неудач. Стимульный материал представляет собой список слов из 30 строк по 3 слова в каждой строке. В каждой строке испытуемому необходимо выбрать только одно из трех слов, которое наиболее точно его характеризует. Степень выраженности мотивации к успеху оценивается количеством баллов, совпадающих с ключом. Результат теста «Мотивация к избеганию неудач» следует анализировать вместе с результатами таких тестов, как «Мотивация к успеху», «Готовность к риску».

Методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса предназначена для диагностики мотивационной направленности личности на достижение успеха. Стимульный материал представляет собой 41 утверждение, на которые испытуемому необходимо дать один из двух вариантов ответов — «да» или «нет». Тест относится к моношкальным методикам. Степень выраженности мотивации к успеху оценивается количеством баллов, совпадающих с ключом. Результат теста «Мотивация к успеху» следует анализировать вместе с результатами таких тестов, как «Мотивация к избеганию неудач», «Готовность к риску».

Оценка потребности в одобрении Д. Марлоу. Стимульный материал представляет собой 20 утверждений, на которые испытуемому необходимо дать один из двух вариантов ответов — «да» или «нет». Методика позволяет определить косвенную меру потребности человека в одобрении других людей. Чем выше эта потребность, тем больше поведение испытуемого, по крайней мере на вербальном уровне, соответствует одобряемому образцу. Такие люди не возражают против неинтересной работы, сдерживают свои агрессивные реакции, в целом более конформны, податливы социальным воздействиям. Они отличаются повышенной потребностью в общении.

«Самооценка психических состояний» Г. Айзенка. Методика предназначена для диагностики таких психических состояний, как тревожность, фрустрация, агрессивность, ригидность. Состоит из сорока вопросов, подразделенных на четыре группы.

Полученные результаты

В исследовании было выявлено, что в среднем для засыпания респондентам требуется 16,4

минуты, время сна — 7,1 часа, время сна, необходимое для успешной и производительной работы, — 8,1 часа, время беспокойства перед сном — 15,78 минуты. Их сон характеризуется (данные, полученные с помощью «Оксфордского опросника качества сна») следующими показателями (Средние значения):

«Дискомфорт» — 9,35.

«Предпринятое подавление» — 9.

«Беспокойство» — 25,9.

«Чуткость сна» — 4,6.

«Чувство высыпания» — 7,64.

«Качество сна» — 4,95.

Средняя готовность респондентов к риску — 5,11, мотивация к избеганию неудач — 16,56, мотивация к успеху — 17, потребность в одобрении — 7,93 (табл. 1).

В результате корреляционного анализа выявлены связи между мотивацией к успеху и качеством сна (субъективная оценка испытуемым своего сна в целом) (0,28), подавлением мыслей, возникающих перед засыпанием, (0,29), и беспокойством во время сна (0,29) (табл. 4). Другими словами, чем более у человека выражен мотив достижения успеха, тем выше он оценивает качество своего сна, тем больше подавляет мысли в процессе засыпания и тем больше его беспокойство в процессе сна. Можно охарактеризовать это состояние как состояние общей активированности системы саморегуляции. Мотив достижения успеха подталкивает человека к активной деятельности, он тратит много сил на ее осуществление, постоянно держит на контроле процесс достижения результатов, что отражается и на сне — требуется больше усилий, чтобы подавить мысли в процессе засыпания, даже в процессе сна человек испытывает беспокойство, но общая оценка сна — высокая: сон приносит «заслуженный» отдых, восстанавливает затраченные силы.

Между другими мотивами и параметрами сна значимых корреляционных связей не обнаружено. Наша гипотеза подтвердилась частично.

Считаем необходимым привести здесь другие полученные данные, которые не работают на основную цель исследования, но могут в более широком контексте характеризовать систему саморегуляции человека.

Обнаружена связь количества времени, необходимого для засыпания, со временем беспокойства, дискомфортом, подавлением мыслей, беспокойством и чуткостью сна (табл. 2, 3). Другими словами, процесс засыпания длится тем дольше, чем выше психическое напряжение, проявлениями которого являются беспокойство, дискомфорт, усилия, предпринимаемые для подавления мыслей в этот момент. Мотивация к избеганию неудач связана с такими психическими состояниями, как тревожность, фрустрация и ригидность, т.е. сконцентрированность на деятельности по предотвращению нежелательных последствий, человек «попадает» в порочный круг негативных психических состояний — тревожности, фрустрации, ригидности, которые в свою очередь начинают поддерживать мотивацию избегания неудач. С другой стороны, потребность в одобрении характеризуется обратной зависимостью от тревожности, фрустрации, агрессивности и ригидности, что можно проинтерпретировать следующим образом: ориентация в своем поведении на другого человека, людей в целом, поиск и желание заслужить одобрение снижают уровень тревоги и агрессии, делают человека менее ригидным и толерантным к фрустрации. Между психическими состояниями тревожности, фрустрации, агрессивности и ригидности были обнаружены прямые связи, что позволяет говорить о психическом состоянии как некотором целостном образовании.

С помощью коэффициента корреляции Пирсона были обнаружены также обратные связи между большинством рассматриваемых аспектов мотивации, но в то же время обнаружена прямая связь между готовностью к риску и мотивацией к успеху (табл. 4). Чем выше мотив достижения, тем выше готовность к риску. Возвращаясь к нашей основной гипотезе, можно сказать, что мотивация к риску опосредованно связана с параметрами сна, поддерживает мотивацию достижения успеха.

Из всех рассматриваемых в данной работе аспектов мотивации связь с качеством сна проявилась только в мотивации к успеху.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Мотивация к избеганию неудач связана с такими психическими состояниями, как тревожность, фрустрация и ригидность.

2. Потребность в одобрении проявляет обратную зависимость от тревожности, фрустрации, агрессивности и ригидности.

3. Между психическими состояниями тревожности, фрустрации, агрессивности и ригидности была обнаружена прямая зависимость.

4. Существует связь между временем, необходимым для засыпания, и временем беспокойства, дискомфортом, подавлением мыслей, беспокойностью и чуткостью сна.

5. Существует обратная зависимость между большинством рассматриваемых аспектов мотивации, однако между готовностью к риску и мотивацией к успеху обнаружена прямая зависимость.

6. Основной вывод — существует связь мотивации к успеху с качеством сна (субъективная оценка испытуемым своего сна в целом), подавлением мыслей, возникших перед засыпанием и беспокойством во время сна.

Проделанная работа позволила обнаружить, что зависимость состояния сна от аспектов мотивации существует. Наше исследование проводилось на здоровых испытуемых и выявляет самые общие закономерности. Перспективой изучения взаимосвязей мотивации и качества сна человека является изучение различных клинических групп, например лиц, перенесших психическую травму, лиц, страдающих бессонницей, лиц с патологической мотивацией. Такого рода исследования помогли бы обнаружить психические механизмы регуляции сна человека.

Список литературы

1. *Борисова С.Н.* Сон как психическое явление // Будущее клинической психологии. 2008. Вып.2. С.9–16.
2. *Вейн А.М., Хект К.* Сон человека. Физиология и патология. М.: Медицина, 1989.
3. *Вилюнас В.К.* Психология развития мотивации. СПб.: Речь, 2006.
4. *Годфруа Ж.* Что такое психология: в 2 т.: пер. с фр. М., 1992.

5. Джидарьян И.А. Влияние нравственной мотивации на развитие и формирование потребностей личности // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. М. : Ин-т. психологии АН СССР, 1988. С. 26–30.
6. Красноперов О.В., Панченко А.Л. Субъективные характеристики сна и свойств личности // Вопр. психологии. 1991. №6. С. 139–142.
7. Левин Я.И. и др. Инсомния: современные диагностические и лечебные подходы. М., 2005.
8. Лейбин В.М. «Толкование сновидений» как психобиография З. Фрейда // Вопр. психологии. 2000. №5. С. 99–111.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005.
10. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности: [Новые теории]: учеб. пособие. М., 1998.

Приложение

Таблица 1. Параметры состояния сна, психических состояний и мотивации

	Среднее	Минимум	Максимум	Стандартное отклонение
Дискомфорт	9,3500	0,0000	23,0000	5,76613
Предпринятое подавление	9,0000	0,0000	27,0000	6,48336
Беспокойство	25,9167	5,0000	46,0000	10,76764
Чуткость сна	4,6167	0,0000	10,0000	2,71900
Чувство высыпания	7,6400	0,0000	15,0000	2,41638
Качество сна	4,9500	0,0000	10,0000	2,42463
Тревожность	7,6167	0,0000	15,0000	3,58004
Фрустрация	6,9000	1,0000	17,0000	3,50157
Агрессия	8,9167	0,0000	18,0000	4,25577
Ригидность	9,5333	0,0000	17,0000	3,82882
Готовность к риску	-5,1167	-35,0000	22,0000	15,01648
Мотивация к избеганию неудач	16,5667	6,0000	27,0000	4,20398
Мотивация к успеху	17,0333	9,0000	24,0000	3,69593
Потребность в одобрении	7,9333	2,0000	16,0000	3,39425

Результаты корреляционного анализа

Таблица 2

	Начало	Время засыпания	Конец	Время сна	Необходимое время	Время беспокойства
Начало	1,00	0,00	-0,13	0,27	0,17	-0,20
Время засыпания	0,00	1,00	-0,14	0,03	0,12	0,42
Конец	-0,13	-0,14	1,00	-0,00	-0,02	-0,14
Время сна	0,27	0,03	-0,00	1,00	0,25	-0,01
Необходимое время	0,17	0,12	-0,02	0,25	1,00	0,18
Время беспокойства	-0,20	0,42	-0,14	-0,01	0,18	1,00
Дискомфорт	-0,29	0,25	-0,18	-0,04	0,13	0,53
Подавление	-0,21	0,26	-0,16	0,26	0,19	0,34
Беспокойство	-0,31	0,27	-0,01	-0,14	0,11	0,35
Чуткость	-0,42	0,27	-0,23	-0,15	-0,11	0,51
Качество	0,17	-0,08	0,09	0,26	-0,25	-0,33
Тревожность	-0,07	0,18	-0,01	-0,00	0,13	0,14
Фрустрация	0,15	-0,07	0,08	-0,10	0,29	-0,06
Агрессивность	-0,09	0,13	-0,09	-0,05	0,06	0,05
Ригидность	-0,23	0,21	0,04	0,04	0,08	0,15
Готовность к риску	-0,30	0,18	0,17	-0,14	-0,05	-0,02
Мотивация к избеганию неудач	-0,01	0,01	0,03	0,06	0,13	0,02
Мотивация к успеху	0,09	0,12	0,15	0,04	-0,21	0,06
Потребность в одобрении	0,24	-0,14	-0,12	0,04	0,12	-0,02

Таблица 3

	Дискомфорт	Подавление	Беспокойство	Чуткость	Качество	Тревожность
Начало	-0,29	-0,21	-0,31	-0,42	0,17	-0,07
Время засыпания	0,25	0,26	0,27	0,27	-0,08	0,18
Конец	-0,18	-0,16	-0,01	-0,23	0,09	-0,01
Время сна	-0,04	0,26	-0,14	-0,15	0,26	-0,00
Необходимое время	0,13	0,19	0,11	-0,11	-0,25	0,13
Время беспокойства	0,53	0,34	0,35	0,51	-0,33	0,14
Дискомфорт	1,00	0,55	0,58	0,69	-0,55	0,34
Подавление	0,55	1,00	0,34	0,53	-0,21	0,23
Беспокойство	0,58	0,34	1,00	0,58	-0,46	0,46
Чуткость	0,69	0,53	0,58	1,00	-0,32	0,23
Качество	-0,55	-0,21	-0,46	-0,32	1,00	-0,47
Тревожность	0,34	0,23	0,46	0,23	-0,47	1,00
Фрустрация	0,06	-0,06	0,22	-0,07	-0,30	0,67
Агрессивность	0,09	0,12	0,29	0,25	-0,11	0,63
Ригидность	0,24	0,17	0,44	0,33	-0,12	0,60
Готовность к риску	-0,01	0,11	0,22	0,09	0,09	0,05
Мотивация к избеганию неудач	0,10	-0,12	0,04	0,01	-0,24	0,42
Мотивация к успеху	0,13	0,29	0,29	0,16	0,28	0,05
Потребность в одобрении	-0,09	-0,11	-0,23	-0,10	0,25	-0,38

Таблица 4

	Фрустрация	Агрессивность	Ригидность	ГкР	МкИИ	МкУ	ПвО
Начало	0,15	-0,09	-0,23	-0,30	-0,01	0,09	0,24
Время засыпания	-0,07	0,13	0,21	0,18	0,01	0,12	-0,14
Конец	0,08	-0,09	0,04	0,17	0,03	0,15	-0,12
Время сна	-0,10	-0,05	0,04	-0,14	0,06	0,04	0,04
Необходимое время	0,29	0,06	0,08	-0,05	0,13	-0,21	0,12
Время беспокойства	-0,06	0,05	0,15	-0,02	0,02	0,06	-0,02
Дискомфорт	0,06	0,09	0,24	-0,01	0,10	0,13	-0,09
Подавление	-0,06	0,12	0,17	0,11	-0,12	0,29	-0,11
Беспокойство	0,22	0,29	0,44	0,22	0,04	0,29	-0,23
Чуткость	-0,07	0,25	0,33	0,09	0,01	0,16	-0,10
Качество	-0,30	-0,11	-0,12	0,09	-0,24	0,28	0,25
Тревожность	0,67	0,63	0,60	0,05	0,42	0,05	-0,38
Фрустрация	1,00	0,50	0,50	0,09	0,29	-0,04	-0,30
Агрессивность	0,50	1,00	0,63	0,21	0,18	0,11	-0,30
Ригидность	0,50	0,63	1,00	0,19	0,27	0,06	-0,29
Готовность к риску	0,09	0,21	0,19	1,00	-0,33	0,35	-0,24
Мотивация к избеганию неудач	0,29	0,18	0,27	-0,33	1,00	-0,26	-0,20
Мотивация к успеху	-0,04	0,11	0,06	0,35	-0,26	1,00	0,16
Потребность в одобрении	-0,30	-0,30	-0,29	-0,24	-0,20	0,16	1,00

INTERACTION BETWEEN SLEEP QUALITY
AND ORGANIZING ACTIVITY MOTIVATION

Arseny A. Batalin

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Author suggests that the state of sleep varies by persons engaged in different activities. Therefore, this study examines the relationship sleep state with motivation, organizing activities.

Key words: sleep; motivation; activities.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.356.2

**СОСТОЯНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ***Л.А. Хачатрян, Н.С. Кабанова*

Рассматривается состояние воспитательного потенциала российской семьи. На основе статистических данных, результатов различных социологических исследований каждому компоненту потенциала дается оценка, позволяющая говорить о том, что по ряду параметров воспитательные возможности семьи оказываются ограниченными. Подчеркивается, что совершенствование законодательной базы в сфере семейной политики и в сфере воспитания может стать важнейшим условием развития воспитательного потенциала семьи.

Ключевые слова: воспитательный потенциал; семья; компоненты воспитательного потенциала; группы компонентов, имеющие объективный и субъективный характер.

Движение России по пути модернизации предполагает обязательное развитие человеческого потенциала, основу которого составляет личность, способная к активной реорганизации социальной реальности. В этой связи актуализируется ценность воспитания, и прежде всего, воспитания семейного. Но современная российская реальность такова, что семья не может в полной мере обеспечить выполнение воспитательной функции, что подтверждается огромным количеством детей, ежегодно погибающих из-за жестокости родителей, детским суицидом, высокими показателями детской и подростковой преступности и другими асоциальными явлениями. Кризис института семьи, размывание духовно-нравственных ориентиров, возникновение ценностного «вакуума» способствовали складыванию рискогенного информационного пространства, оказывающего негативное воздействие на формирование личности.

В новой социальной реальности необходимо осмыслить истоки проблем, с которыми сталкивается семья в осуществлении своей воспитательной деятельности, оценить состояние

ее воспитательного потенциала, который, в конечном итоге, и определяет результат семейного воспитания.

Воспитательный потенциал семьи включает две группы компонентов: возможности семьи, имеющие объективный характер, и субъективные возможности, связанные с деятельностью родителей по воспитанию детей [16, с. 12].

В *первой* группе компонентов воспитательного потенциала семьи особое место занимает ее *состав*. Воспитательные возможности наиболее распространенной сегодня нуклеарной семьи оказываются ограниченными, т.к. спектр усваиваемых детьми семейных ролей оказывается более суженным, чем в семье расширенной. Кроме того, в последней аккумулирован богатый культурный опыт старших поколений, воспитательное воздействие которого имеет особое значение в процессе становления личности.

Сегодня все чаще появляются новые, нетрадиционные формы брачно-семейных отношений, среди которых наиболее распространенной является семья, основанная на незарегистрированном браке. Для такой семьи харак-

Хачатрян Людмила Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; Nachatryan@psu.ru.

Кабанова Наталья Сергеевна — студентка философско-социологического факультета; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; natalyakabanova@gmail.com.

терен сложный состав, наличие у детей отчима, часто в семье наблюдается более высокий уровень насилия над детьми, что отмечается многими отечественными и зарубежными исследованиями. Трудности воспитательного характера обусловлены также нестабильностью незарегистрированных брачных союзов матерей-одиночек с постоянно сменяемыми партнерами (в работах зарубежных исследователей данный феномен получил название «крутящаяся дверь»): ребенок в таких семьях лишается должного присмотра, внимания, оказывается «заброшенным», зачастую игнорируются его потребности, а в ряде случаев — его существование [3, с. 104]. Подобные проблемы наблюдаются также в неполных материнских семьях.

У детей из семей, основанных на нетрадиционных формах брачно-семейных отношений, не сформировано должного представления о семейной жизни, вследствие чего нормой для них становятся деформированные образцы семейного поведения, которые в будущем, возможно, окажутся прочно встроенными в их собственную жизненную практику.

Объективным по своему содержанию компонентом воспитательного потенциала является *число детей* в семье. Наиболее распространенной сегодня оказывается однодетная модель семьи. Проблемы воспитательного характера в ней могут быть обусловлены тем, что единственный ребенок в определенной степени оказывается «обделенным» в смысле получения навыков общения, опыта совместной деятельности. Он становится центром сосредоточения внимания родителей, родственников, что, в конечном счете, может сделать его эгоистичным, нечувствительным к желаниям и требованиям близких ему людей. Воспитание же в семье с несколькими детьми основывается чаще на необходимости равномерного «распределения» родительского внимания между детьми, что позволяет формировать такие качества, как альтруизм, умение сочувствовать, прийти на помощь, уважительное отношение к интересам, мнениям, желаниям окружающих. С другой стороны, количество детей в семье сказывается на материальных возможностях последней. Рождение ребенка любой очередности снижает уровень материального благосостояния семьи, так как, естественно, предполагает затраты на его содержание. Кроме того, в первые годы

жизни ребенка мать вынуждена прерывать трудовую деятельность с целью осуществления ухода за ним, что влечет за собой сокращение размера дохода. В результате воспитательные возможности многодетной семьи в силу значительной материальной нагрузки оказываются более ограниченными, нежели возможности семьи, воспитывающей 1–2 детей.

В качестве объективной составляющей воспитательного потенциала семьи необходимо рассматривать ее *социально-экономическое положение*, и в первую очередь материальное. Оно является характеристикой наличия или отсутствия у семьи ресурсов, обеспечивающих выживание ребенка, а также его полноценное, всестороннее развитие.

Совершенно очевидно, что дети из обеспеченных семей имеют больше возможностей для получения качественных медицинских, образовательных услуг, возможностей для эффективной организации досуга, позитивно влияющего на развитие творческого потенциала личности. Сегодня ситуация складывается таким образом, что многие семьи, а следовательно и дети, оказываются депривированными в смысле получения доступа к разного рода социальным благам. Так, Н.М. Римашевская отмечает, что в настоящее время «более половины детей рождаются в бедных семьях или имеют риск тотчас превратиться в обездоленных» [15, с. 4]. По данным органов государственной статистики, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, составляя в 1992 г. 33,5 %, снизилась к 2010 г. до 12,6% [20]. В действительности же, по замечанию ряда исследователей, в том числе и Н.М. Римашевской, процент бедных в России в годы экономического роста не опускался ниже 35% [15, с. 8]. При этом, как отмечают отечественные и зарубежные социологи, именно бедность, растущее социальное расслоение российского социума, являются существенными факторами, тормозящими инновационное развитие и модернизацию страны [1, с. 6].

Доля малоимущих домохозяйств в 2010 г. составила 61% в городе и 39% в сельской местности. При этом большая их часть (58%) — это домохозяйства, в которых воспитываются дети в возрасте до 16 лет. Семьи, вынужденные тратить только на питание более 35% денежных средств (малоимущие семьи — более 50%) [17,

с. 136, 141, 257], тогда как эта цифра не должна превышать 10–15% [6, с. 119], оказываются существенно ограниченными в возможности удовлетворения потребностей более высокого порядка, в возможности полноценной реализации своего воспитательного потенциала.

Подтверждением последнего тезиса могут служить результаты исследования «Семья и общество в России: эволюция оценок и ценностей в общественном мнении населения», проведенного в 2006 г. Институтом семьи и воспитания РАО. Исследование показало, что значительные трудности в процессе воспитания детей испытывают родители из наиболее бедных семей. Так, более четверти респондентов, отвечающих, что им «сложно» и «очень сложно» воспитывать детей, оценили свое материальное положение по 10-балльной шкале на 3 балла и менее [10, с. 53]. Подобные данные были получены и в результате проведенного нами разведывательного исследования по изучению состояния воспитательного потенциала семьи в Пермском крае: так, в группе малообеспеченных родителей 44% оценили свои возможности в воспитании детей на 3 балла и ниже. В этих условиях очевидной является необходимость увеличения доходов семьи, что повлечет за собой и повышение эффективности реализации ее воспитательных возможностей.

Социально-экономическое положение семьи во многом определяется *характером занятости родителей*. В условиях, когда для жизнеобеспечения семьи основного источника дохода оказывается недостаточно, родители сталкиваются с необходимостью поиска дополнительной работы. Неизбежным следствием перегруженности работой становится переутомление, усталость родителей, недостаток у них свободного времени, что обуславливает сокращение их возможностей общения с детьми. В первую очередь это касается неполных, чаще всего материнских, семей, где значительно увеличивается экономическая нагрузка на женщину, и она вынуждена много работать, чтобы обеспечивать детей. По результатам нашего исследования, практически четверть опрошенных родителей имеет дополнительную занятость.

Социально-экономическое положение семьи приобретает катастрофический характер в случае, когда хотя бы один из родителей оказывается в статусе безработного. В 2010 г. доля

безработных возрастной категории 30–49 лет, куда преимущественно попадают родители школьников, составила 40,3% от общей численности безработных [17, с. 72]. Необходимо отметить, что отсутствие работы у одного или обоих родителей, их финансовая несостоятельность способны не только значительно ухудшить материальное положение семьи, но и понизить самооценку родителей, обусловить падение их авторитета в глазах детей [5, с. 111]. Последнее же, в свою очередь, способно существенно ограничить возможности родителей в оказании воспитательного воздействия на ребенка.

Параметром социально-экономического положения семьи являются ее *жилищные условия*, которые также необходимо рассматривать в качестве объективного компонента воспитательного потенциала. Жилищные условия — одна из тех оставляющих семейной среды, которые опосредовано, во многом стихийно воздействуют на характер реализации семьей воспитательной функции. Стесненность жилого помещения, ограниченность пространства способны обострить супружеские и детско-родительские отношения, что, в свою очередь, оказывает негативное воздействие на процесс формирования личности ребенка.

В 2010 г. семьи с одним ребенком не испытывали стесненности проживания в 47,3% случаев, тогда как с 4 и более детьми — только в 20,7% случаев. Некоторая степень стесненности была характерна практически для каждой третьей однодетной семьи и уже почти для каждой второй семьи с 4 и более детьми. Значительную стесненность испытывала каждая пятая семья с одним ребенком и каждая третья с 4 и более детьми [13].

Обращаясь к показателю удовлетворенности семьи своими жилищными условиями, отметим, что в 2010 г. практически каждая третья семья, вне зависимости от числа детей, дала своим жилищным условиям «хорошую» оценку, а каждая вторая — «удовлетворительную». Доли семей, оценивших жилищные условия на «отлично», «плохо» и «очень плохо», оказались сравнительно небольшими. Необходимо отметить, что число многодетных семей, давших «отличную» оценку своим жилищным условиям, оказалось меньше, чем семей двух- и однодетных (на 1,7% и 2,7% соответственно), а

давших «плохую» и «очень плохую» — напротив, несколько больше (в первом случае — на 1,8% и 3% соответственно, а во втором — на 3,4% и 4,7% соответственно) [14].

По результатам проведенного нами исследования, доля родителей, полностью неудовлетворенных своими жилищными условиями, составила 16%, скорее неудовлетворенных — 39%, скорее удовлетворенных — 37%, полностью удовлетворенных — 10%. Среди родителей, имеющих одного и двоих детей, скорее удовлетворенных жилищными условиями оказалось 44% и 47% соответственно, полностью удовлетворенных — 11% и 15% соответственно. Что касается многодетных семей, доля тех, кто скорее удовлетворен своими жилищными условиями, составила всего 7%, полностью удовлетворенных ими в данной категории семей не оказалось.

Приведенные данные в определенной степени позволяют говорить о том, что проблема, связанная с объемом и качеством жилищного ресурса, в первую очередь актуализирована для семей многодетных, а также в большей мере для сельских семей с детьми, чем городских. Поэтому негативному воздействию данного фактора оказывается подвержен воспитательный потенциал, прежде всего, этих категорий семей.

В группе объективных по содержанию составляющих воспитательного потенциала необходимо также обозначить *временные ресурсы семьи*, т.е. количество времени, проводимого родителями и детьми совместно.

Дефицит времени оказывается следствием сверхзанятости значительной части современных родителей, о чем уже было сказано выше. В результате сокращения временных затрат родителей на взаимодействие с ребенком возникает непонимание, разногласия, конфликты, отсутствие доверия, что обуславливает существенное ослабление возможностей родителей оказывать позитивное воздействие на детей, контролировать их поведение. По замечанию В.Н. Лексина, осознание родителями своей беспомощности, несостоятельности в воспитании у детей умения противодействовать негативным влияниям внешней среды становится вполне естественным в условиях, когда на общение с ребенком они «тратят» в среднем около 18 мин. в день [11, с. 64].

Проведенное нами исследование показало, что в будние дни только 7% опрошенных родителей тратят на общение с детьми менее 30 минут (в выходные — 3%), тогда как 74% — более часа (в выходные — 88%). Временные «затраты» городских родителей на общение с детьми как в будние, так и в выходные дни оказались более значительными, чем у родителей в сельской местности. Закономерными в этой связи оказываются данные о том, что среди опрошенных в городе оказалось более чем в 1,5 раза меньше родителей (46%), которые указали на недостаток времени, затрачиваемого на общение с детьми, чем в сельской местности (74%). Тот факт, что сельские родители испытывают больший дефицит свободного времени, чем родители городские, вероятно, может быть обусловлен тем, что в сельской местности, помимо профессиональной занятости вне дома, существенных временных затрат требует работа по дому, в подсобном хозяйстве.

Во *второй* группе компонентов воспитательного потенциала семьи, субъективных по своему содержанию, особое место занимает *характер внутрисемейных отношений*. Негативное качество этих отношений может отрицательно сказаться на состоянии воспитательного потенциала семьи даже при условии развитости других структурных компонентов последнего.

Особую значимость приобретает качество супружеских отношений. Возможность духовно-нравственного развития детей, возможность формирования их представлений о дружбе, любви, добре, человечности определяется характером отношений между родителями.

Данные, полученные в результате общероссийского исследования, проведенного Фондом общественного мнения в 2010 г., свидетельствуют о том, что подавляющее большинство супругов (76%) считают свой брак счастливым, что позволяет предположить, что в нем присутствует любовь, чуткость, искренность, открытость, доверие, взаимопонимание, взаимное уважение и т.п. Несчастливым свой брак считают 7% респондентов и затруднились оценить качество своего брака 17% [18], что приводит к выводу, что в этих браках присутствует жестокость, равнодушие, цинизм, лживость, пошлость и т.п.

По результатам нашего исследования, практически каждый четвертый опрошенный назвал

свои отношения с мужем (женой) «очень хорошими», более половины — «хорошими», примерно каждый пятый — «удовлетворительными». Отметим, что о «плохих» супружеских отношениях не сказал никто. Результаты исследования позволяют обнаружить разницу в оценке качества супружеских отношений городскими и сельскими респондентами. Так, среди родителей, опрошенных в городе, «очень хорошими» свои отношения с мужем/женой посчитали 45%, тогда как в сельской местности — только 7%. И, напротив, об «удовлетворительных», «посредственных» отношениях с супругом (супругой) в городе сказали только 3% опрошенных родителей, тогда как в сельской местности — практически каждый третий. Кроме того, супружеские отношения в сельских семьях оказались более напряженными, чем в городе. Так, среди городских родителей 52% тех, кто указал на отсутствие супружеских ссор в семье, 41% признались в наличии ссор и 7% ответили, что бывают не только ссоры, но и скандалы. В сельской местности оказалось в три раза меньше родителей, которые отметили, что в их семье нет места супружеским ссорам (17%). На наличие ссор по разным причинам указали практически две трети сельских респондентов. Доля опрошенных, которые признались, что в их семье бывают не только ссоры, но и скандалы, оказалась в сельской местности в три раза большей, чем в городе (21%). Что касается допустимости разводов для опрошенных родителей, отметим, что мысли о разводе иногда посещают 20% и часто — 9% респондентов. Причем, в городе они возникают редко у 17% и в селе у 23% респондентов. В том, что возникают часто, признались 3% городских родителей и 17% сельских. Таким образом, если рассматривать совокупность опрошенных в целом, следует сказать о высоком качестве супружеских отношений. Вместе с тем полученные оценки позволяют говорить о более низком качестве этих отношений в сельской местности, чем в городе, что проявляется в большей их нестабильности, напряженности, более низкой оценке их супругами.

О характере *детско-родительских отношений* позволяет судить выстраиваемая родителями модель взаимодействия с детьми. Специфика данной модели может быть обусловлена характером супружеских отношений: если в

семьях, где отношения между супругами являются напряженными, закономерна авторитарная модель детско-родительского взаимодействия, то в семьях, где нет места супружеским конфликтам, в большей степени распространена демократическая модель [7, с. 90]. По результатам опроса Фонда общественного мнения (2004 г.), идею равноправных отношений с детьми поддерживают 57% респондентов. Причем такая позиция в большей степени распространена среди лиц, имеющих среднее и высшее образование, а также лиц, проживающих в крупных городах. В целом на нормативном уровне демократические установки на построение равных отношений с детьми распространены в большей степени, нежели ориентация на иерархичность и авторитаризм во взаимоотношениях с ними. Вместе с тем исследование показало, что декларируемые воспитательные практики значительно опережают существующие в действительности, хотя и в последних также обнаруживается тенденция к все большему распространению эгалитарных отношений между родителями и детьми [4].

Результаты нашего исследования позволяют говорить о том, что идея равноправных отношений с детьми поддерживается большинством опрошенных родителей (64%). Не одобряют ее 14% респондентов и еще 21% затруднились с ответом. Среди родителей, опрошенных в городе, тех, кто считает, что с ребенком следует вести себя как с равным, оказалось 74%, тогда как в сельской местности чуть более половины. Доля родителей, считающих недопустимым вести себя с ребенком как с равным, в городе составила 14%, а в сельской местности — 17%. Следует подчеркнуть, что равноправие в отношениях с детьми в большей степени приемлемо для родителей со средним профессиональным и высшим (и неполным высшим) образованием.

Полученные данные позволяют говорить о преобладании демократических установок родителей при построении взаимоотношений с детьми. Но следует отметить, что среди тех, кто указал на допустимость равноправия с ребенком, практически каждый второй родитель (49%) не смог аргументировать свою позицию. Существенный процент родителей, затруднившихся в аргументации собственной позиции, вероятно, может свидетельствовать о том, что они не в полной мере осознают значимость де-

мократической модели взаимодействия с детьми, следствием чего может стать неэффективность применения данной практики. В сельской местности модель демократических детско-родительских взаимоотношений распространена в меньшей степени, чем в городе, что вполне объясняется большей укорененностью в селе патриархальных традиций и преобладанием авторитарных установок относительно воспитания детей.

Показателем качества детско-родительских отношений выступает наличие взаимопонимания с детьми [10, с. 54], т.е. способность родителей говорить с ребенком на «одном языке», быть чутким и внимательным к нему, оказывать на него конструктивное воспитательное воздействие. Когда же между поколениями лежит «пропасть», когда они не желают понимать и принимать друг друга, родителям трудно рассчитывать на то, их воспитательные интенции будут восприниматься адекватно, смогут достигнуть цели.

Исследование «Московская семья – 2006», в ходе которого были апробированы программа и инструментарий всероссийского мониторинга воспитательного потенциала семьи, показало, что семьи, где родители дают наиболее высокую оценку своим взаимоотношениям с детьми, реже сталкиваются с проблемой невозможности осуществлять контроль за поведением детей [10, с. 54–55]. Подобный вывод подтверждают и полученные нами данные. Среди тех родителей, которые дают своим взаимоотношениям с детьми «очень хорошую» оценку, около 80% всегда знают, чем занимаются их дети в свободное время, и чуть больше 20% знают об этом не всегда. В группе родителей, назвавших свои отношения с детьми «удовлетворительными, посредственными», тех, кто всегда осведомлен о занятиях своих детей в свободное время, оказалось только 40%, а тех, кто подобной информацией располагает не всегда, — 60%.

Важнейшим субъективным по характеру компонентом воспитательного потенциала семьи является *уровень педагогической культуры родителей*, определяющей возможность оказания конструктивного воспитательного воздействия на формирование личности ребенка. Эффективным оно будет лишь в том случае, когда родители осознанно подходят к выбору мето-

дов воспитания, взвешивая преимущества и недостатки каждого из них, умеют четко формулировать воспитательные цели. Это, в свою очередь, позволит обозначить определенное направление и воспитательную стратегию, которые, безусловно, должны быть непротиворечивыми, последовательными. Отсутствие у родителей знаний о закономерностях личностного развития, о возрастных особенностях детей и их значимости для воспитания в конечном счете может привести к потере контроля над поведением ребенка и, как следствие, снижению качества воспитания.

Стремительно изменяющаяся, усложняющаяся реальность предъявляет к личности более жесткие требования, что неизбежно влечет за собой усложнение содержания воспитания. В подобных условиях осуществление родителями воспитательной деятельности только лишь с опорой на собственную интуицию или опыт, накопленный предшествующими поколениями, оказывается практически невозможным. По замечанию А.В. Меренкова, современное воспитание, в отличие от традиционного, становится невыполнимым без овладения родителями специфическими знаниями педагогического характера [12]. При этом следует признать, что неопределенность, нестабильность современной социальной реальности, ее насыщенность всевозможными рисками существенно затрудняют способность родителей понимать, какие личностные качества необходимо воспитать в детях, какие ценности им транслировать. У значительной части родителей не сформировано представление о содержании и способах реализации современных механизмов воспитания, каковыми являются механизмы саморазвития, самоорганизации, формирования социальной ответственности личности. Даже в определенной степени информированные в данном вопросе люди оказываются неспособными эффективно применять эти механизмы в своей воспитательной практике. Осознание родителями потребности в преодолении своей педагогической безграмотности и готовность проявлять в этом направлении определенную активность становятся важнейшим измерением ответственного, осмысленного родительства.

Результаты нашего исследования показали, что 39% опрошенных родителей (37% в городе и 40% в сельской местности) считают, что их

знаний вполне достаточно для воспитания детей; 46% (как в городе, так и в сельской местности) отметили, что этих знаний не совсем достаточно; и только 7% (9% городских и 6% сельских опрошенных родителей) признались в том, что им крайне недостаточно знаний педагогического характера. А вот доли родителей, испытывающих потребность в получении педагогических знаний, оказались примерно равными: 48% и 52%. В городе доли родителей, испытывающих и не испытывающих данную потребность равны (по 50%); в сельской местности — 46% и 54% соответственно.

На наш взгляд, дальнейшего изучения требует следующая ситуация. Среди родителей, не испытывающих потребности в получении педагогических знаний, 86% отметили, что они и не нуждаются в помощи, способны решить проблемы, связанные с воспитанием детей, самостоятельно. А среди тех родителей, которые испытывают потребность в получении педагогических знаний, более половины (55%) считают, что в помощи не нуждаются и способны справиться со всеми проблемами воспитательного характера самостоятельно. Необходимо отметить, что достаточно высокий процент приходится на тех родителей, которые осознают свою педагогическую некомпетентность, но при этом не готовы проявлять определенную активность по преодолению этой некомпетентности. Это свидетельствует, вероятно, о низкой степени осмысленности родителями данной категории своего родительского долга, ответственности за воспитание детей.

Одной из важнейших составляющих педагогической культуры родителей являются их представления о приемлемости использования тех или иных практик поощрения и наказания детей.

Результаты исследования «Культура воспитания, поощрения и наказания детей в российских семьях», проведенного в 2011 г. Центром оперативных и прикладных исследований Российского общества социологов, показали, что 97,2% респондентов поощряют детей за положительные поступки. Родители предпочтение отдают таким формам поощрения, как словесное одобрение и материальное вознаграждение. Незначительной оказалась доля тех родителей, которые предпочитают в качестве поощрения поведения ребенка проводить с ним больше

времени. Таким образом, родители формируют детей более прагматичными, ориентированными, прежде всего, на удовлетворение материальных потребностей.

Среди форм наказания наиболее распространенной оказалось «отчитывание», а практически половина опрошенных призналась в том, что использует методы физического воздействия на детей в воспитательных целях. Достаточно высокой (37%) оказалась доля родителей, отметивших, что они используют физическое наказание раз в месяц и чаще [9, с. 25–26]. Незначительный процент родителей сожалеют об использовании различных форм наказания, а более половины не считают должным просить прощения у детей за жестокость, грубость по отношению к ним. Исследователи объясняют этот факт еще сохранившимися сегодня патриархальными предрассудками, заключающимися в том, что родители всегда должны занимать доминирующие позиции, что они, в силу своей авторитетности, правы даже тогда, когда допускают несправедливость по отношению к детям.

Около половины опрошенных отметили, что в их семье имеют место некоторые расхождения относительно приемлемости использования разного рода наказания детей, что может свидетельствовать о наличии в семье ценностных противоречий, о различии взглядов родителей на содержание воспитания [9, с. 30–32]. В свою очередь, неспособность родителей прийти к единому мнению относительно использования той или иной воспитательной стратегии может являться одним из свидетельств невысокого уровня их педагогической культуры.

Не менее значимой характеристикой педагогической культуры родителей является их способность согласовывать свои требования к ребенку. По результатам нашего исследования, среди опрошенных городских и сельских родителей оказалось 5% тех, кто отметил, что эти требования никогда не совпадают. 49% (39% в городе и 60% в сельской местности) сказали о том, что требования совпадают только иногда. Доля же тех родителей, которые всегда могут согласовывать требования, предъявляемые к детям, составила 46%, причем в городе таких родителей оказалось практически в два раза больше (58%), чем в сельской местности (33%). Тот факт, что процент родителей, указавших на

абсолютное совпадение требований к детям, в городе оказался значительно выше, чем в сельской местности, вероятно, обусловлен тем, что в городской семье родители обладают равным и более высоким уровнем образования.

Одним из стержневых компонентов воспитательного потенциала семьи, имеющих субъективную природу, является *ответственность родителей за воспитание детей*. Данная составляющая подразумевает под собой социально осмысленный родительский долг по отношению к детям, который предполагает способность родителей осознавать цели воспитания и способы их достижения, осознавать значимость собственной роли в процессе формирования личности ребенка, предвидеть последствия своей воспитательной деятельности [19, с. 316]. Вместе с тем возможности реализации родительской ответственности детерминированы степенью развитости других составляющих воспитательного потенциала семьи.

О содержании родительской ответственности, степени ее осознанности родителями позволяет говорить направленность воспитательной активности последних.

Одним из показателей, дающих возможность судить о такой направленности, является комплекс приоритетных для родителей задач, решаемых в процессе воспитания детей. Первостепенность тех или иных задач свидетельствует о доминировании определенной стороны ответственности за воспитание детей. По результатам исследования «Семья и родительство в современной России», проведенного Институтом социологии РАН в 2009 г., было выделено шесть измерений родительской ответственности: коммуникативное, эмоциональное, нормативное, экономическое, охранительное, духовное. Исследование показало, что родители на первое место ставят «охранительные» задачи, связанные с осуществлением заботы о здоровье ребенка, его жизни. Затем следуют экономические задачи, подразумевающие усилия родителей по обеспечению материального благополучия ребенка, далее — задачи, предполагающие формирование у ребенка представлений о норме и о том, что является отклонением от нормы. Задачи, связанные с духовно-нравственным развитием личности, оказываются на последнем месте в списке приоритетов [16, с. 25–28]. Сегодня, в условиях социокультурной транс-

формации российского общества, подобная расстановка приоритетов может свидетельствовать о наибольшей сложности решения задач духовно-нравственного содержания в связи с неразвитостью у значительной части родителей представлений о том, какие ценности следует транслировать детям, какие личностные качества в них формировать.

О направленности воспитательной активности родителей, а следовательно, и о степени осознанности ими ответственности за воспитание детей, позволяет судить характер семейного досуга, который необходимо рассматривать и в качестве важнейшего субъективного по своей природе компонента воспитательного потенциала семьи. Разнообразные практики совместного проведения детьми и родителями свободного времени формируют единое пространство коммуникации в семье, что необходимо для гармонизации детско-родительских отношений, преодоления возможного недопонимания, отчужденности между поколениями. Родители, совместно проводя с детьми свободное время, получают возможность направлять их интересы, формировать образ мыслей, ценностные ориентации, личностные качества. Грамотно организованный, соотношенный с определенными воспитательными целями, активный, разнообразный семейный досуг обладает значительным воспитательным воздействием, позволяя преодолевать стихийность процесса формирования личности, делая его осознанным, направленным.

Результаты нашего исследования позволяют говорить о том, что чаще всего родителями востребованы развлекательные практики семейного досуга: просмотр фильмов, телепередач, выезды на природу, проведение времени у компьютера (93% опрошенных). Далее следуют хозяйственные практики: совместное выполнение работы по дому, работа в подсобном хозяйстве (67%). Реже используются практики, ориентированные на спорт и физическое развитие (44%), еще реже — культурно-ориентированные (походы в музеи, театры, на концерты, обсуждение семейной истории, прослушивание музыки) (39%), психологические (обсуждение проблем детей) (29%). Необходимо отметить, что развлекательные практики проведения свободного времени с детьми оказываются наиболее распространенными как в

городе, так и в сельской местности. Сравнение ответов городских и сельских респондентов показало, что городские родители отдают предпочтение культурно-ориентированным практикам (51% против 26% соответственно) и практикам, ориентированным на спорт и физическое развитие (66% против 20% соответственно). Хозяйственные практики, напротив, более распространены в сельской местности (86%), чем в городе (46%). Психологические практики оказываются незначительно распространенными как в городе (26%), так и в сельской местности (20%).

Таким образом, в городской семье досуг оказывается более активным, в большей степени ориентированным на развитие детей, чем в сельской. Если говорить о совокупности опрошенных в целом, нужно отметить, что преобладание развлекательных практик проведения свободного времени с детьми и гораздо меньшая распространенность практик культурно-ориентированных свидетельствуют о слабой степени активности родителей в использовании тех возможностей, которые способен обеспечить досуг в формировании личности ребенка.

В условиях социокультурных изменений, обнаруживающих себя, прежде всего, в либерализации системы ценностей, трансформации нравственных ориентиров, родители встают перед необходимостью трансляции детям, с одной стороны, ценностей, которые оказываются адекватными жесткой реальности рыночной экономики, а с другой — общечеловеческим, находящимся вне времени. Подобная ситуация дезориентированности в определении первостепенных целей и задач воспитания, выборе непротиворечивых стратегий их реализации обуславливает возникновение у родителей потребности в координации усилий по воспитанию детей с другими важнейшими его агентами, получении от них компетентной помощи с целью преодоления ограниченности своих воспитательных возможностей.

В этой связи мы можем говорить о таком проявлении родительской ответственности, как заинтересованность родителей в сотрудничестве с другими агентами воспитания, и в первую очередь, со школой.

Взаимоотношения семьи и школы за последнее столетие претерпели существенные изменения — от полного игнорирования воспи-

тательной роли семьи в 20–30 гг. XX в. до постепенно обнаруживающего себя в начале XXI в. взаимного стремления обоих субъектов воспитания к партнерству [8, с. 47]. Так, в частности, результаты общероссийского опроса, проведенного Фондом общественного мнения в 2007 г., свидетельствуют в целом о положительной ориентации родителей на сотрудничество со школой. Подавляющее большинство родителей (74%) считает необходимым постоянное поддержание контакта с учителями своего ребенка; родителей, полагающих, что общение с педагогами школы вполне может ограничиваться встречами на родительских собраниях, оказалось 17%, а тех, кто не имеет четкой позиции по данному вопросу, — всего 8%. В случае возникновения определенных трудностей в общении с ребенком более половины родителей (55%) считают целесообразным обратиться за помощью к классному руководителю или другому учителю; практически каждый третий имеет противоположную точку зрения по данному вопросу [2]. По результатам проведенного нами исследования, только 28% опрошенных родителей нуждаются в помощи в воспитании детей. От школы ожидают такой помощи 32% опрошенных родителей, от психологических служб — 37%, от государства — 21% и от общественных организаций — 11%. От школы опрошенные родители ожидают проведения в большем объеме дополнительных занятий и спортивных секций, помощи в объяснении классных уроков, в подготовке домашних заданий, помощи психологического характера.

Анализируя современный этап взаимоотношений семьи и школы, необходимо отметить, что говорить о полноценном их сотрудничестве еще преждевременно. Сегодня, как и в начале прошлого десятилетия, характер партнерства семьи и школы определяется, в первую очередь, экономическими интересами: сотрудничество реализуется преимущественно в сфере совместного решения вопросов финансового содержания, т.е. семья продолжает играть роль «спонсора» [8, с. 47]. Полноценное, содержательное партнерство должно предполагать готовность родителей активно включаться в совместную деятельность по созданию условий для развития личности ребенка, как в семье, так и в школе. Такого рода сотрудничество способствует преодолению родителями своей педаго-

гической некомпетентности, формированию ориентиров для эффективной реализации воспитательной функции, а кроме того — позволяет семье осуществлять контроль за качеством реализуемой в рамках школы воспитательной деятельности.

Таким образом, на основе приведенных статистических данных, а также результатов исследований мы можем заключить, что по ряду объективных и субъективных параметров воспитательные возможности российской семьи оказываются ограниченными. Что касается семьи Пермского края, проведенное нами разведывательное исследование позволило выявить существенные различия в воспитательных возможностях городской и сельской семьи и сделать вывод о меньшей степени развитости этих возможностей в последней. Учет выявленных различий представляется необходимым для обозначения приоритетных направлений совершенствования воспитательных возможностей городских и сельских семей, обеспечения результативности мероприятий в данной сфере семейной политики, а также политики в сфере воспитания.

С целью преодоления оторванности политики, проводимой в отношении семьи, от реальных проблем, с которыми она сталкивается при осуществлении своей воспитательной деятельности, необходимо использование данных реализуемого сегодня мониторинга в качестве научной основы для определения основополагающих направлений развития воспитательного потенциала семьи.

Кроме того, значимым представляется выделение в рамках разрабатываемой сегодня Концепции государственной семейной политики блока задач, ориентированных на укрепление воспитательного потенциала семьи.

Необходимость создания единого правового пространства, в котором оказывается возможным обеспечение скоординированности усилий семьи с деятельностью других агентов воспитания, делает целесообразным принятие Общенациональной программы развития воспитания и социализации детей в РФ, работа над которой активно ведется Институтом семьи и воспитания РАО. Создание такого основополагающего документа в воспитательной сфере, где бы особое место отводилось семье как важнейшему институту воспитания, является необ-

ходимым условием для того, чтобы меры общества и государства по развитию и укреплению воспитательных возможностей семьи оказались эффективными.

Список литературы

1. Белова О.Р., Вишневецкий Ю.Р., Попов А.А. Факторы, сдерживающие становление инновационной экономики // Вестник Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. Серия Социально-экономические науки. 2010. №8. С. 3–28.
2. *Взаимоотношения* учителей и родителей школьников [Сайт Фонда общественного мнения]. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d070824> (дата обращения: 11.05.2012).
3. Воеводина Ю.С., Квиткина Л.Г. Социальный статус и функции незарегистрированных браков // Народонаселение. 2009. №4. С. 100–105.
4. *Воспитание* детей [Сайт Фонда общественного мнения]. URL: www.fom.ru (дата обращения: 25.04.2012).
5. Дементьева И.Ф. Факторы риска современного детства // Социологические исследования. 2011. №10. С. 108–114.
6. Жуков А.Л. Установление достойной и справедливой заработной платы — требование времени // Народонаселение. 2010. №4. С. 119–125.
7. Коробкова В.В. Структура и содержание воспитательного потенциала семьи // Педагогическое образование и наука. 2010. №9. С. 87–92.
8. Костюкова Т.А., Грибоедова Т.П. Семья и школа: готовность к социально-образовательному партнерству // Вестник ТГПУ. 2008. Вып.3(77). С. 47–51.
9. *Культура* воспитания, поощрения и наказания детей в российских семьях: отчет о результатах исследования. М., 2011.
10. Кучмаева О.В., Марыганова Е.А., Петрякова О.Л., Синельников А.Б. О современной семье и ее воспитательном потенциале // Социологические исследования. 2010. №7. С. 49–55.
11. Лексин В.Н. Государственная семейная политика и обычная русская семья // ОНС. 2010. №2. С. 57–69.
12. Меренков А.В. Сущность качественных изменений воспитательной деятельности в динамично меняющемся мире // Известия Урал. гос. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. Т.95. 2011. №4. С. 70–73.
13. *Оценка* домашними хозяйствами стесненности жилья [Сайт Федеральной службы государственной статистики]. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/prog_636a.xls (дата обращения: 07.04.2012).

14. *Оценка степени удовлетворенности жилищными условиями* [Сайт Федеральной службы государственной статистики]. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_636b.htm (дата обращения: 07.04.2012).
 15. *Римашевская Н.М.* Риски бедности в современной России // *Народонаселение*. 2010. №2. С. 4–9.
 16. *Семья и родительство в современной России: отчет о результатах исследования / Институт социологии РАН. М., 2009.*
 17. *Социальное положение и уровень жизни населения России: стат. сб. М.: Росстат, 2011.*
 18. *Счастье в браке* [Сайт Фонда общественного мнения]. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom1015/d101516> (дата обращения: 27.04.2012).
 19. *Титаренко В.Я.* Семья и формирование личности. М.: Мысль, 1987.
 20. *Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода* [Сайт федеральной службы государственной статистики]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.htm (дата обращения: 25.04.2012).
-

MODERN RUSSIAN FAMILY: EDUCATIVE POTENTIAL

Ludmila A. Hachatryan, Natalia S. Kabanova

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The article is devoted to the analysis of state of the educative potential of the Russian family. The authors use the statistical data, results of sociological researches, which allow to draw the conclusion about reducing of the upbringing opportunities of the family. It is emphasized, that legislation improvement in the sphere of family policy and the education sphere is the necessary condition of developing of the educative potential of the family.

Key words: educative potential; family; components of educative potential; the groups of objective and subjective components.

УДК 316.624

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДЕВИАНТНОСТИ ПОДРОСТКА

П.В. Пинаев, Д.Ю. Некрасов

Рассматривается влияние семьи на формирование негативного и позитивного девиантного поведения подростка. Кроме того, анализируются позитивные и негативные отклонения самой семьи. Были изучены явления позитивной и негативной девиации.

Ключевые слова: семья; общество; государство; девиантное поведение; делинквентное поведение; негативная девиация; позитивная девиация.

Отклонения в любой реальности — вполне естественный процесс, особенно присущий такому сложному организму, как общество. В калейдоскопичном по разнообразности мире непременно у индивидов формируются различные отклонения, которые противоречат мнению большинства и общепринятым нормам поведения. Разумеется, что одни отклонения разрушительны для общества и являются негативными, в том время как другие, позитивные, наоборот, способны его улучшить. Однако есть и практически безобидные — нейтральные девиации. Человеческая сущность такова, что люди чаще склонны к деструкции, чем к созидательным действиям. Это может объяснить колоссальную разницу между распространенностью негативной и позитивной девиациями.

Вполне логично, что большое внимание уделяют именно негативной девиации и ее наиболее распространенным формам: делинквентное поведение (противоправное), алкоголизм, наркомания, бродяжничество и др. Однако при достаточно высокой степени изученности негативной девиации позитивная девиация остается практически неизвестной для науки, несмотря на то что она имеет невероятный потенциал. Это можно объяснить тем, что позитивная девиация не несет угрозы для общества. При изучении обеих девиаций необходимо, в первую очередь, искать корни возникновения отклонений у детей в семье, там, где закладываются первичные представления о мире, навыки и характер человека. По степени изученности, не-

сомненно, на первое место следует поставить негативную девиацию. Она достаточно глубоко изучена социологами, психологами, психиатрами, педагогами, криминалистами и юристами и даже медиками. В отечественной социологии определением позитивной девиации занимаются редко. Лишь немногие российские ученые рассматривают эту область знаний под углом социологии, в то время как в западных работах можно найти и определения, и различные классификации, т.е. то, что указывает на большую изученность. Среди российских ученых, изучающих позитивную девиацию, можно выделить лишь профессора И.В. Мкртумову, а также аспиранта Э.В. Снимщикова. Эти ученые не изучают все аспекты и проявления позитивной девиации, в то время как западные исследователи рассматривают даже проявления позитивной девиации на рабочем месте и значимость этого феномена в организации.

Целью данной статьи будет являться анализ влияния семьи на формирование девиантности поведения подростков.

Ранний подростковый возраст характеризуется множеством физиологических, психических и социальных особенностей индивида, последние из которых могут повлиять на дальнейшую жизнь, в старшем возрасте. В подростковом возрасте человек весьма восприимчив к воздействиям окружающей его социальной среды и различных процессов. Именно поэтому необходимо обеспечить подростку оптимальные условия его социализации. Эта функция

возлагается, прежде всего, на первичный институт социализации — семью. Роль семьи в формировании личности индивида действительно велика. Многие проблемы человека, его комплексы и фобии зачастую связаны именно с семейными происшествиями негативного характера. Аналогично и положительные стороны человека, как правило, формируются в семье.

Нередко подросток в процессе своей социализации приобретает девиации как негативного, так и позитивного характера. Учитывая значимость семьи, имеет смысл утверждать, что и на девиацию индивида она оказывает существенное влияние, прямое или косвенное. Семья, как и любой другой социальный организм, может иметь различного рода отклонения, которые оказывают влияние на индивида. Статистика говорит сама за себя — для подростков, которые выросли в неблагополучных семьях, риск совершения преступления возрастает в 4–5 раз по сравнению с их сверстниками из обычных семей [7, с. 83]. По результатам многих опросов, дети, подвергшиеся физическому и сексуальному насилию, чаще уходят из дома, начинают употреблять алкогольные и наркотические вещества. Можно выделить некоторые наиболее часто встречающиеся негативные отклонения в семьях.

Физическое насилие. Данное отклонение является, пожалуй, наиболее распространенным среди семей, где у ребенка наблюдаются девиации различного рода (наркомания [9, с. 109], проституция [9, с. 101], бродяжничество [9, с. 170] и пр.). В отличие от сексуального насилия, у жертв избиений чаще проявляется агрессия, в том числе и скрытая. Злоба, ненависть, а также различные психические расстройства превращают нормального ребенка в ущемленного и боязливого асоциала. Насилие позже становится «естественной средой обитания» для подростка, который не принимает никаких других путей решения проблем, что всегда приводит к неблагоприятным последствиям.

Вседозволенность. Либо чрезмерная любовь к ребенку, либо равнодушное отношение могут проявляться в том, что родитель будет слишком много позволять своему чаду. В таком случае у индивида будут размыты представления о границах между нравственными и безнравственными поступками. И если в раннем возрасте в безобидных поступках вседозволен-

ность еще никому не вредит, то впоследствии, во взрослой жизни, вполне может спровоцировать привлечение как к административной, так и к уголовной ответственности.

Отсутствие или переизбыток родительского контроля. Само явление родительского контроля педагоги делят на несколько видов [7, с. 82]:

- 1) взаимодоверительный (демократичный);
- 2) жесткий (контроль постоянный, ежедневный, ограничительный);
- 3) эпизодический (контроль от случая к случаю);
- 4) бесконтрольность (практически отсутствие контроля).

Исследования Ю.И. Юрички [11] показали, что в семьях школьников с отклонениями в поведении преобладают эпизодический контроль и бесконтрольность, а взаимодоверительный контроль почти отсутствует. Ниже показана зависимость между различными степенями родительского контроля и степенью алкоголизации подростка (рис. 1–4). На четырех диаграммах представлены ответы на вопрос: «С кем подросток проводит большую часть своего времени?» [4, с. 13]:

- 1 — группа подростков, не употребляющая алкоголь;
- 2 — группа подростков, редко употребляющая алкоголь, в основном из любопытства;
- 3 — группа подростков, регулярно употребляющая алкоголь;
- 4 — группа подростков, часто употребляющая алкоголь.

Сексуальное насилие. В действительности, по мнению некоторых ученых, проблема сексуального насилия в семье стала эффективно изучаться сравнительно недавно [7, с. 101–102]. В силу различных обстоятельств данные опросов имеют колоссальный разброс в значениях [3]. Следовательно, проблема изучена далеко не так глубоко, как необходимо, однако подтвержден тот факт, что последствия сексуального насилия чрезвычайно опасны как для подростка, так и для общества. Нарушения Я-концепции, депрессии, психические расстройства, сексуальные девиации, трудности в межличностных отношениях — по мнению многих исследований, это лишь немногие отклонения подростков, подвергавшихся сексуальному насилию в семье. По мнению С.В. Ильиной [7, с. 102], одним из главных последствий следует

считать утрату базового доверия к себе и миру, что само по себе может являться корнем многих проблем и отклонений во взрослой жизни индивида.

Проблемы внутрисемейных отношений.

Под внутрисемейными отношениями понимаются:

1) Система отношений «Родитель – родитель»;

2) Система отношений «Ребенок – ребенок»;

3) Система отношений «Родитель – ребенок».

Внутрисемейные отношения также можно разделить на три группы:

- 1) хорошие, искренние;
- 2) безразличные, равнодушные;
- 3) плохие, конфликтные.

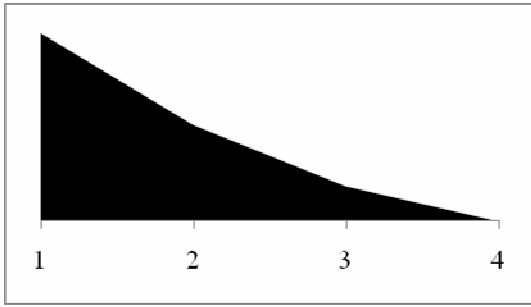

Рис. 1. «Родители всегда знают, с кем ребенок проводит время вне дома»

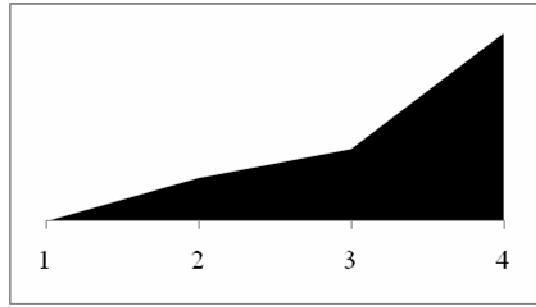

Рис. 2. «Родители не знают, с кем ребенок проводит время вне дома»

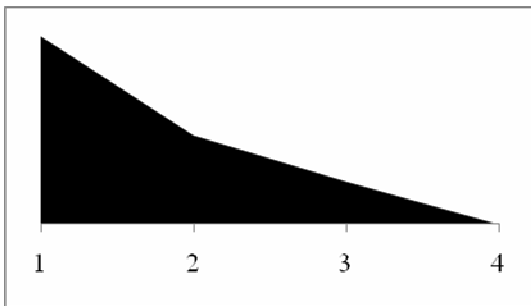

Рис. 3. «Ребенок всегда возвращается к назначенному времени»

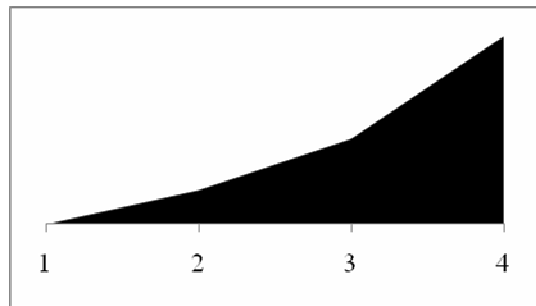

Рис. 4. «Ребенок никогда не возвращается к назначенному времени»

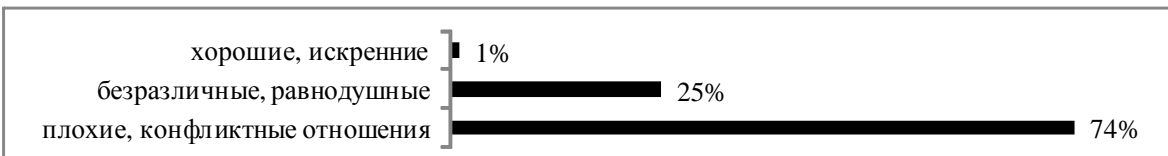

Рис. 5. Взаимоотношения родителей в семьях неблагополучных подростков

Ю.И. Юричкой было проанализированы взаимоотношения в семьях неблагополучных подростков и было выявлено, что в подавляющем большинстве из них господствуют плохие, конфликтные взаимоотношения между родителями (74%) и безразличные, равнодушные (25%). На семьи с хорошими, искренними взаимоотношениями приходится, соответственно, 1% (рис. 5).

При отсутствии значимых для ребенка элементов воспитания в семье, при негативных отношениях с самыми близкими людьми нередко ребенок находит утешение в распитии спиртных напитков, как правило, в компании сверстников.

На рис. 6–13 приведена зависимость между плохими взаимоотношениями в семье и степенью алкоголизации ребенка [4, с. 8]:

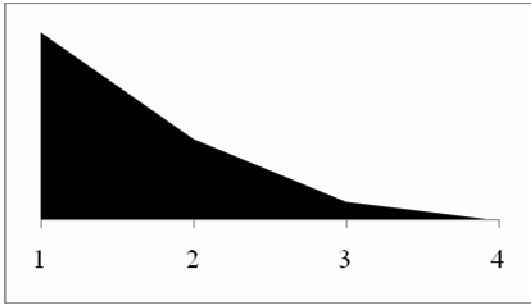

Рис. 6. «Очень хорошие отношения с отцом»

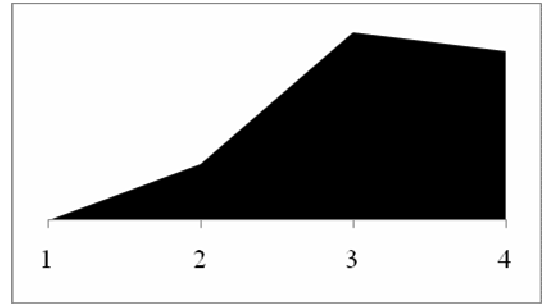

Рис. 7. «Плохие и очень плохие отношения с отцом»

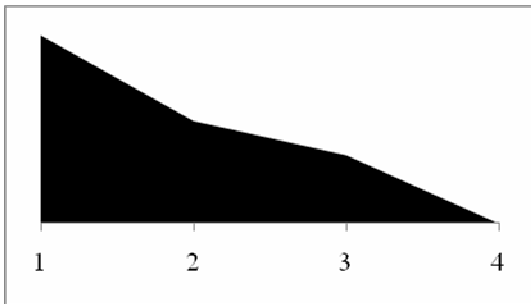

Рис. 8. «Очень хорошие отношения с матерью»

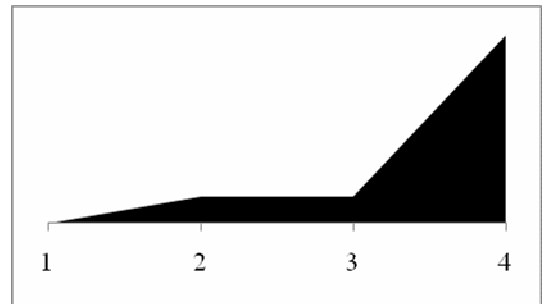

Рис. 9. «Плохие и очень плохие отношения с матерью»

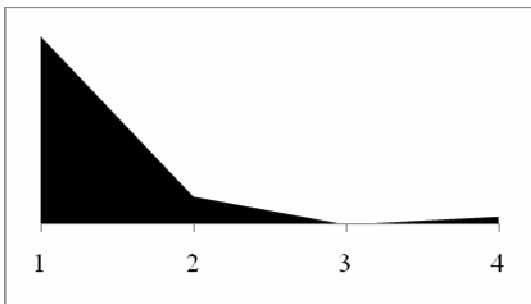

Рис. 10. «Проводят время с родителями раз в неделю и чаще»

Рис. 11. «Проводят время с родителями не чаще, чем раз в год»

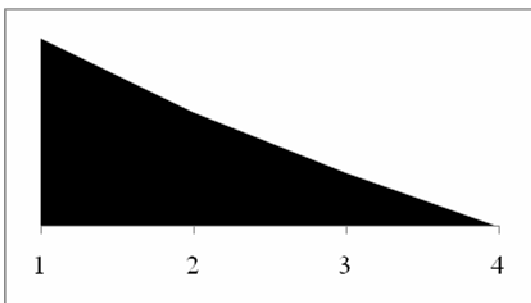

Рис. 12. «Совместный ужин с родителями 6–7 раз в неделю»

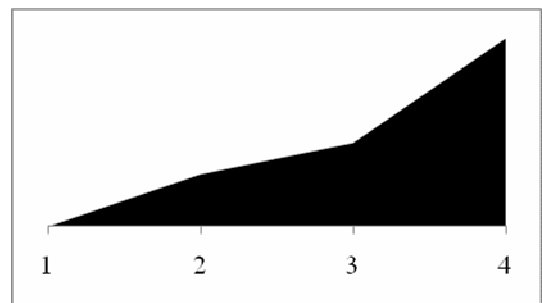

Рис. 13. «Совместный ужин с родителями реже, чем 1 раз в неделю»

1 — группа подростков, не употребляющая алкоголь;

2 — группа подростков, редко употребляющая алкоголь, в основном из любопытства;

3 — группа подростков, регулярно употребляющая алкоголь;

4 — группа подростков, часто употребляющая алкоголь.

Личностные особенности родителей. Разаумеется, что при личностных отклонениях родителей, при наличии у них комплексов и проблем в характере это будет сказываться на детях. Э.Г. Эйдемиллер считает, что особую роль при формировании отклонений в семейном

воспитании играют две группы причин: отклонения в личности самих родителей и существование у них психологических проблем, которые они пытаются решить за счет ребенка [10]. В педагогической и психологической литературе нередко авторы формировали различные поведенческие типы как самих родителей, так и их моделей поведения по отношению к детям [2; 10]. Последнее следует отнести также и к зловредным педагогическим промахам. Следует отметить тот факт, что у большинства несовершеннолетних правонарушителей родители либо имели(ют) судимость, либо являются правонарушителями (рис. 14) [6].

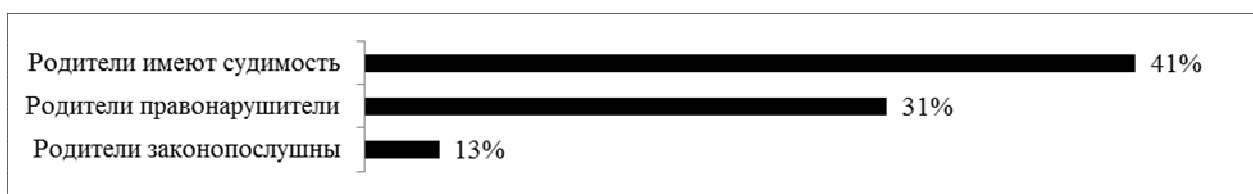

Рис. 14. «Склонность к правонарушениям родителей несовершеннолетних преступников»

Алкоголизм родителей. Современная ситуация с алкоголизацией складывается таким образом, что сейчас трудно представить правонарушение без находящихся в состоянии алкогольного опьянения участников. Многие исследователи, которые изучали связь алкоголизации подростка с вероятностью совершения им преступления, практически всегда приходили к выводу, что употребление алкогольных напитков чрезвычайно сильно влияет на формирование девиантного и делинквентного поведения [4]. Алкоголизм зачастую формируется у подростка под влиянием компании друзей-знакомых либо семьи. В одном случае ввиду несостоятельности семьи и проблем в ней ребенок попадает в неблагоприятную социальную среду и приобщается к алкоголю как к средству решения своих проблем. В другом, при пьющих родителях (либо одном из них) индивид зачастую на подсознательном уровне воспринимает это как норму: отмечать праздники с алкоголем, выпивать по выходным, употреблять «немного» после тяжелого дня или когда плохое или хорошее настроение. Таким образом, алкоголизм в семье — один из неоспоримых показателей девиантности в период первичной социализации индивида.

Низкое материальное положение. Расслоение общества приводит к социальным конфликтам, порождению чувства социального дискомфорта, зависти, переходящей в агрессию, которая приводит к игнорированию запретов на совершение корыстных правонарушений, внутреннему оправданию таких действий, изменению психики подростков, распространению в их среде потребительской психологии. Несовершеннолетние более болезненно переживают свое низкое положение в иерархии общества, и порой это является толчком для совершения противоправных деяний с целью получения материальных благ более легким путем [5, с. 3].

Неблагоприятные условия проживания. Конкретные бытовые условия проживания также имеют большое значение. В качестве примера можно привести теорию разбитых стекол, сформулированную английскими социологами в 1982 г. [12], согласно которой, если кто-то разбил стекло в доме и никто не вставил новое, то вскоре ни одного целого окна в этом доме не останется, а потом начнется мародерство. Иными словами, при ухудшении окружающей обстановки изменяется поведение индивидов в деструктивную сторону.

Неполная семья. Воспитание ребенка в неполной семье (без участия матери или отца), как правило, оставляет отпечаток на его личности в дальнейшем. Нарушается, к примеру, половая идентичность, а также возникают другие психические отклонения, способные повлиять на жизнь взрослого индивида в обществе. Зачастую злую шутку с детьми играет дефицит воспитания и внимания, что может привести как к плохим оценкам в школе, так и к вовлечению в неблагоприятную компанию. По результатам многих исследований, среди малолетних правонарушителей преобладали те, кто рос в неполных семьях.

Таким образом, рассмотрев наиболее часто встречающиеся негативные отклонения в семье, отметим, что все они крайне опасны для ребенка и могут способствовать формированию его девиантности негативного характера. Однако даже в неблагоприятных семьях не всегда дети становятся девиантами. В некоторых случаях они относительно безболезненно переживают недостатки своей семьи и выходят во взрослый мир, вполне соответствуя общепринятым нормам поведения. Как редкость, может встречаться и совершенно противоположная негативной девиацией «аномалия» — позитивная девиация. Эти индивиды способны пройти трудный путь «из грязи в князи», по большей части, не позволяя отклонениям своей семьи повлиять на их дальнейшую жизнь. Вследствие своей неординарности и прогрессивного потенциала такие случаи требуют особого изучения. Существует множество примеров, когда люди из неблагоприятных семей не приобщались к окружающей их среде, но, стремясь к лучшей жизни, добивались крупного успеха. Находясь в нищете, став главным добытчиком после смерти отца, 14-летний Ли Ка-шинг бросил школу и пошел работать по 16 часов в день [13]. Через несколько лет этот китаец стал самым богатым человеком в своей стране. Американская телеведущая Опра Уинфри в детстве была объектом сексуального интереса со стороны братьев, дяди и его друзей, жила с семьей в гетто, а бабушка стегала ее кнутом за непослушание. В возрасте 13 лет она убежала из дома, а в 14 забеременела и родила ребенка, который умер вскоре после родов [14]. Теперь же это самая популярная телеведущая США и одна из самых влиятельных женщин в шоу-бизнесе.

Можно утверждать, что эти люди, как и многие другие известные и влиятельные, стали успешными, будучи выходцами из семей, в которых, по обыденным представлениям, нельзя воспитать не только успешных, но и обычных людей без отклонений. Таких людей называют позитивными девиантами [17].

Позитивная девиация — подход к поведению и социальному изменению, основанный на наблюдениях о том, что в любой общности есть люди, которые, в отличие от ровесников, благодаря необычным, но успешным действиям или стратегии находят лучшее решение проблем, несмотря на отсутствие дополнительных знаний. Эти индивиды считаются позитивными девиантами [16]. В данном определении, по мнению автора, следует выделить два ключевых момента. Во-первых, позитивная девиация способна проявляться в любой общности. Во всех слоях общества, во всех странах, больших и малых социальных группах могут и проявляют себя индивиды с позитивной девиацией. Во-вторых, именно необычные действия, отличные от ординарных для данного общества поступков, приводят к успеху и способствуют прогрессу индивида. Э.В. Снимщикова считает, что позитивно-девиантная личность определяется совокупностью таких характеристик, как владение информацией, гибкость мышления, характер, высокая работоспособность, творческий подход к деятельности, готовность к риску в условиях нестабильности и непредсказуемости, готовностью к непрерывному саморазвитию, самовоспитанию, переосмыслению собственного «Я» на качественно новом уровне [8, с. 3].

Изначально наблюдения по позитивной девиации проводились Джерри и Моникой Стернин в рамках проекта «Спасение детей» во Вьетнаме в 90-ых гг. XX в. [15]. Ими было выявлено, что нестандартное кормление родителями своих детей способствовало улучшению их здоровья, вследствие повышенной сытости, в отличие от других детей. В это же время подавляющее большинство семей с детьми страдало от голода. Тем самым после данных наблюдений было также сформулировано и вышеуказанное определение поведенческого подхода к позитивной девиации. К несчастью, позитивные девианты — явление достаточно ред-

кое, их меньше, чем людей с негативной и нейтральной девиацией.

Наряду с негативными проявлениями в семье можно также выделить девиации, которые воспринимаются обществом как отклонения, несмотря на их одобрение.

Многодетность. Многодетными семьями в Российской Федерации считаются семьи с 3 и более детьми. В силу многих обстоятельств родителям в России трудно содержать и воспитывать одного ребенка, не говоря уже о трех и более. Однако, общество, как правило, одобрительно относится к проявлениям многодетности, разумеется, при условии, что родители имеют возможность обеспечивать всех детей. Многодетным семьям выплачивают «Материнский капитал», в некоторых регионах обеспечивают жильем и выдают прочие субсидии, а иногда и награды («Медаль материнства», «Материнская слава» и др.). Дети в таких семьях с меньшей вероятностью могут стать эгоистами, а также они учатся делиться, жить со сверстниками, навыки общения и взаимодействия формируются быстрее.

Усыновление, опекуновство. Семьи, в которых есть усыновленные дети, выполняют важнейшую социальную функцию — адаптация и социализация сирот и детей, чьи родители утратили родительские права. Воспринимается зачастую как «чуждость», когда благополучная семья усыновляет ребенка, у которого родители были либо наркоманами, либо преступниками, либо неизвестными личностями. С другой стороны, поступки приемных родителей вызывают практически однозначное одобрение обществом. Даже известные личности выступают примером для подражания, когда усыновляют детей. Например, известные голливудские актеры Бред Питт и Анджелина Джоли усыновили трех детей их бедных стран Азии и Африки [1], продемонстрировав всему миру, что таким детям нужна помощь подобного рода. В обществе это вызвало недоумение и, вместе с тем, всеобщее одобрение. По форме и содержанию опекуновству и усыновлению во многом близки патронажные семьи, которые весьма распространены в Пермском крае и в России в целом.

Учитывая наследственность, можно предположить, что у ребенка могут проявляться те или иные черты характера родителей. Но, как

правило, воспитание другими людьми способно изменить ребенка. Поэтому очень многое зависит от самих приемных родителей, поскольку при педагогически грамотном воспитании есть возможность привить индивиду те качества характера, которые будут выгодно его отличать перед биологическими родителями.

Религиозность. Те ячейки общества, в жизни которых религия и вера имеют большое значение, зачастую более нравственны и менее склонны к негативным отклонениям. В данном контексте имеется в виду принадлежность не к радикальным конфессиям, а к традиционным, исповедующим общечеловеческие ценности религиозным течениям. Походы в церковь, соблюдение постов, празднование религиозных и государственных праздников в кругу семьи дисциплинируют ребенка, прививают знание и соблюдение социальных норм, а знание ключевых трактатов формирует религиозное образование с молодости. При отсутствии фанатизма и адекватном религиозном воспитании ребенку прививаются действительно необходимые знания и ценности, которые практически всегда имеют положительное значение.

Рассмотрев некоторые проявления позитивных отклонений в семье, следует отметить, что это лишь основные формы. В условиях мощных социальных и экономических трансформаций то, что ранее считалось и должно считаться нормой, теперь также можно отметить как позитивную девиацию. Например, абсолютно нормально заниматься культурным просвещением ребенка, т.е. водить его по музеям, галереям и театрам. Но далеко не во всех семьях это практикуется.

Таким образом, рассмотрев основные проявления негативной и позитивной девиаций индивида и семьи, а также проанализировав возможные последствия отклонений в семье для ребенка, мы имеем возможность сделать некоторые выводы.

- Формируется и проявляется негативная девиация значительно чаще, в отличие от нейтральной и позитивной. Это касается как уровня индивида, так и уровня целой группы — семьи.
- Любые девиации способны проявляться в любых условиях, но особое значение приобретает семья как малая социальная группа.

па, способная повлиять на формирование позитивных и негативных отклонений.

- Позитивные девиации в отличие от других отклонений носят преимущественно конструктивный характер, прогрессивно воздействующий на общество, в то время как негативные отклонения опасны как для индивида, так и для социума в целом. Важно, чтобы семья и общество не ограничивали возможность проявления позитивных отклонений, ограничивая и пресекая негативное в поведении человека.

Список литературы

1. *Дети* Анжелины Джоли и Бреда Питта. URL: <http://angelinajolie.do.am/index/0-10> (дата обращения: 01.10.12).
2. *Захаров А.И.* Предупреждение отклонений в поведении ребенка. СПб.: Союз, 1997.
3. *Кон И.С.* Совершение детей и сексуальное насилие в междисциплинарной перспективе // Дети России: насилие и защита: материалы Всерос. науч.-практ. конф. М.: РИПКРО, 1997. С. 63–74.
4. *Моисеева В.В.* Основные тенденции и факторы риска в алкогольном поведении молодежи: связь с девиацией // Социальные аспекты здоровья населения. 2010. №3. С. 16.
5. *Некрасов Д.Ю.* Социальные аспекты возникновения подростковой преступности // Университетские исследования: электрон. журнал. URL: http://www.uresearch.psu.ru/files/articles/402_77044.doc (дата обращения: 25.09.2012).
6. «Преступление и наказание» несовершеннолетних правонарушителей: Мнения населения и экспертов (По материалам конкретного социологического исследования подростковой преступности). СПб.: Центр независимых социол. исследований, 2004.
7. *Пятунин В.А.* Девиантное поведение несовершеннолетних: современные тенденции. М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2010. Ч.1. С. 282.
8. *Снимщикова Э.В.* Социализация и позитивные девиации личности // Теория и практика общественного развития. 2011. №7. С. 114–116.
9. *Шереги Ф.Э.* Социология девиации: прикладные исследования. М.: Центр социального прогнозирования, 2004.
10. *Эйдемиллер Э.Г.* Методы семейной диагностики и психотерапии: метод. пособие. М.: Фолиум, 1996.
11. *Юрочка Ю.И.* Диагностика и социализация личности несовершеннолетнего правонарушителя. Бирск: Изд-во Бирск. гос. пед. ин-та, 1994.
12. *James Q. Wilson, George L. Kelling.* Broken windows. URL: http://www.manhattan-institute.org/pdf/_atlantic_monthly-broken_windows.pdf (date of use: 10.10.2012).
13. *News from sina.com.hk.* Retrieved 5 August 2011. URL: <http://news.sina.com.hk/news/3/1/1/2399381/1.html> (date of use: 25.09.2012).
14. *Oprah Winfrey Biography.* URL: <http://www.thebiographychannel.co.uk/biographies/oprah-winfrey.html> (date of use: 25.09.2012).
15. *Pascale, Sternin & Sternin.* The Power of Positive Deviance: How Unlikely Innovators Solve the World's Toughest Problems. Harvard Business Press. Print, 2010. 231 p.
16. *Positive Deviance Initiative.* URL: <http://www.positivedeviance.org> (date of use: 17.09.2012).
17. *Sternin J., Choo R.* The power of positive deviancy // Harvard Business Review. 2000. January-February. P.14–15.

FAMILY INFLUENCE ON THE TEENAGER DEVIANCE FORMATION

Pavel V. Pinaev, Dmitry Y. Nekrasov

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Family influence on formation negative and positive deviant behavior in the article considered. Also are analyzed positive and negative family deviance. Were explored exhibition of positive and negative deviance.

Key words: family; society; state, deviant behavior; delinquent behavior; negative deviance; positive deviance.

УДК 316.334:314.5/.6

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ВИТАЛИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

А.В. Яйтакова

Посвящена анализу типов репродуктивного поведения населения Республики Алтай как одного из индикаторов демографического процесса региона. Посредством авторского социологического исследования проанализированы репродуктивные установки населения и выделены факторы, их определяющие: материально-экономическая обеспеченность, жилищная обеспеченность, место жительства, уровень образования, влияние СМИ, этническая принадлежность.

Ключевые слова: репродуктивное поведение; демографическое развитие; факторы; среднетипный тип семьи; малодетный тип семьи; население.

Традиционно под демографическим процессом понимается общая характеристика численности, возрастно-полового, брачного и семейного состава населения, общего уровня и тенденций демографических процессов в конкретных условиях места и времени. Однако с конца прошлого столетия с развитием демоэкономического подхода, рассматривающего территориальную организацию воспроизводства населения, все чаще под демографическим процессом понимается массовый непрерывно повторяющийся процесс создания индивидов конкретного социального качества [4, с. 3]. Тем самым, современное понимание демографического процесса значительно расширено, оно характеризует процесс воспроизводства совокупности не просто индивидов, а индивидов, обладающих теми социально-психологическими качествами, соответствующих нормам и требованиям современного мира. Подобное современное понимание демографических процессов наиболее объективно и гармонично отражает взгляды виталистской социологии и актуализирует исследование демографических процессов с точки зрения изучения индивидуальной и социальной субъектности человека, учитывающей риски для жизни человека и общества, усложнения системы факторов, детерминирующих процессы воспроизводства человека как биопсихосоциального существа.

С этой целью автором в 2011 г. было проведено социологическое исследование «Факто-

ры репродуктивного поведения населения Республики Алтай» во всех 11 муниципальных образованиях Республики Алтай. В исследовании приняло участие 1266 человек, из них 71,8% респондентов, имеющих детей. Большинство респондентов имеет двух детей — 40,7%, одного ребенка — 38,0%, трех детей — 15,1%, четверых детей — 3,9%, пять и более детей — 2,3%.

Исследованием выяснено, что доминирующим типом репродуктивного поведения респондентов является малодетный (1–2 ребенка), в то время как в родительских семьях респондентов преобладает среднетипный тип репродуктивного поведения, где доминирующее количество 2–3 ребенка. Кроме того, в родительских семьях значительно чаще встречаются случаи рождения четырех, пяти, шести и более детей. Эмпирически выявленная смена типов репродуктивного поведения респондентов в первую очередь объясняется трансформацией института семьи: изменение функций, семейных ролей, внутрисемейных отношений, семейной морали, вызванное структурными перестройками общества начала прошлого столетия [2, с. 69], а во-вторых, тем, что, несмотря на существование положительной корреляции между размером родительской и своей семьи в периоды трансформации семьи, связь между поколениями ослабевает [1, с. 32–40]. Тем не менее, данную связь, хотя и незначительную, можно наблюдать в репродуктивных уста-

новках респондентов: несмотря на уменьшение количества рождений в семьях респондентов, большинство из них (59,5%) отмечают, что им «хотелось бы иметь больше детей, чем есть сейчас».

Исследование мотивов рождения детей обозначило определяющую роль психологических мотивов, нежели экономических. В числе представленных мотивов такие мотивы, как «любовь к детям» (22,4%), «ожидание радости с появлением ребенка» (13,3%), занимают лидирующие позиции, также значителен социальный мотив «обеспечение продолжения рода» (16,6%). Экономические мотивы респонденты указали меньше всего, к примеру получение пособий, льгот (0,7%).

Психологические мотивы как субъективный фактор являются внутренним двигателем репродуктивного поведения. Однако реализация репродуктивных функций обусловлена не только рядом субъективных, но и объективных факторов, представленных в виде обстоятельств жизнедеятельности человека, семьи, так называемые социально-экономические факторы.

Изучение обстоятельств, условий рождения детей показало, что больше половины опрошенных респондентов имеют не самые лучшие условия для рождения и воспитания детей. Так, на момент рождения своего первого ребенка 79,2% респондентов состояли в зарегистрированном браке, работали 67,6% опрошенных, супруг(а) работал у 67,1% респондентов, собственное жилье имели лишь 40,3% опрошенных, имели предметы, бытовую технику, мебель первой необходимости — 61,4%, ежемесячный доход семьи у 53,2% респондентов был ниже 5500 руб.

Чаще всего в качестве обстоятельств откладывания или отказа от рождения ребенка как для городских, так и для сельских респондентов выступают материальные трудности, низкий уровень доходов — 22,4%, отсутствие собственного жилья — 12,9%, нестабильная экономическая ситуация в стране, республике — 9,1%.

Полученные данные указывают на низкий уровень материальной обеспеченности респондентов, что не в полной мере позволяет реализовывать свои репродуктивные функции. Так,

согласно официальным статистическим данным, в 2010 г. у 46,5% населения субъекта величина среднедушевого денежного дохода в месяц был до 10 000 руб. [3, с. 165]. Такое положение, безусловно, отражается на репродуктивном поведении населения, снижая ее активность.

С другой стороны, более детальное изучение репродуктивных установок респондентов по идеальному, желаемому и планируемому числу детей показывает некую противоречивость. Респонденты в первую очередь за идеальным и желаемым числом детей считают 3, 2, 4, 5 детей (43,2%, 34,8%, 6,8%, 6,8% соответственно), желаемым числом детей — 3, 2, 5, 1 (38,2%, 37,6%, 8,3%, 7,6% соответственно). Однако при экономической стабильности семьи респонденты планируют 2, 3, 1 ребенка (38,2%, 25,4%, 24,2% соответственно). Если оценивать ответы респондентов с точки зрения материального положения, то практически все категории респондентов планируют от одного до трех детей. Больше всего респондентов, планирующих 2–3 детей, имеют средний достаток, оценивают свое материальное положение как «денег хватает только на питание и товары первой необходимости». В то время как люди, не имеющие материальных трудностей, оценивающие свое материальное положение как «нет материальных трудностей», планируют иметь одного или двух детей. Двух или одного ребенка планируют также люди, оценивающие свое материальное положение как «денег хватает только на питание». Более того, исследованием выяснилось, что в случае сохранения стабильной социально-экономической ситуации в стране, регионе все категории респондентов по уровню материального достатка: низкий, средний, высокий — затрудняются ответить на вопрос о том, через сколько лет они планируют родить первого или очередного ребенка (15,9%, 13,5%, 2,0% соответственно), на втором месте во всех трех группах респондентов стоит ответ «не планирую ни при каких условиях» (13,7%, 10,8%, 1,5% соответственно), на третьем месте у респондентов с низким уровнем достатка ответ «через 4 и более лет» (6,5%), у респондентов со средним и высоким уровнем достатка — «через 1 год» (5,3% и 1,0% соответственно). Тем самым получается, что, даже имея ста-

бильный средний уровень достатка, увеличение рождаемости выше 2–3 детей в своих семьях респонденты не прогнозируют и не планируют. Кроме того, те респонденты, которые имеют высокий уровень достатка, также не планируют увеличивать рождаемость в своей семье свыше 1–2 детей. Данный вывод может иметь концептуальное значение для формирования демографической политики региона. Анализ государственных документов в области демографического развития показывает, что в числе всех принятых мер по увеличению рождаемости основная надежда органами государственной власти возложена на меры экономического характера. В то же время исследование показывает, что экономическое стимулирование не способно оказывать прямого воздействия на степень реализации репродуктивных установок и функций.

В числе факторов, определяющих доминирующий тип репродуктивного поведения респондентов, были выделены следующие.

Во-первых, **материально-экономическая обеспеченность.** В условиях современности, рыночных отношений главенствующую позицию занимает материальный фактор. Большинство респондентов (58,8%) оценивают свое материальное положение как «денег хватает только на питание и товары первой необходимости», 15,5% оценивают свое материальное положение как «денег не хватает даже на питание», 14,3% указывают, что «денег достаточно для покупки бытовой техники (телевизор, холодильник и т.п.)» и лишь 2,3% указывают, что у них «нет материальных трудностей, при необходимости могут купить дорогостоящие вещи (автомобиль, квартиру и т.п.)», затрудняются ответить 9,0%. Исследование наличия детей у респондентов и уровня их материального достатка показало определенное влияние уровня материальной обеспеченности на реализацию репродуктивных функций респондентами. Несмотря на то, что в целом все группы респондентов в первую очередь имеют 1–2 детей, тем не менее выявилось, что чем выше уровень материальной обеспеченности, тем больше количество детей: если лидирующую позицию во всех группах респондентов занимает количество в 1–2 ребенка, то на втором месте у респондентов с низким уровнем материальной обеспеченности — 1 ребенок (5,7%), у респонден-

тов средней и высокой материальной обеспеченности 3 детей (1,6%, 0,4% соответственно). Однако при соотнесении реального количества детей у респондентов с высоким уровнем достатка с их репродуктивными установками и намерениями был получен амбивалентный вывод: с одной стороны, эта группа респондентов демонстрирует выше, чем малодетный, уровень рождаемости, а с другой стороны, их репродуктивные установки ниже, чем установки на детность у респондентов со средним уровнем достатка. Данное положение, скорее всего, объясняется тем, что данная группа респондентов в силу больших возможностей, чем у других групп респондентов, больше склонны попадать под влияние современных стереотипов репродуктивного поведения, транслируемой СМИ. Тем самым, в перспективе возможно сокращение рождений в семьях материально обеспеченных респондентов в соответствии с их репродуктивными установками на малодетность.

Во-вторых, **жилищная обеспеченность.** Отсутствие собственного жилья является одним из основных препятствий в реализации репродуктивных намерений респондентов. Большинство респондентов (77,9%) проживают в частных домах, из них 64,3% проживают в частных домах без благоустройства. В благоустроенной квартире проживают 8,0%, в квартире с частичным благоустройством — 6,3%, в коммунальной квартире — 1,9%. Как видим, больше половины опрошенных людей проживают в условиях без центрального отопления, центрального водоснабжения горячей и холодной водой, системы канализации, что затрудняет благополучное жизнеустройство человека, имеющего несовершеннолетних детей. При исследовании выяснилось, что большинство респондентов, которые оценивают свои жилищные условия как «плохие» и «очень плохие», имеют наименьшее количество детей: 1 ребенка (2,4% и 1,9% соответственно), в то время как большинство респондентов, живущих, по их мнению, в «хороших», «скорее хороших, чем плохих» условиях имеют по 2 ребенка (13,6%, 13,1% соответственно). Кроме того, если изучать наличие детей в зависимости от вида жилья, то большинство респондентов, проживающих в коммунальной квартире, имеют наименьшее количество детей — 1 ребенка (0,6%),

в то время как большинство респондентов, проживающих в частных домах без благоустройства, с благоустройством, в квартирах с частичным благоустройством, имеют по 2 ребенка (27,3%, 6,1%, 3,7% соответственно). Необходимо подчеркнуть, что большинство респондентов, проживающих в благоустроенной квартире, имеют по 1 ребенку (3,9%), что, скорее всего, обусловлено принадлежностью их к городским респондентам, для которых характерно, по сравнению с сельскими респондентами, преобладание семей с 1 ребенком. Исследованием выяснилось, что респонденты, имеющие очень хорошие жилищные условия, в первую очередь желают и планируют иметь 3 детей (2,1%, 2,3% соответственно), в то время как респонденты, имеющие очень плохие жилищные условия, желают иметь 3 детей (1,3%), а планируют иметь 2 детей (1,1%). Следовательно, прослеживается влияние жилищного фактора на реализацию репродуктивных установок и функций респондентов.

В-третьих, место жительства. Городские респонденты, в отличие от сельских, в большей степени продемонстрировали репродуктивную установку на малодетность. Большинство респондентов, проживающих в городской местности, имеют 1 ребенка (7,0%), 2 детей (5,7%), 3 детей (1,3%), 4 детей (0,2%), 5 и более детей (0,1%). В то время как респонденты, проживающие на селе, в первую очередь имеют 2 детей (35%), 1 ребенка (31%), 3 детей (13,8%), 4 детей (3,7%), 5 и более детей (2,1%). Исследование репродуктивных установок по планируемому числу детей также выявило территориальную дифференциацию: городские респонденты в первую очередь планируют 1 ребенка (7,1%), затем 2 детей (5,8%) и лишь 1,7% городских респондентов планируют 3 детей. Напротив, сельские респонденты в первую очередь планируют 2 детей (32,4%), затем 3 детей (23,7%) и лишь 17,1% планируют 1 ребенка.

В связи с тем что социально-экономическое состояние сельских населенных пунктов исследуемого региона характеризуется низким уровнем развития, интересным было выявить наличие влияния репродуктивных установок сельских респондентов на их миграционную активность. Выяснилось, что среди тех респондентов, которые имеют детей, большинство не

планируют переезжать из села в город (66,6%), планирует переехать лишь 10,5%. Тем не менее сельские респонденты все же больше склонны считать, что «да, действительно лучше рожать, воспитывать, учить детей в городе» (39,5% затрудняются ответить и 23,5% полностью согласны), не согласны с представленным суждением 21,1%. Среди тех респондентов, которые планируют переехать из села в город, в основном имеют 1 ребенка (4,6%), доля тех, кто имеет от 2 и больше, варьируется от 3,8% (2 ребенка) и до 0,3% (5 и более детей). Однако среди респондентов, желающих переехать в город, высока доля тех, кто желает иметь больше детей, чем есть сейчас: 7,6% против 1,8% не желающих иметь больше детей. Тем самым выяснилось, что респонденты с относительно высокой миграционной активностью «из села в город» характеризуются репродуктивными установками на среднететность. Эта группа респондентов может явиться и, скорее всего, является тем репродуктивным потенциалом городского населения региона, удерживающего высокую плотность городского населения.

В-четвертых, уровень образования. Влияние уровня образования проявляется в разрыве между репродуктивными установками и степенью реализации репродуктивных функций: с повышением уровня образования разрыв между планируемым и имеющимся числом детей увеличивается.

К примеру, если рассмотрим респондентов с высшим образованием, то, исходя из своих социально-экономических возможностей, большинство респондентов этой группы планируют 2 детей (9,1%), однако реальное их число детей в их семьях на момент опроса — 1 (16,2%). Учитывая то, что большинство из них относится к городскому населению, вряд ли их репродуктивные планы будут реализованы в полной мере. В группе респондентов с начальным образованием большинство планируют 1 или 3 детей (0,5%), а реальное число детей у большинства этих респондентов — 3 (0,7%). Следовательно, видим, что имеющееся число детей у групп респондентов с разным уровнем образования отчетливо дифференцировано и, в целом, с повышением уровня образования среднее имеющееся число детей на одного респондента уменьшается.

В-пятых, **влияние СМИ.** В последние десятилетия в отечественных средствах массовой информации активно транслируется модель успешного человека, добившегося всего самостоятельно. Для измерения приверженности такой модели поведения нами было представлено суждение «В условиях современности, прежде всего, необходимо получить хорошее высшее образование, устроиться на хорошо оплачиваемую работу, наработать стаж и только потом выходить замуж (жениться), рожать детей». Полностью согласились с суждением 44,1% респондентов, полностью не согласны лишь 5,9% опрошенных. Следует отметить, что доминирование респондентов, полностью согласных с суждением, отмечено во всех группах респондентов независимо от состояния в браке, наличия детей и их количества, места проживания, возраста. Однако выявлена дифференциация по признаку пола: женщины в большей степени, чем мужчины, полностью согласны с данным суждением (23,2 и 21,0% соответственно). С одной стороны, эти данные иллюстрируют тенденцию общенациональной «вестернизации» репродуктивного поведения населения, в том числе и наших респондентов, а с другой стороны, являются показателем изменения структуры ценностных предпочтений исследованных женщин: доминирование таких благ, как карьерный рост, высокий доход, повышение квалификации, над семейными ценностями.

В-шестых, **этническая принадлежность.** Этническая принадлежность является одним из определяющих элементов репродуктивного поведения населения, поскольку в разных этнических культурах разные обычаи, традиции и стереотипы поведения, в том числе репродуктивного. Исследованием выявлена, хотя и незначительная, но выраженная дифференциация типа репродуктивного поведения и репродуктивных установок наших респондентов в зависимости от этнической принадлежности. Несмотря на то что на момент опроса у большинства респондентов, как алтайцев, русских, так и казахов, отмечено одинаковое количество детей (доминирующее количество 2 детей (16,0%, 22,0% и 1,7% соответственно), затем 1 ребенок (14,5%, 21,5% и 1,3% соответственно), на третьем месте преобладает 3 детей (8,5%, 6,0% и 0,7% со-

ответственно), имеются различия по репродуктивным установкам. Так, при экономической стабильности семьи алтайцы и казахи желают иметь на одного ребенка больше, чем русские, — 3 детей (18,8% и 2,2% соответственно). Русские же респонденты в первую очередь отмечают желание иметь 2 детей (24,7%). Отличия имеются и по реально планируемому числу детей у респондентов в зависимости от национальности. В целом, алтайцы и казахи, исходя из своих социально-экономических возможностей, планируют иметь в первую очередь 3 детей (15,1% и 2,0% соответственно), в то время как русские планируют 2 детей (22,2%). На втором месте в планах по рождаемости у алтайцев и казахов 2 детей (13,6% и 1,4% соответственно), у русских — 1 ребенок (17,1%). Что касается репродуктивных установок в родительских семьях респондентов, то также отмечается относительно высокая рождаемость в семьях алтайцев и казахов, в отличие от русских. Если в родительских семьях алтайцев и казахов в среднем преобладает от 3 до 5 детей, то в родительских семьях русских количество детей варьируется от 1 до 3 детей. На первом месте в родительских семьях алтайцев и казахов 3 детей (10,9%, 1,9% соответственно) и 2 ребенка в родительских семьях русских респондентов (21,7%). На втором месте — 2 детей в родительских семьях алтайцев и казахов (8,5% и 1,1% соответственно) и 3 детей у русских (5,4%). На третьем месте у алтайцев — 4 детей (5,1%), у казахов 5 детей (0,5%), а у русских 1 ребенок (5,4%). Эмпирические данные выявляют наличие межпоколенной трансляции репродуктивных установок и поведения, семейных ценностей и норм детности у этносов. В то же время сокращение показателя суммарной рождаемости респондентов, обозначающее собой смену типов репродуктивного поведения, свидетельствует о сбое в преемственности нормативной регуляции репродуктивного поведения.

Таким образом, в настоящее время в регионе наблюдается несоответствие реального количества детей идеальному и желаемому числу детей, что свидетельствует о наличии разрыва между репродуктивными установками респондентов со степенью их реализации, обусловленное наличием определенных препятствий в

виде социально-экономических факторов. В целом, подобная ситуация демонстрирует неполную реализацию репродуктивного потенциала опрошенной части населения и определяет тенденции трансформации типов репродуктивного поведения населения исследуемого региона. Следовательно, становится очевидным необходимость формирования политики региона, направленной на оптимизацию демографических процессов исходя из учета факторов, формирующих индивидуальную и социальную субъектность человека.

Список литературы

1. *Гришина О.В.* Репродуктивное поведение родителей и их детей в России // Вестник Моск. ун-та. Сер.6. Экономика. 2008. №6. С. 29–41.
2. *Демографическая модернизация России, 1900–2000* / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое изд-во, 2006.
3. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб.* / Росстат. М., 2011.
4. *Хомра А.У.* Воспроизводство населения (территориально-организационный аспект). Киев: Наукова думка, 1990.

DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE CONTEXT OF VITALIST SOCIOLOGY

Aruna V. Yaitakova

Gorno-Altai State University;

32, Socialisticheskaya str., Gorno-Altai, Altai Republic, 649000, Russia

The article is devoted to the analysis of the types of reproductive behavior of the population of the Altai Republic as one of the indicators of demographic process of the region. By means of the author's sociological analysis reproductive installations of the population are investigated and their determinative factors are sorted out: material and economic security, housing security, residence, education level, influence of mass media, ethnic origin.

Key words: reproductive behavior; demographic development; factors; middle-sized families; small-sized families; population.

УДК 316.422

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ*Е.А. Балезина*

Приведена характеристика современного социологического понимания процессов модернизации как незавершенного проекта для любого общества. Представлены несколько основных видов теорий модернизации. Каждая из теорий рассматривается с позиций идей современных социологов.

Ключевые слова: модернизация; социологические теории модернизации; «культурные» и «акультурные» теории

Теоретико-методологический анализ процессов социальной модернизации предусматривает исследование теоретических подходов к оценке процессов модернизации. Смысл, который сегодня вкладывается в понятие модернизация, означает весь комплекс трансформаций (социальных, экономических, политических, культурных и интеллектуальных), происходивших на Западе с XVI в. и достигших своего апогея в XIX–XX вв. Сюда включаются процессы урбанизации, рационализации, индустриализации, бюрократизации, доминирующего влияния капитализма, распространения индивидуализма, демократизации и мотивации успеха, утверждения разума и науки и многие другие. «Модернизация» в этом смысле означает достижение современности, процесс превращения традиционного, или дотехнологического, общества по мере его трансформации в общество, для которого характерны машинная технология, рациональные и секулярные отношения, а также высоко дифференцированные социальные структуры [11]. Классические социологические работы по модернизации в этом смысле принадлежат Конту, Спенсеру, Марксу, Веберу, Дюркгейму и Теннису.

Нейл Смелзер описывает модернизацию как комплексное, многомерное смещение, охватывающее шесть областей (экономику, сферу образования, политику, семейно-брачные отношения, религию и стратификацию). В экономической сфере отмечают появление новых технологий; переход от сельского хозяйства как средства к существованию к коммерческому сельскому хозяйству (фермерству); замену фи-

зического труда человека автоматизированными и механическими средствами; урбанизацию и территориальную (пространственную) концентрацию рабочей силы. В образовательной сфере под модернизацией понимают ликвидацию неграмотности, рост ценности знаний и квалифицированного труда. В политической сфере модернизация представляет собой переход к системе избирательного права, политических партий, представительства и демократического правления. В области семейно-брачных отношений модернизация заключается в ослаблении внутрисемейных связей и все большей функциональной специализации семьи; в религиозной сфере — в освобождении от влияния церкви; в области стратификации — в усилении значения мобильности, индивидуального успеха и ослаблении предписаний в зависимости от занимаемого положения [7].

В научной литературе теории модернизации, как правило, делят на линейные и многолинейные. Сегодня в социологии можно выделить три основных подхода к оценке онтологических оснований процессов модернизации, которые развиваются в рамках «культурных» и «акультурных» теорий модернизации, а также «проектной» стратегии целостного социального развития [4]. Важно отметить, что «акультурные» теории модернизации содержательно соответствуют линейным подходам, а «культурные» — многолинейным.

В теоретико-методологическом смысле все указанные подходы детерминированы общими теориями развития и изменения человеческого социума.

С точки зрения линейной модели модернизация вызывает изменения практически во всех сферах общества, порождая процессы структурно-функциональной дифференциации, социальной мобилизации, урбанизации, становления современных политических институтов и др. В рамках данного подхода модернизация считается необратимым и прогрессивным процессом. Так, согласно Д. Лернеру, модернизация — это своего рода ментальный сдвиг, достижение особого состояния рассудка, которое характеризуется верой в прогресс, склонностью к экономическому росту, готовностью адаптироваться к изменениям [2]. Анализируя на эмпирическом материале модернизацию стилей жизни, Д. Лернер наибольшее внимание уделял росту мобильности населения, распространению грамотности и средств массовой информации. Согласно социологу М. Леви, общество является «более или менее модернизированным в зависимости от того, как широко его члены используют неодушевленные источники энергии и/или применяют машины, чтобы умножить эффект собственных усилий» [цит. по: 2, с. 17].

В обобщенном онтологическом смысле линейные «акультурные» теории современности, в разные периоды своего развития, понимают под модернизацией, прежде всего, исторически обусловленную эволюцию обществ как сложноорганизованных систем в направлении универсализации их политических и экономических подсистем, а также нарастанием процессов функциональной и структурной сложности всех ее подсистем. В современных условиях в модернизируемых обществах происходят процессы нарастания демократизации политических систем, сближения экономических моделей инновационного развития с доминирующим влиянием в них многопрофильных транснациональных корпораций. Все это способствует, с одной стороны, углублению процессов мировой экономической и политической интеграции, а с другой — нарастанию культурной глобализации.

В основе методологии ранней линейной теории модернизации лежали аксиоматические теоретические положения Макса Вебера, заключающиеся в том, что любой процесс изме-

нения, совершающийся в обществе, в конечном счете означает усиление рациональных начал. Толкотт Парсонс обобщил аксиоматику Вебера и сформулировал закон возрастающей рациональности в применении к социальному обществу.

В начале XXI в. отчетливо можно выделить тенденции возврата к идее ранней модернизационной перспективы — «универсальность против уникальности развития». Существует несколько научных направлений, в рамках которых осуществляется обновленная теоретическая разработка ключевого постулата классической модернизационной парадигмы.

«Акультурные» теории современности отстаивают точку зрения, согласно которой логика модернизационных процессов в современных условиях детерминирована задачей обеспечения устойчивого экономического роста и конкурентоспособности в условиях международной экономической интеграции. Считается, что решение этой задачи осуществляется за счет модернизационных преобразований, экзогенного и эндогенно-экзогенного типов, в зависимости от собственных социокультурных оснований [5]. Процессы социальной модернизации рассматриваются в качестве двуединства проектно-управляемых и стихийных процессов. Эти стихийные процессы, в целях обеспечения устойчивости и воспроизводства политической системы, должны подлежать локализации. И культурная глобализация является важнейшим фактором указанных стихийных процессов и угрозой культурной идентичности обществ.

В соответствии с логикой структурно-функционального анализа, рассматриваемые линейные теории предполагают, что воспроизводство политической системы и ее динамическое равновесие в условиях «вызовов» культурной глобализации достигаются за счет усиления государственного влияния на следующие ее функции: политическая социализация, политическое рекрутирование и политическая коммуникация. В течение последних лет эти «вызовы» оказывают воздействие на большинство социальных систем мировой цивилизации. Они получили название культурной динамики глобализации. Сегодня на ценности и образ жизни обыкновенных людей в их повседневном суще-

ствовании оказывается сильнейшее, в первую очередь информационное воздействие. Во многих странах можно наблюдать явление, называемое локализацией: глобальная культура принимается, но с существенными видоизменениями, так как изоляция от глобальной культуры обязательно требует изоляции и от глобальной экономики, а затраты на поддержание такого положения очень высоки и противоречат логике экономического развития.

В конце XX – начале XXI в. в рамках линейных «акультурных» теорий современности получила теоретическое обоснование идея *постмодернизационного* развития. Согласно данной идее экономическое развитие, культурные и политические изменения идут рука об руку, образуя некую целостность. А модернизация — не финальный этап истории. Становление передового индустриального общества ведет еще к одному особому сдвигу в базовых ценностях, среди которых уменьшение значения инструментальной рациональности, характерной для индустриального общества. Преобладающими идеями становятся ценности постмодерна, неся с собой ряд разнообразных социетальных перемен, от равноправия женщин до демократических политических институтов и упадка государственно-социалистических режимов. Хотя культура способна оказывать формирующее воздействие на экономическую и политическую жизнь, столь же верно и то, что значительные социально-экономические изменения переформируют культуру. Переход от модернизации к постмодернизации отражает сокращение приращиваемой полезности экономического детерминизма. Экономическим факторам выпадает играть решающую роль в условиях скудости экономики, но с уменьшением «нехватки» облик общества в возрастающей степени определяют другие факторы [3]. Так, посредством процессов случайной мутации и естественного отбора культура адаптируется к данной среде.

Постмодернизация представляет собой сдвиг в стратегиях выживания через изменения образа жизни. Она движется от максимизации экономического роста к максимизации выживания и благополучия. С развитием индустриализации модернизация сконцентрировалась на

быстром экономическом росте как наилучшем способе максимизации выживания и благополучия. Акцентируя свое внимание на увеличении продолжительности жизни и на конкуренции, модернизация уменьшает риск голода, но все это приводит к нарастанию психологического стресса. Переход от модернизации к постмодернизации ознаменовался сдвигом траектории с максимизации экономического роста к максимизации качества жизни.

Обобщая основные теоретико-методологические идеи современных линейных «акультурных» теорий к процессам модернизации, можно сделать следующие выводы:

- модернизация является незавершенным, открытым процессом;

- в мире наблюдается нарастание тенденций культурной конвергенции и интеграции;

- основная задача модернизации заключается в создании на уровне конкретного общества условий для устойчивого экономического роста и конкурентоспособности в условиях международной экономической интеграции;

- в рамках эволюционного развития и перехода к постмодерну происходит глобальный процесс «возрастания возможностей человеческого выбора» [1, с. 154]. Этот выбор возможен, во-первых, в силу индивидуальных ресурсов, которые предоставляет каждому современное социально-экономическое развитие; во-вторых, в силу приоритета ценностей самовыражения; в-третьих, в силу существующих реальных прав, гарантируемых современной демократией и предоставляющих законодательный базис для индивидуального выбора.

В обобщенном смысле линейные «акультурные» теории модернизации понимают под ней, прежде всего, исторически обусловленную эволюцию развития обществ как сложноорганизованных систем в направлении универсализации их экономических, социальных и политических подсистем, а также нарастанием их структурной и функциональной сложности [4].

В 1970–1990-х гг. были сформулированы положения *многолинейной модели* модернизации (В. Цапф, П. Штомпка, А. Турен и др.). В рамках этой концепции авторы обращают внимание на возможность национальных моделей модернизации; на роли социальных факторов,

обладающих возможностью повлиять на трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства; на допустимость различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации (отдельные акторы могут отвергать движение по пути модернизации, если они имеют доступ к ресурсам в рамках старого институционального устройства); на положительную роль социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода; на некорректность интерпретации модернизации как непрерывного процесса. Исследованиям, осуществленным в рамках данной теоретической модели, присущ отказ от жесткого детерминизма любого толка — культурного, экономического, когнитивного, политического и т.д. Данная модель более восприимчива к микроанализу, что является несомненным плюсом в ее использовании применительно к повседневной истории. Однако эта модель трактует модернизационные процессы предельно широко. Под понятием «модернизация» в данном случае понимаются любые изменения, происходящие в разных регионах мира в различные хронологические периоды.

Современные многолинейные «культурные» теории модернизации эклектично заимствуют, интегрируют и развивают ряд теоретических идей:

– идеи организмической концепции «высоких культур» О. Шпенглера. Вместо человечества Шпенглер предлагает говорить о локальных, отличных друг от друга, индивидуальных культурах, не связанных преемственностью в своем развитии. «Каждая культура неизбежно должна иметь свою собственную идею судьбы» [10, с. 13]. Другими словами, каждая такая культура живет своей собственной, особой жизнью. Она создает свои научные, культурные и политические ценности, ничего не может воспринять у других культур. Эти идеи во многом напоминают взгляды Данилевского, который говорил о культурно-исторических типах, где каждый тип замкнут, его существование аналогично с жизнью и циклами бытия живых организмов. Данилевский ставил под сомнение идею о единой линии исторического и культурного развития общества, обосновывая тезис о славянской исключительности. Он утверждал,

что история не есть непрерывный процесс, что все развитие общества заключается в смене культурно-исторических типов, каждый из которых живет собственной жизнью, имеет свое лицо и свою судьбу. Всего культурно-исторических типов в истории Данилевский насчитывал тринадцать: египетский, китайский, древнесемитский, индийский, иранский, новосемитский, греческий, римский, арабский, романо-германский или европейский, перуанский, мексиканский и славянский;

– идеи динамики «культурных суперсистем» П.А. Сорокина. Используя общие принципы системного подхода, Сорокин создал телеологическую концепцию о возникновении в процессе сложного интеграционного движения всемирной истории «культурных суперсистем», обладающих внутренней, стадийной логикой развития и сложным типом индивидуальных взаимосвязей ее подсистем (религии, экономики, политики, искусства и т.д.). «Культурная суперсистема» проходит стадии: идеациональную (умозрительную), идеалистическую и чувственную (сенсуалистическую) [6, с. 431]. Каждая стадия обладает особыми доминирующими телеологическими характеристиками — ценностями, которые детерминируют реальность общественного бытия и его уникальность. Переход суперсистемы из одной стадии в другую связан с обострением социальных конфликтов. Каждый тип «культурной суперсистемы» имеет свой закон развития и свои «пределы роста». Целью исследования «культурной суперсистемы» Сорокин считал постижение главного принципа (набора основных культурных ценностей и их иерархии) локальной суперсистемы, которая пронизывает все ее составные части, придает смысл и значение каждой из них и создает социальный порядок из хаоса неинтегрированных фрагментов;

– теория «локальных цивилизаций» А. Тойнби. Локальные цивилизации, согласно Тойнби, представляют собой общности людей, объединенных определенными системами культурно-общественных отношений. Каждая цивилизация имеет свои особенности (религия, ценности, традиции, язык), исторический опыт, неповторимость жизненного пути и стадию развития [8, с. 10–16]. Через государства цивили-

лизации практически реализуют свою историческую миссию. Из этого следует, что цивилизации неизбежно приобретают характер межцивилизационного взаимодействия, конкуренции, конфронтационного столкновения и экспансии. Важнейшим онтологическим основанием цивилизации Тойнби считает религию, доминирующе формирующую цивилизационную идентичность и единство народов локальной цивилизации;

– идеи концептуальных положений теории цивилизаций С. Хантингтона. Главная идея Хантингтона «заключается в том, что в мире после холодной войны культура и различные виды культурной идентификации определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта» [9, с. 14]. И в конечном счете, в условиях нарастающих процессов экономической и культурной глобализации «возникает мировой порядок, основанный на цивилизациях: общества, имеющие культурные сходства, сотрудничают друг с другом; попытки переноса обществ из одной цивилизации в другую оказываются бесплодными» [9, с. 15]; модернизация окончательно отделена от «вестернизации» — распространение западных идеалов и норм не приводит ни к возникновению всеобщей цивилизации в точном смысле этого слова, ни к вестернизации незападных обществ.

Обобщая основные идеи современных многолинейных «культурных» теорий в отношении к процессам модернизации, можно сделать следующие выводы:

- «культурные» теории отрицают понимание модернизации как «проекта» чьей-то рационально осознанной деятельности;
- модернизация не имеет установленного вектора развития;
- модернизация является незавершенным, открытым процессом;
- оппозиция «уникальности развития против универсальности» решается через идею многообразия процессов модернизации в историческом времени и географическом пространстве;
- процессы модернизации происходят в каждом локальном (индивидуальном) обществе по ситуативному сценарию.

В связи с попыткой объединения достоинств двух представленных теорий возникла «проектная» стратегия целостного социального развития. В ее рамках происходит отказ от односторонней линейной модели модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей, вместо этого осуществляется интегрирование ключевых идей ее более поздних моделей, а также заимствование базовых положений системных теорий, когнитивистской модели «ограниченной рациональности» Г. Саймона и ряда положений теории «локальных цивилизаций» А. Тойнби. «Проектная» стратегия целостного социального развития под модернизацией подразумевает модернизационный «ответ» на «вызовы» локальной социальной системе. В этой стратегии обосновываются положения, влияющие на сущность, характер и темпы процессов модернизации. Модернизационный «ответ» возможен только в случае, если политическая элита не видит возможности сохранить традиционный образ социально-политической системы. Имеющиеся в обществе традиции, определяющиеся господствующей религией или особенностями исторического развития, напрямую влияют на характер и темпы модернизации, ускоряя или сдерживая их. В тех или иных обществах существуют благоприятные и неблагоприятные исторические периоды, в которых предоставляется или не предоставляется возможность для масштабных социальных изменений. «Проектная» стратегия целостного социального развития выделяет особую роль государственных политических институтов в реализации стратегии целостного социально-политического развития и особенно политического режима как основного ядра политической системы.

В целом можно считать, что данные теоретические подходы к оценке процессов модернизации являются развитыми методологиями сравнительного анализа модернизационных процессов в современных обществах, но с разным набором познавательных методов и сосредоточением на разных аспектах многогранных процессов трансформации социально-политических структур, практик, форм социально-политического взаимодействия и поведения в процессе модернизации. В совокупно-

сти они позволяют создать плюралистическую картину интерпретаций в отношении к объекту социально-гуманитарного познания. Важно отметить, что все рассмотренные подходы характеризуют модернизацию как незавершенный проект для любого общества. Он характеризуется нарастанием процессов структурной и функциональной сложности всех подсистем сложноорганизованной и целостной социальной системы.

Список литературы

1. Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. Постмодерн или постмодернизация? Опыт концептуализации ценностных изменений // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2003. №2. С. 142–161.
2. Банникова Е.В. Модернизация и эволюция: подходы к изучению повседневной жизни дореформенного провинциального купечества уральских губерний // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3 ч. Ч. II. С.16–20.
3. Бокарев Ю.П. Теории модернизации и экономическое развитие // Вестник РГГУ, 2009. №3. С. 14–25.
4. Зворыкин Б.Д. О теории и практике современной социальной модернизации // Власть. 2009. №1. С. 33–38.
5. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история: обозрение / под ред. Л.И. Бородкина. М., 2002. Вып.8. С. 146–168.
6. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
7. Тихонова Н.Е., Аникин В.А., Горюнова С.В., Лежнина Ю.П. Эволюция концепции модернизации во второй половине XX века // Социология: 4М. 2007. №25. С. 22–47.
8. Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1996.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005.
10. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Директ-Медиа, 2002.
11. Штомпка П. Социология социальных изменений // Сайт «Библиотека “Полка букиниста”» URL: <http://polbu.ru/sztompkasociology>, свободный (дата обращения: 01.02.2013).

MODERN VIEW AT THE MODERNIZATION THEORIES

Ekaterina A. Balezina

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

This article describes modernization processes as incomplete project for any society. Theories of modernization consider from the point of view of different sociological concepts. Sociological theories are presented by ideas of modern sociologists.

Key words: modernization; sociological concepts of modernization; cultural theories.

УДК 316.334.55

СОЦИАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ: ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ*

В.В. Самсонов

Рассматриваются теоретические основания концепции «социального качества» как методологии комплексного исследования процессов социального развития территорий и сообществ. Анализируются ключевые элементы «социального качества», рассматривается проблема их взаимосвязи и приоритетности в исследовании.

Ключевые слова: социальное качество; инклюзия; эксклюзия; включенность; сплоченность; стратификация

Одной из актуальных проблем современного российского общества является неравномерность развития территорий. Вследствие разницы в первоначальных условиях и особенностей федеральной и региональной политики на пространстве современной России реализуется широкий спектр изменений. В географическом плане неоднородность российского общества приобретает самые разнообразные формы: параметры развития городов-мегаполисов, провинции и сельских территорий различаются не только в экономическом отношении, но также демографически, культурно и пр.

Традиционные показатели уровня развития социально-экономических систем, такие как, например, валовой внутренний продукт (в субъектах Федерации валовой региональный продукт), объем промышленного производства, объем инвестиций в основной капитал, объем производства сельскохозяйственной продукции и тому подобные не являются точными и, что очень важно, достаточными критериями для оценки благосостояния страны или отдельных ее регионов. Валовой внутренний продукт как экономический показатель не учитывает и не отражает изменений, происходящих в приоритетах социальных ценностей общества в целом, в предпочтениях различных социальных групп и отдельных людей. Но именно эти факторы в настоящее время становятся все более и более важными. Даже интенсивные темпы валового экономического роста, порождающие общество

изобилия товаров, не являются идеалом, стремление к которому в безусловном порядке обеспечивает рост благосостояния и социальную умиротворенность граждан.

Как представляется, для всестороннего анализа качества развития территорий и отдельных сообществ необходимо учитывать все составные элементы социальной жизни, ее «социального качества», компонентами которого является ряд социальных и экономических факторов, в состав которых входит большое число различных индикаторов, в том числе и ранее используемые традиционные социологические и экономические показатели. Данные факторы охватывают как индивидуальное качество повседневной жизни, так и более широкий социальный контекст. Применяющие данную концепцию исследователи пытаются найти в ней баланс, с одной стороны, между индивидуальной самореализацией человека и его участием в различных коллективных объединениях; между биографическим и социальным развитием (уровнем личного действия и социальной структурой), а с другой — между формально-институциональным и неформальным уровнями взаимодействия.

В мировой исследовательской и практической литературе концепция «социального качества» используется для оценки макросоциальных стратегий основных социальных групп общества и определения успешности развития стран, территорий, сообществ различного

* Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ № 12-03-00578

уровня. К примеру, современные ежегодные социально-статистические отчеты ЕС («Социальная ситуация в Европейском союзе») концентрируются на тематике социального качества. Предпринимаются попытки подобных исследований применительно к условиям Азии. «Социальное качество сегодня, вероятно, представляет собой наиболее полно теоретизированный и операционализированный целостный социальный конструкт качества жизни» [4, р. 176], который принимают во внимание при выработке не только социальной, но и экономической и экологической политики. Концепция «социального качества» отличается от методологии измерения «качества жизни» тем, что она затрагивает все сферы повседневной жизни и позволяет разрабатывать стратегические решения на базе комплексной оценки социальных процессов.

Теория социального качества основывается на четырех предположениях:

1) человек по своей сущности является социальным существом;

2) существует конституирующая взаимозависимость, диалектика между самореализацией людей как социальных существ и процессами формирования коллективных тождеств. Эта диалектика и есть реализация «социального»;

3) наиболее важны две группы противоречий: (а) между социетальным и «биографическим», индивидуальным развитием (первоначально характеризуемое как разрыв между макро- и микроуровнями); и (б) между формальным уровнем систем, институтов и организаций и неформальным «жизненным миром» семьи, группы и сообществ;

4) социальные изменения происходят в отношении взаимодействия между вторым и третьим пунктами [10, р. 25].

Социальное качество определяется как «степень, в которой люди в состоянии участвовать в общественных отношениях при условии увеличения их благосостояния, возможностей и индивидуального потенциала» [10, р. 25], охватывая групповой (коллективный) и индивидуальный уровни. Таким образом, под социальным качеством понимается способность больших групп общества, территориальных сообществ и отдельных индивидов вносить вклад в его выживание, развитие и благополучие.

Социальное качество коллектива — это не только накопление жизненного качества каждого из его отдельных участников: оно включает в себя эмерджентно-коллективные и индивидуальные признаки. Его воплощение — общество, которое не только экономически успешно, но также способствует социальному участию и социальной справедливости. Общество с высоким уровнем социального качества описывается его исследователями следующим образом: «Граждане должны иметь возможность и обязаны участвовать в социально-экономической жизни общества и делать это такими способами, которые увеличивают их благосостояние, их индивидуальный потенциал и процветание сообщества. Для этого граждане должны иметь доступ к необходимому уровню экономической безопасности и быть социально включены, проживая в сплоченных сообществах, и имея определенные властные полномочия, в целях развития их потенциала во всей полноте. Другими словами, социальное качество зависит от степени, в которой экономическим, социальным и политическим гражданством обладают все жители» [12, р. 109].

Понятие социального качества всестороннее, охватывает объективные и субъективные показатели. Исследователи выделяют три основных фактора (элемента) социального качества, социально-экономическую безопасность, социальное включение и социальное сплочение [7]:

Социально-экономическая безопасность — степень, в которой у человека имеются достаточные ресурсы в течение продолжительного времени как условие для процесса самореализации. У социально-экономической безопасности есть два аспекта: (1) факторы благосостояния, которые гарантируют базовую экзистенциальную безопасность граждан (доход, социальная защита, здоровье); безопасность повседневной жизни (качество пищевых продуктов, проблема охраны окружающей среды, безопасность на работе) и внутренняя свобода; безопасность и правосудие; (2) жизненные возможности людей: «здесь цель состоит в увеличении числа альтернативных вариантов, между которыми человек может выбирать» [7, р. 341]. Российские исследователи также склонны связывать отношение населения к местному самоуправлению, готовность принимать в нем уча-

стие с реальным социально-экономическим положением населения [2].

Социальное включение (social inclusion) — степень, в которой у индивидов имеется доступ к институтам и общественным отношениям. Этот фактор обращается к проблеме участия и к процессам включения в коллективные идентичности и реалии, которые определяют самореализацию. Социальное включение связано с принципами равенства, справедливости и их структурных причин. Его основание — гражданство, которое «связано с возможностью участия в экономических, политических, социальных и культурных системах и учреждениях (институтах)» [7, р. 346].

Социальное сплочение лежит в природе общественных отношений, основанных на разделяемых тождествах, ценностях и нормах. Социальное сплочение отсылает к солидарности как основанию коллективных идентичностей и проявляется в процессах, которые создают, защищают или подрывают социальные сети и социальные инфраструктуры, подкрепляющие эти сети. Надлежащий уровень социального сплочения — тот, который позволяет гражданам «существовать как реальные человеческие существа, как социальные субъекты» [9, р. 284].

Выделенные компоненты не являются ортогональными (непересекаемыми), они часто взаимодействуют и дополняют друг друга, но взятые вместе в качестве качественных компонентов социальных феноменов представляют всестороннюю модель, отражающую динамические и структурно-функциональные характеристики развития общества.

Как представляется, первичными факторами неудовлетворительного развития сообществ, территорий, индивидуумов выступают условия социально-экономической безопасности. Особенно показателен приоритет этого элемента качества социального развития при анализе социальной ситуации в российских условиях, показывающем, что депрессивное развитие провинции или сельской «глубинки» зачастую вызвано последствиями «трансформационного шока», проявляющимися в низких показателях социально-экономической безопасности и признаках социально-политической эксклюзии населения (что означает, в первую очередь, гражданскую пассивность, равнодушие к вопросам гражданской, социальной субъектности).

С практической точки зрения подход, основанный на изучении «материальных» причин социальной эксклюзии, является, вероятно, самым простым в использовании, поскольку позволяет оперировать традиционными индикаторами социально-экономического развития и социального самочувствия. Наиболее детально разработанная концепция анализа уровней социальной эксклюзии позволяет выделить и идентифицировать разнопорядковые факторы, способствующие маргинализации. Исследователями выделены и различные уровни исследования эксклюзии, начиная с индивидуального, или биографического, уровня, переходящего затем на уровень соседской группы или сети («социальный» или «жизненный» мир) и, наконец, — на социетальный или структурный уровень [13].

Социетальный, или структурный, уровень. Здесь недостаток включенности проявляется с точки зрения социальной фрагментации, аномии, антагонизма и отчуждения. Присутствует также недоверие к учреждениям (институтам) и властям. Отсутствие доступа к ресурсам проявляется в проблемах, связанных с полноценным питанием и увеличивающейся дихотомией между имущими и неимущими. Таким образом, говоря об эксклюзии на структурном уровне, исследователи описывают фрагментированные, отчужденные, лишены доверия друг к другу группы и сообщества, подозреваемые остальной частью общества, и возможно небезосновательно, в иждивенческих (или корыстолюбивых) настроениях, прибегающие к услугам незаконных структур (формирующие их) и антагонистичные всему обществу [5]. Подобным образом (структурно) исключены из социальной жизни беженцы, незаконные мигранты и другие меньшинства.

Уровень «жизненного мира» (территорий, соседских групп, сетей). Нехватка принадлежности здесь проявляется в местной (территориальной) сегрегации и разъединении. Отсутствие сотрудничества (кооперации), нездоровые отношения между соседями или внутри территориального сообщества — все это является результатом нехватки доверия. Низкое качество местной инфраструктуры и общественных служб, включая медицинское обслуживание, школ и жилья является проявлением недоступности необходимых ресурсов «жизненного ми-

ра». В социальном отношении исключенные сообщества или территории, представлены поселениями, экономическая и социальная среда которых одинаково неразвиты, и в которой отсутствуют возможности социального роста. Члены таких сообществ презираемы и избегаемы членами других, более благополучных сообществ; классический пример исключенного в социальном отношении сообщества — это гетто или «глубинка».

Биографический, индивидуальный уровень. Признаком нехватки принадлежности к социуму выступают одиночество, изоляция, низкое самоуважение. Скорее всего, такие индивидуумы характеризуются недостаточным доверием к людям, персонам, символизирующим власть; лишение доступа к ресурсам проявляется в безработице и отсутствии жизненных возможностей. Таким образом, в социальном отношении исключенные индивиды характеризуются как люди, имеющие низкое чувство собственного достоинства, отдаленные от социальной, политической и экономической (формальной) активности, не участвующие в «нормальной» общественной жизни. Типичный пример индивидуального проявления социальной маргинализации — бездомные, алкоголики, наркоманы, члены «проблемных семей».

Идентификация разных уровней и взаимосвязи между ними обеспечивает важный шаг вперед в операционализации понятия социальной эксклюзии. При этом разные уровни анализа допускают интеграцию различных объяснительных уровней при исследовании причин социальной эксклюзии и выявлении ее степени. Группы факторов структурного и «миро-жизненного» уровней, относящиеся к социальной сегрегации могут быть выявлены непосредственно на биографическом уровне. Так, причины, по которым некоторые индивидуумы или группы могут быть безработными, отчужденными от политики и испытывать недоверие к полиции и другим представителям власти, могут быть определены как факторы, препятствующие трудоустройству, связанные со структурной принадлежностью, нехваткой доверия и ресурсов. Часть причин, ведущих к маргинализации индивидуумов, носит локальный характер (уровень «жизненного мира»), поскольку они проживают в социально исключенных сообществах, а часть — структурный уровень.

Факторы разных уровней взаимодействуют совокупно, что приводит к кумулятивному результату.

В научной литературе обращение к тематике социальной включенности (social inclusion) происходит реже, чем к проблематике социальной эксклюзии (social exclusion). Такое положение дел было бы оправданным, если бы включенность и эксклюзия были бы просто двумя полюсами единого континуума или двумя сторонами одного явления. Хотя большая часть исследователей по умолчанию подразумевает это, ученые, напрямую обращающиеся к проблеме соотношения двух понятий, настаивают на их внеположенности. Г. Штейнерт [8, р. 6] характеризует участие как активную ответственную деятельность, различая интеграцию и участие как возможные противоположности понятию эксклюзии. Он полагает, что интеграция (синонимичная «включенности»), требующая соответствия социальным нормам и правилам, является слишком пассивным и потенциально непродуктивным процессом. В этом он перекликается с исследователями, отмечающими, что общества, чрезвычайно интегрированные в социальном отношении, — могут характеризоваться значительным статусно-властным неравенством, и настаивающими поэтому на необходимости снижения дифференциации доходов различных страт в целях борьбы с социальной маргинализацией (эксклюзией) [3].

Социологи А. Вокер и А. Вигфилд также считают, что социальная включенность не просто противоположность эксклюзии [11]. Они сравнивают социальную включенность и эксклюзию следующим образом: если следствием эксклюзии является отказ от некоторых атрибутов гражданственности (их не-реализация), то социальная включенность является уровнем, на котором формируется гражданская позиция. Формально мы могли бы определить социальное включение как состояние, в котором люди чувствуют себя интегрированными (что соответствует действительности) в различные процессы, организации, подсистемы и структуры, которые составляют повседневную жизнь. Однако необходимо также учитывать, что социальное включение не просто противоположность исключения, поскольку представляет собой базис, отправную точку для «позитивного»

(активного) гражданства. Таким образом, высокая степень социальной включенности требует активного осмысленного участия в общественных делах, обладания гражданскими полномочиями и реализации этих возможностей, а не просто интеграции в пределах неравноправного и жестко иерархизированного общества, поэтому говорить об оппозиции эксклюзии/инклюзии уместно именно в рамках теории, сосредоточенной на политических аспектах социальной жизни.

Следует признать проблематичный характер формирования условий для социальной включенности в большинстве современных обществ. Даже в относительно благополучных странах, таких как США или современная Россия, можно наблюдать одновременно крайнюю социальную дифференциацию и высокий уровень географической сегрегации, что проявляется в наличии почти полностью маргинализованных и лишенных какой-либо связи с властью сообществ типа «гетто» и их противоположности — сообществ «элиты», «отделенных от массы и изолированных в поселениях, напоминающих средневековые замки, или крепости, защищаемых частной охраной и высокотехнологичными системами безопасности» [5]. В контексте оппозиции эксклюзии/инклюзии можно говорить о континууме, где на одном конце находятся сообщества и индивиды, находящиеся в состоянии «двойной эксклюзии», а на другом — добровольно исключаемые из жизни социума, с различными промежуточными степенями пространственной и социальной сегрегации. Прерывистая «двойная эксклюзия» характерна только для некоторых, крайне дифференцированных обществ, таких, например, как США [3].

Исследования социального развития сельских территорий в России показывают, что современное сельское сообщество, даже обладая выраженной локальной идентичностью, не является субъектом власти и локальной политики: отсутствие активной социально-политической позиции характеризует не только отношение рядовых жителей к самоуправлению, но и более широкие вопросы публичной, общественной жизни. Рыночные преобразования в сельском социуме привели к формированию феномена «двойной эксклюзии», связанной с процессами социально-географической и

отраслевой стратификации (в котором сельское население оказывается в неравных условиях по сравнению с городским) и социальной дифференциации, приводящей к маргинализации отдельных личностей, социальных групп и целых сообществ. Социальные и экономические условия напрямую оказывают воздействие на процессы политического участия, включенности сообществ [1].

Учитывая, что большинство исследователей трактуют социальное сплочение как позитивное явление, а социальную эксклюзию — как отрицательное, то можно допустить, что два этих конструкта должны быть причинно связаны: возрастание уровня социального сплочения должно привести к снижению социальной эксклюзии, или высокая степень социальной эксклюзии подразумевает низкий уровень социальной сплоченности.

Данное положение представляется крайне спорным. Здесь уместно привести различие между «сильным» и «слабым» сообществом [6]. Яркий дисбаланс между социальным сплочением и социальным включением представляет собой стратифицированное общество, поделенное на условную (внутренне сплоченную) элиту, в полной мере обладающую социальной и политической субъектностью и, с другой стороны, лишенное ряда прав, исключенное из социальной жизни большинство (образцы таких социумов — рабовладельческое общество древней Спарты, средневековое феодальное общество, современные олигархические режимы). К «сильному сообществу» элиты (с высоким уровнем социальной включенности) достаточно сложно присоединиться; оно также предъявляет высокие требования, невыполнение которых грозит исключением из сообщества. Примером противоположной крайности является «сообщество бедных». В таком «слабом сообществе» критерии для включения менее строги, и поэтому меньшее число участников рискует быть исключенным из него (при этом все объединение может быть практически не включено в социальную жизнь общества, такие как гетто или другие сообщества, находящиеся в состоянии социальной эксклюзии с точки зрения географической стратификации). Таким образом, возникает парадокс, проявляющийся в противоречивости корреляции между социальным сплочением, социальным включением и социальной

экслюзией, а также противоречие между качеством и количеством. Приведенный пример показывает, что высококачественное социальное сплочение и высококачественное социальное включение могут быть причинно связаны со значительной (количественно) социальной экс-клюдией — высокий уровень включенности (среди членов сообщества) может одновременно совмещаться с большим числом людей, социально исключенных.

Кроме того, можно отметить, что «сильное» и «слабое» сообщество взаимосвязаны и обусловлены жесткой, противоестественной поляризацией социума, причем фактор, обуславливающий жесткую структурированность, относится больше к ряду показателей социально-экономической безопасности и может быть с достаточной объективностью измерен (как индикаторы доходов и благосостояния различных страт населения) и оценен. В случае высокого своего значения индикатор неравенства сигнализирует о том, что в социуме складываются предпосылки для группового сплочения и основания для формирования экслюзии на всех трех уровнях: структурном, «жизненного мира», биографическом.

В то же время показатели социального (материального) неравенства не являются достаточным и единственным мерилем социального качества развития общества, да и степени (качества) сплоченности/ общества. Так, в случае низких значений индикаторов социально-экономической безопасности гомогенное общество может характеризоваться низким уровнем доверия людей друг к другу и институтам. С другой стороны, социальное неравенство не всегда является абсолютным препятствием к социальной сплоченности и участию граждан в жизни общества (история знает немало количество примеров объединения жестко стратифицированных обществ в противостоянии, например, внешней агрессии), в то время как свободно социально структурированное, гетерогенное или плюралистическое общество, характеризующееся относительным равенством и низким уровнем (порогом) исключения, может быть разобщенным, т.е. характеризоваться более низким уровнем социального сплочения.

Приведенный пример еще раз показывает, что невозможно выделить какой-либо элемент, принимаемый во внимание концепцией качест-

ва жизни, и редуцировать к нему уровень социального развития в других сферах. Невозможно дать и комплексную характеристику направленности социальных процессов, базируясь только на социологических или только на статических, экономических показателях. Концепция «социального качества» связывает концепт социального сплочения, отражающий интегративную силу социальных связей сообщества, с балансом между социальной включенностью (инклюзией) и маргинализацией (экслюзией), поскольку этот баланс отражает взаимосвязь социальных и экономических процессов на коллективном и индивидуальном уровнях. Конечно, исследователь может в определенной конкретной ситуации выделить тот или иной элемент социального качества как ключевой, определяющий состояние других областей социального развития. Однако при этом следует принимать во внимание, что порядок значимости этих факторов в других условиях может измениться, что требует изменения исследовательской перспективы.

Список литературы

1. *Зазулина М.П.* Местное самоуправление в современной России: формальные институты и неформальные практики (социально-философский аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2012.
2. *Мартынов М.Ю.* Местное сообщество и социально-экономическая основа местного самоуправления // Социс. 2003. №8. С. 50–54.
3. *Barry B.* Social Isolation and the Distribution of Income. L.: London School of Economics, 1998.
4. *Phillips D.* Quality of life. Concept, policy and practice. N.Y.: Routledge, 2006.
5. *Phillips D.* Social inclusion, social exclusion and social cohesion: tensions in a post-industrial world. URL: www.welfareasia.org (date of use: 29.12.12).
6. *Shafir G., Peled Y.* Citizenship and stratification in an ethnic democracy // Ethnic and Racial Studies. 1998. №21. P.408–427.
7. *Social Quality: a Vision for Europe* / ed. by Beck W., van der Maesen L., Thomese G. & Walker A. The Hague: Kluwer Law International, 2001.
8. *Steinert H.* Introduction: the culture of welfare and exclusion // Welfare Policy From Below: Struggles Against Social Exclusion in Europe / ed. by Steinert H. & Pilgrim A. Aldershot: Ashgate Publishing, Ltd., 2003.

9. *The Social Quality of Europe* / ed. by Beck W., van der Maesen L. & Walker A. The Hague: Kluwer Law International, 1997.
 10. *Theoretical Foundations* for forthcoming third book on social quality. Chapter 3. European Foundation for Social Quality / ed. by Beck W., van der Maesen L. & Walker A. 2007.
 11. Walker A. & Wigfield A. The social inclusion component of social quality. Amsterdam, EFSQ, 2003. P.1–31.
 12. Walker A. The Amsterdam declaration on the social quality of Europe // *European Journal of Social Work*. 1998. №1. P.109–110.
 13. Wessels B., Miedema S. Towards understanding situations of social exclusion // *Welfare Policy From Below: Struggles Against Social Exclusion in Europe* / ed. by Steinert H. & Pilgrim A. Aldershot, Ashgate, 2002. P.61–76.
-

SOCIAL QUALITY OF TERRITORIES DEVELOPMENT:
MEASUREMENT PROBLEMS

Vsevolod V. Samsonov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences;
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russia*

In the paper the theoretical bases of the concept of «social quality» as methodology of complex research of processes of social development of territories and communities are considered. Key elements of «social quality» are analyzed, the problem of their interrelation and it's priority in research is considered.

Key words: social quality; inclusion; exclusion; cohesion; stratification; empowerment.

УДК 364.07

ОТНОШЕНИЕ НОМИНАНТОВ КОНКУРСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА СРЕДИ РАБОТНИКОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ ПЕРМСКОГО КРАЯ К ПРОЦЕДУРЕ УЧАСТИЯ В ПУБЛИЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ГОЛОСОВАНИИ

С.Е. Гасумова

Представлен научно-методический анализ использования технологии интернет-голосования в конкурсе профессионального мастерства работников социальных служб в Пермском крае «Призвание – 2012», показана эффективность этой технологии в повышении публичного статуса и улучшении имиджа профессии, рассмотрены результаты анкетного опроса самих номинантов интернет-голосования об их впечатлениях о процедуре голосования и произошедших в его результате изменениях в личной и профессиональной жизни. На основе опыта организации интернет-голосования разработаны рекомендации органам государственной власти по повышению эффективности информатизации социальной работы и позиционированию этой сферы в сети Интернет в соответствии с потребностями современного общества.

Ключевые слова: информатизация; информационные технологии; Интернет, интернет-голосование; социальная работа; социальные службы.

К сожалению, нужно признать, что работу в учреждениях социального обслуживания населения в России сегодня сложно назвать престижной. Вообще, статус многих профессий в современном российском обществе незаслуженно низок. Вклад специалистов социальных служб в повышение общественного благополучия, развитие человеческого потенциала редко попадает в поле общественного внимания. А между тем, в этой сфере могут работать только люди с особыми душевными качествами, альтруисты, способные к сочувствию, неравнодушные к человеческим проблемам, стремящиеся помочь окружающим. Зачастую они делают свой профессиональный выбор, отчетливо сознавая, что их усилия не всегда будут в полной мере вознаграждены. Такая гражданская позиция, несомненно, заслуживает глубокого уважения, признания и почта в обществе.

Для изменения сложившейся ситуации и повышения публичного статуса профессий работников социальных служб в Пермском крае нами было предложено использовать технологию открытого интернет-голосования в конкурсе профессионального мастерства и сделать его, таким образом, публичным, привлекая че-

рез различные СМИ общественность к голосованию за лучшего работника. Так, Агентством по управлению социальными службами Пермского края совместно с Пермским государственным национальным исследовательским университетом в 2012 г. впервые было принято решение провести такой конкурс среди работников учреждений социального обслуживания населения Пермского края. Конкурс «Призвание – 2012» проводился с использованием процедуры интернет-голосования за номинантов и являлся региональным этапом аналогичного всероссийского конкурса.

Конкурс представлял собой цикл мероприятий, ориентированных на повышение профессионального уровня и наиболее полную реализацию творческого потенциала сотрудников учреждений социального обслуживания населения, развитие практических технологий обслуживания, пропаганду профессиональных знаний как обязательной составляющей деятельности социальных служб, способствующей повышению эффективности и конкурентоспособности учреждений социального обслуживания в Пермском крае.

Целью конкурса являлось создание стимулов к совершенствованию профессионального мастерства, распространение новых технологий в системе социальной работы, развитие творческой деятельности работников социальной сферы.

В 2012 г. были поданы заявки на конкурс в следующих номинациях:

1. «Лучший заведующий отделением учреждения социального обслуживания»;
2. «Лучший специалист по социальной работе»;
3. «Лучший работник учреждения социального обслуживания»;
4. «Лучший врач учреждения социального обслуживания»;
5. «Лучший социальный педагог»;
6. «Лучший психолог учреждения социального обслуживания»;
7. «Лучший воспитатель учреждения социального обслуживания»;
8. «Лучшая медицинская сестра учреждения социального обслуживания»;
9. «Лучшая санитарка учреждения социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов»;
10. «Лучший инструктор по труду».

В рамках конкурса были приняты также заявки на присуждение специальных премий:

1. Специальная премия «Лучший молодой специалист социальной службы»;
2. Специальная премия «За долголетие в социальной работе».

Заметим, что совместное проведение конкурса Агентством по управлению социальными службами и Пермским государственным национальным исследовательским университетом обусловлено длительным опытом сотрудничества. Кафедра социальной работы юридического факультета более двадцати лет готовит специалистов по социальной работе с уникальной для Пермского края специализацией «Социально-правовая поддержка населения». Заведующая кафедрой, доктор социологических наук профессор З.П. Замараева сама ранее была первым заместителем председателя Комитета социальной защиты населения Пермской области, затем специалистом Министерства труда и социального развития Российской Федерации, руководителем научно-исследовательского отдела Института социальной геронтологии Московского государственного социального уни-

верситета и заместителем директора Академии социальной работы Российского государственного социального университета. Руководством организации интернет-голосования занималась автор настоящей статьи.

В результате уникальной особенностью конкурса «Призвание – 2012» стало то, что благодаря сотрудничеству его организаторов жители Пермского края получили возможность в рамках интернет-голосования за номинантов оценить профессиональное мастерство работников социальных служб, заочно познакомившись со специалистами на сайте университета, и выразить им свою поддержку. Именно поэтому в рамках конкурсных мероприятий ПГНИУ организовал и провел интернет-голосование за номинантов конкурса — работников социальных служб Пермского края на своем официальном сайте (рис. 1).

Конкурсные заявки представили 28 специалистов из 16 учреждений: межведомственных центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей, социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних, домов-интернатов для престарелых и инвалидов, психоневрологических интернатов, геронтологического центра. Поразила география конкурса: в нем приняли участие специалисты из социальных служб Перми, Верещагино, Нытвы, Чайковского, Кудымкара, Оханска, Тулумбаихи, Верхних Городков, Кучино, Дуброво, Соликамска, Губахи, Лысьвы, Ильинского.

С портфолио конкурсантов можно было ознакомиться на странице интернет-голосования <http://www.psu.ru/prizvanie/golosovanie/01> (она продолжает оставаться активной), где представлены их фотографии и должности, описан опыт работы, образование, награды, размещены эссе на тему «Мой путь в профессию», характеристики с места работы, презентации и другие конкурсные материалы. Принять участие в интернет-голосовании мог любой посетитель сайта Пермского государственного национального исследовательского университета.

Голосование прошло с 12 по 26 марта 2012 г. и явно привлекло интерес общественности: лидеры голосования получили более четырех тысяч голосов, всего же за две недели специалисты социальных служб собрали около 23 тысяч голосов.

Особое внимание посетителей сайта привлекли эссе на тему «Мой путь в профессию».

В них конкурсанты трогательно и неподдельно просто постарались описать свою жизненную позицию, ценности, взгляды, эмоциональное отношение к выбранной профессии (некоторые работы были даже в стихах). У большинства из них, в глазах обывателя, сама жизнь похожа на подвиг. Неудивительно, что эссе воспринимались без преувеличения как откровение и завораживали читателя. А в пермских СМИ появились публикации о конкурсе на тему «Пермяков наградят за ежедневный героизм».

Работа в социальной службе — далеко не публичная сфера, и работники таких учрежде-

ний не привыкли быть в центре внимания общественности. Поэтому для организаторов конкурса было очень важно провести исследование отношения номинантов конкурса к самому участию в интернет-голосовании, чтобы оценить эффективность применения подобной интернет-технологии в социальной работе. Опрос проводился письменно. Анкета включала паспортную часть и 8 вопросов. Всего были опрошены 14 человек из 28 конкурсантов (50%), в том числе 6 из 12 победителей (50%).

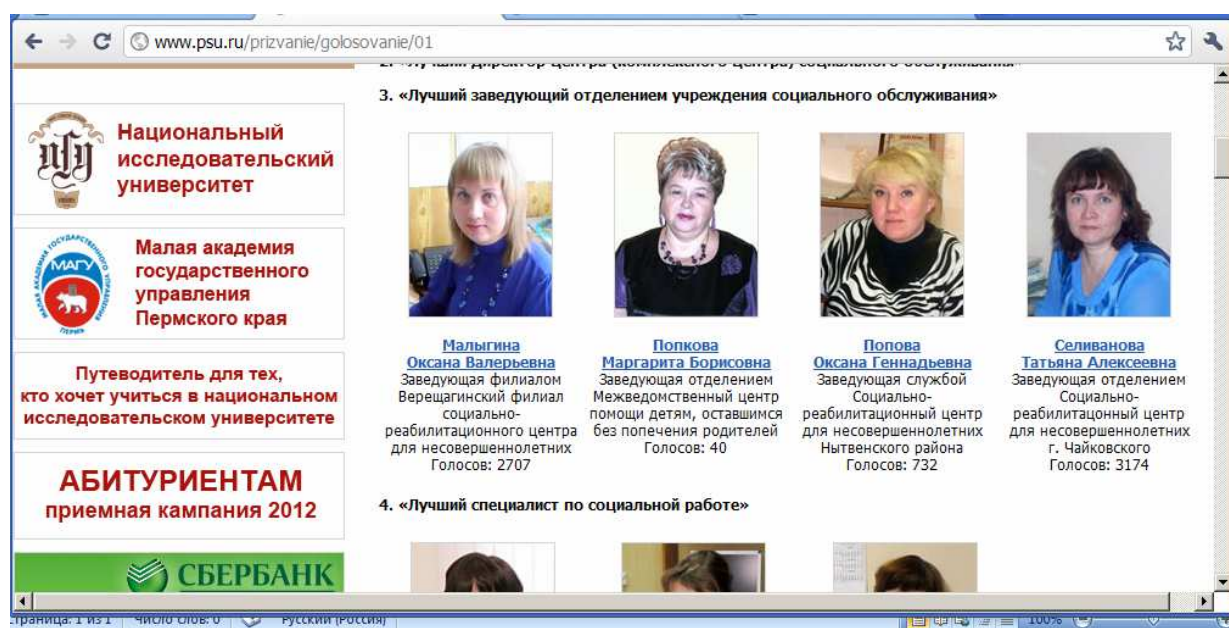

Рис. 1. Страница интернет-голосования за номинантов Конкурса профессионального мастерства среди работников учреждений социального обслуживания населения Пермского края «Призвание – 2012» на сайте Пермского государственного национального исследовательского университета

Немаловажно, что среди опрошенных — 4 руководящих работника, из них 2 руководителя учреждений (Лысьвенского психоневрологического интерната и Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних в Верещагинском районе), 1 заместитель руководителя (в Соликамском доме-интернате для престарелых и инвалидов) и 1 руководитель структурного подразделения (Службы сопровождения семейных воспитательных групп в Социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних г. Чайковского). Остальные 10 респондентов — рядовые сотрудники: психолог, инструктор по труду, воспитатель, 2 старшие медицинские се-

стры, 2 медицинские сестры, 3 палатные санитарки.

Всего опрошенные специалисты представляют 10 разных учреждений социального обслуживания населения Пермского края. Участвовали в интернет-голосовании Кроме вышеперечисленных, это также социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних г. Перми и г. Лысьвы, Дубровский психоневрологический интернат и его филиал в г. Нытве, Губахинский психоневрологический интернат и Ильинский дом-интернат для престарелых и инвалидов.

Опрос проводился сразу после окончания процедуры интернет-голосования, но до подведения окончательных итогов конкурса. Под-

черкнем, что интернет-голосование было лишь частью конкурсных мероприятий, победители определялись конкурсной комиссией с учетом целого ряда других показателей (таких как опыт работы, наличие публикаций, награды, качество представленных конкурсных материалов и др.).

Итак, первый вопрос анкеты звучал следующим образом: «Изменилась ли как-то ваша жизнь после начала интернет-голосования (например, изменилось отношение окружающих, повысилась собственная самооценка, улучшилось настроение, стало больше энергии, изменились Ваши взгляды на жизнь и т.п.)?» Подавляющее большинство опрошенных — 13 из 14 человек заявили, что их жизнь изменилась, и лишь 1 респондент сообщил, что никаких изменений не произошло (см. табл. 1). Поясняя более конкретно, какие именно случились изменения, 4 специалиста указали, что у них улучшилось настроение, трое констатировали, что стало больше энергии. Самооценка повысилась у 6 специалистов (почти у половины), что, соответственно, можно считать главным результатом участия в интернет-голосовании. Трое респондентов заметили, что отношение окружающих к ним изменилось в лучшую сторону: «чувствовалась поддержка знакомых и коллег», «все активно голосовали и переживали», «все ободряли, помогали».

Кроме описанных выше изменений, важно отметить перемены в социальном статусе конкурсантов и в их отношении к собственной профессии. О первом говорит ряд высказываний респондентов, фиксирующих расширение круга общения, что немаловажно как для организации жизнедеятельности, так и для дальнейшей профессиональной активности. О втором свидетельствуют множество комментариев специалистов, по сути описывающих повышение статуса своей профессии в собственных глазах, возникновение гордости за нее и появление желания повышать квалификацию, совершенствовать профессионализм. Например, специалисты разясняют: «изменились взгляды на работу, теперь это не просто ответственность перед своими коллегами, а и ответственность перед коллегами края», «появилось больше уверенности в своем профессионализме», «увеличилось желание привносить в свою работу что-то новое», «повысилась значимость работы в сфере социального обслуживания»,

«повысилась ответственность к работе» (дословно), «хочется сделать еще больше, еще лучше и стремиться к самосовершенствованию».

Соответственно, необходимо зафиксировать крайне любопытный результат. Без всякого материального стимулирования достигнут такой эффект, когда работники готовы лучше и больше работать, более ответственно и старательно выполнять свои обязанности, следовательно, повышается производительность труда. Продолжительность этого эффекта, к сожалению, в рамках данного исследования не изучена, хотя она представляет несомненный интерес с точки зрения эффективной организации труда.

На наш взгляд, причина такого эффекта — в повышении моральной удовлетворенности своим трудом и профессией, напрямую связанной с осознанием повышения ее статуса в обществе. Свидетельством формирования большего уважения к их профессии для специалистов стал, во-первых, сам факт размещения сведений о конкурсантах и их профессиональном мастерстве в медийном информационном пространстве — в общедоступной сети Интернет. А это значит, что данные сведения действительно представляют интерес для широкой общественности. Во-вторых, интернет-голосование сопровождали новостные заметки на сайте университета и Правительства Пермского края. Заметки описывали хронику проведения конкурсных мероприятий и высоко оценивали профессиональные заслуги и вклад в развитие общества работников социальных служб. Отметим, что в этих заметках работники сравнивались с героями.

Здесь важно добавить, что сами работники социальных служб зачастую живут с гнетущим, мучительным ощущением непрестижности своей профессии, порождаемым низкой заработной платой, большой текучестью кадров в этой сфере, отсутствием каких-либо очевидных проявлений благодарности со стороны общества за труд в области социальной работы. В этом контексте специалистам бывает сложно с любовью относиться к своему делу, поскольку многие из них, столкнувшись с разочарованным отношением окружающих к их профессиональному выбору, ощущают себя «неудачниками», не нашедшими лучшей работы. В силу этих причин для работников социальных служб крайне

важна и долгожданна в первую очередь моральная поддержка, уважение и признание со стороны общества. Свидетельством почетного статуса их профессии стали сами многотысяч-

ные голоса посетителей сайта, отданные в поддержку конкурсантов. Лидеры голосования за 14 дней успели набрать более 4 тыс. голосов.

Таблица 1. Ответы конкурсантов на вопрос «Изменилась ли как-то ваша жизнь после начала интернет-голосования?»

№ респонд.	Да	Нет	Затруд. отв.	Как именно изменилась жизнь конкурсанта
1	+			Улучшилось и «повысилось» настроение, стало больше энергии
2	+			Улучшилось настроение, расширился круг общения
3	+			Изменилось отношение окружающих — чувствовалась поддержка знакомых и коллег, появился азарт, повысилась собственная самооценка, появилось больше уверенности в своем профессионализме
4	+			Повысилась собственная самооценка, стало больше энергии, увеличилось желание привносить в свою работу что-то новое
5	+			Отношение окружающих изменилось в лучшую сторону, все активно голосовали и переживали.
6		+		Настроение ухудшилось
7	+			Улучшилось настроение
8	+			Повысилась собственная самооценка, значимость работы в сфере социального обслуживания
9	+			Повысилась собственная самооценка, ответственность к работе
10	+			Улучшилось настроение, повысилась самооценка
11	+			Прибавилась энергия, хочется сделать еще больше, еще лучше и стремиться к самосовершенствованию
12	+			Изменились взгляды на работу, теперь это не просто ответственность перед своими коллегами, а и ответственность перед коллегами края
13	+			Изменилось отношение окружающих: ободряли, помогали. Повысилась самооценка
14	+			

Следующие два вопроса позволили выявить то, как отреагировали коллеги по работе и близкие люди (родственники, друзья) на участие конкурсантов в интернет-голосовании. Ответы показали, что и те, и другие активно поддержали участников конкурса (см. табл. 2). Кроме того, некоторые из них распространяли информацию о конкурсе и интернет-голосовании, что повышает эффективность организации этого мероприятия и способствует привлечению внимания общественности к нему, популяризации профессии. Немаловажно, что технология интернет-голосования предоставляет интерактивную возможность каждому желающему принять участие в мероприятии и повлиять на итоги конкурса, не прилагая особых усилий, не беря на себя каких-либо обязательств. Это способствует более глубокому осознанию идеи данного специального события интернет-

пользователями, запоминанию предметной информации о нем, а соответственно — влечет некоторые изменения в общественном сознании.

Следующий вопрос затрагивал довольно «болезненную» тему. В нем номинантов конкурса просили описать свои эмоции, чувства, ощущения от того, что их фотографии и сведения о них были размещены во всеобщем доступе в сети Интернет и за них можно было голосовать всем желающим (см. табл. 3). Здесь следует отметить, что первоначально, когда идея применения технологии интернет-голосования в рамках конкурса только обсуждалась, некоторыми членами оргкомитета конкурса были высказаны опасения, касающиеся риска срыва конкурсных мероприятий по следующим причинам:

– во-первых, сами номинанты могли отказаться от участия в конкурсе, возражая против размещения довольно подробной и личной информации о себе в Интернете;

– во-вторых, информация о конкурсе могла не вызвать интереса у общественности и ин-

тернет-голосование позволило бы собрать только единичные голоса за отдельных специалистов, что было бы некорректно по отношению к ним.

Таблица 2. Ответы конкурсантов на вопросы «Как отреагировали Ваши коллеги на Ваше участие в интернет-голосовании, возможность проголосовать за Вас?» и «Как отреагировали Ваши близкие (родственники, друзья) на Ваше участие в интернет-голосовании?»

№ респонд.	Реакция коллег	Реакция родственников, друзей
1	Положительно	Очень активно голосовали
2	Поддерживали словом и делом	Ощутили гордость
3	Положительно, с энтузиазмом	С большим интересом, рассказывали о конкурсе своим знакомым
4	Все, кто имел доступ к Интернету, пообещали голосовать за меня	Положительно
5	Активно голосовали, возможность была у всех голосовать	Положительно
6	Положительно	Были рады
7	Они были рады за меня	Поддержали меня
8	Положительно	Положительно
9	Все сразу захотели проголосовать за меня	Родные и друзья активно принимали участие в интернет-голосовании, всячески одобряли мое в нем участие
10	Положительно, голосовали все коллеги	Положительно, голосовали все
11	Очень позитивно, с большим энтузиазмом стали голосовать и привлекать к голосованию своих родственников и друзей	Отреагировали также позитивно, очень переживали. Голосовали сами и привлекали к голосованию своих друзей
12	Все пожелали мне победы	Родные были рады за меня
13	Положительно отнеслись. Те коллеги, у кого есть Интернет, использовали его для участия в голосовании	Родственники отнеслись позитивно, подбадривали. Приняли участие в голосовании
14	Участвовали в интернет-голосовании	Участвовали в интернет-голосовании

В результате оба опасения не оправдались. С одной стороны, конкурсанты проявили мужество и с честью и без возражений выдержали конкурсное испытание в форме участия в интернет-голосовании. Как отмечалось выше, учитывая непубличность их профессий, нужно отдать им должное и признать, что это, должно быть, было довольно трудной задачей для них. Половина специалистов (7 человек) заявили о том, что в начале голосования они чувствовали страх или тревогу, еще 5 человек ощущали беспокойство (неуверенность, смущение и тому подобное). Без сомнений, тем полезнее для них подобный опыт.

Лишь двое специалистов из 14 не испытывали неприятных эмоций. У одного из них хватило самообладания, чтобы уже в начале ин-

тернет-голосования увидеть и оценить его преимущества: «Было приятно увидеть себя среди лучших специалистов края и тем более на сайте одного из лучших ВУЗов...»

С другой стороны, организаторами интернет-голосования были предприняты усилия для информационного сопровождения интернет-голосования. Информация о проведении конкурса, готовящемся, затем — открывающемся, продолжающемся, завершающемся интернет-голосовании распространялась в социальных сетях (например «ВКонтакте»), на сайтах Правительства Пермского края, Пермского государственного национального исследовательского университета и других ресурсах, а также посредством интернет-рассылок в органы и учреждения социальной сферы.

Показательно, что к концу голосования эмоции конкурсантов коренным образом изменились. Половина опрошенных конкурсантов (7 респондентов), описывая свои ощущения, употребили слова «радость» и «уверенность». Кроме того, многие сообщили такие свои наблюдения, ради которых действительно стоило участвовать в конкурсе независимо от вероятности победить: «убедилась в поддержке кол-

лег, знакомых, родственников», «стойкое ощущение того, что мы работаем не зря!», «была рада, что люди узнают через интернет о моей работе, об учреждении, в котором я работаю», «Появилось понимание важности конкурса», «за меня проголосовало много человек, а это значит, что моя работа ценится», «и я на что-то способна!».

Таблица 3. Ответы конкурсантов на вопрос «Попробуйте описать свои эмоции, чувства, ощущения от того, что Ваша фотография и сведения о Вас были размещены во всеобщем доступе в сети Интернет и за Вас можно было голосовать всем желающим?»

№ респонд.	Эмоции конкурсантов в начале голосования	Эмоции конкурсантов в конце голосования
1	Нормально	Убедилась в поддержке коллег, знакомых, родственников
2	Тревога, сомнения	Уверенность, радость, признательность тем людям, кто голосовал за меня
3	Было приятно увидеть себя среди лучших специалистов края и тем более на сайте одного из лучших ВУЗов; был интерес и волнение, как пройдет голосование	К концу голосования испытывала определенную усталость и большую благодарность ко всем людям, кто голосовал за меня. Хочется сказать «спасибо» своей конкурентке, благодаря которой чувствовала и тревогу, и волнение, и радость
4	Боязнь несоответствия занимаемой должности	Стойкое ощущение того, что мы работаем не зря!
5	Чувство страха	Спокойствие
6	Был страх, волнение	Была рада, что люди узнают через Интернет о моей работе, об учреждении, в котором я работаю
7	Небольшое чувство страха	Появилось понимание важности конкурса
8	Чувство страха, что сведения доступны интернет-пользователям	Уверенность в себе
9	Думала, что выступлю так себе	Результатами я довольна, за меня проголосовало много человек, а это значит, что моя работа ценится
10	Тревожность, неуверенность	Радость, гордость, уверенность
11	Очень волновалась, переживала	Переживала, но появилась уверенность в себе и в своих силах
12	Была небольшая неуверенность в себе	Чувство того, что и я на что-то способна
13	Смушение, удивление и сожаление от того, что оказалась единственной в своей номинации	Повысилось самоуважение
14	Испытывала чувство переживания	Радость, что получила такое количество голосов

Таким образом, оказалось, что интернет-голосование, изначально нацеленное в первую очередь на привлечение внимания общественности и изменение общественного мнения о профессии социального работника, в результате неожиданно существенно повлияло на сознание и самооценку самих конкурсантов, их мнение о собственной профессии.

Следующий вопрос был нацелен на выявление мнения конкурсантов о том, может ли повлиять на общество сам факт размещения в сети Интернет сведений о работниках социальных служб (см. табл. 4). Подавляющее большинство опрошенных (12 из 14) оказались убеждены в том, что такой эффект есть, остальные двое затруднились ответить. Показательно, что ни один из респондентов, даже са-

мый пессимистично настроенный, не взялся утверждать, что подобный эффект влияния на общество отсутствует, либо что тот эффект негативный. Вероятно, это означает, что все конкурсанты почувствовали некие изменения в окружающей среде в процессе интернет-голосования и эти изменения были позитивны-

ми либо нейтральными. Прежде всего конкурсанты отметили, что «повысился имидж учреждения», «у знакомых прибавилось уважения к моей работе» и у населения появилась возможность побольше узнать о деятельности социальных служб.

Таблица 4. Ответы конкурсантов на вопрос «Как Вы считаете (или как Вы почувствовали), есть ли вообще какой-либо эффект от того, что сведения о работниках социальных служб размещаются в сети Интернет?»

№ респонд.	Да	Нет	Затруд. отв.	Эффект от размещения сведений в сети Интернет
1	+			Повышается имидж учреждения социального развития, окружающие больше узнают о жизни наших учреждений и условиях проживания наших клиентов
2	+			Положительная информация о деятельности учреждения, привлечение внимания к социальной сфере
3	+			Повысилось внимание населения к социальной деятельности, люди стали более информированы о возможностях и ограничениях социальных служб. У моих знакомых прибавилось уважения к моей работе
4	+			Эффект в том, что те, кто не попал в этом году на конкурс, получили представление о нем и о том, как это выглядит, и у них появилось желание работать лучше, чтобы попасть на данный конкурс и принять участие в таком увлекательном мероприятии
5	+			
6	+			
7			+	
8	+			Доступность информации о деятельности социальной службы
9	+			Он подстегнул интерес к конкурсу у работников
10	+			Доступная информация о социальных службах, о людях, работающих в них
11	+			Я думаю, что у людей появилась хорошая возможность побольше узнать о специфике нашей работы
12	+			Конечно, это приносит свой эффект, люди видят, что их работа нужна, она интересна другим
13	+			Чувство сопричастности к общему делу
14			+	

Если условно рассмотреть перечисленные изменения как внешние, то важно зафиксировать, что респонденты отметили как следствие некий внутренний эффект: повышение удовлетворенности собственной профессией и трудом («люди видят, что их работа нужна, она интересна другим»), возникновение чувства коллективизма («сопричастности к общему делу»).

Кроме того, выявлен довольно любопытный, неожиданный эффект: повышение интереса у работников социальных служб к конкурсу профессионального мастерства именно в связи с возможностью, условно выразимся, просла-

виться, т.е. стать позитивно известным благодаря размещению сведений о достижениях специалиста в конкурсных материалах, размещенных в сети Интернет. По оценкам респондентов, интернет-голосование подстегнуло интерес к конкурсу у работников, те, кто не попал в этом году на конкурс, получили представления о нем и о том, как это выглядит, и у них появилось желание работать лучше, чтобы попасть на данный конкурс и принять участие в таком увлекательном мероприятии.

В этом контексте не удивительно, что 13 из 14 респондентов заявили в ответах на следую-

щий вопрос, что в дальнейшем целесообразно продолжать подобную практику использования интернет-голосования в рамках конкурса «Призвание» и других мероприятий. Лишь 1 респондент считает эту практику нецелесообразной.

На вопрос «Изменилось ли Ваше отношение к своей профессии после участия в интернет-голосовании?» положительно ответили 9 человек из 14, отрицательно 4 респондента, затруднился ответить 1 конкурсант (см. табл. 5).

Большая часть комментариев к этому вопросу связана со следующим:

– с повышением статуса своей профессии в собственных глазах («я просто еще больше полюбила свою работу... это мой жизненный путь и правильный выбор», «повысилось осознание ценности и значимости своей профессии», «теперь я иду на работу с еще большим рвением, чем ранее, теперь я понимаю, что о ней могут узнать многие и это радует»);

Таблица 5. Ответы конкурсантов на вопрос «Изменилось ли Ваше отношение к своей профессии после участия в интернет-голосовании?»

№ респонд.	Да	Нет	Затруд. отв.	Изменения в отношении к профессии
1		+		
2			+	
3	+			Повысилось осознание ценности и значимости своей профессии. В процессе подготовки к конкурсу возникла необходимость взглянуть свежим взглядом на свою деятельность. Увидела новые возможности в работе
4	+			Повысилась ответственность за работу, начинаешь смотреть в будущее: «А вдруг еще придется поучаствовать в таком конкурсе...» и вольно — не вольно пытаешься все сделать правильно и качественно
5		+		
6		+		
7	+			Стала более ответственно подходить к каждой, даже мелкой работе
8	+			Появилось желание повышать свои профессиональные знания, улучшать качество работы
9	+			Да, теперь я иду на работу с еще большим рвением, чем ранее, теперь я понимаю, что о ней могут узнать многие и это радует
10	+			Изменилось в лучшую сторону
11	+			Появилось желание работать лучше, и я просто еще больше полюбила свою работу. Это мой жизненный путь и правильный выбор. Кардинально изменилось отношение моих друзей, родственников к моей работе и подопечным
12	+			Хочется достигать новых вершин
13		+		
14	+			Еще больше уверилась в том, что моя профессия помогает людям

– с желанием повысить качество своего труда («появилось желание работать лучше», «стала более ответственно подходить к каждой, даже мелкой работе», «увидела новые возможности в работе», «повысилась ответственность за работу, начинаешь смотреть в будущее: а вдруг еще придется поучаствовать в таком конкурсе... и вольно — не вольно пытаешься все сделать правильно и качественно») и свою

профессиональную компетентность («хочется достигать новых вершин»).

Вновь конкурсанты просто не могут не отметить, хотя вопрос этого напрямую не касается, изменение отношения близких людей к их работе («кардинально изменилось отношение моих друзей, родственников к моей работе и подопечным» и т.п.). Это, очевидно, свидетельствует о крайне высокой значимости для рес-

пондентов именно данной переменной. Негативное отношение близких к выбору профессии работниками социальных служб, вероятно, является для них исключительно «болезненным» фактором.

Важно, что 11 респондентов из 14 остались довольны своим участием в интернет-голосовании в рамках конкурса профессионального мастерства среди работников учреждений социального обслуживания населения Пермского края «Призвание – 2012», 1 респондент не доволен и 2 затруднились ответить на вопрос «Вы довольны своим участием в интернет-голосовании?» (см. табл. 6). Один из затруднившихся ответить прокомментировал

свою позицию следующим образом: «Испытываю противоречивые чувства. Мне приятно, что за меня голосовало и переживало так много людей, и очень жаль, что отстала по голосам от своей конкурентки». Таким образом, даже те конкурсанты, которые не лидировали по количеству набранных голосов, в целом все равно были довольны участием. Очевидно, что важным моментом для них была сама возможность рассказать о своей нелегкой работе, получить общественное признание заслуг, позитивную оценку достижений, стать в определенной мере известными.

Таблица 6. Ответы конкурсантов на вопрос «Вы довольны своим участием в интернет-голосовании?»

№ респонд.	Да	Нет	Затрудн. отв.	Причина недовольства участием в интернет-голосовании
1	+			
2	+			
3			+	Испытываю противоречивые чувства. Мне приятно, что за меня голосовало и переживало так много людей, и очень жаль, что отстала по голосам от своей «конкурентки»
4	+			
5		+		
6	+			
7	+			
8	+			
9	+			
10	+			
11	+			
12	+			
13			+	
14	+			

Конкурсантам, набравшим наибольшее количество баллов по итогам участия в краевых конкурсных мероприятиях, в том числе по результатам интернет-голосования, было присуждено 1-е место и звание победителя конкурса в своей номинации. Некоторые из них приняли участие во всероссийском этапе конкурса в Москве под патронатом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (в настоящее время — Министерство труда и социальной защиты), 1 специалист стал победителем в одной из номинаций на всероссийском конкурсе.

С методической точки зрения при подведении итогов регионального этапа конкурса была выявлена одна крайне любопытная, неожидан-

ная закономерность. Практически во всех номинациях мнение экспертной комиссии конкурса полностью совпало с результатами интернет-голосования, а значит — с мнением общественности. Вопреки ожиданиям, пользователи сети Интернет высказали точно такую же оценку заслуг конкурсантов, как руководство ведомства. На наш взгляд, причина этого феномена в том, что наиболее успешные, квалифицированные специалисты, с любовью относящиеся к своей работе и клиентам социальных служб, отличаются довольно высокой коммуникабельностью. Это одна из составляющих их профессиональных качеств, позволяющая им более эффективно трудиться. Обладая высокой коммуникабельностью, они, в свою очередь,

имеют широкие социальные связи. Их общительность позволила им вовлечь в процесс голосования самые различные социальные группы, которые их поддержали. Другими словами, являясь хорошими профессионалами в своей деятельности, они и вне этой деятельности также отличаются успешностью, предприимчивостью и эффективно влияют на результаты интернет-голосования.

Итак, проведенное нами исследование дает основания выявить высокую эффективность применения технологии публичного, открытого интернет-голосования в рамках проведения конкурсов профессионального мастерства работников социальных служб для:

- 1) повышения статуса профессии социального работника, улучшения ее имиджа;
- 2) улучшения психологического климата в коллективах социальных служб, повышения удовлетворенности трудом у персонала учреждений социального обслуживания населения;
- 3) информирования граждан о деятельности социальных служб, расширения знаний о социальной работе;
- 4) морального воспитания общественности, формирования в общественном сознании идей милосердия, гуманизма, альтруизма, толерантности, недопущения дискриминации и насилия;
- 5) вовлечения различных социальных групп в процесс социального развития региона путем предоставления возможности выразить

свое отношение к работникам социальных служб.

Выявленные факторы позволяют рекомендовать органам государственной власти, как федеральным, так и региональным, в дальнейшем использовать данную технологию для повышения статуса социальной работы в обществе и повышения эффективности работы ведомства социальной защиты, тиражировав описанный в настоящей статье опыт.

С материалами описанного в настоящей статье конкурса можно ознакомиться подробно в специально выпущенном научно-популярном издании [1]. Его полный текст можно скачать (бесплатно) в разделе кафедры социальной работы на сайте Пермского государственного национального исследовательского университета (<http://www.psu.ru/faculties/law/socworkdpt/science/>).

Список литературы

1. *Конкурс профессионального мастерства среди работников учреждений социального обслуживания населения Пермского края: материалы интернет-голосования* / сост. С.Е. Гасумова; под ред. С.А. Востриковой; Агентство по управлению соц. службами Перм. края: Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2012.

THE RELATION OF PERM REGION COMPETITION IN PROFESSIONAL SKILL AMONG SOCIAL SERVICE'S NOMINEES TO THE PROCEDURE OF PARTICIPATION IN PUBLIC INTERNET VOTE

Svetlana E. Gasumova

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The scientific and methodical analysis of use of the Internet vote technology in the competition of professional skill among social service providers in Perm Krai «Calling – 2012» is presented in this article; the efficiency of this technology in promotion of the public status and improvement of image of a profession is shown; the results of questionnaire of Internet vote nominees about their impressions about a voting procedure and the changes which have occurred as the result in their private and professional life are considered. On the basis of experience of the Internet vote organization, some recommendations to public authorities on increase of efficiency of social work informatization and positioning of this sphere in the Internet according to requirements of modern society are developed.

Key words: Informatization; Information Technologies; The Internet; Internet-Vote; Social Work; Social Services.

УДК 316.342.6

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ РАБОЧИХ ПРОФЕССИЙ НА РЫНКЕ ТРУДА ПЕРМСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

М.И. Григорьева

В настоящее время становится очевидной востребованность квалифицированных специалистов рабочих профессий в сфере производства, данные тенденции озвучивают в средствах массовой информации представители как крупнейших российских предприятий, так и представители среднего и малого бизнеса. В связи с этим представляет интерес исследование спроса на квалифицированную рабочую силу в пермских средствах массовой информации. В статье представлен анализ спроса на рабочие профессии на основе материалов эмпирических исследований, проведенных в Пермском крае в 2009 и 2011 годах с помощью метода контент-анализа пермских печатных СМИ.

Ключевые слова: востребованность рабочих профессий; квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий; современная социальная реальность.

Социальная реальность традиционно понималась как действительность, созданная людьми, окружающая людей, изменяемая людьми. В определении П. Бергера и Н. Лукмана, социальная реальность — это повседневный мир, переживаемый и интерпретируемый действующими в нем людьми. Интерес к анализу понятия «социальная реальность» сегодня не случаен: современная социальная реальность — это та действительность, то социальное пространство, которое, с одной стороны, окружает человека, в рамках которого он осуществляет свою деятельность, а с другой стороны, то, что определяет существование человека.

Термин «социальная реальность» стал употребляться сегодня в двух смыслах: онтологическом, отражающем все объективно существующие социальные процессы и явления, и эпистемологическом, заключающемся в использовании данного термина для определения сфер социальной реальности и являющемся предметом конкретных социально-гуманитарных наук и теорий [10, с. 3]. А.С. Соколов, интерпретируя понятие «социальная реальность», говорит, что она может трактоваться как комплекс присущих социуму наиболее существенных признаков, позволяющих ему быть теоретически выделенным из общей структуры мироздания и представлен-

ным в качестве специфического, онтологически своеобразного, и закономерно упорядоченного объекта (фрагмента реального мира) [11, с. 7]. Под социальной реальностью можно понимать и некую объективную данность общественного бытия, выражающуюся и подтверждающуюся интересусубъективностью, объективной фактичностью происходящих событий и социальных процессов [4, с. 1]. Социальная реальность — это и общество в целом, и тот объективный социальный опыт, который есть у людей. Поскольку жизнедеятельность человека происходит именно в этом пространстве, под влиянием на этот социальный опыт и влияя на него, есть смысл дать характеристику социальной реальности, в рамках которой происходит или не происходит формирование спроса на профессии.

Можно выделить следующие важнейшие характеристики социальной реальности, влияющие на профессиональные ориентации и профессиональный выбор человека в современных условиях:

1. «Расползающаяся», аморфная социальная структура общества, в рамках которой возникает проблема перекоса на рынке труда: неясность относительно востребованности обществом определенных профессий, и, как следствие, — затруднения при разработке и реализа-

ции профориентационных программ [5; с.49–51; 73; 75].

2. Отсутствие уверенности в трудоустройстве по имеющимся профессиям.

3. Наличие противоречия между потребностями предприятий в квалифицированных рабочих кадрах, особенно молодых, и нежеланием россиян быть занятыми в данных видах деятельности.

4. Наличие противоречия между желанием части населения, в том числе молодежи, работать на крупных предприятиях, и сокращением предложений «качественных» рабочих мест вследствие конверсии военной промышленности, реструктуризации и перепрофилирования многих крупных предприятий страны, сокращения рабочих мест вследствие перестройки, дефолта, экономического кризиса, с одной стороны, или технологизации производства — с другой.

5. «Соскальзывание» социально-профессиональной структуры от форм занятости в сфере индустриального труда к переориентации на управленческий труд. Так, по данным исследования методом анкетного опроса, проведенного в Пермском крае в 2009 г. общественной организацией «Аспектус», «управленческие» профессии «чиновник», «менеджер», «бизнесмен» или «администратор» в рейтинге престижных профессий пермских школьников и учащихся учреждений начального и среднего профессионального образования (N = 2052, территории исследования — Пермь, Лысьва, Кудымкар, Кунгур, Чайковский, Чернушка) занимают 2-е, 5-е, 8-е и 9-е места из 62 соответственно, и лишь 17-е, 15-е, 13-е из 45 в рейтинге непрестижных профессий. При этом, что интересно, профессия «чиновник» в рейтинге привлекательных, желаемых для занятия молодежью, профессий, оказалась на 2-м месте (124 выбора), а профессия «рабочий» — на 3-м (122 выбора) [11].

6. Переоценка системы ценностей населения в целом. С одной стороны, наличие вечных ценностей, которые возвышаются над меняющимися временными интересами людей, — вопросов самосохранения и саморазвития общества, с другой стороны — стремление к индивидуальному спасению, самосохранению, но, вместе с тем, желание личности вновь обрести свой внутренний духовный мир [5, с. 75–76]. Следствием этого является описанное выше

противоречие между престижем занятости в сфере государственного или бизнес-управления и привлекательностью работы на крупных промышленных предприятиях.

7. Изменение механизмов репрезентации социальной реальности, что, по мнению А.Н. Деминой и А.П. Павлова, связано с трансформацией субъект-объектных отношений в социальном познании. Данная трансформация может быть выражена фразой А. Турена — «возвращение человека действующего». [3, с. 71]. Данный концепт, на наш взгляд, очень удачно отражает идеологические аспекты современного социального пространства, в котором формируется спрос на рабочие профессии. Кроме того, отмечает Г.К. Сайкина, сегодня общество функционирует на основании механизма *нормализации* (а не на механизме надзора и наказания), когда из сферы производства, труда исчезают прежние механизмы насилия и эксплуатации, сегодняшний пролетарий является «нормальным» человеком, трудящийся возведен в достоинство полноправного «человеческого существа» [9]. Это могло бы сыграть положительную роль в формировании спроса на «рабочие» профессии.

8. Усиление информационно-коммуникационных процессов, повышение значимости информации для населения. Е.В. Поликарпова, ссылаясь на Дж. Ваттимо, говорит, что современное общество — это общество всеобщей коммуникации, где его «прозрачность» достигается благодаря функционированию масс-медиа, использующих новейшие компьютерные и телекоммуникационные технологии [7, с. 7]. В связи с этим актуальным будет исследование отношения общества в целом работодателей в частности, а также спроса на рабочие профессии в Пермском крае с помощью анализа данных в средствах массовой информации. Видимо, понимая значимость информационного сопровождения деятельности и правильности информационной работы, Агентство по занятости населения с июля 2012 г. стало размещать на своем сайте обзор материалов пермских СМИ, касающихся вопросов занятости и трудоустройства [2]. Для проведения исследования нами был выбран метод контент-анализа.

Контент-анализ представляет собой метод сбора информации путем фиксации количественных и качественных параметров изучаемого

объекта в больших массивах текста. В рамках настоящего исследования для нас было важно зафиксировать наличие или отсутствие информации, касающейся рабочих профессий, в официальных печатных СМИ (газетах) тех территорий, где проводилось исследование, важно было оценить ситуацию наличия или отсутствия спроса на рабочие профессии, выяснить особенности спроса и предложения на указанных территориях. Выбранные для анализа газеты являются читаемыми, востребованными, известными на определенных территориях, доступными для жителей и всех заинтересованных лиц. На результаты исследования, проведенного специалистами ПГОО «Аспектус» в 2009 г., оказал влияние финансово-экономический кризис. Поэтому интересно сравнить эти данные с аналогичными данными более поздних исследований и данными официальной статистики.

Для анализа использованы:

1. Материалы социологического исследования «“Перекоп” на рынке труда: потребность в “рабочих специальностях” у работодателей и невостребованность “рабочих профессий” учащейся молодежи», которое проводилось в Пермском регионе с января по июнь 2009 г. пермской городской общественной организацией «Аспектус» на основе гранта Общественной палаты РФ от 14 апреля 2008 г. В качестве одного из методов исследования был проведен контент-анализ печатных СМИ краевого уровня — «Есть работа» и «Звезда», а также печатных газет «Работа для Вас» и «Местное время» (Пермь), «Искра» (Кунгур), «Коми-Пермяцкие вести» и «Парма» (Кудымкар), «Искра» (Лысьва), «Маяк Приуралья» (Чернушка) и «Огни Камы» (Чайковский) за 2008 г. Выборка сплошная районированная. Руководитель исследовательской группы — к. филос. наук, доц. В.А. Фирсов, контент-анализ проводился исследовательской группой под руководством М.И. Григорьевой.

2. Материалы исследований спроса на рабочую силу, отраженного в пермской городской газете «Ва-Банк». Исследования проведены А.Г. Антипьевым и В.С. Волеговым в 2011 г. [1].

3. Статистика спроса на рабочие профессии по данным Агентства по занятости населения Пермского края за 1-е полугодие 2012 г. [12].

В настоящее время представители предприятий различного масштаба и профиля говорят о

потребности в квалифицированных рабочих, необходимость формирования и развития данной социально-профессиональной группы озвучивает и Президент Российской Федерации В.В. Путин, говоря, что сегодня в России «10 миллионов человек занято на производствах, построенных на архаичных, отсталых технологиях. Такие технологии должны уйти в прошлое — и не только потому, что проигрывают на рынке. Часть из них — просто опасна для здоровья работников и для экологического благополучия», в связи с чем необходимо создание технологичных рабочих мест как для людей с высшим образованием, так и для всех остальных [8]. В связи с этим актуальным, на наш взгляд, будет проанализировать спрос на рабочие профессии, которые демонстрируют сегодня работодатели.

Количественный анализ печатных СМИ показал, что в газетах содержится информация о рабочих профессиях. При этом наибольшее количество упоминаний о рабочих профессиях присутствует в специализированных газетах «Есть работа!» и «Работа для Вас» (19 436 и 16 661 упоминание за год в каждой газете соответственно), где фиксируется ситуация спроса и предложения на рынке труда Пермского края. Полученные данные показывают, что интерес к рабочим профессиям в крае есть, что данный «товар» на рынке труда представлен в достаточном количестве.

Если посмотреть на представление информации о рабочих профессиях в городах края, в которых проводилось исследование, то можно отметить, что наибольшее количество упоминаний о рабочих профессиях содержится в газетах Лысьвы (1 852) и Кунгура (1 177). Это объясняется тем, что в Лысьве находится 2 крупных завода (металлургический завод, завод крупных приборов), предприятие легкой промышленности (чулочно-перчаточная фабрика), город зависим от промышленности, от рабочих. В Кунгуре крупного предприятия нет, но есть механический завод, где имеет место быть спрос на рабочих. Кроме того, Кунгур находится на трассе *Пермь – Екатеринбург*, через Кунгур идут транспортные маршруты на север и юг края, эта удобная транспортная развязка позволяет рабочим использовать вахтовую занятость, работать на других территориях.

В газете «Парма» Коми-Пермяцкого округа информация о рабочих представлена, скорее

всего, вследствие наличия на данной территории лесной и лесозаготовительной промышленности.

Чернушка традиционно считается сельскохозяйственной территорией края, производственных предприятий там нет, поэтому интерес к данным профессиям очень мал, даже несмотря на наличие нефтедобывающих организаций.

К сожалению, мал интерес к рабочим профессиям в Чайковском, бывшем центре легкой промышленности края, где в прошлом успешно работало предприятие «Чайковский комбинат шелковых тканей», сегодня «Чайковский текстиль». Из крупных предприятий города сегодня можно назвать и Воткинскую ГЭС, предприятие «Транснефть», «Газпром». На момент исследования в городе был зафиксирован спад производства по причине нехватки квалифицированных рабочих кадров, молодежь уезжает в более крупные города: Ижевск, Пермь, Екатеринбург, Москву. Действующие предприятия кадрами укомплектованы, потребности в обновлении не испытывают. Возможно, этим и объясняется отсутствие внимания к рабочим профессиям в СМИ.

Интересная ситуация с газетами г. Перми. Здесь можно отметить, что газета «Звезда», являясь официальной газетой, больше внимания уделяет рабочим профессиям (410 упоминаний), тогда как «Местное время», представляя интересы бизнеса, коммерсантов, о рабочих профессиях информации практически не дает (всего 68 упоминаний, меньше всего по краю).

Качественный анализ упоминаний о рабочих профессиях в печатных СМИ Пермского края позволил увидеть следующие факты и сделать ряд выводов.

Единица счета — описание деятельности предприятия/фирмы, привлекающей людей для работы по «рабочим профессиям»

Наибольшее количество упоминаний о рабочих профессиях в данном контексте было обнаружено в газетах Пермского края — «Звезда» (37% от общего числа упоминаний о рабочих профессиях) и «Местное время» (50% упоминаний соответственно). При этом, что важно в современных условиях, авторы публикаций используют печатные СМИ Перми для популяризации рабочих профессий (общий тон высказываний о рабочих профессиях в обеих газетах положительный). В «Местном времени», кроме

того, несмотря на очень малое внимание к данной проблеме в целом, 50% материала по данной теме связано с освещением именно данного раздела. Значит, представителей работодателей данная тема интересует, они хотят представить широкому кругу читателей свое предприятие, причем в выгодном свете по отношению к рабочим профессиям.

Аналогично можно интерпретировать данные о степени освещенности анализируемой смысловой единицы в территориальных СМИ Чернушки (17,5% материала посвящены этим вопросам), Кудымкара (27%) и Чайковского (13%).

В газетах Лысьвы и Кунгура данному аспекту внимание практически не уделяется (объем информации данного рода занимает от 2 до 4% от общего количества). Возможно, это говорит, что население знает о предприятиях, где есть рабочие, дополнительное информирование не нужно, хотя сегодня Лысьва столкнулась с проблемой, заключающейся в том, что выпускники учреждений начального и среднего профессионального образования города не идут работать на крупные промышленные предприятия. Скорее всего, это отдаленные последствия отсутствия соответствующей информационной кампании в СМИ.

Единица счета — объявление о поиске работы соискателя

Информация данного характера в газетах практически не представлена, больше 1% от общего объема информации она не занимает. Это говорит об отсутствии предложения рабочей силы по рабочим профессиям. Очевиден «перекос» на рынке труда в сторону повышенного спроса на рабочие профессии.

Есть информация по данной теме в газете «Работа для Вас» и «Искра» (Лысьва). Очевидно, что высвобождения рабочей силы, которые имели и имеют место на данных территориях, подтолкнули людей опубликовать объявление о поиске работы.

Единица счета — объявление об имеющихся вакансиях работодателя

Данная информация занимает большой объем от общего количество упоминаний о рабочих профессиях, следовательно, вы можем констатировать наличие спроса на рабочие профессии в регионе.

Из табл. 1 видно, что в специализированных газетах более 95% информации — это вакансии предприятий для рабочих. Очень высок спрос на рабочих в Кунгуре (96% информации носит такой характер), Чернушке (53%) и Лысьве (45%). Это может говорить как о большом количестве предприятий различной направленности, которым требуются специалисты по данным профессиям, так и о том, что работодатели предпочитают использовать СМИ как средство поиска персонала.

То, что около 40% упоминаний о рабочих профессиях Кудымкара содержит объявления о вакансиях на рабочие места, объясняется, с одной стороны, узостью рынка труда Коми-

Пермяцкого округа (лесная, пищевая, строительная промышленность), территориальной и социокультурной, национальной обособленностью данной территории — с другой стороны, и ограниченностью вакансий на рабочие специальности — с третьей. Коми-Пермяцкий округ традиционно считается территорией с очень высоким уровнем безработицы, и то, что упоминания о рабочих профессиях на 40% — это объявления о вакансиях, говорит о том, что для населения данной территории характерна низкая трудовая мотивация, нежелание работать, поэтому, несмотря на небольшое количество рабочих мест, вакансий, а следовательно, и объявлений о них, много.

Таблица 1. Доля объявлений о вакансиях на рабочие профессии по данным пермских печатных СМИ (в % от общего объема информации) [5]

Газета								
«Есть работа!»	«Работа для Вас»	«Звезда»	«Местное время»	«Искра» Кунгур	«Искра» Лысьва	«Огни Камы»	«Парма»	«Маяк Приуралья»
99,00%	97,90%	5,12%	0,00%	96,43%	45,20%	19,40%	39,72%	53,13%

Небольшое количество объявлений о вакансиях в Чайковском говорит о том, что если потребность в рабочих возникает, предприятия пытаются ее решить иным способом: через кадровые агентства или через личные контакты с представителями предприятий.

Странным является отсутствие объявления о вакансиях в пермских городских газетах, возможно, это связано с наличием в Перми специализированных СМИ для соответствующих объявлений.

Если сравнить результаты проведенного анализа с результатами исследования А.Г. Антипьева и В.С. Волегова, ситуация получается аналогичная: контент-анализ газеты «Ва-банк» подтвердил наличие спроса на рабочие профессии. По данным исследования второй по величине группой занятости оказалась категория, объединяющая представителей неквалифицированного труда (в среднем к ней относится порядка 22% объявлений). Что касается динамических показателей, то наибольший перепад значений в течение года наблюдается среди категорий работников сферы обслуживания, ЖКХ и торговли: разница между максимальным и минимальным значением доли подобных объявлений составляет 10,6%. Чуть незначительный «перепад» наблюдается у квали-

фицированных рабочих промышленных предприятий, строительства, транспорта и связи (9%). [9, с. 111].

Единица счета — статистическая информация о ситуации на рынке труда.

Единица счета — аналитическая заметка о ситуации на рынке труда

Статистика о ситуации на рынке труда присутствует в газетах Перми, Лысьвы, Чайковского и Чернушки, аналитика — в газетах Перми, Кунгура, Лысьвы, Чайковского и Чернушки. Объем данной информации небольшой, это говорит о том, что ситуация на рынке труда мало интересует печатные СМИ.

Единица счета — наличие в тексте информации — комментарий в нормативно-правовой базе

Задав для анализа данную единицу счета, мы предположили, что в печатных СМИ той или иной территории будет содержаться информация, касающаяся нормативно-правовых актов, комментариев их и т.д. Однако информации данного характера в СМИ зафиксировано не было. По одному высказыванию сожалелось только в газете городов Лысьва и Чайковский, но количество малозначимо.

Единица счета — интервью с различными субъектами по поводу «рабочих профессий»

Данная позиция очень интересна и информативна, так как позволяет оценить отношение СМИ к «рабочим профессиям» путем размещения или неразмещения на своих страницах мнений разных субъектов: самих рабочих, учащихся учреждений НПО и СПО, преподавательского состава учреждений НПО и СПО, представителей органов местного самоуправления.

Показательным является отсутствие в печатных СМИ интервью с представителями органов муниципальной и краевой власти как о необходимости поднятия престижа рабочих профессий, так и о необходимости сокращения рабочих должностей. Одно интервью с представителями власти г. Перми есть в «Звезде», остальные СМИ информации по данному вопросу не содержат. Это говорит либо о неготовности власти популяризировать рабочие профессии, хотя объективная необходимость в этом есть, либо об отсутствии у власти понимания того, каким образом надо выстраивать систему повышения интереса молодежи к рабочим профессиям. Возможно, представители органов власти считают, что привлечение молодежи к рабочим специальностям — это дело предприятий, поэтому не затрагивают сами данные вопросы. Кроме того, можно сказать, что на уровне края вопрос профессионального выбора молодежи, повышение интереса молодежи к рабочим профессиям не закреплен в рамках одного министерства или ведомства, зоны ответственности расходятся, не совпадают. Поэтому нет и однозначной оценки данного процесса и не разработано механизма его регулирования.

Примечательно, что в СМИ г. Перми, а тем более в «Местном времени», которое мы представили как газету бизнеса и политических партий, самое большее количество интервью с представителями рабочих профессий — 10,6% от общего количества заметок по теме исследования. Немного меньше в «Звезде» — 8,8%. Это показывает, что СМИ города ведут работу по представлению специалистов различных рабочих профессий, информируют население.

В меньшем количестве материалы данного характера представлены в газетах Чайковского (почти 5% от общего количества высказываний) и Кудымкара (4% соответственно). Веро-

ятнее всего, эти интервью обостряли вопрос отсутствия свободных вакансий на предприятиях для рабочих (Чайковский) или делали попытку популяризировать труд, в том числе по рабочим профессиям (Кудымкар).

Наличие или отсутствие в текстах газет интервью с работодателями говорит об их готовности/неготовности освещать кадровые вопросы в СМИ. Материалы фокус-групп показали, что проблема нехватки рабочих кадров для предприятий есть, объявления о вакансиях по рабочим профессиям есть. Но привлечь молодежь на предприятия могут в том числе активные информационные действия представителей предприятий. Данные исследования показали активность в данной области СМИ и работодателей Чернушки (заметки такого рода присутствуют в 17% высказываний от общего количества высказываний), в меньшей степени — Чайковского (4,5%). СМИ остальных регионов информацию данного характера либо вообще не содержат (Кудымкар), либо содержат, но крайне редко. Поэтому, на наш взгляд, представителям работодателей необходимо интенсивнее использовать данный ресурс.

Наличие/отсутствие интервью с представителями учебных заведений СПО и НПО, а также с учащимися данных учреждений говорит о том, что учреждения не используют ресурс СМИ для привлечения внимания к себе, спектру предлагаемых профессий. Причем речь идет не просто об объявлении, а именно об интервью с людьми, связанными с данной сферой. Можно отметить, что таким образом привлекают к себе внимание газета Коми-Пермяцкого округа (3% упоминаний касается этого вопроса). Видимо, необходимость привлечения кадров из отдаленных территорий заставляет это делать — публиковать интервью с учащимися), а также газета «Местное время» Перми, доля интервью с преподавательским составом учреждений НПО и СПО от общего количества упоминаний тут самая высокая — 7,6% (очевидно, интервью с целью разъяснения специфики работы училищ в новых условиях, в рамках новых спектров профессий).

Единица счета — уровень образования, предъявляемого к соискателям работы по рабочим профессиям

В ходе фокус-групп, проведенных в рамках исследования (в ходе исследования было про-

ведено 7 фокус-групп, в которых приняли участие эксперты — представители органов местного самоуправления, учреждений общего, начального и среднего профессионального образования, представители работодателей; N = 148), среди представителей пермских предприятий прозвучала мысль, что сегодня требуются в Перми часто не просто рабочие, т.е. люди, не имеющие специального образования, а высококвалифицированные кадры с высоким уровнем теоретической подготовки. Данные контент-анализа подтверждают это: газеты с объявлениями вакансий Перми фиксируют спрос на рабочие профессии с требованием наличия высшего образования для соискателя. На данный момент для Перми характерно развитие и обновление производственной базы предприятий, очевидно, что неквалифицированные рабочие в прежних объемах производству не нужны: в Перми небольшой спрос на рабочих со средним специальным образованием и практически нет спроса на рабочих с начальным профессиональным образованием. Данные тенденции сохраняются и сегодня: по данным Агентства по занятости населения Пермского края наибольший спрос у работодателей в июле 2012 г. был отмечен по следующим укрупненным группам занятий:

- неквалифицированные рабочие (23%);
- квалифицированные рабочие крупных и мелких предприятий, строительства, транспорта (31%);
- специалисты среднего уровня квалификации (13%);
- специалисты высшего уровня квалификации (10%);
- работники сферы обслуживания (12%);
- операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин и слесари-сборщики (16%) [11, с. 2—3].

Отмечают потребность в рабочих с высшим образованием авторы публикаций в газетах Кудымкара и Чайковского. Причина, скорее всего, аналогична.

Из всех территорий края только газета Лысьвы содержит наличие среднего специального образования как требование к соискателю рабочих профессий. Значит, уровень производственных мощностей в Лысьве сегодня требует именно этого.

Есть другие объяснения представленных выше данных. Либо неквалифицированные ра-

бочие, рабочие с начальным профессиональным образованием на предприятии есть в достаточном количестве, либо вследствие сокращения кадров они не требуются. А вот рабочие с более высоким уровнем образования, которые могут выполнять несколько операций, оказываются востребованными.

Единица счета — объявление о спросе на «рабочие специальности» по отраслевому признаку

В целом, можно сказать, что выше всего по Пермскому краю спрос на рабочих в следующих сферах:

- строительство;
- машиностроение и приборостроение;
- пищевая промышленность.

Данная картина отражает структуру рынка труда Пермского края сегодня: наличие крупных производственных и промышленных предприятий, рост объемов строительства и ремонтно-отделочных работ, развитие сельского хозяйства, продвижение пермской сельскохозяйственной продукции на внутреннем и внешнем рынках, а также открытие сетей учреждений питания. Этим и обусловлен спрос на рабочие кадры в данных отраслях. Данные тенденции сохраняются и сегодня: по данным Агентства по занятости населения Пермского края за июль 2012 г. наибольшим спросом у работодателей пользовались неквалифицированная рабочая сила и квалифицированные рабочие промышленных предприятий, строительства и транспорта; изменение структуры спроса на рабочую силу, выразившееся в увеличении удельного веса вакансий для неквалифицированной рабочей силы, связано с проведением сезонных работ в сфере ЖКХ, сельского хозяйства, строительства [6, с. 10].

На наш взгляд, необходимо сделать анализ объявлений о спросе на «рабочие специальности» по отраслевому признаку и в территориальном разрезе.

Пермь — это крупный промышленный центр, здесь сосредоточено большое количество промышленных предприятий. Удельный вес в производстве промышленной продукции занимают предприятия оборонного комплекса («Машзавод им. Ф.Э. Держинского», ОАО «Пермские моторы»), а также ЗАО «Новомет-Пермь», ОАО «НПО Горнефтемаш», ЗАО «Мотовилиха – Нефтегазмаш», ООО «Завод Строи-

тельно-Дорожных Машин», пермский завод «Машиностроитель», ОАО «Камкабель», ОАО «Пермская научно-производственная приборостроительная компания», ОАО «Морион» и крупнейшие предприятия, занятые металлургическим производством и производством готовых металлических изделий: ООО «Металлургический завод “Камасталь”», ООО «Точлит». В городе располагается несколько десятков предприятий пищевой промышленности (крупнейшие — Пермский мясокомбинат, ОАО «Перммолоко», кондитерские фабрики «Камская», «Пермская» и Пермский филиал ОАО «САН Интербрю»).

Спрос на рабочие специальности в Перми практически совпадает с региональным и отражает структуру экономики города. Так, самая большая кадровая потребность — это потребность в рабочих строительной (от 2,7% до 3,8% от общего количества упоминаний о рабочих профессиях в СМИ, в зависимости от газеты), машиностроительной и приборостроительной промышленности. Объясняется это перечисленными выше обстоятельствами.

Зафиксирован спрос и на рабочих пищевой промышленности, в данном случае — как раз в сфере общепита. В Перми сегодня развиваются сети супермаркетов, где также есть большая потребность в специалистах пищевой промышленности.

Есть спрос на рабочих в сфере ЖКХ (2,7% от общего количества упоминаний), что объясняется реформированием системы ЖКХ в городе, которое имело место в 2008 г.: активным процессом создания товариществ собственников жилья, появлением новых управляющих компаний и т.д. Квалифицированные рабочие кадры для обслуживания ЖКХ стали очень востребованы.

Структура спроса на рабочих в *Кунгуре* также отражает экономическую структуру города. Хозяйственный профиль города определили две группы факторов: первая — факторы, обусловившие развитие города Кунгура как центра значительного агропромышленного района; вторая группа факторов связана с общей исторической судьбой Урала — развитием промышленности, потребностями индустрии Урала и сопредельных территорий.

Первая группа факторов способствовала возникновению и развитию кожевенно-обувной промышленности (Кунгурский обувной комби-

нат с числом занятых около 5 тыс.). Кроме того, в городе работают такие крупные предприятия пищевой отрасли, как Кунгурский молочный комбинат, мясокомбинат, мелькомбинат, пивзавод.

Вторую группу предприятий представляет завод «Турбобур», возникший на базе производственных мастерских и технического училища. Он неоднократно менял свою специализацию, сейчас производит нефтепромысловое оборудование (буровые установки, турбобуры).

Высокопрофессиональны изделия известного на Урале завода художественных изделий (обработка поделочного камня). Значительна группа предприятий, связанных с производством товаров народного потребления, — лесомебельный комбинат, швейная фабрика, фабрика музыкальных изделий и др. Имеются строительные транспортные организации, ремонтно-механический завод.

Отсюда и структура спроса на рабочие профессии: строительство и отделка, как промышленных, так и гражданских, жилых зданий (17,5% от общего количества упоминаний рабочих профессий отражает спрос на эти профессии), строительство машин и приборов (14,3%), легкая промышленность (8,2%).

Если характеризовать спрос на рабочую силу в *Лысьве*, он также соответствует экономической ситуации города.

Ведущими отраслями в структуре хозяйства города являются черная металлургия, машиностроение и металлообработка, легкая промышленность, представлены также промышленность по производству стройматериалов, предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию. Лысвенский металлургический завод производит мартеновскую сталь, листовой прокат, холоднокатанную хромированную жесть, электролитически оцинкованную сталь с полимерными покрытиями, эмалированную и оцинкованную посуду, молочные фляги. АО «Привод» — ведущее предприятие России по производству турбогенераторов и синхронных электродвигателей, выпускаются также электродвигатели для выкачивания из скважин питьевой воды. Легкая промышленность представлена чулочной-перчаточной фабрикой (производство детских варежек, носков, перчаток). В городе работают также завод железобетонных изделий, мясокомбинат, молочный комбинат. Развивается сфера ЖКХ.

Спрос на рабочих в городе распределился соответственно: на первом месте спрос на рабочих в машиностроительной и приборостроительной промышленности (8,8%), пищевой промышленности (7,9%) и строительстве (7%).

Интересную картину нам демонстрируют данные, полученные при анализе газет *Чайковского*.

Основным промышленным предприятием города сегодня продолжает оставаться ОАО «Чайковский текстиль», есть завод синтетического каучука. Важное значение для города имеют предприятия строительного комплекса: ремонтно-механический и деревообрабатывающий заводы, завод «Стройдеталь», комбинат цементно-стружечных плит.

Пищевая промышленность в городе представлена мясокомбинатом и молочным заводом. Причем, в отличие от аналогичных предприятий Кунгура или Чернушки, популярностью в крае или Перми продукция Чайковской пищевой промышленности не пользуется. Кроме того, рядом находится Удмуртия, где пищевая промышленность развита и ориентирована на внешний рынок намного больше.

При этом в Чайковском самый высокий спрос в СМИ зафиксирован именно на рабочих в сфере пищевой промышленности (6,5%), 4,5% — на рабочих в машиностроительной и приборостроительной промышленности и 4% — на рабочих в строительстве. Данную структуру спроса можно объяснить следующим. С одной стороны, рынок труда в сфере производства насыщен, производство не развивается, поэтому спрос отсутствует. С другой стороны, необходимые кадры в Чайковском принимают другим путем: через кадровые агентства, личные контакты и рекомендации и т.д. И, в целом, отсутствие «перекаса» на рынке труда (относительное равновесие спроса и предложения) также приводит к этим данным.

Интересной предстала структура спроса и предложения в *Коми-Пермяцком округе*.

На первое место вышла потребность в строительных кадрах. При этом строительство на территории представляет собой проведение отделочных работ, ремонтных работ и т.д. Капитальное строительство практически не ведется. Наличие высокого спроса на рабочих в строительстве, очевидно, говорит, что люди не хотят работать по данным специальностям. На

второе место по спросу на рабочую силу здесь вышли публикации, содержащие вакансии в лесной промышленности. Данный вид промышленности является единственным на территории, но сегодня он находится в стадии реструктуризации, совершенствования и усложнения оборудования. Очевидно, что найти квалифицированные кадры для данной отрасли — это большая проблема. Спрос на рабочих в пищевой промышленности отражает развитие данной отрасли.

В *Чернушке* спрос на рабочих отражает как общую экономическую ситуацию, так и тенденции развития новых форм хозяйствования.

Ведущие отрасли промышленности — нефтедобыча, ремонт машин; развита мясоперерабатывающая, маслосыродельная промышленность. Направление большинства сельскохозяйственных предприятий — мясо-молочно-зерновое. Наиболее крупные промышленные предприятия — маслосыркомбинат, мясокомбинат, завод металлоизделий, «Чернушка-стройкерамика» и др. Важный фактор развития района — межрайонные и межрегиональные связи с Башкирией, Удмуртией, Свердловской областью. Из района вывозятся продукты сельского хозяйства, пищевой промышленности — скот, зерно, картофель, масло, сыр, мясо, колбасы. Из промышленной продукции экспортируется нефть.

На первом месте по потребности в рабочих в Чернушке находятся предприятия пищевой промышленности, что вполне соответствует вышеприведенной структуре. На втором месте по спросу на рабочих находятся предприятия ЖКХ. Возможно, это объясняется тем, что специалистов данной квалификации на территории не готовят, а отдаленность от краевого центра не позволяет обучать рабочих в Перми.

Таким образом, данные исследований и официальной статистики подтверждают наличие спроса на рабочие профессии в Пермском крае, особенно в таких сферах, как строительство, машиностроение и приборостроение и пищевая промышленность. Качественный анализ заметок о рабочих профессиях показал, что, несмотря на отсутствие негативных высказываний по отношению к рабочим профессиям, ярких агитационных материалов, создающих портрет благополучного рабочего, вызывающих интерес по форме и содержанию у населения, в газетах практически не содержится. Все

это, с одной стороны, соответствует современным реалиям, с другой — представляет ориентиры для развития и совершенствования различных систем жизнедеятельности: СМИ, образования, занятости, государственного и муниципального управления, промышленного производства.

Список литературы

1. *Антипов А.Г., Волегов В.С.* Структура спроса на профессии (на основе контент-анализа объявления о работе в г. Перми) // Вестн. Перм. ун-та. Серия «Философия. Психология. Социология». 2011. Вып.4(8). С. 107–114.
2. *Вопросы занятости в краевых СМИ* (на сайте Агентства по занятости населения Пермского края). URL: <http://szn.perm.ru/?o=842> (дата обращения: 28.08.2012).
3. *Демина А.Н., Павлов А.П.* Рациональность как основа репрезентации социальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. №8 (14): в 4 ч. Ч.II. С.71–75. URL: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/18.html (дата обращения: 25.08.2012).
4. *Мусиц П.В.* Социальная реальность: основные теоретические подходы // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. №4(20). URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/022-036.pdf> (дата обращения: 29.08.2012).
5. *Парамонова С.П.* Современный мир. Молодежь, образование, труд: монография. Пермь, 2011.
6. «Перекоп» на рынке труда: потребность в «рабочих специальностях» у работодателей и невостребованность «рабочих профессий» учащейся молодежью. URL: http://www.inop.ru/files/6_1_2008_065.doc (дата обращения: 10.08.2012).
7. *Поликарпова Е.В.* Воздействие современных информационно-коммуникационных технологий на сознание человека и конструирование социальной реальности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Дону, 2011.
8. *Путин В.В.* Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Российская газета. 16.01.2012. URL: <http://www.rg.ru/2012/01/16/statya.html> (дата обращения: 28.08.2012).
9. *Сайкина Г.К.* Человеческая идентичность как элемент современной социальной реальности. URL: <http://antropolog.ru/doc/persons/saikina/saikina4> (дата обращения: 02.12.2012).
10. *Саяпина И.Ю.* Медийное конструирование социальной реальности: теоретико-методологический подход: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2011.
11. *Соколов А.С.* Проблема социальной реальности в классической и марксистской философии: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2010.
12. *Спрос и предложение на профессиональных рынках труда Пермского края.* Июль 2012. Экспресс-информация. №7. URL: <http://szn.perm.ru/?o=600&e=0> (дата обращения: 28.08.2012).

DEMAND FOR WORKING PROFESSIONS IN PERM REGION IN THE CONDITIONS OF MODERN SOCIAL REALITY

Milana I. Grigoryeva

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Demand of the qualified workers in the sphere of production is becoming more obvious in Russia and in Perm region now. These tendencies are sounded in mass media by representatives of the state, regional and local government, the industrial enterprises and business. Research of demand of qualified workers in the Perm mass media is interesting for us. The analysis of demand of working professions media is presented in this article. The basis of the research are materials, results of the empirical researches which have been carried out in Perm region in 2009 and 2011 by content analysis of the Perm print mass media.

Key words: demand for working professions; skilled workers of the large and small industrial enterprises; modern social reality.

УДК 316.614.5

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ МУЗЕЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А.А. Чернега

Обсуждаются актуальные проблемы и перспективы музея как социального института в России. Статья основана на результатах социологического исследования. Даются некоторые рекомендации для музеев.

Ключевые слова: музей; социальный институт; функции; проблемы музея; социальная польза; социальные перспективы музея.

Из большого числа существующих в современных социальных и гуманитарных науках определений музея [6; 11; 12; 17; 23] мы остановимся на некоторых из них, которые в наибольшей мере отражают социологический аспект анализируемого явления. В узком смысле слова под музеем понимается материальный элемент культурной сферы и учреждение, сохраняющее и использующее в своей работе различные предметы, называемые экспонатами, которые имеют значение для истории и культуры. В широком смысле музей определяется как социальный институт, занимающийся воспитанием индивидов и социальных групп, выполняющий аккумуляцию культуры и передачу ее новым поколениям, а также реализующий другие социальные функции.

Стоит подчеркнуть актуальность данной темы. За последние примерно пятнадцать лет в России заметно актуализировался музейный дискурс. Так, за период с 1995 по 2010 г. произошёл заметный рост числа музеев (прирост составил около 45% [18]). В последние годы все чаще стали появляться новые виды музеев, среди которых музеи современного искусства, арт-галереи, творческие музеи. Происходит развитие сферы виртуальных музеев [7]. Вместе с этим характер тенденции приобрела поддержка различными уровнями власти и общественными организациями нововведений в музеях; данный социальный институт стал активным инструментом продвижения культуры в широкие слои населения. «Регулярно ходить в музеи становится правилом хорошего тона и некой модой», — подчеркнул премьер-министр России В.В. Путин на встрече с руководителя-

ми ряда музеев страны в Саратове в апреле 2012 г. [14].

Люди проявляют заинтересованность в процессах, связанных с потреблением музейных услуг, вследствие чего проводятся всероссийские конкурсы, такие как «Наблюдение за наблюдающим: образ музейного посетителя» [21], специальные акции, например «Ночь в музее». Таким образом, нельзя не отметить факты, указывающие на динамику социальных изменений музея. Однако они практически не изучены социологической наукой.

Ключевой проблемой, которая ставится в рамках исследования, является противоречие между продолжающейся институционализацией музея и отсутствием научного знания об особенностях его функционирования в качестве фактора развития человеческого потенциала в современном российском обществе.

Объектом исследования является музей как социальный институт. В качестве предмета рассматриваются трансформационные процессы, происходящие в музее и в среде, формируемой им, и обеспечивающие его функционирование в российском обществе на современном этапе, а также индикаторы социальной пользы данного института.

Целью работы является изучение особенностей функционирования музея и перспектив его дальнейшего развития в российском обществе.

Важно пояснить методологию научного поиска, которая была применена для написания данной статьи. Ядром методологического обоснования является парадигма социальных фактов [3, с. 15–20]. Поскольку в качестве объекта выбран социальный институт, выполняющий в обществе определенные социальные функции,

то закономерно использование структурно-функционального анализа Т. Парсонса и Р. Мертона [10; 13]. Вместе с этим применяется концепция институционализации Н. Лумана, позволяющая опираться на непрерывность одноименного с концепцией процесса [27]. Проблемный подход к анализу современного этапа институционализации музея в России позволяет выявить существующие ограничения в реализации музеем своих функций [24].

Социокультурный подход (по П. Сорокину) [2; 16] дает возможности для рассмотрения музея в качестве культурного явления, существующего и развивающегося посредством комплекса социальных взаимоотношений. Социокультурная динамика музея является значимым процессом в контексте данной работы.

Однако важным для анализа является и интерпретативный подход [3, с. 54], позволяющий дать объяснение субъективных оценок людей относительно роли и места музея в конструировании их социальной реальности.

Актуальной для исследования является опора на музеологические концепции «открытого-общинного» музея Т. Шолы [6], «живого» музея П. Флоренского [20], музейной коммуникации и «ответного вызова» посетителя Д. Камерона [25; 26]. Данные концепции позволяют рассмотреть социальные аспекты функционирования музея, такие как потребности посетителей; заинтересованность людей и социальных общностей в процессе музеефикации ценностей как форме сохранения культурной памяти.

Прежде чем переходить к эмпирическому анализу, рассмотрим теоретически выделяемые функции музея как социального института.

Сущность функции сбора и документирования артефактов заключается в целенаправленном отражении через данный социальный институт с помощью музейных предметов тех исторических, социокультурных или природных процессов и явлений, которые изучает конкретное музейное учреждение в соответствии со своим профилем и местом в музейной сети.

Далее целесообразно рассмотреть хранительную функцию музея. Под ней подразумевается тот факт, что музей презентуется в ипостаси «оазиса культуры» [1, с. 91] в рамках определенной территории (города, региона, страны, мира). Определенный пласт культуры, социально-культурный (духовный и материальный)

опыт содержится в музее в виде овеществленных экспонатов, а также театральных приемов, перформансов, экскурсионных «ловушек», дискурса. Сохраняя объекты культурного наследия, музей способствует и дальнейшему развитию общества, поступательному движению человеческой истории. Общество посредством музея собирает и конкретизирует артефакты, углубляется в практики их последующего всестороннего изучения.

Следующей функцией музея является гносеологическая (или познавательная). Объекты культурного наследия требуются не только сохранять, но и создавать условия для того, чтобы они занимали необходимую нишу в рамках актуальной культуры общества. По своей сущности музей является «кладом» для потенциальной возможности познания (данный тезис исходит из анализа хранительной функции). Помимо этого, в рамках музейного института функционирует и институт экскурсионного обслуживания. Грамотная организация социального взаимодействия внутри музея повышает познавательные возможности посетителя [8].

Важно отметить функции общения поколений и обучения культурным стандартам. Разработанный Т. Парсонсом структурно-функциональный подход к культуре предоставляет широкие возможности для исследования музея [1, с. 92]. Передаваемость как одна из характеристик культуры у Парсонса является и отличительной функцией музея. Именно через музей передается знание о культурном наследии, представление о культуре прошлого и возникает формирование культуры будущего. Музей как место общения поколений в рамках современного российского общества может стать цитацией улучшения состояния социальной памяти общества [19].

Процесс обучения культурным стандартам, выделенный Т. Парсонсом в определении культуры, имеет прямое и непосредственное отношение к музею. Это связано с наличием у него обучающей функции. Прямое обучение происходит благодаря целенаправленной работе с различными социальными группами посетителей, иногда в интерактивной форме. Косвенное обучение осуществляется практически при любой работе с посетителями — будь то встречи, выставки или экскурсии. Специальные музейные технологии имеют уникальную возможность воздействовать на интеллектуальные, во-

левые и эмоциональные процессы личности одновременно [5].

Музей способен выполнять и воспитательную функцию, в рамках которой осуществляется целенаправленная деятельность по формированию личностных качеств, взглядов, убеждений индивидов.

В тесной связи с этими функциями музея находится и образовательная. В данном случае стоит различать обучение культурным стандартам при помощи посещения музеев и образовательную деятельность, которую способен выполнять этот институт в обществе при использовании и применении различных педагогических технологий и методик, проведении лекций, семинаров и взаимодействия с институтом образования в целом.

Специалисты, изучающие музей, также выделяют научно-исследовательскую функцию данного института, что артикулирует его в качестве совокупности индивидов, норм и правил, учреждений, позволяющих заниматься исследовательской деятельностью в русле разных научных направлений, ориентированных как на внешние по отношению к музею элементы (историографические, искусствоведческие, технические и другие исследования); так и на процессы, обеспечивающие консолидацию внутриинституциональных элементов музея (исследования музейной аудитории при использовании методологических приемов психологии, социологии, педагогики; исследования в области эффективности построения экспозиций и т.д.).

Интегрирующая функция музея способствует формированию социальной сплоченности и социальной ответственности. Объединяясь вокруг какой-то одной цели, люди понимают ее важность для других людей, социальных групп, общностей и общества в целом. Вместе с интеграцией проходит и процесс дифференциации общества. Одноименная функция музея как социального института означает то, что его деятельность дифференцирует людей по интересам и предпочтениям (в зависимости от типов музеев), по отношению к тому или иному музею и тем проблемам, которые в нем могут подниматься.

Не менее важна аксиологическая функция, ориентирующая личность и общество в мире ценностей, формирующая и расширяющая представления об идеалах, нормах, канонах.

Одно из предназначений музея заключается в том, что он является средством удовлетворения досуговых потребностей у индивидов. В этой связи выделяется рекреационно-досуговая функция музея. Существует определенная группа людей, считающая посещение музеев одной из значимых форм досуга для себя. Тенденцией в современных социальных процессах является увеличение позитивного эффекта от данной функции музея как социального института [9], однако в более ранних работах нами были выделены и проблемы, связанные с реализацией музеем данной функции [22].

Значительную роль в музее играет его коммуникативная функция. Коммуникация рассматривается как в определенном роде интеграция за счет межличностных, межпоколенных, социокультурных и других коммуникативных процессов, реализующихся в музее и через него.

Особое место занимает функция социализирующего воздействия. Подход к ее определению достаточно широк. В целом, влияние музея на социализацию личности позволяет последней накапливать уровень своего культурного (в широком смысле слова) потенциала [15], а в будущем реализовывать идеи, полученные через данный институт как проводника культурных традиций и инноваций для развития общества и человека в нем.

Таким образом, музей в современном обществе является транслятором целого спектра социальных функций, как правило, претерпевающих трансформацию.

Триада исследовательских задач, а именно — определение аспектов актуальной социальной пользы музея; анализ проблем его функционирования; выявление перспектив развития данного института при учете проблем и аспектов пользы, способствует реализации ключевой цели данной работы.

Для написания статьи были проанализированы результаты количественного и качественных социологических исследований, проведенных автором. К ним относятся анкетный опрос учащейся молодежи об их представлении о музеях и его проблемах; глубинное и простое интервьюирование посетителей музеев по поводу выявления социальной пользы данного института и перспектив его развития; традиционный анализ документальных источников, в качестве которых выбраны статьи исследователей про-

блем и перспектив развития отечественных музеев; экспертный опрос директоров музеев.

В рамках опроса учащейся молодежи выборка строилась в два этапа. На первом этапе использовался непропорциональный стратифицированный отбор. Основным значимым для исследования признаком стала ступень образования. Основываясь на этом, были выделены три страты: учащиеся 11-го класса школ, студенты 2-го курса вузов, студенты 4-го курса вузов. Дополнительным значимым признаком был пол. На втором этапе из каждой страты случайным образом для опроса выбиралось примерно равное число человек, в том числе и по полу. Всего в исследовании приняло участие 50 человек.

В исследованиях качественного характера применялась выборка доступных случаев. Например, глубинному и простому интервьюированию подвергались посетители ряда музеев Перми и Вологды, согласившиеся побеседовать с интервьюером; для традиционного анализа документов были определены все найденные и при этом содержательно наполненные тексты, релевантные проблеме исследования; по методу «снежного кома» проводился опрос экспертов в Перми, Вологде и Санкт-Петербурге. Полевой этап исследования был проведен в период с ноября 2011 г. по июль 2012 г.

Посетители музеев и опрошенные в рамках исследования эксперты указывают на социально полезные признаки музея в современных условиях. Музей с точки зрения посетителей презентуется в качестве:

- формы коммуникации и средства развития коммуникативных навыков в узком и широком значениях («...хочу быть современным — не отставать от культурных людей»; «...приобщение к вечным ценностям, к прекрасному, к тому, что делает нас гражданами»);

- средства проведения свободного времени на основе синкретизации образовательной и досуговой функций («...посещение музея — это и отдых и возможность узнать что-то новое, информация в музее представлена систематизированным образом»; «...знания в музее получаю через впечатления — это помогает лучше усвоить полезную информацию»);

- места встречи с утраченным («...музей — живой исторический проводник»; «...музей формирует у человека основы исторической памяти, что учит людей не совершать ошибки прошлого»);

- мотиватора к творческой деятельности («...мне хочется творить: петь, рисовать...это чувство музейного чуда»);

- средства воспитания детей («...приобщаем детей к культуре — ходим в музеи, можем ходить по несколько раз в один и тот же музей: сначала посмотрим, на второй раз углубимся, в третий раз — повторим»);

- фактора развития территории («...благодаря некоторым музеям Пермский край стал более популярным, а вдруг у нас будут туристы»);

- вспомогательного, а иногда и основного объекта научно-исследовательской деятельности («...я преподаватель вуза и научный сотрудник, иногда мне нужен тот или иной музей для научной деятельности»; «...когда создавала свой литературный музей, то сразу думала, что буду приобщать школьников к нему... да, мы занимались научно-исследовательскими поисками при помощи нашего музея»).

Эксперты оказали солидарность опрошенным посетителям (исследователем были выделены тождественные категории). Однако они четко выделяют ключевую миссию музея, заключающуюся в ценностном обогащении российского общества, в актуализации таких социальных феноменов, как «семья», «доблесть», «детство», «совесть», «благородство», «национальная гордость» («...духовное обогащение нации необходимо российскому обществу как глоток воздуха»).

Проблемное поле современного российского музея представляет собой систему взаимосвязанных аспектов, патологизирующих эффективное развитие данного института.

В центре этой системы находится процесс смены статуса музея в современном обществе: переход данного института к новым формам существования в обществе и взаимодействия с ним. Основными системными элементами в рамках анализируемой проблематики являются нарушения в области коммуникативной среды музея, проявляющиеся как на ее внутреннем уровне, так и на внешнем. Так, на уровне внутренней коммуникации музея проблемными эпизодами являются недифференцированный подход к работе с посетителями; отсутствие должных коммуникативных практик между различными типами музейных работников; на уровне внешней коммуникации — социальная «закрытость» музея от общества, неразвитость связей музея с широкой общественностью.

«Закрытость» музея влечет за собой проблемы в области музейного менеджмента, в числе которых, прежде всего, малоэффективное использование музейных ресурсов в современных социально-экономических условиях. С этим также связана проблема привлечения молодых специалистов в музей, а также профессионалов и научных сотрудников в провинциальные музеи, что подмывает презентацию музея как вспомогательного научно-исследовательского и образовательного института.

Наряду с этим во многих музеях практически не применяются новые принципы работы с посетителями, активизирующие их познавательные, рекреационные, коммуникативные способности в процессе потребления музейных услуг (например, такими принципами могут быть соучастие, интерактивность и т.д.). В результате этого как опрошенные реальные и потенциальные посетители музеев, так и эксперты выделяют проблему скучности музея, что является условной границей между его посещением по типу «я там был» и эффективным потреблением музейных услуг, формирующим возможности для развития человеческого потенциала.

«Закрытость» музея, малоэффективное использование потенциала его связей с общественностью, концентрация музеев в крупных городах, размывание функций данного института усиливают и без того достаточно индифферентное отношение большинства людей к нему, что является одним из проявлений духовного кризиса российского общества.

Как мы видим из представленного анализа, некоторые аспекты проблематики трансформации музея в современном российском обществе тесно переплетаются с характеристиками его социальной пользы (например, это касается коммуникативных музейных практик). Из этого следует уникальность перспектив развития музея как социального института.

Посетители музеев и авторы проанализированных нами документов указывают на группу внутриинституциональных перспектив развития музея. В основе большинства из них лежит социально полезный принцип соучастия (*participate – interaction*) личности в музее и музея в обществе. Эксперты, участвовавшие в исследовании, шире подходят к рассмотрению перспектив развития музея.

Вместе с переменами внутри музейного института, по их мнению, необходимы структур-

ные изменения в обществе и государстве, такие как развитие сферы символического (духовного) производства; формирование почвы (потребностей и условий) для всестороннего культурного развития общества; пересмотр направлений культурной политики России, включающий в себя формирование программы комплексного развития и поддержки отечественных музеев. Подобными выводами подчеркивается включенность музея в современную социокультурную реальность и зависимость от нее. Особо ценен факт, что внимание на этом заостряют руководители музейных организаций. Это может указывать на готовность музея к сотрудничеству с обществом и государством.

Некоторые функции музея как социального института трансформируются, что также становится одной из причин его социальной полезности. Достаточно высоки социальные перспективы музея, которые связаны с его деятельностью на основе современной инфраструктурной базы, с использованием принципа соучастия. Неизбежно развитие музея в русле комплексного подхода, институциональной гибридизации и синкретизации, развития спектра предоставляемых культурных услуг обществу и реализуемых в нем функций. Такая позиция объясняется тем, что музей в современном российском обществе находится в процессе смены своего статуса: от социально закрытого, «скучного», «пассивного» института к развитому инструменту брендинга и «экономики переживаний», активно действующему субъекту социокультурных процессов. Комплексность выполняемых музеем функций социально полезна в том случае, если она ведет не к размыванию этих функций, а к их эффективной синкретизации. Платформой для адаптации музея к современному обществу служит уже указанный нами ранее принцип соучастия (*participate – interaction*).

Музей как институт, основанный на принципе соучастия, не концентрирует свою работу на передаче одного и того же послания каждому отдельному посетителю. Ключевая цель такого музея — создание коммуникативного поля, обладающего такими свойствами, как комментирование музейных продуктов (в данном случае мы сознательно не прибегаем к понятию экспоната, поскольку это уменьшает возможности современных музеев по презентации перформансов, социальных акций, лекций, научных открытий и т.п.); возможность всестороннего,

детального изучения того, что презентуется в музее за счет применения интерактивных технологий и методик погружения посетителя в музейную среду; обсуждение опыта других людей, полученного в результате подобных погружений и коммуникаций; сотворчество.

Сегодня в российском обществе происходит процесс дальнейшей институционализации музея. Он связан с появлением новых ролей, осваиваемых посетителями, с тенденцией к выработке новых норм и ценностей, которые релевантны различным типам участников институционального взаимодействия, динамикой функционального портрета музея.

Развитие музея происходит под эгидой трансформации данного института от моностилистической культуры к полистилистической. Характерными категориями первой являются: канонизация жанров и стилей потребления (представление о музее как об «историческом проводнике», потребление как осмотр); общественная легитимизация (музей представляется людям как традиционный социально одобряемый институт); упрощение институциональных взаимодействий (тактика «закрытости» музея); упорядоченность (предпочтение классических организационных структур музеев, советский подход к анализу музея). Для второй формы культуры свойственны деканонизация жанров и стилей потребления (институционализация новых типов музеев и современных форм потребления музейных услуг); социально-политический разброс от культурной толерантности к неприятию и критике (представленность полярных позиций: от поддержки новых типов музеев до их резкой критики, в том числе в политическом контексте); усложнение институциональных взаимодействий (использование музеями тактики социальной открытости, создание музейных сетей и связей с широкой общественностью, выход в городское, фестивальное и другие социальные пространства); возможность нарушения упорядоченности (внедрение новых типов организационных структур музеев и новых принципов работы, таких как соучастие посетителей, музей представляется не только как учреждение культуры, но и как социальная площадка форума, игры, творчества и т.д.).

Выявленная в процессе исследования социально значимая форма институционализации — развитие музея в качестве «живого» [4] с применением специальных методов и методик

«оживления» пространства и деятельности. На основе результатов проведенного исследования были разработаны рекомендации в адрес отечественных музеев.

I. Инфраструктурные и организационные:

1. Улучшить музейную инфраструктуру, в частности гардеробы, туалетные комнаты, вентиляционные и световые системы в экспозиционных помещениях. Вместе с этим выставочные пространства стоит оснащать дополнительным (точечным) светом, комплексом специальных маркеров-путеводителей, позволяющих представить экспозицию более продуманной в эстетическом и логическом аспектах.

2. Привлекать к музейной работе людей, обладающих как специальной подготовкой в этой области знания, так и определенными личными качествами: энтузиазмом, мотивацией к труду. Создать условия для повышения профессиональной квалификации сотрудников музеев.

3. В крупных музейных объединениях создать специальные отделы по связям с общественностью, по работе с посетителями, рекламой, фондами, архивами, освобождая тем самым от лишних обязанностей сотрудников музеев-филиалов.

II. Коммуникативные:

1. Составить программы по дифференцированному подходу к различным категориям посетителей (по возрасту, по профессиональному статусу и др.). Создать специальные экскурсионные программы для различных групп посетителей в зависимости от их возраста, профессиональных интересов, музейного опыта.

2. Предоставить посетителям возможность соучастия в музейном процессе:

- презентовать музеи как места встреч, дискуссий, перфомансов;

- внедрить системы комментирования экспонатов, обмена мнениями (в т.ч. при использовании методики проблемных вопросов и голосования) и опытом между посетителями; использовать для этого электронные технологии и средства IT;

- дать возможность посетителям изменять некоторые музейные экспонаты, а также отдельные их признаки и свойства;

- создать творческие клубы при музеях (творческое направление может быть выбрано в зависимости от тематики музея).

3. Использовать интерактивные компьютерные технологии в экспозиционной деятель-

ности, при методике погружения в музейную среду (для формирования эффекта дополнительной реальности) и при актуализации «ответного вызова» посетителей (комментирование и обсуждение экспоната).

4. Проводить актуальные выставки для потенциальной и реальной аудитории музея. Регулярно менять выставки, экспонируемые в музее.

5. Рекламирывать музей и проводимые в нем выставки. Предпочтение стоит отдать Интернету, социальным сетям. Необходимо создавать специальные странички музеев на популярных сайтах (www.vk.com; www.facebook.com и т.п.) и, что немаловажно, постоянно обновлять их новым контентом, включить возможность комментирования этого контента потенциальными и реальными посетителями. Стоит также создавать сайты музеев и актуально их обновлять; делать доступными виртуальные версии некоторых экскурсионных программ музея или знакомства с определенными экспонатами музея.

6. Формировать клуб друзей того или иного музея. Это может быть дополнительным средством как рекламы, так и коммуникации.

7. Использовать методы театрализации и сопровождения выставок и экскурсий аудиовизуальными средствами (видеоматериалы, музыка и т.д.).

8. Проводить систематический мониторинг потребностей потенциальных и реальных посетителей музеев за счет средств комментирования в музее, интернет-ресурсов, а также при помощи проведения специальных социологических исследований — опросов посетителей, наблюдения за потреблением ими музейных услуг. На основании получаемых данных при необходимости стоит изменять какие-либо положения в концепции музея.

9. Совмещать различные виды музейной работы с посетителями (познавательная деятельность, развлечение, коммуникация и т.д.) в целях создания комплексной концепции музея.

10. Прописать в специальных документах условия участия музеев в специальных мероприятиях (например, ими могут быть межмузейные фестивали, проект «Ночь в музее»). Этому может поспособствовать ориентация музеев на сотрудничество с:

- другими музеями (локальной местности, города, региона, страны, мира) с целью формирования и проведения познавательных,

развлекательных, научно-исследовательских и других программ для тех или иных социальных групп (потенциальных и реальных аудиторий музеев);

- учреждениями образования, а также с организациями других отраслей (например, с заводом, больницей, администрацией города и т.п.) с целью формирования новых экспозиций, количественного и качественного расширения возможностей музейного дела.

11. Прописать в специальных документах условия участия музеев в процессах социокультурного проектирования с целью развития культурного и других видов туризма, территориального брендинга, составления концепций культурного развития регионов России. Этому может поспособствовать ориентация музеев на сотрудничество с:

- структурами органов власти;
- туристическими фирмами;
- учреждениями, занимающимися брендингом территорий.

Список литературы:

1. Акулич Е.М. Музей как социокультурное явление // Социс. 2004. №10. С. 89–92.
2. Акулич Е.М. Музей как социокультурный институт: авторефер. дис. ... д-ра социол. наук. Тюмень, 2004.
3. Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М., 1996.
4. «Живой» музей // Музейная энциклопедия «Музеи России». URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?61/> (дата обращения: 11.12.2012).
5. Иванов В.М. Информационные технологии в музейном деле // Музей и проблемы «культурного туризма»: материалы десятого Круглого стола в Государственном Эрмитаже 12–13 апреля 2012 г., СПб, 2012. С. 48–53.
6. Именнова Л.С. Музей в социокультурной системе общества: миссия тенденции, перспективы.: автореф. дис. ... д-ра культурологи. М., 2011.
7. Интервью — в гостях у Александра Суворова // Официальный Интернет-портал «Культура в Вологодской области». URL: http://cultinfo.ru/forindex/interv/suvorov/suvorov_2012.htm (дата обращения: 20.09.2012).
8. Кряжевских М.Ю. Модель коммуникационного пространства музея // Вестник Челябин. гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. 2012. Вып.23. № 4(258).С. 64–67.

9. *Кудрявцева Н.С.* К вопросу о социальной пользе современного музея // Теоретический журнал CREDO NEW. URL: <http://credonew.ru/content/view/1015/65/> (дата обращения: 09.12.2012).
10. *Мертон Р.К.* Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. №2. С. 118–124.
11. *Музейное дело в России* / отв. ред. М.Е. Каулен. М.: ВК, 2005.
12. *Низовский А.Ю.* Величайшие музеи мира. М.: Вече, 2008.
13. *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. №2. С. 94–122.
14. *Премьер и хранители* // Российская газета за 6 апреля 2012 г. URL: <http://www.rg.ru/2012/04/06/putin.html/> (дата обращения: 07.12.2012).
15. *Римашевская Н.М.* Качество человеческого потенциала в современной России // Информационно-исследовательский портал МГУ «Человеческий потенциал России». URL: <http://www.hdi.russia.ru/215> (дата обращения: 10.12.2012).
16. *Сорокин П.А.* Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М., 1996.
17. *Сотникова С.И.* Музеология: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004.
18. *Статистика. Музеи* // Госкомстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_11/IssWWW.exe/Stg/d1/10-03.htm/ (дата обращения: 20.09.2012).
19. *Талаева Н.Е.* Программа развития школьного историко-краеведческого музея им. Д.С. Дохтурова «Вместе формируем личность». URL: http://histana.narod2.ru/issledovatelskaya_i.../programma_razvitiya.doc/ (дата обращения: 25.09.2012) [на правах рукописи].
20. *Флоренский П.А.* Избранные труды по искусству. М., 1996.
21. *Фотоконкурс «Наблюдение за наблюдающим: образ музейного посетителя»* // Сообщество в Живом Журнале. URL: <http://museum-guide.livejournal.com/31658.html> (дата обращения: 20.12.2012).
22. *Хачатрян Л.А., Чернега А.А.* Социальная польза музея для учащейся молодежи: сущность и проблемы // Вестн. Перм. ун-та. Серия: Философия. Психология. Социология. 2012. №2(10). С. 167–172.
23. *Юренева Т.Ю.* Музей в мировой культуре. М.: Русское слово, 2003.
24. *Ясавеев И.Г.* «Социальная проблема» в социологическом лексиконе // Социальная реальность. Журнал социологических наблюдений и сообщений. 2006. №6. С. 101–117.
25. *Cameron D.F., Abbey D.S.* Museum Audience Research // Museum News. 1961. Vol.40, №2. P.34–38.
26. *Cameron D.* Viewpoint: The Museum as a Communications System and Implications for Museum Education // Curator. 1968. Vol.11, №1. P.33–40.
27. *Luhmann N.* Institutionalisierung — Funktion und Mechanismus im sozialen System der Gesellschaft // Helmut Schelsky (Hrsg.). Zur Theorie der Institution. Dusseldorf: Bertelsmann Univ. Verl., 1970. S.27–41.

PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF A MUSEUM INSTITUTIONALIZATION IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Artem A. Chernega

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The actual problems and perspectives of a museum as social institute in Russia are discussed in the article. The article is based on the results of the sociological research. The conclusion gives some recommendations for museums.

Key words: museum; a social institution; functions; problems of a museum; social advantages; social perspectives of a museum.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия «Вестника Пермского университета» (Серия «Философия. Психология. Социология») принимает к публикации научные статьи, содержащие оригинальные авторские идеи и результаты исследований.

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже).

Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Объем статьи до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами). Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Допускаются выделения **полужирным** шрифтом либо *курсивом*, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Не допускается создание рисунка с помощью функции «Рисование». Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки оформляются в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования с обязательным указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3; 5; 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81] или [1, с. 81–82]. Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Обязательно указывается: для *книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для *журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для *материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна иметь название, сопровождаться индексом УДК, а также краткой аннотацией (не более 10 строк) и ключевыми словами (не более 10 слов) на русском и английском языках. К статье прилагается информация об авторе (все позиции на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес (с индексом), телефон, адрес электронной почты. К статье прилагается рецензия научного руководителя (для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями.

Материалы необходимо отправлять по адресу fsf-vestnik@yandex.ru

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

INSTRUCTIONS FOR ENGLISH SPEAKING AUTHORS

The Editing Committee of *Perm University Bulletin* (Part *Philosophy. Psychology. Sociology*) is admitting scientific articles for publication containing the author's original ideas and research results.

Microsoft Word (Version 2003 and below) is used for the preparation of articles. Family of author (or first of coauthors) is name of this file.

Article is submitted electronically (RTF format). The volume of article is up to 40000 signs with gaps). Page format — A4, margins — 2cm on each side.

The main body of the text is done by "Normal" style: Font — Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1cm. **Boldface** or *Italics* are allowed. Special symbols can be used in the text (Symbol font). There must be a clear distinction between the letter O and zero 0; 1 (one), I (Roman), l (Latin); hyphen (-) and dash (). Centuries are written with Roman figures (XIX century). Recommended quotation marks «...», inside the quotations use «...”...”...».

Headings of the main sections of article are done in one style.

Do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables are accompanied by title like «Table № 1. Name of Table». Words in tables should be written in full. Full stop should not be used at the end of headings and units of table.

Drawings should be placed in the text in the form of inculcated objects. Captions are placed under the drawings as «Fig.1. Name of Figure».

Full stop is not used at the end of headings and captions to drawings.

Formulas are done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and below.

Bibliography references are done in one format with the indication of the pages from the cited source. Numbers of source and pages are given in [1, p. 23]. Page references are not advisable.

Reference sources are placed in the alphabetical order. Please indicate: for **books** — surname and initials of author, title, city, publishing house, year of publication, volume, number of pages; for **journal articles, collections of works** — surname and initials of author, title of article, full name of journal, part, year, volume, number, issue, pages; for **conference materials** — surname and initials of author, title of article, name of issue, date and venue of conference, city, publishing house, year, pages.

At the end of article you can mention the name of the program you were involved in for the implementation of this work, or the name of support foundation.

Your article should be supplemented by a brief annotation (no more than 10 lines) and key words (no more than 10 words) in English and in Russian (if it will be possible).

Your article should have information about author: surname, first name, patronymic name, place of work and position, scientific degree, scientific title, mail address (with postal code), telephone, e-mail address. Post-graduate students should have scientific mentor's reference.

The Editing Board has the right to edit text of article with no change of content, without author's consent.

The author of the manuscript takes personal responsibility for originality of the research and relevance of the presented information. The author takes personal responsibility for intellectual property's objects of copyright, used in the manuscript according to current legislation. The author confirms that the paper has not been published before and will not be published in future. Sending manuscript, the author confirms that he or she has been acquainted with these requirements and agrees with them.

Materials should be sent to: fsf-vestnik@yandex.ru

There is no fee for the publication of manuscript

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2013

Выпуск 1 (13)

Редактор *С.Б. Русиешвили*
Корректор *Е.И. Григорьева*
Компьютерная верстка *Д.Г. Трунова*
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 29.03.2013. Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 23,25.
Тираж 500 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного национального исследовательского университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15